

Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2025 Том 25 № 2

В номере: Трудный путь от биполярности к многополярному мироустройству:
к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Научный журнал

Издается с 2001 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61203 от 30.03.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное

учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

К.П. Курyleв,

доктор исторических наук,
профессор, РУДН, г. Москва, РФ
kurylev-kp@rudn.ru

Заместитель главного редактора

О.С. Чикризова,

кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
chikrizova-os@rudn.ru

Ответственный секретарь

М.М. Агазаде,

кандидат исторических наук,
доцент, РУДН, г. Москва, РФ
agazade-mm@rudn.ru

РЕДАКЦИОННЫЙ ОФИС

Никулин Максим Андреевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Рамич Мирзет Сафетович, ассистент, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

Ранджбар Даниал Мешкин, кандидат исторических наук, ассистент, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Аватков Владимир Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий отделом Ближнего и Постсоветского Востока, Институт научной информации по общественным наукам РАН; профессор кафедры международных отношений, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Ачарья Амитав, профессор международных отношений, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Беллами Алекс Джс., директор, Азиатско-Тихоокеанский центр ответственности по защите, профессор по изучению проблем мира и конфликтов, Университет Квинсленда, Австралия; старший советник-нерезидент, Международный институт мира, г. Нью-Йорк, США

Бехера Навиита Чадха, профессор, кафедра политических наук, Университет Дели, г. Нью-Дели, Индия

Бонд Патрик, профессор, Университет Западной Капской провинции, Кейптаун, ЮАР

Жильцов Сергей Сергеевич, доктор политических наук, заведующий, кафедра политологии и политической философии, Дипломатическая академия МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Иррера Даниела, доцент, кафедра политических и социальных наук, Университет Катании; генеральный секретарь, Итальянская Ассоциация политических наук, г. Катания, Италия

Ларионова Марина Владимировна, доктор политических наук, директор, Центр исследований международных институтов, РАНХиГС; профессор, департамент мировой экономики, факультет мировой экономики и мировой политики, НИУ ВШЭ, г. Москва, Российская Федерация

Маркетти Раффаэле, проректор по интернационализации, доцент международных отношений, кафедра политических наук, Университет ЛУИСС Гвидо Карли, г. Рим, Италия

Миттельман Джеймс, профессор, Школа международной службы, Американский университет, г. Вашингтон, США

Мосяков Дмитрий Валентинович, доктор исторических наук, руководитель, Центр изучения стран Юго-Восточной Азии, Австралии и Океании, Институт востоковедения РАН, г. Москва, Российская Федерация

Мотоки Такахаси, профессор, Высшая школа исследований в области международного сотрудничества, Университет Кобе; президент, Японское общество по международному развитию, г. Кобе, Япония

Портяков Владимир Яковлевич, доктор экономических наук, главный научный сотрудник, Институт Китая и современной Азии РАН, г. Москва, Российская Федерация

Рахимов Мирзохид Акрамович, доктор исторических наук, заведующий отделом Центра новейшей истории Узбекистана, Академия наук Республики Узбекистан, г. Ташкент, Республика Узбекистан

Саква Ричард, доктор политических наук, профессор, Университет Кента, г. Кентербери, Великобритания

Сапронова Марина Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра востоковедения, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Тикнер Арлин Б., профессор, факультет политических наук, Университет Росарио, г. Богота, Колумбия

Томани Пьер-Эммануэль, доктор философии, профессор геополитики, Институт социальных, экономических и политических наук; доцент, Университет Лион III, Университет Жана Мулена, г. Лион, Франция

Хейфец Виктор Лазаревич, доктор исторических наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет; представитель Института Латинской Америки РАН в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация

Цыганков Андрей Павлович, кандидат философских наук, доктор философии, профессор, Государственный университет Сан-Франциско, США

Чугров Сергей Владиславович, доктор социологических наук, профессор, кафедра международной журналистики, МГИМО МИД России, г. Москва, Российская Федерация

Шаблага Андрей Владимирович, доктор философских наук, профессор, кафедра теории и истории международных отношений, РУДН, г. Москва, Российская Федерация

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

4 выпуска в год, ежеквартально.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.6.7 – История международных отношений и внешней политики (исторические науки), 5.2.5 – Мировая экономика (экономические науки), 5.5.4 – Международные отношения (политические науки).

Включен в Scopus, RSCI, DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>), базу данных Erih Plus (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu.

Языки: русский, английский.

Официальный сайт журнала: <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Цель и тематика

«Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения» — ведущий российский научный журнал, созданный в 2001 г. По своему содержанию это классический журнал по международным отношениям с особым акцентом на сотрудничество со странами СНГ, странами Глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), а также на международное образовательное сотрудничество и историю международных отношений. Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов кандидатских и докторских исследований по политическим наукам, истории и экономике. Журнал распространяется по подписке, а также рассылается в ведущие вузы РФ по международным отношениям и институты РАН. Электронный дайджест рассылается в ведущие зарубежные исследовательские центры.

Каждый из номеров имеет определенную тематическую направленность, которая задается заранее (не менее чем за 1 год). Статьи по тематике номера составляют его ядро. При этом публикуются статьи и по другим темам, в частности в постоянных рубриках журнала, к которым относятся «Мир и безопасность», «Международное экономическое сотрудничество», «Двусторонние отношения», «Международное образовательное сотрудничество». Журнал приветствует публикацию рецензий. В каждом номере в рубрике «Научные школы» размещаются академические интервью с ведущими исследователями-международниками, работающими в одной сфере, но в разных странах. Приветствуются также статьи на английском языке и статьи с выраженной исследовательской методологией, методами прикладного анализа международных отношений.

Тематический портфель на 2025–2026 гг. следующий:

Выпуск	Тема	Срок подачи рукописей статей
№ 3 2025	Отмечая 70-летие Бандунгской конференции: эволюция роли стран Азии и Африки в мировой политике	Прием статей закрыт
№ 4 2025	Гуманитарные аспекты современных международных отношений	Прием статей закрыт
№ 1 2026	Стратегическая стабильность, глобальная и региональная безопасность	15 июля 2025 г.
№ 2 2026	Международные отношения в цифровую эпоху: новые возможности и традиционные вызовы	15 ноября 2025 г.
№ 3 2026	Региональные аспекты современных международных отношений	15 февраля 2026 г.
№ 4 2026	Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: к 35-летию создания Содружества Независимых Государств	15 апреля 2026 г.

Правила представления рукописей размещены на сайте <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Редактор И.Л. Панкратова

Редакторы англоязычных текстов **А.Ю. Борзова, О.С. Чикризова, Л.Н. Замарайкина**
Компьютерная верстка **Н.А. Ясько**

Адрес редакции:

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Подписано в печать 19.06.2025. Выход в свет 27.06.2025. Формат 60×84/8.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 20,69. Тираж 500 экз. Заказ № 766. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Россия, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Россия, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© Российский университет дружбы народов, 2025

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS

2025 VOLUME 25 No. 2

In this issue: **The Difficult Path from Bipolarity to a Multipolar World Order:
To the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War**

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2

<http://journals.rudn.ru/international-relations>

Founded in 2001

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Professor, Dr. Konstantin P. Kurylev
RUDN University, Moscow, Russia
kurylev-kp@rudn.ru

DEPUTY EDITOR

PhD Olga S. Chikrizova
RUDN University, Moscow, Russia
chikrizova-os@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Mirmehdi M. Aghazada
RUDN University, Moscow, Russia
agazade-mm@rudn.ru

EDITORIAL OFFICE

Daniyal Ranjbar Meshkin, PhD (History), Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Maksim A. Nikulin, PhD (History), Senior Lecturer, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Mirzet S. Ramich, Assistant, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

EDITORIAL BOARD

Alex J. Bellamy, Director, Asia-Pacific Responsibility Center, Professor of Peace and Conflict Studies, University of Queensland, Australia; Senior Non-Resident Advisor, International Peace Institute, New York, USA

Amitav Acharya, Professor of International Relations, School of International Service, American University, Washington, USA

Andrei P. Tsygankov, PhD, Doctor of Philosophy, Professor, University of California San Francisco, San Francisco, USA

Andrei V. Shabaga, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Arlene B. Tickner, Professor, Department of Political Science, University of Rosario, Bogota, Colombia

Daniela Irrera, Associate Professor, Department of Political and Social Sciences, University of Catania, Secretary General of the Italian Association of Political Sciences, Catania, Italy

Dmitry V. Mosyakov, Doctor of Historical Sciences, Head, Center for Southeast Asia, Australia and Oceania, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

James H. Mittelman, Professor, School of International Service, American University, Washington, USA

Marina A. Sapronova, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Oriental Studies, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Marina V. Larionova, Doctor of Political Sciences, Director, Centre for International Institutions Research of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Professor, Department of World Economy of the Faculty of World Economy and World Politics, the HSE, Moscow, Russian Federation

Mirzokhid A. Rakhimov, Doctor of Historical Sciences, Head of Department, Center for Contemporary History of Uzbekistan, Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Navnita Chadha Behera, Professor, Department of Political Sciences, University of Delhi, New Delhi, India

Patrick Bond, Professor, University of the Western Cape, Cape Town, South African Republic

Pierre-Emmanuel Thomann, PhD, Professor of Geopolitics, Institute of Social, Economic and Political Sciences; Associate Professor, University of Lyon III, Jean Moulin University, Lyon, France

Raffaella Marchetti, Deputy Rector for Internationalization, Assistant Professor of International Relations, Department of Political Sciences, LUISS Guido Carli, Rome, Italy

Richard Sakwa, Doctor of Political Sciences, Professor, University of Kent, Canterbury, Great Britain

Sergey S. Zhiltsov, Doctor of Political Sciences, Head, Department of Political Science and Political Philosophy, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Sergey V. Chugrov, Doctor of Sociology, Professor, Department of International Journalism, MGIMO University, Moscow, Russian Federation

Takahashi Motoki, Professor, Graduate School of International Cooperation Studies, Kobe University, President of Japan Society for International Development, Kobe, Japan

Victor L. Jeifets, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Theory and History of International Relations, St. Petersburg State University, Representative in St. Petersburg of the Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russian Federation

Vladimir A. Avatkov, Doctor of Political Science, Director, Department of the Middle & Post-Soviet East Studies, The Institute of Scientific Information for Social Sciences, Russian Academy of Sciences; Professor, Department of International Relations, Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russian Federation

Vladimir Ya. Portyakov, Doctor of Economics, Chief Researcher, Institute of China and Contemporary Asia, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

VESTNIK RUDN. INTERNATIONAL RELATIONS
Published by RUDN University, Moscow, Russian Federation

ISSN 2313-0679 (online); 2313-0660 (print)

Publication frequency: quarterly.

Languages: Russian, English.

Indexed in Scopus, RSCI, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory (<http://www.ulrichsweb.com>), Erih Plus database (<https://dbh.nsd.uib.no/publiseringskanaler/erihplus/>).

Accessible at Russian Index of Science Citation, Electronic Journals Library Cyberleninka, Academia.Edu.

Aims and Scope

Vestnik RUDN. International Relations is a leading Russian scientific journal, established in 2001 by Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University), which holds a top position in terms of student's body internationalization across the CIS and the BRICS (students represent more than 150 countries of the world).

This is a classic journal on international studies with a special emphasis on cooperation with the CIS countries as well as with the Global South (Asia, Africa, and Latin America), international educational cooperation and history of international relations. The journal is distributed by subscription and also on demand to leading Russian IR experts. Electronic digest is sent to the world's leading IR research centers.

The journal is international in topic coverage, editorial board and pull of authors. Being included in the international academic discourse, the journal regularly publishes articles of world recognized experts in international and regional studies from Russia, Europe, Asia and the USA. On the other hand, the edition introduces papers by promising researchers from Asia, Africa and Latin America to present their local (national, regional) vision of world that allow elaborating a balanced approach to facing global challenges.

Each of the issues has, but is not limited to a particular thematic focus, which is set in advance (at least 1 year). Articles on the thematic focus make up the "core" of issue. At the same time other topics are also covered. Constant rubrics include "Peace and Security", "International Economic Cooperation", "Bilateral Relations", and "International Academic Cooperation". The journal welcomes the publication of reviews. Academic interviews with leading researchers on international affairs, working in one area, but in different countries are allocated in every issue in the rubric "Scientific Schools".

Upcoming issues of the Vestnik RUDN. International Relations for 2025–2026 will deal with the following issues:

Issue	Thematic dossier	Deadline for the articles' submission
No. 3 2025	Celebrating the 70th Anniversary of the Bandung Conference: The Evolving Role of Asian and African Countries in World Politics	Submission of articles is closed
No. 4 2025	Humanitarian Aspects of Modern International Relations	Submission of articles is closed
No. 1 2026	Strategic Stability, Global and Regional Security	By July 15, 2025
No. 2 2026	International Relations in the Digital Era: New Opportunities and Traditional Challenges	By November 15, 2025
No. 3 2026	Regional Aspects of Contemporary International Relations	By February 15, 2026
No. 4 2026	Integration Processes in the post-Soviet Space: On the 35th Anniversary of the Commonwealth of Independent States	By April 15, 2026

Vestnik RUDN. International Relations is inviting prospective contributors. Both languages are welcome for articles — English and Russian. For more information on the thematic focus of the upcoming issues of the Journal and on the rules of submitting manuscripts, visit <http://journals.rudn.ru/international-relations>

Editor **I.L. Pankratova**

English text editors **A.Yu. Borzova, O.S. Chikrizova L.N. Zamaraykina**

Computer design **N.A. Yasko**

Address of the Editorial Board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia
Ph. +7 (495) 433-03-98; e-mail: interj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russia

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russia
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

© RUDN University, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Трудный путь от биполярности к многополярному мироустройству: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне

Цыганков А.П., Цыганков П.А. Россия и справедливый мир: как преодолеть новую биполярность?	161
Булва В.И., Бобров А.К. Сетевая дипломатия России в Евразии: от ЕАЭС к Большому Евразийскому партнерству	177
Чэн Г. «Большая стратегия» КНР в контексте китайско-американского стратегического соперничества	191

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Пархитко Н.П., Курылев К.П., Сучилина А.А., Данилова Е.В. Нейтралитет Швеции в годы Второй мировой войны: ретроспективные оценки и современные тенденции	208
Гаврилов А.С., Зуева Е.Г. Образ африканского Другого во французском кино периода распада колониальной империи в 1945–1960 гг.	223

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Базавлук С.В., Ковалев А.А. Информационное противоборство в многополярном мире	236
Попова Е.В., Устюжанцева О.В., Гао Х. Конструирование цифрового суверенитета в медиа России и Китая: анализ больших данных	251

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Никольская М.В., Виноградов В.В. Ага-хан, страны Восточной Африки и образ России: некоторые аспекты деятельности АКДН	267
Власова К.В., Чекирда А.Л. Украинский фактор в греко-российских отношениях: потерянные перспективы и стагнация	284

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Ниязова М.В. Экономические санкции 1960–2022 гг.: цели, структура, влияние	296
Волосюк О.В., Кирога Кремеля К. Китай и страны Глобального Юга: экономическое сотрудничество Уругвая и Китая в начале XXI в.	309

РЕЦЕНЗИИ

Богатуров А.Д. Рецензия на книгу: Цыганков А. П., Цыганков П. А. Глобальность и самобытность. Русская идея и международная теория в XXI веке. Москва: Проспект, 2024. 280 с.	322
Филькевич И.А., Чжан Ц. Рецензия на книгу: Евразийская экономическая интеграция: теория и практика: учебное пособие / ред. колл.: С. Ю. Глазьев, И. В. Андропова, А. К. Камалян и др. Москва: Проспект, 2023. 648 с.	326
Агазаде М.М. Рецензия на книгу: Корнилов А. А. Стратегическая азбука Израиля. Концепции, институты и эксперты в процессе формирования политики национальной безопасности. Н. Новгород: ИП Якушов Ю.И., 2024. 366 с.	330

CONTENTS

THEMATIC DOSSIER: The Difficult Path from Bipolarity to a Multipolar World Order: To the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War

Tsygankov A.P., Tsygankov P.A. Russia and a Just World: How to Overcome the New Bipolarity?	161
Bulva V.I., Bobrov A.K. Russia's Network Diplomacy in Eurasia: From the EAEU to the Greater Eurasian Partnership	177
Cheng G. China's Grand Strategy in the Context of the Sino-US Strategic Rivalry	191

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

Parkhitko N.P., Kurylev K.P., Suchilina A.A., Danilova E.V. Sweden's Neutrality During World War II: A Retrospective Analysis and Modern Tendencies	208
Gavrilov A.S., Zueva E.G. The Image of the African Other in French Cinema During the Collapse of the Colonial Empire, 1945–1960	223

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

Bazavluk S.V., Kovalev A.A. Information Warfare in a Multipolar World	236
Popova E.V., Ustyuzhantseva O.V., Gao H. Constructing Digital Sovereignty in Russian and Chinese Media: Big Data Analysis	251

REGIONAL ASPECTS OF INTERNATIONAL RELATIONS

Nikolskaya M.V., Vinogradov V.V. The Aga Khan, East Africa and Russia's Image: Tracing the Lesser-Known Dimensions of the AKDN's Work	267
Vlasova K.V., Chekirda A.L. The Ukrainian Factor in Greek-Russian Relations: Lost Prospects and Stagnation	284

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

Niyazova M.V. Economic Sanctions, 1960–2022: Targets, Structure, Impact	296
Volosyuk O.V., Quiroga Cremella C. China and the Countries of the Global South: Uruguay and China Economic Cooperation at the Beginning of the 21st Century	309

BOOK REVIEWS

Bogaturov A.D. Book review: Tsygankov, A. P., & Tsygankov, P. A. (2024). Globality and originality. Russian idea and world theory of the 21st century. Moscow: Prospekt publ., 280 p. (In Russian)	322
Filkevich I.A., Zhang J. Glazyev, S. Yu., Andronova, I. V., Kamalyan, A. K., & et al. (Eds.). (2023). Eurasian economic integration: Theory and practice: Textbook. Moscow: Prospekt publ., 648 p. (In Russian)	326
Aghazada M.M. Book review: Kornilov, A. A. (2024). Strategic alphabet of Israel. Concepts, institutions, and experts in the formation of national security policy-making process. Nizhny Novgorod: IP Yakushov Yu. I., 366 p. (In Russian)	330

**ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ:
Трудный путь от биполярности
к многополярному мироустройству:
к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне**

**THEMATIC DOSSIER:
The Difficult Path from Bipolarity to a Multipolar World Order:
To the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War**

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-161-176

EDN: LMNOWM

Научная статья / Research article

Россия и справедливый мир: как преодолеть новую биполярность?

А.П. Цыганков¹ , П.А. Цыганков²

¹Калифорнийский университет Сан-Франциско, США

²МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

 tsygankp@mail.ru

Аннотация. В борьбе за будущий мировой порядок сталкиваются различные концепции справедливого глобального устройства. Внешнеполитические документы России подчеркивают важность установления такого мироустройства, которое было бы многополярным и основанным на диалоге цивилизаций, уважении национального суверенитета и взаимной безопасности. Эти принципы лишь отчасти разделяются другими участниками международных отношений, среди которых по своему идейному и материально-силовому потенциалу выделяются США и Китай. В этой связи нарастание противоречий между этими державами усиливает опасность формирования новой биполярной системы международных отношений. Опыт Ялтинско-Потсдамской системы свидетельствует о склонности биполярной системы к идейно-ценностной конфронтации и силовому разрешению конфликтов. Возникновение такой системы международных отношений стало результатом принципиальных различий в понимании двумя сторонами принципов справедливого мироустройства при сложившемся паритете военно-политических возможностей сторон. Международные правила и институты, включая Устав ООН, оказались неспособны гарантировать мир. Поэтому главным уроком холодной войны следует считать необходимость предотвратить само возникновение биполярности, способной поставить мир на грань войны и даже всеобщего уничтожения. Исследование посвящено анализу угроз формирования новой биполярности в связи с нарастанием в международных отношениях конфликта между США и Китаем. Сегодня эти страны обладают наиболее мощными материально-силовыми возможностями, а также принципиально различными видениями справедливого мира. США со времени холодной войны исходят из универсальности своих идеалов демократии, в то время как Китай предлагает концепцию мировой «гармонии» в соответствии с идеалами экономического развития и признания цивилизационных различий. Избрание Д. Трампа президентом США предполагает пересмотр приоритетов демократии

© Цыганков А.П., Цыганков П.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

в пользу подтверждения американского военно-экономического доминирования в мире. На основе сравнительного и социально-интерпретационного метода делается вывод о вероятности нарастания конфликта между великими державами. России могла бы принадлежать особая роль в формировании многополярного и многостороннего порядка в Евразии как прототипа будущего мироустройства. Условия продвижения в этом направлении связаны с укреплением в регионе военно-политического баланса, развитием межкультурного диалога, экономической открытости и многосторонних институтов.

Ключевые слова: биполярность, холодная война, многополярность, миропорядок, справедливость, США, Китай

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Цыганков А.П.: написание разделов «Введение: уроки холодной войны», «Российская концепция справедливого мира», «Вызов Китая». Цыганков П.А.: написание разделов «Сила, полярность и справедливость в международных отношениях», «Контур новой биполярности», «Сохранение угрозы доминирования США», «Вместо заключения: к новому миропорядку в Евразии». Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Для цитирования: Цыганков А. П., Цыганков П. А. Россия и справедливый мир: как преодолеть новую биполярность? // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 161–176. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-161-176>

Russia and a Just World: How to Overcome the New Bipolarity?

Andrei P. Tsygankov¹ , Pavel A. Tsygankov²

¹State University of San Francisco, San Francisco, USA

²Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

tsygankp@mail.ru

Abstract. In the struggle for the future world order, various concepts of a just global order collide. Russia's foreign policy documents emphasize the importance of establishing a world order that is multipolar and based on the dialogue of civilizations, respect for national sovereignty and mutual security. These principles are only partially shared by other participants in international relations, among which the United States and China stand out in terms of their ideological and power potential. Due to the importance of these powers and the growing contradictions between them, the danger of the formation of a new bipolar system of international relations is increasing in the world. The experience of the Yalta-Potsdam system shows the tendency of the bipolar system to ideological and value confrontation and the use of force to resolve conflicts. The emergence of such a system of international relations was the result of fundamental differences in the understanding of the principles of a fair world order by the two sides with the existing parity of military and political capabilities of the parties. The basis of the fragile peace in the conditions of the bipolar system of international relations became the danger of mutual destruction of the parties with nuclear weapons. International rules and institutions, including the UN Charter, proved incapable of guaranteeing peace. Therefore, the main lesson of the Cold War should be considered the need to prevent the very emergence of bipolarity, which could bring the world on the brink of war and even total destruction. This article analyzes the threats of the formation of a new bipolarity in connection with the escalation of the conflict between the United States and China in international relations. Today, these countries have the most powerful material and force capabilities, as well as fundamentally different visions of a fair world. Since the Cold War, the United States has been guided by the universality of its democratic ideals, while China offers a concept of global "harmony" in accordance with the ideals of economic development and the recognition of civilizational differences. The election of Donald Trump as president implies a revision of democratic priorities in favor of confirming the military-economic dominance of the United States in the world. Russia could play a special role in the formation of a multipolar and multilateral order in Eurasia as a prototype of the future world order. The conditions for progress in this direction are associated with strengthening the military-political balance in the region, developing intercultural dialogue, economic openness, and multilateral institutions.

Key words: bipolarity, cold war, multipolarity, world order, justice, USA, China

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. A.P. Tsygankov: writing the sections “Introduction: Lessons of the Cold War,” “The Russian Concept of a Just World,” “The Challenge of China.” P.A. Tsygankov: writing the sections “Power, Polarity, and Justice in International Relations,” “Contours of the New Bipolarity,” “The Persistence of the Threat of US Dominance,” “In Lieu of a Conclusion: Towards a New World Order in Eurasia.” All authors have read the final version of the article and approved it.

For citation: Tsygankov, A. P., & Tsygankov, P. A. (2025). Russia and a just world: How to overcome the new bipolarity? *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(2), 161–176. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-161-176>

Введение: уроки холодной войны

В теории международных отношений продолжают споры об истоках устойчивости и справедливости мироустройства. Реалисты обращают внимание на важность военно-политического баланса сил, в то время как либералы исходят из приоритетности развития международных правил, норм и институтов. Эти споры, однако, будут носить излишне абстрактный характер, если осмысливать военно-политические и институциональные реалии вне национально-культурного контекста. В мире, разделенном национальными и культурно-цивилизационными границами, неизбежны различия в понимании того, что является правильным и справедливым.

Такого рода различия наглядны в понимании биполярности периода холодной войны. США и западные страны видели истоки этой войны в основном в глобальной угрозе распространения коммунизма, а также стремлении западного мира сдерживать эту угрозу и защищать идеалы свободы и демократии в мире. Предполагалось, что эти идеалы станут основой справедливого мироустройства.

Для СССР, принявшего участие в создании Организации Объединенных Наций (ООН) как институциональной основы международной системы, и для современной России главным принципом Устава Организации является суверенное равенство государств. Следовательно, справедливость подразумевает взаимное признание сторон и различий их систем при соблюдении взятых на себя международных обязательств. Поэтому советские руководители усматривали истоки холодной войны в стремлении Запада навязать Европе и СССР свои ценности

и интересы вопреки нормам суверенного равенства и Ялтинско-Потсдамским соглашениям. В частности, американский план Маршалла по переустройству послевоенной Европы был встречен И.В. Сталиным, В.М. Молотовым и другими руководителями СССР как стремление США к экспансии и неуважение достигнутых договоренностей.

Таким образом, возникновение биполярной системы международных отношений стало прежде всего результатом принципиальных различий в понимании двумя сторонами принципов справедливого мироустройства. Другим определяющим фактором стал сложившийся паритет военно-политических возможностей СССР и США. Родившись из череды войн и опасных кризисов, таких как Корейская война, Берлинский и Карибский кризисы, военно-стратегический паритет сделал невозможным продвижение одной из соперничающих сторон своей концепции справедливости исключительно с опорой на силу. Основой хрупкого мира в условиях биполярной системы международных отношений стала опасность взаимного уничтожения сторон ядерным оружием. Международные правила и институты, в том числе Устав ООН, оказались неспособны гарантировать мир. Поэтому главным уроком холодной войны следует считать необходимость предотвратить само возникновение биполярности, способной поставить мир на грань войны и даже всеобщего уничтожения.

Исследование посвящено осмыслению отношений США и Китая, причин нарастания их конфликта и формирования новой биполярности в международных отношениях. Приход к власти в США Д. Трампа еще более обострил их противостояние в связи

с политической конкуренцией и различными концепциями справедливости, продвигаемыми каждой из сторон.

Избранный нами исследовательский подход к осмыслению характера и перспектив развития международных систем сочетает в себе идеи конструктивизма и реализма. Если реалисты исходят из принципиальной важности баланса сил для поддержания мира (Wagner, 1994), то конструктивисты обращают внимание на сопоставимость национальных идей и ценностей в международных отношениях (Sutch, 2001; Reus-Smit, 2018). Идея справедливости — одна из важнейших в мотивации поведения, и при определенных условиях государства готовы отстаивать свою идею справедливости даже при отсутствии для этого материально-силовых ресурсов.

Исследование призвано ответить на вопросы о том, когда идея справедливости приобретает первостепенное значение для международных отношений и как они могут развиваться, если государства руководствуются различными идеями справедливости, но обладают сопоставимыми силовыми возможностями.

Гипотеза исследования может быть сформулирована следующим образом: при наличии глубоких различий в понимании международной справедливости великими державами их конфликт становится более вероятным, поскольку несовпадение взглядов на характер справедливой международной системы способствует усилению взаимного недоверия сторон и возможного восприятия друг друга в качестве угрозы. Вероятность конфликта возрастает в условиях паритета военно-силовых возможностей сторон, особенно если стороны убеждены в необходимости использования этих возможностей для сохранения своих позиций в международной системе, и если в ней отсутствуют державы, чьи силовые возможности могут способствовать изменению сложившегося баланса сил¹.

¹ Поэтому биполярные системы могут быть даже более опасны для международной стабильности, чем многополярные. О стабильности биполярных систем сложилась значительная литература (см.: (Waltz, 1964)). Противоположную точку зрения высказывали

Для России формирующееся американо-китайское противостояние тем более опасно, что она не обладает материально-силовым потенциалом второй половины XX в. и способностью политически примирить различающиеся американские и китайские концепции справедливого мироустройства. Тем не менее, действуя в партнерстве с другими ответственными державами, Россия могла бы способствовать преодолению опасного сползания современного мира в сторону биполярности.

Во-первых, она остается великой державой, способной снизить остроту американо-китайского напряжения и стимулировать формирование многополярного мира.

Во-вторых, России принадлежит значительная роль в формировании новой институциональной архитектуры мира, которая в перспективе могла бы смягчить опасность биполярного конфликта.

В-третьих, Россия исторически выступала за открытость торгово-экономических связей и межцивилизационный диалог в Евразии и за ее пределами.

В целях раскрытия темы используются сравнительный и социально-интерпретационный методы. Сравнительный метод позволяет рассмотреть отношения крупных держав в динамике, выявив основные показатели их политического и материально-силового развития. Этим методом пользуются исследователи реалистского направления. Второй метод, используемый конструктивистами, связан со стремлением выявить особенности понимания международной ситуации различными участниками международных отношений, то есть рассматриваемых нами крупными державами. Этот метод требует анализа заявлений политических лидеров, позволяя не упустить из виду особенности субъективного восприятия мировых процессов.

другие представители реализма, включая (Deutsch & Singer, 1964). Из недавних обзоров см.: (Kuklinski, Mitchell & Sands, 2020). В российских исследованиях также сложилась значительная литература о международных системах. См., например: (Истомин, Байков, 2019; Сафранчук, Лукьянов, 2021; Международная безопасность..., 2020).

Структурно статья делится на несколько разделов. В первом — ставятся вопросы о соотношении таких понятий, как справедливость, сила и полярность. Во втором разделе описываются контуры новой биполярности, в третьем — анализируется российская концепция справедливости. Четвертый раздел посвящен выявлению сохраняющихся в современных условиях угроз глобального доминирования США на основе американской концепции справедливого мироустройства. Эта концепция представляет опасность для Китая, России и ряда других держав, включая и некоторых европейских союзников США. В пятом разделе изучаются китайские идеалы справедливого мира. Применительно к России они предполагают не только возможности совместного противодействия угрозам со стороны Запада, но и выступают в качестве альтернативы российской концепции справедливости. Китай не демонстрирует готовности сделать свою концепцию справедливости более открытой для участия ряда западных и незападных стран. России в китайском мироустройстве будущего отведена менее значимая роль, чем та, которой желало бы российское руководство. Заключительный раздел содержит более подробный анализ возможностей преодоления американо-китайской биполярности в рамках приоритетного для России Евразийского региона.

Сила, полярность и справедливость в международных отношениях

В современной литературе о международных отношениях происходит переосмысление отношений реализма и конструктивизма. Реалисты продолжают исходить из стремления государств к обеспечению национальной безопасности и суверенитета и приоритета баланса сил в поддержании мира. В то же время одно из новых направлений реализма — неоклассический реализм — в большей степени склонен воспринимать важность «мягких» субстанций вроде идей и ценностей для понимания того, почему государства по-разному воспринимают друг друга и могут вступать в конфликты (*Neoclassical Realist Theory of International Politics*, 2016).

Со своей стороны конструктивисты, особенно если исходить из широкого понимания этого направления, включая в него и постструктуралистов, теперь нередко осмысливают значение идей в их политическом и властном измерении. Для конструктивистов важно понять, каким образом национальные идеи могут способствовать выстраиванию лучшего понимания международного окружения и освобождению от его внешнего политического и цивилизационного давления. На этом основании некоторые исследователи предлагают рассмотреть возможность синтеза некоторых идей реализма и постструктуралистской/постколониальной теории (Karkour, 2022). И хотя их полное синтезирование едва ли возможно в силу различия подходов и допущений, развитие диалога между реализмом и конструктивизмом может способствовать лучшему пониманию процессов межгосударственного взаимодействия.

Такое взаимодействие конструктивизма и реализма также может приблизить нас к пониманию проблематики формирования международных систем, в которых переплетаются между собой материально-силовое и идейно-цивилизационное измерения. Современные исследования международных систем существенно отошли от привычного западного канона и рассматривают их не только как результат Вестфальского мира, но и как следствие деятельности незападных держав и их цивилизационных ценностей (Zarakol, 2022). Согласно этим исследованиям, функционирование международных систем обуславливается как отличающимися цивилизационными ценностями, так и конфигурациями властных отношений между крупными державами (Burbank & Cooper, 2010; Mankoff, 2020). Во внешнеполитическом преломлении таких отношений идейно-цивилизационные представления государств синтезируются в идее справедливости, которую можно определить как национальные представления о правильном устройстве международных отношений и лежащих в их основании правил. Естественно, у каждого крупного народа и государства идеи справедливости будут достаточно самобытны, являясь результатом национальной истории, традиций и стратегической культуры.

Следовательно, для лучшего понимания международных систем важно учитывать, во-первых, как в их рамках согласуются между собой идеи основных акторов о справедливости международного порядка, во-вторых, их материально-силовой потенциал, а в-третьих, количество ключевых акторов в системе. Также особенно важно проанализировать взаимодействие ценностных и политических отношений наиболее крупных, системообразующих держав, таких как СССР и США во время холодной войны или США, Китая, России и Индии в настоящее время. Великие державы крайне чувствительны к ближайшему географическому окружению и стремятся оказывать на него воздействие, используя имеющееся у них политическое и культурно-цивилизационное влияние. Во избежание конфликтов эти державы стремятся сформировать взаимопонимание с другими относительно трех важнейших вопросов:

- 1) географических сфер политического и культурного влияния за пределами своих национальных границ;
- 2) международного баланса сил;
- 3) пределов внешнего вмешательства в свои внутренние дела.

Сформировать такое понимание удастся далеко не всегда в силу политической конкуренции и недоверия крупных стран друг к другу. Это особенно сложно достигается в биполярных системах с радикально отличающимися идейно-цивилизационными представлениями основных акторов.

Контуров новой биполярности

Современный мир пока что далек от того, чтобы быть биполярным в том смысле, в котором им являлся мир после окончания Второй мировой войны. Биполярность холодной войны основывалась на разделенности мира по идейно-ценностным, военно-политическим и экономическим границам. Сегодня же, несмотря на ослабление процессов глобализации, сохраняется высокая степень экономической и информационной взаимозависимости. В мире развиваются процессы политической и ценностной поляризации между сторонниками традиционных и либерально-

модерных ценностей, но участники конфликта ценностей нередко проживают в одних и тех же обществах и не разделены территориально-политическими границами, как во время холодной войны, когда одна сторона исходила из неизбежности исчезновения другой как условия своего выживания и развития. В тех условиях противостояли современные идеологии либерализма и социализма, в то время как сегодня речь идет о противостоянии ценностей и образа жизни, а не идеологических нарративов.

В отличие от периода биполярности в современном мире доминируют процессы распада системы западной гегемонии. Исследователи не раз обращали внимание на ускоряющиеся тенденции разрушения и распада различных международных институтов и подсистем. Например, авторы Валдайского доклада еще в 2018 г. использовали для описания тенденций распада метафору «осыпания» миропорядка, полагая этот процесс необратимым и констатируя невозможность воссоздания основ глобального регулирования². Очевидно, что процессы преодоления нестабильности и формирования основ нового миропорядка займут немало времени в условиях стремления слабеющего Запада удержать свои доминирующие позиции.

Тем не менее в аргументах тех, кто считает основой современного мира новую холодную войну и связанную с ней биполярность, немало справедливого. На опасность противостояния Запада России и Китаю указывали российские исследователи, которые связывали такое противостояние с попыткой Запада переиграть мировое соотношение сил в свою пользу³. Среди западных исследователей сходные идеи «новой холодной войны»

² Барабанов О., Бордачёв Т., Лисоволик Я., Лукьянов Ф., Сушенцов А., Тимофеев И. Жизнь в осыпающемся мире // Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». 2018 (Октябрь). URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/zhizn-v-osypayushchemsya-mire/?ysclid=m5kvgecfv9y272206474> (дата обращения: 24.12.2024).

³ Karaganov S. Russian Foreign Policy: “We Are Smarter, Stronger and More Determined” // Sergey Karaganov. July 11, 2016. URL: <https://karaganov.ru/en/we-are-smarter-stronger-and-more-determined/> (accessed: 24.12.2024). См. также: (Karaganov & Suslov, 2018).

высказывали, в частности, Р. Легвольд и Р. Саква (Legvold, 2016; Sakwa, 2023a; 2023b).

Новая биполярность пока не является фактом, но отмеченные нами военно-политические и идейно-ценностные измерения американо-китайских противоречий указывают на возможность движения мира в этом направлении. Даже те, кто склонны преувеличивать тенденции конфронтации в мире, нередко верно ухватывают смысл важных тенденций в международных отношениях. США уже вполне осознали, что Китай никогда не стремился к полной экономической и идейной интеграции в западную систему международных институтов, желая лишь получить новые возможности для национально-го развития. Запад же, и США в частности, исходили из того, что такая интеграция рано или поздно произойдет и будет способствовать закреплению западного доминирования.

Наращение движения к биполярности связано с осознанием Соединенными Штатами ослабления своих позиций перед растущим Китаем и неготовностью последнего менять свою политику под американским давлением. Избрание Д. Трампа президентом США в 2016 г. привело к изменению американской политики. Упор был сделан на лишение Китая привилегированного доступа к международным рынкам и достижение превосходства США в области торговли и технологического развития. Вашингтон стремился саботировать или хотя бы замедлить укрепление позиций Китая в мире. Со времени избирательной кампании Д. Трамп настаивал на утверждении в мире принципа *America First*. В его послужном списке — сделка и продолжающиеся переговоры с Китаем о более выгодных условиях в торговле, давление на телекоммуникационную компанию *Huawei*, разыгрывание «тайваньской карты» путем продвижения членства Тайваня в ООН, продолжение сдерживания Китая в Тихом океане и многое другое.

В военной доктрине США зафиксировано, что Китай рассматривается в качестве главного конкурента Америки в мире⁴. На

⁴ Новая военная доктрина США: «Не мешайте противнику шагать в пропасть» // Регнум. 22.01.2018.

волне развития коронавируса Китай обвиняли в утечке вируса из правительственной лаборатории в Ухане, угрожая санкциями и требуя финансовой компенсации. Поднимался и вопрос о триллионной компенсации, которую Китай должен заплатить за свои «злонамеренные» действия⁵. При этом республиканцы и демократы в основном одинаково негативно настроены против Китая, хотя в процентном соотношении эти настроения отличны. В 2020 г. такое негативное восприятие, согласно опросу *Pew Foundation*, было характерно для 72 % республиканцев и 62 % демократов⁶. Синофобия была призвана усилить позиции США в мире и облегчить выход Америки из поразившего ее кризиса национальной идентичности (Цыганков, 2020).

Политика Дж. Байдена после 2020 г. стала продолжением политики Д. Трампа, но с еще более активной поддержкой Тайваня и перестройкой тихоокеанских союзов ради военно-политического сдерживания Китая. Дж. Байден был убежден, что мировой порядок невозможен без сохранения американского доминирования, и стремился упрочить связи с союзниками в рамках противостояния «демократий» и «автократий». Он считал необходимой «жесткость» в отношениях с Китаем в целях противостояния «репрессивному» государству и сохранения за США позиций лидерства. Дж. Байден повторил известную мысль времен Б. Обамы, согласно которой правила мирового порядка и мировой торговли должны быть написаны США, а не Китаем⁷.

URL: <https://regnum.ru/news/2370721#!> (дата обращения: 20.12.2024).

⁵ США оценили ущерб миру от пандемии в \$9 трлн // РБК. 20.05.2020. URL: <https://www.rbc.ru/politics/20/05/2020/5ec559329a79474abfe3c610> (дата обращения: 20.12.2024).

⁶ Devlin K., Silver L., Huang Ch. U.S. Views of China Increasingly Negative Amid Coronavirus Outbreak // Pew Research Center. April 21, 2020. URL: <https://www.pewresearch.org/global/2020/04/21/u-s-views-of-china-increasingly-negative-amid-coronavirus-outbreak/> (accessed: 24.12.2024).

⁷ Biden J. R., Jr. Why America Must Lead Again: Rescuing U.S. Foreign Policy After Trump // Foreign Affairs. January 23, 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com>.

Второй президентский срок Д. Трампа сулит продолжение и углубление конфликта, ведущего к биполяризации международных отношений. Если Дж. Байден еще стремился к сохранению глобальной экономической и политической открытости в том смысле, как их понимают в западных либеральных кругах⁸, а также предпринимал шаги по вовлечению Китая в диалог, то при Д. Трампе следует ожидать иной политики. Он вдохновляется идеями националистов, преследующих цель не вести за собой мир, а становиться сильнее и самостоятельнее за счет остального мира. Националисты стремятся не к согласованию интересов, а силовому навязыванию своего понимания принципов международного взаимодействия.

При этом Китай отнюдь не склонен становиться зависимым от жесткой политики США. Китайское руководство принципиально не изменило своих подходов ни в вопросах торговли и технологии, ни в интеграции Тайваня, ни в укреплении политических союзов в мире. Последнее стало очевидным на этапе российско-западного противостояния во время ведения Россией специальной военной операции (СВО) на Украине. Хотя китайское руководство не оказало России значимой военной поддержки и выступило с особой позицией по урегулированию конфликта, в целом политика Китая не может считаться уступающей давлению США. Китай сохранил большинство имеющихся направлений экономического сотрудничества с Россией, не поддержал западные санкции и углубил не связанные с СВО военно-политические связи с северным соседом. Получив определенный выигрыш от антироссийских санкций, касающихся, например, цветных металлов, нефтегазовых проектов или автопрома, Китай тем не менее, по мнению многих экспертов, не обнаружил склонности к их одностороннему

использованию. Более того, санкции подстегнули обоюдное сотрудничество⁹.

Описанное движение к новой биполярности усугубляется, как и во время холодной войны, слабостью международных институтов и необходимостью для США и Китая поддерживать образ внешнего врага в целях внутренней консолидации. Последнее особенно характерно для США, переживающих внутренний кризис национальной идентичности. В отношениях с внешним миром этот кризис выражается в поиске тех, на кого можно было бы списать проблемы страны, — «исламистский терроризм», «путинский режим» и «репрессивное» китайское государство. Сегодня Китай наряду с Россией, Ираном и Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) рассматривается в качестве главной долгосрочной угрозы США. Встроенность отмеченного конфликта ценностей в глобальное политическое противостояние способствует его радикализации. Одни претендуют на «универсальность» своих ценностей, другие настаивают на их «уникальности», но и те и другие исходят из своего морального превосходства. Ни Китай, ни Россия не готовы мириться с западными претензиями на универсальность и сохранение доминирования в мире. Мир остается взаимосвязанным, но в результате роста противоречий США и Китая все более фрагментируется по военно-политическому, экономическому, технологическому и информационному признакам.

Российская концепция справедливого мира

В условиях нарастания конфликта между США и Китаем значительная роль принадлежит идеям, способствующим переводу конфликта в сферу конструктивного взаимодействия. В связи с этим заслуживает внимания стремление российского руководства сформулировать идеи и политику формирования

com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again (accessed: 09.07.2024).

⁸ Brands H., Feaver P., Inboden W. In Defense of the Blob: America's Foreign Policy Establishment Is the Solution, Not the Problem // Foreign Affairs. April 29, 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-04-29/defense-blob> (accessed: 09.07.2024).

⁹ От антироссийских санкций выигрывают китайцы // Росийско-Азиатский союз промышленников и предпринимателей. 02.02.2018. URL: https://raspp.ru/press_about/ot-antirossiyskikh-sanktsiy-vyigryvayut-kitaytsy/?ysclid=ma3zf24qhh13423062 (дата обращения: 01.12.2024).

многополярного мира, в котором важную роль играли бы дипломатия, многосторонние институты и диалог цивилизаций.

Как и Китай, Россию не устраивает стремление США к глобальному доминированию, ведущее к игнорированию российских интересов безопасности. Внешнеполитические документы России провозглашают формирование многополярного мира, в котором западные страны рассматриваются в качестве равных, а не привилегированных партнеров¹⁰. Расширение Организации Североатлантического договора (НАТО), размещение элементов противоракетной обороны (ПРО) в непосредственной близости к российским границам, военная поддержка Украины и введение широкомасштабных санкций против России не могли не способствовать усилению в Кремле позиций сторонников жесткой линии в отношениях с Западом.

Помимо стремления к многополярности российское руководство стремится развивать многосторонние форматы, вовлекая в них, помимо Китая, крупные страны Глобального Юга и Евразийского региона. Одновременно Россия официально позиционирует себя в международных отношениях как государство-цивилизацию, открытую для диалога с Западом и Востоком¹¹. В результате обострения отношений с Западом в связи с конфликтом на Украине российское внешнеполитические акценты сместились на незападные страны. Глобальная справедливость понимается в данном случае не только как преодоление разделительных линий в мировой политике, но и как политика, отвечающая интересам «мирового большинства».

За время СВО Россия укрепила отношения с Китаем, Индией и другими странами Глобального Юга, извлекая выгоду из своего экспортного потенциала сельскохозяйственной и энергетической продукции. Со своей стороны, такие страны, как Турция, Китай,

Индия, Южно-Африканская Республика (ЮАР), Бразилия и др., увеличили свою мощь и дипломатический статус, предложив различные инициативы по прекращению войны на Украине и достижению нового международного урегулирования (Rewizorski, 2025). Еще предстоит увидеть, как эти инициативы будут способствовать прекращению конфликта России с Украиной и Западом. Одним из возможных результатов может стать то, что окончание конфликта закрепит глобальный переход от американской «однополярности» к качественно иному состоянию мира. Не исключается и вероятность того, что мир станет более раздробленным и разделенным.

В марте 2023 г. в ответ на вышеуказанные международные изменения Россия приняла новую Концепцию внешней политики, в которой главным приоритетом стало утверждение себя в качестве «государства-цивилизации, обширной евразийской и евро-тихоокеанской державы»¹². Впервые за постсоветские годы отношения с западными странами не были обозначены как приоритетные. Вместо этого упор был сделан на устранение «рудиментов доминирования США и других недружественных государств в мировых делах». Заявленные приоритеты российского государства включают развитие двусторонних отношений со странами Африки, Азии и Ближнего Востока, а также создание международных институтов за пределами Запада, таких как БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), РИК (Россия, Индия, Китай) и др. В отношениях с Западом Россия намерена руководствоваться «сложными реалиями многополярного мира», надеясь, что будущее позволит и Западу руководствоваться этими реалиями, отказавшись от «конфронтационной политики и гегемонистских амбиций» в пользу «диалога и сотрудничества»¹³.

Таким образом, впервые за постсоветские годы Россия выстраивает отношения с внешним миром, не считая Запад центральным

¹⁰ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // МИД России. 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 24.12.2024).

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Там же.

участником международной системы. После 30 лет попыток исходить из такого понимания Россия открывает новую главу в своей внешней политике, соответствующую становлению международной системы и мирового порядка без доминирования в них западных интересов и ценностей.

Сохранение угрозы доминирования США

Угроза новой биполярности напрямую связана с отмеченной выше решимостью США сохранить доминирование в международных отношениях. В политике страны эта угроза сопряжена как с отсутствием внутри Америки внятно сформулированной идейной альтернативы сохранению глобальной гегемонии, так и наличием у страны значительных возможностей навязывать миру такую гегемонию.

Несмотря на то, что США являются сегодня внутренне расколотой страной, этот раскол пока не привел к формулированию идеологии «нормальной» страны, признающей равенство ценностей и интересов всех участников международных отношений. Раскол между Д. Трампом и его сторонниками, с одной стороны, и представителями либерального истеблишмента — с другой, не ведет к отказу от мирового доминирования. Наоборот, сопровождающую кризис идентичности поляризацию страны предполагается преодолеть именно посредством укрепления глобальной гегемонии США. Внутренний кризис может быть преодолен путем сплачивания политического класса страны вокруг идей доминирования «свободного мира» и противостояния Китаю и бросающим вызов Америке странам. Разногласия между республиканцами и демократами существенны, но затрагивают различное понимание ими роли, отводимой остальному миру в закреплении американского превосходства. Если республиканцы во главе с Д. Трампом делают упор на силу и принуждение, то демократы хотели бы «управлять миром» при помощи создаваемых для этого организаций, союзов и институтов.

В качестве примера такого рода предлагаемых миру «решений» можно рассматривать политику американского политического истеблишмента в вопросе урегулирования конфликта России и Украины. Представленные администрацией Дж. Байдена демократы, как известно, не приветствовали диалог с российским руководством, выступая за военное усиление Киева и стратегическое ослабление Москвы. Диалог с Россией рассматривался как опасная уступка, чреватая усилением позиций стратегического противника и ведущая к подрыву мирового порядка, «основанного на правилах» Вашингтона. Однако и рассматриваемые Д. Трампом решения исходят из политики силы и сохранения американского доминирования и включают в себя сохранение за Россией новых территорий при условии включения остальной части Украины в орбиту Запада и ослабления российско-китайского партнерства¹⁴. Главной заботой США остается закрепление своих позиций в Европе и Евразии путем получения значительных преимуществ в ходе переговоров о завершении конфликта.

При этом у США сохраняются немалые военные, политические, экономические и медийные возможности для того, чтобы остаться на позициях доминирующей мировой державы. В военно-ядерном отношении с ними пока не может сравниться никто, кроме России. В финансово-экономической области американские позиции сильнее многих. Американский доллар остается основной резервной валютой в мире, хотя ситуация далека от стабильности, учитывая размер внешнего долга, растущую долю недолларовых транзакций и понизившийся авторитет США в мире. При определенных условиях геополитического обострения обвал доллара возможен, но пока США сохраняют и даже укрепляют свои позиции.

В энергетической сфере влияние США усилилось в результате подрывов «Северного

¹⁴ Трамп пообещал разъединить Россию и Китай при победе на выборах // РИА Новости. 01.11.2024. URL: <https://ria.ru/20241101/trump-1981274203.html> (дата обращения: 24.12.2024).

потока» и отказа Европы от российских нефти и газа. Возвращение к власти Д. Трампа создает новые стимулы для развития американской энергетической промышленности. Кроме того, США сохраняют наиболее обширную в мире сеть масс-медиа.

В целом позиции США в мире связаны не только с военными, политическими, экономическими и медийными возможностями, но и с тем, что Соединенным Штатам пока не было нанесено ни одного крупного поражения. Бесславные войны в Ираке, Ливии и Афганистане завершены, но США вывели войска, сохранив лицо перед собственным населением и настаивая, что поставленные задачи были решены. Армия не утратила боеспособности, позволяя Вашингтону отстаивать им же установленный, «основанный на правилах» миропорядок. В связи с указанными причинами с США предпочитают жить в мире и договариваться по всем основным вопросам.

Постепенное отвоевывание некоторых новых позиций в международной системе или их захват явочным порядком со стороны Китая, России, Турции и др. пока принципиально не изменили общей динамики мира. Во многом эту динамику можно описать не только как формирование многополярности, но и как кризис однополярности и относительное — возможно, в чем-то обратимое — снижение возможностей сверхдержавы. На основании опыта холодной войны и периода после ее завершения не приходится сомневаться в решимости США и далее использовать имеющиеся у них возможности для подавления любого сопротивления своему доминированию в мире. Эта решимость будет замедлять и без того сложно протекающий процесс перехода к новому мировому порядку.

Вызов Китая

По совокупному потенциалу экономических, военных и иных возможностей Китай стал самым значительным противником для США в реализации их глобальных амбиций. Наблюдатели впервые заговорили о возможности холодной войны между двумя странами, когда Дж. Байден обозначил свои планы

противостоять Китаю как важнейшему конкуренту США¹⁵. США и Китай расходятся по большинству важных вопросов, включая права человека, военную помощь Тайваню со стороны США, отношения Китая с соседями и статус Южно-Китайского моря, экономическую и технологическую политику Пекина, помощь России в преодолении западных санкций и др. Несмотря на замедление экономического роста и ряд структурных проблем, возможности Пекина остаются огромными. Справившись с кризисом COVID-19, китайское руководство не поддавалось давлению, требующему пересмотра двусторонней торговли и политики развития технологий на условиях, выгодных США.

При этом партнерство с Россией усиливает возможности Китая в сопротивлении глобальному американскому доминированию. В связи с этим Пекин наращивает экономическое и военное сотрудничество с Москвой. Из-за всеобъемлющих санкций Запада против российской экономики последняя резко переориентировала свой экспорт энергоносителей на азиатские и незападные рынки, в результате чего двусторонняя торговля с Китаем выросла более чем вдвое — до 240 млрд долл. США¹⁶. Военное партнерство двух стран выражается в регулярно проводимых совместных военных учениях, сотрудничестве в противовоздушной обороне и достижении зафиксированного в договоре от 2001 г. отношения «равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия»¹⁷. В Пекине связывают СВО России с непризнанием

¹⁵ Lewis S., Pamuk H. Biden Administration Singles Out China as 'Biggest Geopolitical Test' for U.S. // Reuters. March 4, 2021. URL: <https://www.reuters.com/article/world/biden-administration-singles-out-china-as-biggest-geopolitical-test-for-us-idUSKBN2AV28B/> (accessed: 12.12.2024).

¹⁶ Объем двусторонней торговли между Китаем и Россией поставил новый рекорд // Сектор Медиа. 28.11.2024. URL: <https://sectormedia.ru/news/riteyl/obem-dvustoronney-torgovli-mezhdu-kitaem-i-rossiey-postavil-novyy-rekord/> (дата обращения: 24.12.2024).

¹⁷ Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Президент России. 16.07.2001. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 04.12.2024).

Западом российских интересов безопасности и опасаются усиления агрессивности США в случае российского поражения. По мнению китайских экспертов, Пекин сможет лучше защитить свои интересы в различных областях посредством стратегического сотрудничества с Россией (Leksyutina, 2024). 24 февраля 2023 г. МИД Китая предложил мирный план, в котором не содержалось осуждения действий России и требований о выводе российских войск с территории Украины. Вместо этого план предусматривал прекращение огня, защиту гражданского населения и немедленное начало мирных переговоров¹⁸.

Вместе с тем усиление оси «Китай — Россия» против США и их союзников укрепляет вероятность движения к биполярной системе международных отношений. Такая биполяризация может стать результатом не только российско-западного конфликта, но и все большей вовлеченности Москвы в противостояние Вашингтона и Пекина. У России имеются свои собственные, отличающиеся от китайских, интересы в мире. Они касаются экономических и транспортных проектов в Арктике и Средней Азии, структуры взаимной торговли и ряда других вопросов (Денисов, Лукин, 2021). Китайская сторона выступает за более тесное сотрудничество с Россией на основе углубленной промышленной интеграции, при этом усматривая в российских амбициях в Евразийском регионе «имперские комплексы»¹⁹. В свою очередь, Россия хотела бы избежать встраивания в геоэкономические схемы Китая на его условиях. Китай рассматривает Евразию не как самостоятельно оформленный регион, а как транзитное пространство для своих глобальных проектов (Pieper, 2018). Предполагается, что только 15 % маршрутов в рамках инициативы «Один

пояс, один путь» может пройти через территорию России. При этом Китай, как и Евросоюз, не сотрудничает с ЕАЭС и его транспортными проектами²⁰.

Развитие напряженности между Китаем и США обещает продолжение нестабильности и ставит перед сложным выбором Россию и всех, кто не участвует напрямую в американо-китайских разногласиях и спорах. Для предотвращения чреватого отмеченными опасностями движения к биполярной международной системе требуются согласованные усилия всех заинтересованных в реализации иной концепции международных отношений. Возможно, именно в Евразии эти усилия могли бы привести к заметным результатам.

Вместо заключения: к новому миропорядку в Евразии

В целом наша гипотеза о нарастании глобального конфликта в мире подтверждена развитием конкуренции США и Китая, их растущим взаимным недоверием и неспособностью сгладить фундаментальные различия в понимании принципов справедливого мироустройства. В результате происходит укрепление отношений биполярности в международной системе.

Однако рост конфликтных отношений в глобальном масштабе не сопровождается пока такого же рода процессами на всех региональных уровнях. Будущее международной системы остается неопределенным, поскольку основные участники международных отношений пока далеки от согласования своих интересов. В частности, в Евразии сталкиваются позиции наиболее крупных стран, которые в принципе заинтересованы в избегании конфронтации и биполяризации международной системы. Необходимы активные усилия по развитию общерегиональных проектов, а также формулированию общего видения Евразии как открытого пространства для междивизиационного, экономического

¹⁸ Китай опубликовал план урегулирования конфликта на Украине из 12 пунктов // РБК. 24.02.2023. URL: <https://www.rbc.ru/politics/24/02/2023/63f80f5d9a7947dbaf8ab785> (дата обращения: 22.12.2024).

¹⁹ Чжао Х. Евразийская интеграция: адаптация к новым реалиям // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 16.07.2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziyskaya-integratsiya-adaptatsiya/> (дата обращения: 24.12.2024).

²⁰ Shah A. Russia Loosens Its Belt // Foreign Policy. July 16, 2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/07/16/russia-china-belt-and-road-initiative/> (accessed: 12.11.2024).

и политического взаимодействия стран Азии и Европы.

Хотя тренд международного сотрудничества в Евразии нельзя назвать ни бесповоротным, ни доминирующим, в пользу его будущего развития говорят четыре фактора: начавшаяся интеллектуальная работа над выработкой общей идеи сотрудничества, сохранение военно-политического баланса, постепенное формирование новой институциональной архитектуры и наличие совместимых, усиливающих экономическую взаимозависимость интересов в регионе. Эти факторы пока недостаточно сильны, но при определенных условиях могут способствовать усилению международного сотрудничества в Евразии. В этих целях среди наиболее влиятельных стран региона должно укрепиться стремление решать споры посредством диалога и в рамках имеющихся многосторонних институтов.

Обнадеживающей с точки зрения международного сотрудничества является работа над формулированием мотивирующей сотрудничества общей идеи. В перспективе наличие такой идеи облегчило бы межцивилизационное взаимодействие в Евразии и укрепило бы общие правила международного порядка в регионе. Пока наиболее активна в выработке такой идеи Россия и ее сообщество международных. Российская концепция «Большой Евразии» была выдвинута в рамках Валдайского клуба и представляет евразийское пространство как область, простирающуюся от Атлантического до Тихого океана, в которой Россия, Китай и другие цивилизации выстраивают международные правила, основанные на экономическом и политическом сотрудничестве и уважении независимости друг друга²¹. При этом, как представляет-

ся, Европа, Китай, Иран и некоторые другие страны менее других склонны признавать Евразию как самостоятельный по своему значению регион и, следовательно, мало заинтересованы в выработке идей или правил для его развития.

Российские эксперты представляют Евразию как относительно свободное для коммерческих и финансовых операций пространство, а ЕАЭС — как важную площадку для развития региона и его многосторонних институтов. Согласно такому пониманию, Россия должна способствовать интеграции региона в целом, подобно тому, как Франция способствовала интеграции Европы на ее раннем этапе (Бордачёв, 2019). Другими словами, Россия рассматривается в качестве культурного, экономического и политического моста, необходимого для бесперебойного функционирования сложного региона. Однако для обеспечения такой роли необходимым условием является *сохранение Россией своего суверенитета и статуса великой державы*. С середины 2000-х гг. многие российские ученые рассматривали Россию как евразийскую державу в многополярном мире, ответственную за поддержание регионального и глобального баланса сил (Уткин, 2006; Гаджиев, 2011; Никонов, 2015; Пантин, Лапкин, 2018; Шаклеина, 2017; 2023). Предполагается, что вместо стремления к региональной гегемонии Россия должна способствовать предотвращению гегемонии других, развивая свой статус особой геоэкономической державы, благодаря которой функционируют стратегические промышленные и транспортные проекты (Diesen, 2019).

Второй способствующий тренду сотрудничества фактор связан с *сохранением баланса сил в регионе* и отсутствием способностей какой-либо державы к его нарушению. Использование силы Россией связано не со стремлением к формированию режима гегемонии в регионе, а с желанием исключить игнорирование своих интересов безопасности странами Запада. Российское руководство не раз заявляло о важности создания общей системы безопасности в Европе и Евразии, в которой бы учитывались интересы всех

²¹ См.: Караганов С., Бордачёв Т. Вперёд к Великому океану – 6: люди, история, идеология, образование. Путь к себе // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 11.09.2018. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/vperyed-k-velikomu-okeanu-6/?ysclid=m5le99q0bt828309059> (дата обращения: 20.12.2024); Лисоволик Я. «Оперативный простор» как императив российской внешней политики // Международный дискуссионный клуб «Валдай». 12.08.2020. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/operativnyy-prostor-kak-imperativ-rossiyskoj-politiki/> (дата обращения: 24.12.2024). См. также: (Караганов, 2019; Суслов, Пятачкова, 2019).

участников региона и исключалось бы расширение западной военно-политической инфраструктуры за счет интересов других стран. Отсутствие намерений и возможностей изменения военно-силового баланса, с одной стороны, и постепенное движение к военно-политической институционализации в регионе — с другой, могли бы способствовать поддержанию мира и безопасности в Большой Евразии как среды для развития сотрудничества. Важно, что военное сотрудничество развивается у России не только с Китаем, но и с Индией, Ираном, КНДР и другими странами. В идеале такая институционализация интегрировала бы интересы всех крупных стран региона.

Третий фактор поддержания и потенциального развития сотрудничества — постепенное *формирование новой институциональной архитектуры* в регионе. Шаг за шагом здесь возникают — по инициативе России и Китая — новые структуры согласования интересов, включая ЕАЭС, китайскую инициативу «Один пояс, один путь» и ШОС. Немаловажно и то, что ряд крупных стран региона объединен в крупные международные форматы взаимодействия за пределами региона, важнейшим из которых является БРИКС+.

Пока эти форматы находятся на начальной стадии развития, слабо координируют взаимодействие между собой и нередко отражают интересы одних держав существенно больше, чем других, и поэтому не способны к полноценному согласованию интересов. Вместе с тем это не должно рассматриваться как непреодолимое препятствие на пути их сближения. Вспомним, что и развитие организации европейских государств, известной сегодня как Евросоюз, не было ни гладким, ни быстрым.

Наконец, четвертый фактор сотрудничества — *развитие экономической взаимозависимости и на ее основе — общих интересов* по поддержанию открытости Евразии. В условиях значительного конфликта цивилизационных и военно-политических интересов наличие фактора экономической взаимозависимости не может сохранить отношения

на траектории сотрудничества. Об этом как нельзя лучше свидетельствует развитие конфликта России и Европы из-за Украины. Глубокие экономические и энергетические связи сторон оказались разорванными в результате развития конфликта.

Однако при наличии междоцивилизационного понимания и взаимно признанного военно-политического баланса экономическая взаимозависимость, несомненно, способна работать на углубление международного сотрудничества. При определенных условиях такая взаимозависимость может способствовать разрешению военно-политических вопросов. Например, санкции России против Турции в ответ на удар по российскому самолету в Сирии в 2015 г. поначалу углубили кризис в отношениях двух стран, но затем привели к извинениям турецкой стороны за происшедшее и стремлению исправить ситуацию. Другой пример связан с относительно высокой степенью зависимости Белоруссии от российской экономики. Наличие такой зависимости способствовало тому, что с началом СВО России на Украине Минск повысил уровень союзнических отношений с Москвой.

В целом со времени распада Советского Союза экономическая взаимозависимость между Россией, Китаем, Турцией, Ираном и другими странами Евразийского региона значительно выросла и стала фактором общерегиональной стабилизации. Однако если до начала российской специальной военной операции на Украине отношения в регионе были в значительной степени сосредоточены на Европе, то впоследствии они заметно сместились в сторону выстраивания отношений России и неевропейских стран. В целом Евразии как региону еще предстоит создать устойчивые универсальные правила экономического взаимодействия.

Российской Федерации могла бы принадлежать особая роль в формировании многополярного порядка в Евразии как прототипа будущего мироустройства. Условия для этого существуют. Российская экономика традиционно носит полупериферийный характер, но обладает особыми экспортными возможностями, интеллектуальным капиталом

и потенциалом технологического роста. РФ представляет собой мощную военную державу, способную к стимулированию межрегионального диалога по вопросам безопасности и предотвращения развития тренда по созданию в регионе новой гегемонии. Россия расположена на большей части территории Евразии, что обуславливает беспрецедентные транспортно-логистические возможности для коммуникационного и экономического объединения региона. Наконец, Россия — это

страна, исторически взаимодействовавшая как с европейскими, так и азиатскими народами и игравшая особую роль в налаживании межкультурного общения и диалога. На мобилизацию всего этого капитала общерегионального развития должна быть направлена энергия российских международных теорий, так и их постоянной сверки с теориями стран-соседей.

Поступила в редакцию / Received: 04.01.2025

Доработана после рецензирования / Revised: 15.03.2025

Принята к публикации / Accepted: 20.03.2025

Список литературы

- Бордачёв Т. В. Что Россия может дать Азии? // Вопросы географии. 2019. № 148. С. 71–75. EDN: TZMGKR
- Гаджиев К. С. Геополитические горизонты России (контуры нового миропорядка). 2-е изд., испр. и доп. Москва : Экономика, 2011. EDN: VUMUGF
- Денисов И. Е., Лукин А. В. Коррекция и хеджирование: двадцать лет «большого договора» и эволюция российско-китайских отношений // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19, № 4. С. 154–172. <https://doi.org/10.31278/1810-6439-2021-19-4-154-172>; EDN: FGXESV
- Истомин И. А., Байков А. А. Динамика международных альянсов в неравновесной мировой системе // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 1. С. 34–48. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-34-48>; EDN: YWWRGP
- Караганов С. А. Россия — возвращение домой (вместо предисловия) // Вопросы географии. 2019. № 148. С. 9–15. EDN: EJFVLI
- Международная безопасность : глобальные и региональные акторы / отв. ред. М. М. Лебедева, Ю. А. Никитина. Москва : Аспект Пресс, 2020. EDN: AJGXCZ
- Никонов В. А. Современный мир и его истоки. Москва : Изд-во Московского Университета, 2015. EDN: ZBEEUX
- Пантин В. И., Лапкин В. В. Трансформации политических пространств в условиях перехода к полицентричному миропорядку // Полис. Политические исследования. 2018. № 6. С. 47–66. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.06.04>; EDN: VLSRDY
- Сафранчук И. А., Лукьянов Ф. А. Современный мировой порядок: структурные реалии и соперничество великих держав // Полис. Политические исследования. 2021. № 3. С. 57–76. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.03.05>; EDN: XOYUIZ
- Суслов Д. В., Пятачкова А. С. Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России // Вопросы географии. 2019. № 148. С. 16–53. EDN: DTXALA
- Уткин А. И. Новый мировой порядок. Москва : Эксмо, 2006. EDN: QPEQFD
- Цыганков А. П. Гулливер на распутье: американская стратегия и смена миропорядка // Международная аналитика. 2020. Т. 11, № 2. С. 28–44. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2020-11-2-28-44>; EDN: HFPCEL
- Шаклеина Т. А. Россия и США в мировой политике. 2-е изд., испр. и доп. Москва : Аспект Пресс, 2017. EDN: YNTOOF
- Шаклеина Т. А. Россия и США: к новому мировому порядку. Москва : Аспект Пресс, 2023. EDN: WOQQFM
- Burbank J., Cooper F. Empires in World History: Power and the Politics of Difference. Princeton : Princeton University Press, 2010. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1g248v9>
- Deutsch K. W., Singer J. D. Multipolar Power Systems and International Stability // World Politics. 1964. Vol. 16, no. 3. P. 390–406. <https://doi.org/10.2307/2009578>
- Diesen G. The Geoeconomics of Russia's Greater Eurasia Initiative // Asian Politics & Policy. 2019. Vol. 11, no. 4. P. 566–585. <https://doi.org/10.1111/aspp.12497>; EDN: GSQHNH
- Karaganov S., Suslov D. A New World Order: A View from Russia // Multipolarity: The Promise of Disharmony / ed. by P. W. Schulze. Frankfurt, New York : Campus Verlag, 2018. P. 59–82.

- Karkour H. L.* E.H. Carr : Imperialism, War and Lessons for Post-Colonial IR. London : Palgrave Macmillan, 2022. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-99360-3>
- Kuklinski Ch. T., Mitchell J., Sands T.* Bipolar Strategic Stability in a Multipolar World // *Journal of Politics and Law*. 2020. Vol. 13, no. 1. P. 82–88. <https://doi.org/10.5539/jpl.v13n1p82>
- Legvold R.* Return to Cold War. Cambridge : Polity Press, 2016.
- Leksyutina Ya. V.* Chinese Policy in Central Asia in the Estimation of Chinese Experts // *Russia in Global Affairs*. 2024. Vol. 22, no. 2. P. 141–154. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2024-22-2-141-154>; EDN: WHGEDV
- Mankoff J.* Empires of Eurasia : How Imperial Legacies Shape International Security. New Haven, CT : Yale University Press, 2020.
- Neoclassical Realist Theory of International Politics* / ed. by N. M. Ripsman, J. W. Taliaferro, S. E. Lobell. Oxford : Oxford University Press, 2016.
- Pieper M.* Mapping Eurasia: Contrasting the Public Diplomacies of Russia's 'Greater Eurasia' and China's 'Belt and Road' Initiative // *Rising Powers Quarterly*. 2018. Vol. 3, no. 3. P. 217–237.
- Reus-Smit Ch.* On Cultural Diversity: International Theory in a World of Difference. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. <https://doi.org/10.1017/9781108658058>
- Rewizorski M.* Bound to Abstain? The BRICS Response to the Russia — Ukraine Crisis // *Global Governance and the Political South : Continuity and Change in and Beyond the BRICS* / ed. by A. F. Cooper, M. Rewizorski. London : Routledge, 2025. P. 75–89.
- Sakwa R.* Crisis of the International System and International Politics // *Russia in Global Affairs*. 2023a. Vol. 21, no. 1. P. 70–91. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2023-21-1-70-91>; EDN: TDAGBR
- Sakwa R.* The Lost Peace : How the West Failed to Prevent a Second Cold War. New Haven, CT : Yale University Press, 2023b. <https://doi.org/10.12987/9780300265613>
- Sutch P.* Ethics, Justice and International Relations : Constructing an International Community. London : Routledge, 2001. <https://doi.org/10.4324/9780203185988>
- Wagner R. H.* Peace, War, and the Balance of Power // *American Political Science Review*. 1994. Vol. 88, no. 3. P. 593–607. <https://doi.org/10.2307/2944797>
- Waltz K.* The Stability of a Bipolar World // *Daedalus*. 1964. Vol. 93, no. 3. P. 881–909.
- Zarakol A.* Before the West: The Rise and Fall of Eastern World Orders. Cambridge : Cambridge University Press, 2022. <https://doi.org/10.1017/9781108975377>

Сведения об авторах:

Цыганков Андрей Павлович — кандидат философских наук, доктор философии (PhD), профессор, Калифорнийский университет Сан-Франциско; eLibrary SPIN-код: 6915-8163 ORCID: 0000-0003-0011-2339; e-mail: andrei@sfsu.edu

Цыганков Павел Афанасьевич — доктор философских наук, профессор кафедры международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии, МГУ им. М.В. Ломоносова; eLibrary SPIN-код: 7081-8622; ORCID: 0000-0002-5726-183X; e-mail: tsygankp@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-177-190

EDN: LNLSQS

Научная статья / Research article

Сетевая дипломатия России в Евразии: от ЕАЭС к Большому Евразийскому партнерству

В.И. Булва¹ , А.К. Бобров² ¹Министерство иностранных дел Российской Федерации, Москва, Российская Федерация²Московский государственный институт международных отношений Министерства иностранных дел
Российской Федерации, Москва, Российская Федерация va.i.bulva@my.mgimo.ru

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что на фоне трансформации механизмов дипломатического взаимодействия за счет расширения состава участников и диверсификации сфер международного сотрудничества Российская Федерация стремится использовать потенциал сетевой дипломатии для выстраивания диалога с заинтересованными партнерами из числа государств-единомышленников, а также представителей неправительственного сектора. Цель работы — оценка перспектив развития сетевой дипломатии России в Евразии в качестве ключевого инструмента налаживания связей с региональными и внерегиональными («внешним контуром») акторами. Научная новизна исследования состоит в том, что на примере Евразийского региона комплексно рассматриваются различные институты и механизмы сетевого взаимодействия — от широкопрофильных региональных форматов до узкоспециализированных рабочих групп по отдельным трекам. При проведении анализа применялся системный подход. Глубокому изучению особенностей функционирования различных форматов сетевой дипломатии, в частности таких, как гибкость, отсутствие иерархии и открытость, способствовало применение институционального метода исследования. Выявлено, что в Евразии сетевая дипломатия позволяет России решить сразу несколько задач. Во-первых, подобная дипломатия востребована на начальном этапе развития интеграционных процессов и опирается на модель разнотемпной разноуровневой интеграции, что подтверждает пример евразийской интеграции до образования Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Во-вторых, сетевая дипломатия ориентирована на углубление отраслевого сотрудничества в рамках рабочих групп региональных структур — ЕАЭС и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), объединяющих правительственных экспертов и представителей неправительственного сектора. В-третьих, на постсоветском пространстве, в том числе в Евразии, были апробированы такие инструменты сетевой дипломатии, как форматы по урегулированию конфликтов. В-четвертых, потенциал сетевой дипломатии используется для формирования единого интеграционного контура в Евразии. Авторы приходят к выводу о важной роли сетевой дипломатии в Евразии в контексте создания дополнительных возможностей для равноправного диалога с государствами — членами региональных многосторонних структур и другими заинтересованными странами, в том числе странами, входящими в Ассоциацию государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) и ШОС, предотвращения риска фрагментации Евразии. Наиболее перспективным в этой связи представляются инициативы Большого Евразийского партнерства — проекта, аккумулирующего потенциал и ресурсы государств, многосторонних объединений (ЕАЭС, ШОС, АСЕАН) и инициатив отдельных региональных акторов («Один пояс, один путь»).

Ключевые слова: сетевое взаимодействие, евразийское пространство, единый интеграционный контур, разнотемпная интеграция, многополярность, миропорядок, мировое большинство, пояс добрососедства

© Булва В.И., Бобров А.К., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Булва В.И.: концептуализация, анализ и систематизация информации, проведение исследования, подготовка рукописи. Бобров А.К.: разработка методологии исследования, подбор материалов, научное руководство исследованием. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Для цитирования: Булва В. И., Бобров А. К. Сетевая дипломатия России в Евразии: от ЕАЭС к Большому Евразийскому партнерству // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 177–190. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-177-190>

Russia's Network Diplomacy in Eurasia: From the EAEU to the Greater Eurasian Partnership

Valeriia I. Bulva¹ , Alexander K. Bobrov²

¹Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

²MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 va.i.bulva@my.mgimo.ru

Abstract. The present study is of particular pertinence in the context of the transformation of the mechanisms of diplomatic interaction that has occurred in the wake of the expansion of the composition of participants and the diversification of the areas of international cooperation. In this regard, the Russian Federation seeks to use the potential of network diplomacy to establish a dialogue with interested partners from among like-minded states and representatives of the non-governmental sector. The purpose of the study is to assess the prospects for the development of Russia's network diplomacy in Eurasia as a key tool for establishing ties with regional and extra-regional ("external contour") actors. The scientific novelty of the study lies in the fact that using the example of the Eurasian region the authors comprehensively consider various institutions and mechanisms of network interaction — from broad-profile regional formats to highly specialized working groups on specific tracks. The analysis is based on a systems approach. The article includes an in-depth study conducted with the use of the institutional research method of various formats of network diplomacy, including flexibility, lack of hierarchy and openness. It was revealed that in Eurasia Russia is able to address multiple issues concurrently through the network diplomacy. Firstly, such diplomacy is required at the initial stage of development of integration processes and is based on the model of multi-speed and multi-level integration, as evidenced by the Eurasian integration paradigm prior to the establishment of the Eurasian Economic Union (EAEU). Secondly, network diplomacy is aimed at deepening sectoral cooperation within the framework of working groups of regional structures — the EAEU and the Shanghai Cooperation Organization (SCO), uniting government experts and representatives of the non-governmental sector. Thirdly, in the post-Soviet space, including Eurasia, Russia tested such network diplomacy tools such as conflict resolution formats. Fourthly, the potential of network diplomacy is important to form a single integration contour in Eurasia. The authors conclude that network diplomacy in Eurasia plays an important role in creating additional opportunities for equal dialogue with member states of regional multilateral structures and other interested countries, including the countries of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN) and the SCO. It facilitates the prevention of the risk of fragmentation of Eurasia. In this regard, the most promising course of action appears to be the promotion of the Greater Eurasian Partnership initiative — a project that accumulates the potential and resources of states, multilateral associations (EAEU, SCO, ASEAN) and initiatives of individual regional actors (Belt and Road Initiative).

Key words: network interaction, Eurasian space, single integration contour, multi-speed integration, multipolarity, world order, world majority, belt of good neighborliness

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. V.I. Bulva: conceptualization, analysis and systematization of information, conducting the research, preparing the manuscript. A.K. Bobrov: development of the research methodology, selection of materials, scientific supervision of the research. All authors read and approved the final version of the article.

For citation: Bulva, V. I., & Bobrov, A. K. (2025). Russia's network diplomacy in Eurasia: From the EAEU to the Greater Eurasian partnership. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(2), 177–190. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-177-190>

Введение

Сегодня сетевая дипломатия открывает новые горизонты для развития международного сотрудничества. Из теоретического концепта, становление которого проходило в условиях диверсификации акторов мировой политики (Keohane & Nye, 2011) и секьюритизации разных ее сфер (Buzan, Wæver & de Wilde, 1998), она постепенно становится инструментом практической реализации внешнеполитического курса многих государств.

По сей день сохраняются существенные различия в российской и западной науке в отношении трактовки понятия «сетевой дипломатии». А.-М. Слотер (Slaughter, 2017), К.М. Константинову, П. Шарп (Constantinou & Sharp, 2016), Э. Купер, Х. Гейне и Р. Тхакур (The Oxford Handbook of Modern Diplomacy, 2013) в своих работах по сетевой дипломатии во главу угла ставят плюрализм акторов, обусловленный расширением участия неправительственных организаций. Примечательно, что некоторые зарубежные исследователи анализируют возможность использования инструментов сетевой дипломатии в урегулировании конфликтов и межгосударственных споров. В частности, этот аспект проблематики затрагивал С. Чои (Choi, 2023). К. Хайден обращает внимание на укрепление потенциала сетевой дипломатии в информационную эпоху, тем самым акцентируя внимание на появлении новых инструментов дипломатического взаимодействия, связанных с бурным развитием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) (Hayden, 2013). В свою очередь российские исследователи (Бурганова, 2016; Воронцова, 2017; Колосова, 2014; Кунина, 2022) рассматривают сетевую дипломатию как одну из форм многосторонней дипломатии, где главную роль играют государства.

В то же время как российские (Morozov, Shebalina & Lebedeva, 2019), так и западные исследователи (Metzl, 2001) обращают внимание на гибкость, отсутствие иерархии и жесткой бюрократической структуры в институтах и механизмах сетевой дипломатии.

Благодаря этому сокращается временной лаг в ходе процесса согласования решений, что позволяет привлечь к сотрудничеству государства, стремящиеся избежать полноправного членства в международных организациях в силу особенностей их доктринальных установок (прежде всего, речь идет о так называемых «нейтральных странах») или неготовности взаимодействовать по отдельным направлениям.

После анализа различных подходов к понятию «сетевая дипломатия», а также изучения практического опыта использования сетевых инструментов дипломатического взаимодействия на примере Российской Федерации авторы предлагают оперировать следующим определением понятия «сетевой дипломатии». Под сетевой дипломатией будет пониматься такая форма многосторонней дипломатии, для которой характерно отсутствие жестко регламентированной бюрократической структуры, уставного документа и штаб-квартиры, а взаимодействие между государствами и различными заинтересованными сторонами выстраивается на основе гибких инструментов сотрудничества. При этом сетевое взаимодействие может осуществляться на различных уровнях (глобальном, макро-региональном и региональном) и в разнообразных форматах (например, универсальные глобальные сетевые институты, которые по тематике схожи с международными организациями универсального характера; региональные площадки, объединяющие государства, региональные организации, интеграционные объединения и неправительственных акторов, а также форматы по урегулированию отдельной проблемы — узкопрофильные рабочие группы и форматы по мирному урегулированию военно-политических конфликтов).

Преимуществом сетевых площадок выступает их открытость и инклюзивность, что предполагает возможность привлечения различных заинтересованных сторон. Такой подход помогает перенести в практическую плоскость решения, согласованные на политическом уровне в рамках классического

дипломатического взаимодействия. Благодаря участию бизнеса происходит экономия на финансовых издержках при практической реализации договоренностей. Представители научного и академического сообществ, обладая высоким интеллектуальным потенциалом, играют роль генератора идей и концепций по развитию международного сотрудничества с учетом соответствующих узкопрофильных знаний, навыков и компетенций.

В России востребованность институтов и инструментов сетевой дипломатии возросла в середине 2000-х гг., когда после окончательного отказа от блокового подхода, характерного для эпохи холодной войны, была сделана ставка на многовекторное сотрудничество на равноправной основе с заинтересованными государствами. Однако на этапе концептуального осмысления понятия «сетевой дипломатии» (2008–2013 гг.), а также в середине 2010-х гг. в российской и зарубежной науке акцент делался на изучении специфики глобальных форумов, а именно «Группы восьми» (Ларионова, Рахмангулов, 2009), «Группы двадцати» (Kirton, 2013; Najnal, 2019; Ларионова, 2017) и БРИКС (Филатов, 2011; Шелепов, 2015; Кузнецов, 2020), отличительная черта которых заключается в широком географическом охвате и всеобъемлющем многопрофильном характере. Ключевой стратегический приоритет Российской Федерации в обозначенный период состоял в приведении положения страны на международной арене в соответствие с ее ресурсами. Одним из механизмов реализации данной задачи было укрепление сотрудничества с западными государствами посредством таких форматов сетевой дипломатии, как «Группа двадцати» и формирующийся форум БРИКС.

Однако на практике инструменты сетевой дипломатии оказались не менее востребованы и на региональном уровне, что повышает актуальность исследования эволюции и перспектив сетевой дипломатии России в Евразии. Благодаря преимуществам сетевого взаимодействия упрощался процесс установления и развития связей с широким кругом партнеров. Облегчению привлечения их к диалогу способствовала в том числе возможность «избирательного» сотрудничества при сохранении широкой повестки той или

иной площадки. Это соответствовало модели «разноскоростной интеграции», которой придерживалась Россия на евразийском пространстве.

На основании анализа литературы, посвященной многосторонней дипломатии в Евразии, можно сделать вывод, что в центре внимания академического сообщества находятся вопросы развития региональных площадок как инструментов укрепления экономических связей (Lissovlik, 2017; Редькина, Круг, 2024; Хейфец, 2018) и контактов в сфере безопасности (Галлямова, Аминов, 2022; Жарков и др., 2024; Турлыбаева, 2022) в регионе. В последнее время особое значение отводится их роли в современных международных отношениях (Бударина, Прокопович, 2024; Малышев, 2021; Еникеев, Лукин, Новиков, 2024).

Исследование нацелено на выявление особенностей и перспектив развития форматов сетевой дипломатии России в Евразии¹, активно используемых при работе ключевых региональных площадок – Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и позволяющих выстраивать диалог с внешними партнерами (государствами — не членами данных структур) либо сосредоточиваться на конкретных тематических направлениях

¹ К странам Евразии авторы относят государства — члены ЕАЭС (Республику Армению, Республику Беларусь, Республику Казахстан, Кыргызскую Республику и Российскую Федерацию), ШОС (помимо тех стран, которые также входят в ЕАЭС (за исключением Армении) в нее входят Республика Индия, Исламская Республика Иран, Китайская Народная Республика, Исламская Республика Пакистан) и государства — члены АСЕАН (Государство Бруней-Даруссалам, Социалистическая Республика Вьетнам, Республика Индонезия, Королевство Камбоджа, Народно-Демократическая Республика Лаос, Малайзия, Республика Союз Мьянма, Республика Сингапур, Королевство Таиланд и Республика Филиппины Филиппины). Такой подход соответствует концептуализации понятия евразийского пространства, нашедшей отражение в Концепции внешней политики Российской Федерации от 2023 г. (раздел «Евразийский континент», п. 54.2). См.: Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // МИД России. 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 23.04.2025).

(деятельность профильных рабочих групп). В этих аспектах исследование опирается на институциональный метод, направленный на изучение политических институтов взаимодействия и позволяющий проанализировать специфику процесса многоуровневого (то есть с участием различных акторов мировой политики) сотрудничества в Евразии в рамках сетевых форматов региональных организаций (ЕАЭС и ШОС). Кроме того, перспективным представляется необходимость более глубокого изучения инициативы Большого Евразийского партнерства (БЕП) как основного формата сетевой дипломатии в Евразии — интегрирующего фактора дипломатии России в регионе.

С опорой на системный подход к изучению современных международных отношений, весомый вклад в разработку которого внес А.Д. Богатуров (Богатуров, 2017), авторы стремятся показать, что БЕП может сыграть важную роль в формировании региональной подсистемы международных отношений в Евразии с учетом региональных приоритетов и национальных интересов Российской Федерации, закрепленных в Концепции внешней политики от 2023 г. В частности, системный подход дает возможность комплексного анализа всех элементов такой подсистемы — государств и неправительственных субъектов, а также учета внешних факторов, влияющих на ее построение, среди которых взаимодействие с государствами, не являющимися членами региональных организаций, и внешние шоки — новые вызовы и угрозы (например, деятельность государств коллективного Запада, направленная на подрыв интересов России в данном регионе).

Особенности сетевой дипломатии России в Евразии

На современном этапе на евразийском направлении ключевыми задачами Российской Федерации становится формирование «пояса добрососедства» и недопущение изоляции. Для этого в дополнение к классической дипломатии (дипломатия на высшем уровне, дипломатия по официальным дипломатическим каналам) максимально широко используются разнообразные форматы сетевой дипломатии. В сетевых альянсах вместо

иерархических конфигураций на первый план выходят гибкие формы взаимодействия государств. При этом, в отличие от «блоковой дипломатии» (речь идет о противостоянии Организации Варшавского договора (ОВД) и Организации Североатлантического договора (НАТО) в годы холодной войны), такие контакты направлены не на противодействие какому-либо государству или многостороннему объединению, а на консолидацию усилий с целью коллективного поиска решений по различным вопросам международной повестки.

Характерной чертой сетевой дипломатии России в Евразии выступает то, что подобная форма дипломатии играет роль основного инструмента установления и развития межгосударственных связей на подготовительном этапе интеграции. Так, с середины 2000-х гг. российская сетевая дипломатия была направлена на развитие евразийского экономического пространства, а именно формирование Таможенного союза (ТС) и Единого экономического пространства (ЕЭП) как основы будущего Евразийского экономического союза. На подобную тенденцию обращали внимание и ряд российских исследователей. В частности, И.В. Зеленева и Д.А. Ивановский в качестве «элемента сетевых альянсов» рассматривали ЕАЭС (Зеленева, Ивановский, 2018, с. 46), сегодня представляющий собой полноценное региональное интеграционное объединение.

Участниками евразийской интеграции выступают государства, которые в начале 2000-х гг. инициировали запуск данного процесса путем формирования ТС и ЕЭП и поэтому выступили «ядром» будущего Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС), а затем ЕАЭС (Россия, Беларусь и Казахстан) и другие страны региона (Киргизия, Таджикистан и с 2006 по 2008 г. Узбекистан, позже — Армения). Консолидации региона во многом способствовало применение инструментов сетевого взаимодействия. Благодаря сетевым форматам участниками сотрудничества становились многочисленные неправительственные субъекты, а не только государства, что привело к установлению устойчивых социально-гуманитарных и экономических деполитизированных международных контактов, а также генерации

«объединительной» повестки. На современном этапе продолжается укрепление существующих и развитие новых площадок такого горизонтального сотрудничества.

В этой связи отдельно следует упомянуть Деловой совет ЕАЭС², который играет роль вспомогательного инструмента экономической интеграции региона, осуществляя координационно-совещательную функцию. Главные участники его деятельности — представители деловых кругов, которые как взаимодействуют между собой и другими неправительственными субъектами, так и поддерживают тесные связи с официальными институтами ЕАЭС (Евразийской комиссией) и национальными органами государственной власти. По инициативе Делового совета активизируется форумная деятельность и проведение конгрессно-выставочных мероприятий, благодаря которым появляются дополнительные возможности для обмена опытом, установления прямых контактов между заинтересованными сторонами, подготовки и реализации совместных трансграничных проектов в различных отраслях экономики (Столков, 2023).

Все большее значение приобретает научно-образовательный вектор. В 2022 г. государства — члены ЕАЭС приняли решение об учреждении Евразийского сетевого университета (ЕСУ)³. Реализация данного проекта позволила укрепить межвузовские связи на пространстве ЕАЭС, снизить барьеры в сфере образования, что в конечном итоге способствовало углублению интеграции образовательных систем государств-членов. Кроме того, создание ЕСУ привело к росту интереса к проведению совместных научно-исследовательских проектов и обмену передовыми практиками в сфере образования. Особое значение отводится повышению академической мобильности за счет наращивания обменов студентами и экспертами между широкой сетью вузов-партнеров, объединенных в научно-образовательный консорциум ЕСУ.

² О Деловом совете ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/konsultativnye-organy/o-delovom-sovete-eaes/about-del-sov.php> (дата обращения: 13.11.2024).

³ Евразийский сетевой университет. URL: <https://enuniversity.org/> (дата обращения: 13.11.2024).

Весомый вклад в развитие гуманитарных связей вносит молодежный трек. Сотрудничество по линии молодежи выстраивается в первую очередь в рамках созданного в 2019 г. Молодежного совета при Евразийской экономической комиссии (ЕЭК)⁴. Важным представляется и регулярное проведение молодежных форумов, которые, как правило, проходят на полях политических встреч. В качестве отдельного трека развивается женская повестка, на различных площадках (ключевая среди них — Евразийский женский форум) поддерживается диалог между женщинами, которые пользуются авторитетом в своих государствах.

Такие связи на горизонтальном уровне позволили преодолеть бюрократические препятствия на пути практической реализации стратегических приоритетов интеграционного развития на евразийском пространстве с учетом национальных особенностей отдельных стран региона. Таким образом, благодаря сочетанию классической официальной и сетевой дипломатии в Евразии удалось сохранить уникальность политических и экономических систем, разнообразие культур государств при одновременном создании объединительной повестки взаимодействия в трех плоскостях — между государствами, между государствами и негосударственными субъектами, а также по линии негосударственных субъектов.

По сей день в ЕАЭС инструменты сетевой дипломатии служат для поиска совпадающих интересов сторон, что способствует определению вектора будущего развития интеграционных процессов в регионе. Такая модель особенно востребована в Евразии в силу того, что среди государств — соседей России есть нейтральные страны (Туркменистан) или те, которые осторожно относятся к сотрудничеству по ряду вопросов чувствительного характера.

Из этого вытекает другая особенность сетевой дипломатии России в Евразии, а именно — использование преимуществ гибких форматов сетевого взаимодействия (менее иерархичных) для продвижения уже

⁴ Молодежный совет ЕЭК // Евразийская экономическая комиссия. URL: https://eec.eaeunion.org/youth_agenda/council/ (дата обращения: 13.11.2024).

упоминавшейся ранее концепции «разноскоростной интеграции». При оценке перспектив развития евразийской интеграции через призму данной концепции акцент делается на многовариантности форм участия государств-членов и заинтересованных партнеров (Рахимов, Азизова, 2021, с. 111). В то же время параллельно происходит сужение (ограничение сфер взаимодействия по сравнению с другими региональными площадками) и углубление (переход на более высокий уровень контактов с упором на экономический трек) сотрудничества.

На начальном этапе развития евразийских институтов эта черта отличала их от уже существующей площадки — Содружества Независимых Государств (СНГ), представляющего собой формализованную региональную организацию. Упор был сделан на децентрализации экономических процессов, что открывало широкое поле для взаимодействия разноуровневых игроков⁵. Данный подход был ориентирован на расширение экономического партнерства не только между политическими (государствами в лице национальных правительств), но и ключевыми экономическими силами региона (крупнейшими бизнес-корпорациями и промышленными предприятиями, в том числе транснациональными).

После завершения формирования ЕАЭС в качестве региональной интеграционной структуры инструменты сетевой дипломатии оказались востребованными для расширения «внешнего контура». В ЕАЭС, как и в большинстве международных организаций, поддерживается взаимодействие между государствами-членами и странами-наблюдателями, среди которых на момент написания статьи фигурировали Молдавия, Узбекистан, Куба и Иран. В то же время уникальность Союза обеспечивает развитие экономического сотрудничества с внерегиональными игроками, в число которых входят ключевые экономические партнеры Российской Федерации,

⁵ Елена Кранчева: «Сетевая дипломатия — драйвер интенсификации евразийского экономического сотрудничества» // Российская газета. 18.05.2022. URL: <https://rg.ru/2022/05/18/elena-krancheva-setevaia-diplomatiia-drajver-intensifikacii-evrazijskogo-ekonomicheskogo-sotrudnichestva.html> (дата обращения: 13.11.2024).

осуществляемое в таких форматах, как зона свободной торговли (ЗСТ), или на основе преференциальных торгово-экономических соглашений.

К 2024 г. ЕАЭС подписал соглашения о ЗСТ с Вьетнамом (2015 г.), Сингапуром (2019 г.), Сербией (2019 г.) и Ираном (2024 г.), а также соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве с Китаем (2018 г.). Еще с несколькими государствами согласование подобных договоров находится на стадии переговоров. В 2015 г. соответствующую заявку подал Египет. В 2016 г. начался диалог по данному вопросу с Монголией и Таиландом⁶, в 2017 г. — с Индией, а в 2019 г. намерение развивать экономические контакты с ЕАЭС в рамках ЗСТ выразил премьер-министр Израиля⁷. На стадии разработки находятся торговые соглашения с Индонезией и ОАЭ⁸. Заинтересованность в сотрудничестве с ЕАЭС по целому ряду экономических направлений выражали в разное время и государства других регионов: Южной и Юго-Восточной Азии (Камбоджа, Лаос, Пакистан), Латинской Америки (Перу и Чили), Ближнего Востока и Северной Африки (Сирия и Тунис), а также Центральной Европы (Венгрия)⁹.

Еще одна специфическая черта сетевой дипломатии России в Евразии проявляется в деятельности рабочих групп, объединяющих правительственных экспертов (причем не только дипломатических ведомств) и представителей негосударственных субъектов. Механизм работы таких групп — наглядная демонстрация взаимосвязи политического уровня, на котором принимаются стратегические решения, и оперативно-тактического взаимодействия заинтересованных сторон.

⁶ Переговоры с Таиландом временно приостановлены.

⁷ Putin, Netanyahu Agree to Boost Talks on EAEU-Israeli Free Trade Agreement — Lavrov // *Bilaterals.org*. November 13, 2019. URL: <https://www.bilaterals.org/?putin-netanyahu-agree-to-boost> (accessed: 13.11.2024).

⁸ Торговые соглашения ЕАЭС // Евразийская экономическая комиссия. URL: <https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dotp/torgovye-soglasheniya/> (дата обращения: 13.11.2024).

⁹ Интеграционные траектории // *Review.uz*. 10.01.2020. URL: <https://review.uz/post/integracionnyie-traektorii> (дата обращения: 03.12.2024).

Преимуществом подобных групп является то, что их участниками становятся узкопрофильные специалисты в той или иной сфере. Именно поэтому при выработке рекомендаций рабочие группы ориентируются как на их политическую целесообразность, так и практическую полезность.

В Евразии формат рабочих групп активно развивается во всех ключевых региональных и макрорегиональных объединениях (ЕАЭС, СНГ, ШОС). Первоначально приоритетными направлениями рабочих групп была сфера экономики, однако с течением времени тематическое поле существенно расширилось. Сегодня рабочие группы, деятельность которых выстраивается на основе сетевого принципа, широко востребованы на гуманитарном треке, где среди субъектов международного взаимодействия появляется все больше представителей гражданского общества и научного сообщества.

В ШОС развиваются вспомогательные каналы дипломатии в сфере безопасности, преимущественно для противодействия новым вызовам и угрозам, где недостаточно межведомственного взаимодействия, а требуются знания и навыки технического характера соответствующих специалистов-экспертов. В качестве примера следует упомянуть созданную в 2009 г. под эгидой ШОС Рабочую группу по международной информационной безопасности (Бойко, 2019, с. 7) или форумную деятельность Региональной антитеррористической структуры ШОС (регулярное проведение международной научно-практической конференции РАТС)¹⁰.

На примере деятельности Рабочей группы ШОС по международной информационной безопасности можно проследить, насколько эффективными оказываются подобные вспомогательные механизмы дипломатического взаимодействия для продвижения глобальных приоритетов Российской Федерации в сфере внешней политики. С 2009 по 2011 г. на площадке ШОС велась активная подготовка так называемого

«кодекса поведения» в ИКТ-сфере — правил ответственного поведения государств в информационном пространстве. Результатом стала выработка соответствующей коллективной инициативы государств — членов ШОС¹¹, а в 2011 и 2013 гг. часть из положений этой инициативы легли в основу итоговых докладов профильной Группы правительственных экспертов ООН. В продолжение работы на данном направлении к 2018 г. страны доработали «кодекс поведения»: 13 норм этого кодекса стали основой принятой на площадке Генеральной Ассамблеи ООН (ГА ООН) резолюции «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности»¹².

Координация позиций государств — членов ООН в Рабочей группе поддерживается по сей день и ориентирована прежде всего на продвижение интересов России и ее партнеров при разработке глобальных конвенций юридически обязательного характера по противодействию информационной преступности (в декабре 2024 г. ГА ООН утвердила проект такой конвенции с оговоркой, что в будущем она может быть доработана посредством ее дополнения протоколом по дополнительным составам преступления¹³) и обеспечению международной информационной безопасности (работа над текстом данного документа сосредоточена в Рабочей группе открытого состава ООН). Кроме того, особое внимание Рабочая группа ШОС уделяет выработке единого подхода по реформированию глобальной системы управления Интернетом.

Новым словом в сетевой дипломатии России конца XX — начала XXI в. стало создание специальных форматов по урегулированию

¹¹ Письмо постоянных представителей Китая, Российской Федерации, Таджикистана и Узбекистана при Организации Объединенных Наций от 12 сентября 2011 года на имя Генерального секретаря // Организация Объединенных Наций. 14.09.2011. URL: <https://docs.un.org/ru/A/66/359> (дата обращения: 05.05.2021).

¹² Резолюция ГА ООН A/73/PV.45 от 5 декабря 2018 г. // Организация Объединенных Наций. URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/73/27> (дата обращения: 05.05.2024).

¹³ О принятии Конвенции ООН против киберпреступности // МИД России. 26.12.2024. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/un/organs/general_assembly/1989289/ (дата обращения: 23.12.2024).

¹⁰ О 10-й международной научно-практической конференции РАТС ШОС // Региональная антитеррористическая структура Шанхайской организации сотрудничества. 16.09.2024. URL: <https://ecrats.org/ru/press/news/12724/> (дата обращения: 15.11.2024).

кризисов на постсоветском пространстве. Это позволило укрепить роль Российской Федерации как гаранта безопасности в зоне своих интересов. Первыми прецедентами стали Минская группа по урегулированию карабахского конфликта, Смешанная контрольная комиссия по грузино-осетинскому конфликту, Женевский переговорный процесс по Абхазии (1993–1994), а также формат «5+2» по Приднестровью. После войны в Грузии в 2008 г. были запущены Женевские консультации по безопасности и стабильности в Закавказье, а на фоне эскалации конфликта на Украине — Нормандский формат.

Несмотря на то, что не все форматы оказались эффективными — многие из них привели лишь к заморозке конфликтов, а некоторые конфликты сохраняются по сей день, — несомненным достижением является то, что они объединили за одним столом переговоров противоборствующие стороны и ключевых посредников. Такой подход соответствует неизменной позиции российского государства — добиваться достижения политического решения любого межгосударственного или внутригосударственного спора самими сторонами конфликта. В целом форматы по урегулированию кризисов служили скорее для согласования промежуточных договоренностей (прекращение огня, обмен военнопленными, разведение сторон и др.), что подготавливало почву для дальнейшего политического процесса.

Большое Евразийское партнерство — флагманский проект Российской Федерации

Важнейшей характеристикой сетевой дипломатии России в Евразии представляется то, что она ориентирована на решение стратегической задачи внешней политики в регионе по аккумулярованию потенциала различных игроков (государств, региональных организаций и интеграционных объединений), проектов — и макрорегиональных площадок. Этот принцип соответствует ценностной основе российской дипломатии, поскольку во главу угла ставится стремление сформировать единую архитектуру порядка на евразийском пространстве в интересах всех государств, разделяющих видение многополярного мира,

а не создать «разделительные линии» и барьеры для сдерживания отдельных стран.

Апофеозом развития такой объединительной повестки стала российская инициатива Большого Евразийского партнерства (БЕП). В 2015 г. президент России В.В. Путин, выступая перед Федеральным собранием Российской Федерации, представил практический проект по созданию единого интеграционного контура в Евразии¹⁴. Для этой цели предполагалось наладить сотрудничество между государствами региона и установить партнерские связи между ключевыми региональными структурами.

С момента выдвижения инициативы приоритетное внимание было сосредоточено на экономических аспектах взаимодействия — торговле, формировании единого транспортного пространства и единой сети экономических коридоров и зон развития, цифровизации экономики, энергетики, финансовом сегменте. Роль драйвера в продвижении экономической интеграции в регионе играет ЕАЭС, который выстраивает отношения с внешними игроками путем заключения двусторонних и многосторонних торговых соглашений. В дополнение к этому БЕП предусматривает сопряжение потенциалов ЕАЭС и китайской инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП), а также укрепление партнерства с АСЕАН (и асеаноцентричными структурами) и ШОС. Иными словами, «несущей опорой» БЕП должна была стать взаимодополняемость ресурсов всех заинтересованных игроков региона¹⁵.

На современном этапе охват БЕП значительно расширился за счет сфер политики и безопасности, культуры, науки и образования. В этой связи инициатива БЕП может служить полноценным инструментом формирования евразийского пространства и предотвращения фрагментации континента¹⁶.

¹⁴ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 03.12.2015. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/50864> (дата обращения: 13.11.2024).

¹⁵ О российской инициативе Большого Евразийского партнерства // МИД России. 15.06.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_and_advisory_body/head_of_subjects_council/materialy-o-vypolnenii-rekomendacij-zasedanij-sgs/xxxvi-zasedanie-sgs/1767070/ (дата обращения: 13.11.2024).

¹⁶ Кортунов А. В. Восемь принципов Большого евразийского партнерства // Российский совет

На практике реализация инициативы БЕП привела к заключению ряда соглашений. Помимо договоров по линии ЕАЭС в 2005 г. состоялось подписание Меморандума о взаимопонимании между секретариатами ШОС и АСЕАН¹⁷, в 2018 г. на саммите Россия — АСЕАН в Сингапуре был подписан аналогичный документ между Евразийской экономической комиссией и АСЕАН¹⁸, а в 2021 г. — между секретариатами ЕЭК и ШОС¹⁹.

Для того чтобы заручиться поддержкой Китая — ключевого игрока в регионе, в 2015 г. был начат активный диалог по перспективам реализации в рамках БЕП инициативы Китайской Народной Республики (КНР) — ОПОП (Петровский, 2017, с. 100). Переговоры завершились принятием Совместного российско-китайского заявления о сопряжении планов развития ЕАЭС и ОПОП от 2015 г., а в 2018 г. его дополнило Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР. Сегодня торгово-экономическое взаимодействие с Китаем продолжает развиваться согласно принятой в 2023 г. Дорожной карте. При этом «красной нитью» повестки взаимодействия сторон проходят вопросы налаживания контактов в научно-исследовательской и технологической сферах (Ковалёв, 2023).

Среди ключевых направлений сотрудничества в Евразийском регионе, согласно

по международным делам. 25.09.2020. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vosem-printsipov-bolshogo-evraziyskogo-partnerstva/> (дата обращения: 12.11.2024).

¹⁷ Меморандум о взаимопонимании между секретариатом Шанхайской организации сотрудничества (секретариат ШОС) и секретариатом Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (секретариат АСЕАН) от 21 апреля 2005 г. // Шанхайская организация сотрудничества. URL: <https://rus.sectsc.org/images/07e8/0c/05/1609839.pdf> (дата обращения: 13.11.2024).

¹⁸ Меморандум от 14.11.2018 «О взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и Ассоциацией государств Юго-Восточной Азии в области экономического сотрудничества» // Альта-Софт. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/18bn0099/> (дата обращения: 10.10.2024).

¹⁹ Меморандум от 17.09.2021 «Меморандум от 17 сентября 2021 года о взаимопонимании между Евразийской экономической комиссией и секретариатом Шанхайской организации сотрудничества» // Альта-Софт. URL: <https://www.alt.ru/tamdoc/21bn0110/> (дата обращения: 03.12.2024).

инициативе БЕП, значатся также сфера транспорта и энергетики. С учетом этого ставка делается на реализацию инфраструктурных проектов, в том числе на формирование транспортно-логистических коридоров, соединяющих страны Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР) и российский Дальний Восток с европейской частью континента. Приоритетной зоной развития выступают страны-транзитеры Центральной Азии, где Россия активно взаимодействует с Китаем, в первую очередь через сопряжение ЕАЭС и ОПОП. Таким образом, благодаря стремлению аккумулировать ресурсы Российской Федерации и КНР удастся не просто добиться синергетического эффекта, но и избежать превращения Центральной Азии — района пересекающихся интересов двух держав — в арену межгосударственного противоборства (Ковалёв, 2023).

Отдельное внимание уделяется укреплению северных маршрутов, а именно такой важной транспортной артерии, как Северный морской путь (СМП) — кратчайшего маршрута между европейской частью России и Дальним Востоком, служащего «мостом» между Европой и Азией. Конкурентным преимуществом СМП является то, что он позволяет практически в два раза сократить время транспортировки товаров по сравнению с транзитом через Суэцкий канал²⁰. По мере климатических изменений и в условиях непростых геополитических событий, в том числе на Ближнем Востоке, роль СМП только возрастает. Это подтверждают и статистические показатели: по итогам 2023 г. грузопоток по СМП (общий и транзитный) достиг исторического максимума (36,256 млн тонн и 2,149 млн тонн соответственно)²¹.

Еще одним значимым транспортным коридором, который мог бы способствовать

²⁰ Акватория Северного морского пути // Федеральное государственное бюджетное учреждение «Информационный аналитико-статистический центр Росморречфлота». URL: http://www.nsra.ru/ru/ofitsialnaya_informatsiya/granici_smp.html (дата обращения: 13.11.2024).

²¹ Северный морской путь // Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе. URL: <http://dfo.gov.ru/project/econom/seaway/#:~:text=> (дата обращения: 13.11.2024).

экономическому объединению Евразии, выступает международный транспортный коридор (МТК) «Север — Юг», соединяющий Россию, Индию и Иран. Соответствующее соглашение между тремя странами было подписано еще в 2000 г. Постепенно к нему присоединились Азербайджан, Армения, Беларусь, Казахстан, Сирия и другие страны региона, а активизации строительства способствовало подписание Конвенции о правовом статусе Каспийского моря в 2018 г. Преимущество МТК «Север — Юг» заключается в том, что он позволяет в 2,5 раза сократить расстояние перевозок по сравнению с маршрутом через Суэцкий канал (Южный морской путь) и существенно снизить финансовые издержки транспортировки грузов.

Другими перспективными регионами с точки зрения развития транспортной и энергетической (трубопроводной) инфраструктуры является Азово-Черноморский, Балтика и Мурманская область. Несмотря на отдельные трудности, обусловленные антироссийскими санкциями, эти территории по-прежнему остаются многообещающими направлениями для многих российских и международных компаний. Способствовать практической реализации различных инфраструктурных проектов возможно за счет построения единого интеграционного контура в Евразии.

Несмотря на значительный уклон в сторону экономических аспектов БЕП, обращает на себя внимание политическая составляющая проекта. Эта инициатива рассматривается как инструмент укрепления многополярного миропорядка за счет вовлечения в диалог всех заинтересованных региональных акторов. При этом Партнерство не противопоставляется коллективному Западу, что отличает его от системы военно-политических блоков и замкнутых альянсов. Значимая роль в БЕП отводится проблемам безопасности, причем как традиционной (поиск решений по урегулированию территориальных споров), так и новых вызовов и угроз (противодействие сепаратизму, религиозному экстремизму, международному терроризму). В центре внимания находится проблема недопущения распространения оружия массового уничтожения, а также предотвращение гонки вооружений. На данных треках основными

механизмами БЕП выступают такие каналы сотрудничества, как ШОС и Совещание по взаимодействию и мерам доверия в Азии (СВМДА), которые служат площадками для многостороннего диалога и взаимодействия в регионе.

О масштабности БЕП как механизма сетевой дипломатии свидетельствует и то, что проект направлен на совместный (с участием государственных и негосударственных акторов) поиск решений глобальных проблем, среди которых борьба с изменением климата, пандемиями, содействие укреплению продовольственной и энергетической безопасности, управление миграционными потоками и др. В этом смысле БЕП по своей сути напоминает международную организацию универсального характера, то есть ориентированную на многопрофильное сотрудничество.

В дополнение к упомянутым выше направлениям в рамках Партнерства планируется развивать социально-гуманитарную повестку, в рамках которой ставятся задачи по усилению взаимодействия в научно-технологической сфере, повышению уровня академической мобильности в том числе на базе существующих сетевых университетов СНГ, ЕАЭС, ШОС, БРИКС. Укреплению гуманитарного трека призваны содействовать мероприятия в области культуры — различные обмены, организации выставок, «вечера» и «недели» театров и кино и т. д.

В основу идеи БЕП изначально был заложен сетевой принцип. Об этом свидетельствует также и укрепление Россией новаторского формата дипломатического взаимодействия — дипломатии диалоговых структур и площадок. Так, для продвижения инициативы Большого Евразийского партнерства активно используются форумные площадки Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) и Восточного экономического форума (ВЭФ)²². Данные мероприятия проводятся ежегодно, привлекая политических лидеров (глав государств и

²² О российской инициативе Большого Евразийского партнерства // МИД России. 15.06.2023. URL: https://www.mid.ru/ru/activity/COORDINATING_AND_ADVISORY_BODY/HEAD_OF_SUBJECTS_COUNCIL/MATERIALY-O-VYPOLENENII-REKOMENDACIJ-ZASEDANIJ-SGS/XXXVI-ZASEDANIE-SGS/1767070/ (дата обращения: 13.11.2024).

правительств, высокопоставленных представителей различных министерств) России и иностранных государств, а также представителей дипломатического корпуса, ведущих бизнесменов, известных экспертов. Объединение «на полях» форумов представителей политических кругов и неправительственного сектора ускоряет практическую деятельность заинтересованных сторон по имплементации политических договоренностей.

Заключение

Активизация использования инструментов сетевой дипломатии России на евразийском пространстве происходила на фоне развития стратегии по расширению российского присутствия и влияния в регионе, а форматы и институты сетевого взаимодействия выступали в качестве вспомогательного трека дипломатии официального уровня. В силу комплексности и всеобъемлющего характера внешнеполитического курса РФ в Евразии именно это региональное направление — наиболее яркий пример многовариантного сочетания различных форм сетевой дипломатии Российской Федерации — от узкопрофильных рабочих групп по решению определенной задачи до универсальных по тематическому охвату площадок.

Отличительной чертой сетевой дипломатии Российской Федерации в Евразии является ее использование на подготовительном этапе развития интеграционных процессов. В частности, неиерархичные элементы сетевого взаимодействия нашли широкое применение до момента создания, а также на первом этапе функционирования ЕАЭС. Это способствовало укреплению экономических связей между странами региона, формированию единого экономического пространства и заложило основу для будущего таможенного союза. При этом была сделана ставка на разнотемпную разнотемпную интеграцию с учетом интересов государств-партнеров, их готовности к более глубокому сотрудничеству в отдельных отраслях.

По мере усиления влияния и позиций России в регионе особое внимание начало уделяться наращиванию контактов в рамках реализации конкретных направлений взаимодействия, причем не только в сфере экономики,

как это было изначально, но и в области политики, безопасности, культурно-гуманитарного сотрудничества. Для этих целей востребованным механизмом стали «мягкие» форматы сетевой дипломатии — специальные рабочие группы, которые также отличает гибкость. В их работе наряду с правительственными экспертами принимают участие представители бизнеса, неправительственных организаций, научного сообщества и гражданского общества, а совместно с государствами-членами к некоторым проектам подключаются другие заинтересованные партнеры. Таким образом, был сформирован и продолжает развиваться «внешний контур» ЕАЭС (на основе соглашений о зоне свободной торговли и диалогов с внешними партнерами) и ШОС (путем проведения совместных мероприятий).

Дипломатия России в Евразии примечательна тем, что в этом регионе апробируется новаторский формат сетевого взаимодействия — инициатива Большого Евразийского партнерства. Ее уникальность заключается в том, что она направлена на консолидацию потенциалов всех заинтересованных и разделяющих общее видение миропорядка государств региона, ресурсов ключевых региональных многосторонних структур (ЕАЭС, ШОС, АСЕАН) и инициатив (таких как китайская инициатива «Один пояс, один путь»). Подобный подход позволяет предотвратить фрагментацию региона за счет создания блоков и альянсов, ориентированных на сдерживание отдельных игроков. В то же время благодаря гибким инструментам сетевой дипломатии удастся добиться вовлечения максимально широкого круга участников различного статуса (национальных правительств, региональных организаций и интеграционных структур, макрорегиональных площадок, неправительственных субъектов), в том числе внерегиональных игроков, тем самым продвигая объединительную повестку на континенте.

Таким образом, перспективы БЭП по всем направлениям развития сетевой дипломатии России — от экономики до социально-гуманитарной сферы — достаточно широкие. Однако на практике многие проекты на текущий момент напоминают отдельные

наброски и требуют более продуманного подхода к поиску механизмов их практического воплощения как с организационной и финансовой точек зрения, так и с учетом непростого политического ландшафта Евразийского континента. Акцент на интеграции потенциалов всех региональных участников служит главным залогом успеха реализации данного проекта. Более того, несомненным преимуществом БЕП выступает то, что этот проект играет роль канала налаживания диалога с партнерами за пределами Евразийского региона, в первую очередь интеграционными структурами и отдельными странами «мира ислама» и Африканского континента. Благодаря этому в перспективе БЕП может стать не только инструментом формирования единого интеграционного контура в Евразии, но и вспомогательным механизмом глобальной сетевой дипломатии России, дополнив такую весомую площадку, как БРИКС.

В этой связи целесообразным представляется развитие не только политического диалога по дипломатическим каналам на дву-

сторонней основе и в рамках классических международных организаций, но и использование в полной мере возможностей вспомогательных треков взаимодействия с привлечением экспертов-международников из числа бывших государственных деятелей, экономистов, деятелей в сфере культуры, науки и образования, специалистов по безопасности и т. д. Площадки для поддержания таких контактов уже существуют — это различные форумы и конференции. В то же время такой эпизодической работы оказывается недостаточно для формирования прочных связей. Необходимо придать этой деятельности системный характер в межфорумный период, например, путем создания совместных информационно-аналитических порталов, продвижения совместных проектов в областях практического сотрудничества. Помимо усиления взаимосвязанности Евразии это позволило бы повысить имидж региона как нового центра силы в системе международных отношений.

Поступила в редакцию / Received: 15.11.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 11.01.2025

Принята к публикации / Accepted: 20.03.2025

Список литературы

- Богатуров А. Д. *Международные отношения и внешняя политика России* : научное издание. Москва : Аспект Пресс, 2017. EDN: YMUTLV
- Бойко С. М. Проблематика международной информационной безопасности на площадках ШОС и БРИКС // *Международная жизнь*. 2019. № 1. С. 1–22. EDN: YVOHTN
- Бударина Н. А., Прокопович Р. С. Место ЕАЭС в мир-системе // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Экономика. 2024. Т. 32, № 2. С. 337–352. <https://doi.org/10.22363/2313-2329-2024-32-2-337-352>, EDN: IXJLWN
- Бурганова И. Н. Феномен сетевой дипломатии в системе международных отношений (на примере Российской Федерации) // *Международный научно-исследовательский журнал*. 2016. № 6–1. С. 120–123. <https://doi.org/10.18454/IRJ.2016.48.080>; EDN: WAYQVB
- Воронцова Н. А. Создание сетевых альянсов Российской Федерации с иностранными государствами и международными организациями // *Московский журнал международного права*. 2017. № 2 (106). С. 136–143. EDN: ZMQBKZ
- Галлямова Д. А., Аминов И. Р. Роль ШОС в международной безопасности // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2022. № 12–1. С. 79–81. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-12-1-79-81>; EDN: OCJEW P
- Еникеев Ш. М., Лукин А. В., Новиков Д. П. Шанхайская организация сотрудничества в новых геополитических условиях // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2024. Т. 19, № 1. С. 129–148. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2024-01-06>; EDN: ESYYGJ
- Жарков С. Е., Самбилова А. А., Набойченко М. С., Едич Г. С., Литвиненко Д. В. Этапы становления системы региональной безопасности России на постсоветском пространстве // *Социально-гуманитарные знания*. 2024. № 1. С. 201–203. EDN: NHBYDJ
- Зеленева И. В., Ивановский Д. А. Сетевая дипломатия на евразийском пространстве: опыт Евразийского экономического союза // *Евразийский юридический журнал*. 2018. № 3 (118). С. 44–49. EDN: XNACIH
- Ковалёв В. С. ЕАЭС и Китай: партнерство в интересах самодостаточности // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2023. Т. 17, № 3. С. 15–24. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2023-03-15-24>; EDN: BCRME

- Колосова И. В. Лабиринты «сетевой дипломатии» // Проблемы постсоветского пространства. 2014. № 2. С. 173–180. EDN: TZIAOX
- Кузнецов Д. А. Сетевая текстура мировой политики: трансрегионализм БРИКС // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 11. С. 124–131. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-11-124-131>; EDN: JJUNLA
- Кунина И. А. Сетевой аспект многосторонней дипломатии // Научный диалог. 2022. Т. 11, № 9. С. 392–409. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-9-392-409>; EDN: TXHWNH
- Ларионова М. В. Россия в «Группе двадцати»: факторы успеха и задачи на будущее // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17, № 2. С. 349–371. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2017-17-2-349-371>; EDN: YMRWGX
- Ларионова М. В., Рахмангулов М. Р. «Группа восьми» и «Группа двадцати». Функции, приоритеты, типы взаимодействия с Россией // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2009. Т. 4, № 4. С. 134–167. EDN: LJMNI
- Малышев Д. В. Шанхайская организация сотрудничества и ее роль в системе современных международных отношений (к 20-летию создания ШОС) // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2021. Т. 13, № 4. С. 81–104. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2021-13-4-81-104>; EDN: EQNZRQ
- Петровский В. Е. На пути к Большому евразийскому партнерству: вызовы и возможности // Международная жизнь. 2017. № 6. С. 99–112. EDN: YUHOAJ
- Рахимов К. К., Азизова А. Б. Перспективы разнотемпной интеграции в ЕАЭС // Геоэкономика энергетики. 2021. Т. 16, № 4. С. 109–119. https://doi.org/10.48137/2687-0703_2021_16_4_109; EDN: JJOAVI
- Редькина А. С., Круг Э. А. Торгово-экономические взаимосвязи стран ЕАЭС // Национальные приоритеты России. 2024. № 1. С. 27–34. EDN: DGGUJQ
- Столков Д. С. Дипломатия диалоговых структур: Фонд Росконгресс // Международная жизнь. 2023. № 11. С. 126–133. EDN: AVDZQW
- Турлыбаева Д. Т. ОДКБ и ее развитие в условиях новых угроз безопасности // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 9 (123). С. 1–5. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2022.123.82>; EDN: HGOGTV
- Филатов С. В. Сетевая дипломатия БРИКС // Международная жизнь. 2011. № 5. С. 105–112. EDN: TSFUEN
- Хейфец Б. А. Перспективы создания зоны свободной торговли между ЕАЭС и АСЕАН // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2018. № 5. С. 107–120. <https://doi.org/10.24411/2073-6487-2018-00008>; EDN: VKMMXY
- Шелепов А. В. БРИКС и международные институты: модели взаимодействия в процессе осуществления многостороннего управления // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2015. Т. 10, № 4. С. 7–28. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2015-04-07>; EDN: VBWQLD
- Buzan B., Wæver O., de Wilde J. Security : A New Framework for Analysis. Boulder, CO : Lynne Rienner Publishers, 1998.
- Choi S. Where You Sit Matters: The Power of Brokers in Diplomatic Networks & Interstate Conflict // International Interactions. 2023. Vol. 49, no. 5. P. 669–695. <https://doi.org/10.1080/03050629.2023.2237175>; EDN: ZMCGOC
- Constantinou C. M., Sharp P. Theoretical Perspectives in Diplomacy // The SAGE Handbook of Diplomacy / ed. by C. M. Constantinou, P. Kerr, P. Sharp. New York : SAGE Publications Ltd, 2016. P. 13–27.
- Hajnal P. I. The G20 : Evolution, Interrelationships, Documentation. 2nd ed. New York : Routledge, 2019.
- Hayden C. Social Diplomacy, Public Diplomacy, and Network Power // Diplomacy, Development and Security in the Information Age / ed. by Sh. Kalanthal. Washington, D.C. : Georgetown University, Institute for the Study of Diplomacy, 2013. P. 17–32.
- Keohane R. O., Nye J. S., Jr. Power and Interdependence. 4th edition. London : Pearson Longman, 2011.
- Kirton J. J. G20 Governance for a Globalized World. London and New York : Routledge, 2013.
- Lissovlik Y. Eurasian Economic Union and ASEAN: Complementarity Appraisal // Mezhdunarodnye Processy / International Trends. 2017. Vol. 15, no. 3. P. 46–54. EDN: ZTCGQV
- Metzl J. F. Network Diplomacy // Georgetown Journal of International Affairs. 2001. Vol. 2, no. 1. P. 77–87. URL: <http://www.jstor.org/stable/43133985> (accessed: 15.10.2024).
- Morozov V. M., Shebalina E. O., Lebedeva O. V. Network Diplomacy: Theory // Istoriya. 2019. Vol. 10, no. 11. P. 27. <https://doi.org/10.18254/S207987840008084-1>; EDN: ETFRWB
- Slaughter A.-M. The Chessboard and the Web : Strategies of Connection in a Networked World. New Haven and London : Yale University Press, 2017.
- The Oxford Handbook of Modern Diplomacy / ed. by A. Cooper, J. Heine, R. Thakur. Oxford : Oxford University Press, 2013.

Сведения об авторах:

Булва Валерия Игоревна — кандидат исторических наук, сотрудник, Министерство иностранных дел Российской Федерации; eLibrary SPIN-код: 7445-1362, ORCID: 0000-0003-0378-363X; e-mail: va.i.bulva@my.mgimo.ru

Бобров Александр Кириллович — кандидат исторических наук, доцент кафедры дипломатии, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 5245-2870; ORCID: 0000-0001-7055-3805; e-mail: a.bobrov@inno.mgimo.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-191-207

EDN: LNRKCC

Научная статья / Research article

«Большая стратегия» КНР в контексте китайско-американского стратегического соперничества

Г. Чэн

Нанкинский университет науки и технологий, Нанкин, Китайская Народная Республика

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 ivanc25@yahoo.com

Аннотация. Рассмотрена трансформация «большой стратегии» Китайской Народной Республики (КНР) через призму продолжающегося долгосрочного стратегического соперничества КНР — США. В последние годы среди исследователей растет популярность изучения «большой стратегии» КНР в глобальной политике, хотя до сих пор в международном академическом сообществе в изучении этой темы доминирует американская школа, основанная на американском реализме. Задачи исследования — взглянуть на «большую стратегию» Китая с точки зрения самой КНР, изучить эволюцию китайской политики США и трансформацию «большой стратегии» КНР в эпоху стратегического соперничества. В частности, продемонстрирована связь между эволюцией «большой стратегии» КНР и состоянием китайско-американских отношений. Также проанализированы последствия трансформации «большой стратегии» КНР. Методологически исследование опирается на сравнительный анализ. Описана концептуальная структура, иллюстрирующая, как политика и подходы США в отношении КНР управляют китайско-американским соперничеством и трансформируют «большую стратегию» КНР, оказывая влияние на реализацию внешней политики Китая. Автор приходит к выводу, что именно стратегическое соперничество и политика США в отношении Китая приводят к трансформации «большой стратегии» КНР из защитной в наступательную модель. Блоковая политика выступает одним из определяющих факторов китайско-американского противостояния, однако в случае США явная антикитайская направленность блоков, создаваемых Вашингтоном, может вызвать негативную реакцию потенциальных союзников. В свою очередь, Китай, опираясь на государства Глобального Юга, также выстраивает сеть глобальных партнерств, в которой значимую роль могут сыграть такие структуры, как БРИКС, которая становится все более притягательной для развивающихся стран, и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), которая в случае нового расширения способна стать крупнейшим военно-политическим блоком на евразийском пространстве.

Ключевые слова: конкуренция великих держав, политика США в отношении КНР, Дональд Трамп, Джоозеф Байден, трансформация политики, контрстратегия, внешняя политика

Благодарности. Данная статья посвящена памяти Джоозефа С. Ная (1937–2025), сооснователя теории неолиберализма, основателя теории «мягкой силы» и «умной силы», а также авторитетного американского эксперта в области изучения Китая и китайско-американских отношений.

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Чэн Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Чэн Г. «Большая стратегия» КНР в контексте китайско-американского стратегического соперничества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 191–207. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-191-207>

China's Grand Strategy in the Context of the Sino-US Strategic Rivalry

Guo Cheng

Nanjing University of Science and Technology, Nanjing, People's Republic of China

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 ivanc25@yahoo.com

Abstract. The study focuses on the transformation of China's grand strategy in the context of the ongoing, long-term Sino-US strategic rivalry. In recent years, there has been an increasing interest in the study of China's grand strategy in global politics. To date, at the international level, the relevant study has been overwhelmingly dominated by the American school and narrative based on American realism. This paper therefore conducts the relevant research from a Chinese perspective. The study explores the evolution of the US China policy and the transformation of China's grand strategy in the context of the Sino-US strategic rivalry. In particular, it demonstrates the linkage between China's grand strategy evolution and the Sino-US relations. Furthermore, it provides an analysis of the implications of China's grand strategy transformation. The research methodologies mainly contain comparative, analytical and inductive approaches. A conceptual framework is outlined, illustrating how the US policy and approaches towards China navigate the Sino-US rivalry and transform China's grand strategy-making and its foreign policy implementation. The author concludes that it is the strategic rivalry and US policy towards China that are transforming China's "grand strategy" from a defensive to an offensive model. Bloc-driven policy is one of the defining factors in the Chinese-American confrontation. However, in the case of the U.S., the obvious anti-Chinese orientation of the blocs created by Washington may cause a negative reaction from potential allies. In turn, China, relying on the states of the Global South, is also building a network of global partnerships in which such structures as the BRICS, which is becoming increasingly attractive to developing countries. The Shanghai Cooperation Organization (SCO) is also a significant player, and if it expands further, it could become the largest military-political bloc in the Eurasian space.

Key words: great power competition, US policy towards China, Donald Trump, Joseph Biden, policy transformation, counterstrategy, foreign policy

Acknowledgements. This article is dedicated to the memory of Joseph S. Nye Jr. (1937–2025), a co-founder of neoliberal theory, a founder of the theory of "soft power" and "smart power," and an authoritative American expert on Chinese studies and Sino-American relations.

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Cheng, G. (2025). China's grand strategy in the context of the Sino-US strategic rivalry. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(2), 191–207. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-191-207>

Введение

Подъем Китайской Народной Республики (КНР) становится константой современной глобальной политики. «Большая стратегия» КНР, второй по величине экономики мира, привлекла внимание исследователей. Американские ученые наиболее активно анализируют «большую стратегию» КНР на международном уровне, однако невнимание к долгой истории Китая и его философии приводит к фундаментальному непониманию западными учеными Китая и его стратегических

намерений, что в итоге приводит к серьезным искажениям при анализе внешней политики КНР в современных международных исследованиях.

Десятилетняя политика «сдерживания и вовлечения» в отношении КНР, реализуемая США, начала меняться в 2008 г., который эксперты считают поворотным моментом в процессе «властного транзита» между двумя странами. Возможный упадок Запада после финансового кризиса, произошедшего в том же году, приводит к спекуляциям о подъеме

КНР и его последствиях. Президентство Б. Обамы, очевидно, продемонстрировало сложность позиции Вашингтона в отношении Пекина в контексте подъема КНР. В свою очередь администрация Д. Трампа принципиально отвергла историческую традицию, в соответствии с которой Вашингтон стремился проводить сбалансированную политику в отношении Китая. Текущее состояние международных отношений в значительной степени формируется под влиянием представления о том, что Вашингтон вступает в период «соперничества великих держав» с Пекином. По разобщенности, которую это соперничество спровоцирует внутри мирового сообщества, американо-китайское противостояние будет сопоставимо с периодом холодной войны.

Обзор литературы и методология исследования

Популярность термина «большая стратегия» возросла экспоненциально в постбиполярную эпоху. Однако до сих пор отсутствует единое мнение относительно его определения (Silove, 2018). Б. Позен считает, что «большая стратегия» — это теоретические представления государства о том, как следует обеспечивать собственную безопасность (Posen, 2014). Другие исследователи предлагают относительно распространенное определение «большой стратегии» как «долгосрочной стратегии государства по использованию военных или невоенных средств для продвижения и достижения национальных интересов» (Balzacq & Krebs, 2021, pp. 2–4). Согласно третьему определению, под «большой стратегией» понимается «концептуальная архитектура, которая обуславливает структуру и форму внешней политики»¹.

В США сложилось несколько подходов к исследованию «большой стратегии»: «первенство», «превосходство» и «гегемония» (Porter, 2018). В рамках традиционного западного подхода принято рассматривать

«большую стратегию» и международный порядок в рамках парадигмы реализма и теории «властного транзита», а затем исследовать, каким образом растущие державы борются за изменение гегемонистского порядка (Mastanduno, 1997). Этот подход также позволяет объяснить влияние восприятия мощи и угрозы со стороны устоявшегося гегемона на формирование «большой стратегии» растущих держав².

Среди китайских ученых Чэн Явэнь определил «большую стратегию» как макроконцепцию (Cheng, 2018). Мэн Хунхуа включил в сферу исследования элемент «оценки стратегической среды» (Men, 2020). Доу Гоцин выявил мотивы для поддержания Соединенными Штатами своей глобальной гегемонии (Dou, 2024). Ван Цзисы составил рейтинг приоритетных для Китая интересов и внешних угроз в рамках анализа «большой стратегии» КНР (Wang, 2011, p. 68). Сун Дэсинь сосредоточился на теоретическом построении «большой стратегии» КНР в контексте подъема Китая (Song, 2013, pp. 42–46). Ван Фан сосредоточился на изучении «стратегического ранжирования» направления и целей «большой стратегии» КНР (Wang, 2022, p. 1). Однако в некоторой степени изучение китайской «большой стратегии» все еще остается *terra incognita* для академического сообщества КНР (Men, 2020).

Среди российских ученых некоторые полагают, что КНР формулирует свою «большую стратегию», ориентируясь на Глобальный Юг и «инновационные» международные организации (Грачиков, Сюй, 2022, с. 7), а также предлагают концептуальный анализ «большой стратегии» КНР с точки зрения национальных интересов (Грачиков, Чжоу, 2023, с. 75). Другие эксперты выявляют эволюцию взглядов китайских ученых на китайско-американское соперничество и мировой порядок (Шарипов, Тимофеев, 2023).

¹ Kahl C., Brands H. Trump's Grand Strategic Train Wreck // *Foreign Policy*. January 31, 2017. URL: <https://foreignpolicy.com/2017/01/31/trumps-grand-strategic-train-wreck/> (accessed: 09.04.2024).

² Doshi R. The Long Game: China's Grand Strategy to Displace American Order // *Brookings*. August 2, 2021. URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-long-game-chinas-grand-strategy-to-displace-american-order/> (accessed: 09.04.2024).

Конкуренцию великих держав невозможно понять без исторического обоснования. Столетие противостояния великих держав побуждает западных ученых проводить аналитические исследования с использованием различных методологических подходов и индуктивно приходить к выводу о неизбежности конкуренции между растущей державой и действующим гегемоном (Gaddis, 1992; Allison, 2017). На Западе обычно полагаются на иерархическую модель (Organski, 1958) для определения «неудовлетворительного» положения растущей державы в международной системе, считая, что растущая держава может стать «ревизионистской» и «нарушающей правила» (Gilpin, 1981; Renshon, 2017; Mukherjee, 2022). В целом конкуренция великих держав основана на традиционном подходе к политике с позиции силы, а обострение междержавной конкуренции рассматривается как показатель парадигмального сдвига в международной системе (Miles & Miller, 2019).

Изучение Китая в США в эпоху конкуренции великих держав

Еще в 2005 г. А. Голдштейн предположил, что «большая стратегия» КНР заключается в перестройке мирового порядка, и подчеркнул, что КНР не может оставаться державой, согласной на сохранение статус-кво, поскольку подъем КНР напрямую ведет к изменению правил (Goldstein, 2005). С тех пор скептицизм в отношении подъема КНР значительно усилился. Теоретическая база изучения Китая в значительной степени определяется теорией наступательного реализма, которая сложилась в рамках американской школы международных отношений и впоследствии была развита представителем Чикагской школы, профессором Дж. Миршаймером, утверждающим, что КНР будет неизбежно стремиться к доминированию вместо мирного возвышения (Mearsheimer, 2014, p. 368).

Со времен второго президентского срока Б. Обамы интерпретация «большой стратегии» КНР в США прошла путь от заявлений о «стратегическом оппортунизме» Китая до

анализа «планов на столетие», якобы реализуемых Пекином³. В эпоху первого президентства Д. Трампа исследования «большой стратегии» КНР отражали различные понимания многочисленных измерений этой стратегии, которая рассматривалась как глобальная проекция растущей комплексной мощи КНР (Krieger, 2022). «Большая стратегия» Китая характеризовалась как долгосрочная и искусная (China's Grand Strategy..., 2021, p. 21), а в качестве ее элементов было принято выделять культурную дипломатию КНР и продвижение «мягкой силы» (Nye, 2023). Кроме того, утверждалось, что «большая стратегия» КНР направлена на оценку стратегического баланса сил КНР и США (China's Grand Strategy..., 2021). Отмечалось, что Пекин стремится трансформировать существующий мировой порядок, переходя от «построения регионального порядка» к «продвижению собственного глобального лидерства» (Doshi, 2021).

В свете растущей поляризации, характеризующей общество США после начала первого президентского срока Д. Трампа, американские эксперты изменили свои представления о Китае и анализе политики США на китайском направлении в контексте реализации Вашингтоном конфронтационного курса в отношении КНР. В результате характер исследований Китая при администрации Д. Трампа 1.0. радикализировался, пройдя путь от «понимания Китая» до «противодействия Китаю». Такие крупные аналитические центры, как *RAND Corporation*⁴ и Брукингский институт, сосредоточились на том, как победить КНР, а не на том, как иметь с ней дело. Например, в докладе *RAND* были

³ См.: Danner L. The Debate on China's Grand Strategy // ResearchGate. URL: https://www.researchgate.net/publication/299604307_The_Debate_on_China's_Grand_Strategy (accessed: 09.04.2024); Stanzel A., Rolland N., Jacob J., Hart M. Grand Designs: Does China Have a "Grand Strategy"? // European Council on Foreign Relations. October 18, 2017. URL: https://ecfr.eu/publication/grands_designs_does_china_have_a_grand_strategy/ (accessed: 19.01.2025).

⁴ Деятельность *RAND Corporation* признана нежелательной на территории Российской Федерации (Прим. ред.).

предложены три траектории двусторонних отношений, одна из которых — «столкновение конкурентов» — могла привести к потенциальным конфликтам между КНР и США в среднесрочной и долгосрочной перспективе⁵.

Еще одним сигналом изменения тактики Вашингтона является риторика разделения партии и государства при изучении Китая: в процессе принятия политических решений роль правящей партии представляется решающей, что, по мнению Вашингтона, является «серьезной проблемой», поскольку, как полагают некоторые ученые, мотивация КНР глубоко укоренена в интересах ее правящей партии (Kachiga, 2022).

Следует отметить, что история подтверждает значительное влияние взаимного восприятия на динамику китайско-американских отношений (Zhu, 2013). Гибридная война, начатая американским медийно-академическим комплексом, всесторонне радикализируя американское восприятие Китая, неизбежно приведет к постановке неверных исследовательских задач при изучении Китая. В результате трансформация от сомнений и отрицания мирного подъема КНР к концептуализации «ловушки Фукидида» американскими учеными фактически проложила путь к поляризации политики Вашингтона в отношении КНР и изучения Китая.

Таким образом, изменение политики Вашингтона в отношении Пекина в эпоху соперничества между КНР и США основано на эффективной академической конструкции самопровозглашенного стратегического консенсуса соперничества и идеологии скептицизма в отношении КНР. Например, приписываемая Китаю «дипломатия долговой ловушки» была разработана как гипотеза в 2017 г.⁶, быстро проникла в работы,

посвященные анализу внешней политики КНР, затем с подачи администрации Д. Трампа 1.0 стала предметом широкой дискуссии в западных странах, выразивших обеспокоенность такой дипломатией Пекина, а потом перекочевала в практику отношений с Китаем в качестве основного нарратива о нем. Однако, как ни странно, впоследствии эта гипотеза была развенчана и подвергнута сомнению самими западными исследователями⁷. Еще одним аспектом американской пропаганды против Китая является дискурс о «дипломатии воина-волка», в рамках которого дипломатические подходы Китая рассматриваются в качестве инструментов так называемой «борьбы за мировое господство» (Jiang, 2021).

Порожденное Вашингтоном соперничество между КНР и США

Президентство Д. Трампа 1.0. знаменует начало долгосрочного соперничества между КНР и США. С хронологической точки зрения именно Вашингтон начал торговую, технологическую, гибридную, культурную и финансовую войны против Пекина (табл. 1). США заняли более напористую позицию в этом процессе, в то время как КНР избрала реактивную позицию.

Во время первого президентства Д. Трампа Конгресс США выработал двухпартийный консенсус «ястребов» и внедрил «общеправительственные» подходы в отношении КНР (табл. 1). В целом первая администрация Д. Трампа приложила всеобъемлющие конфронтационные усилия с помощью следующих средств: во-первых, дипломатические и гибридные усилия Вашингтона по демонизации глобального имиджа КНР, с одной стороны, и дестабилизации внутриполитической обстановки в КНР — с другой; во-вторых, «технико-экономическая» война и блокада КНР с использованием многочисленных технонационалистических подходов; в-третьих, усилия по военному сдерживанию

⁵ Scobell A., Burke E., Cooper C., Lilly S., Ohlandt C., Warner E., Williams J. *China's Grand Strategy: Trends, Trajectories, and Long-Term Competition*. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 2020. (Деятельность *RAND Corporation* признана нежелательной на территории Российской Федерации. — Прим. ред.).

⁶ Chellaney B. *China's Debt-Trap Diplomacy* // Project Syndicate. January 23, 2017. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/china-one-belt-one-road-loans-debt-by-brahma-chellaney-2017-01> (accessed: 09.04.2024).

⁷ Brautigam D., Rithmire M. The Chinese “Debt Trap” Is a Myth // *The Atlantic*. February 6, 2021. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2021/02/china-debt-trap-diplomacy/617953/> (accessed: 09.04.2025). См. также: (Himmer & Rod, 2022).

Китая в Индо-Тихоокеанском регионе с целью окружить КНР; в-четвертых, приостановка межкультурной коммуникации обществ и закрытие двусторонних каналов культурного общения.

В период президентства Дж. Байдена технологическая конкуренция между державами значительно обострилась. Администрация Дж. Байдена приняла повестку дня «Защита и продвижение», отдавая приоритет

повышению американской конкурентоспособности за счет укрепления внутренних производственных цепочек и развития технологического потенциала. Под «защитой» в этой концепции подразумевается всеобъемлющая стратегия «декаплинга» и «снижения рисков» для сдерживания технологического развития КНР и ее исключения из глобальных цепочек поставок и создания стоимости (табл. 1).

Таблица 1. Сравнительный анализ подходов Д. Трампа 1.0. и Дж. Байдена к соперничеству с КНР

Критерии	Президентство Д. Трампа 1.0	Президентство Дж. Байдена
Политика США в отношении КНР	– Всеобъемлющая конфронтация и «технико-экономическая» война – «Декаплинг»	– Выборочная конкуренция – «Декаплинг» и «снижение рисков» – Технологическая политика «Маленький двор, высокий забор»
Ключевой принцип	Односторонняя конфронтация	Формирование коалиции союзников для противостояния Пекину
Основные подходы	Общеправительственные	– Укрепление собственных позиций – Укрепление международного сотрудничества с союзниками США
Оценки национальной идентичности КНР	– Ревизионистская страна – Глобальная угроза (синофобия)	– Самый значимый геополитический вызов для США – Системный соперник
Соответствие традиционной политике в отношении КНР	Значительно отличается от традиционной политики в отношении Китая, характеризующейся ультранаступательными и односторонними подходами	Соответствует традиционной политике, базирующейся на наступательном реализме
Сфера конфронтации/соперничества	Все сферы	– Технологическая сфера – Идеологическое противостояние – Финансовая война (новые элементы)
Сфера сотрудничества	Нет	Частично по вопросам изменения климата и НИОКР
Общие позиции по региональным вопросам	По вопросу Корейской Народно-Демократической Республики (КНДР) (2017 г.)	Отсутствие общих позиций
Основные глобальные усилия	Сосредоточение внимания на иностранной помощи и международном развитии США, принуждение стран — получателей из числа государств Глобального Юга занять чью-либо сторону, отсутствие конкретных контрмер, направленных против инициативы КНР «Один пояс, один путь» (ОПОП)	Сосредоточение на возглавляемой США глобальной сети альянсов, формулирование военно-промышленного блока АУКУС (Австралия, Великобритания, США) и технологического блока (СНП-4) для противодействия КНР, а также глобальной инициативы «Партнерство по глобальной инфраструктуре и инвестициям», нацеленной на противодействие ОПОП
Сходства	Сокращаются возможности для двустороннего сотрудничества, растет влияние конфронтационной политики и подходов	

Источник: составлено Чэн Го на основе: Issues // Trump White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/> (accessed: 10.01.2025); US — China Relations in the Biden Era: A Timeline // China Briefing. URL: <https://www.china-briefing.com/news/us-china-relations-in-the-biden-era-a-timeline/> (accessed: 10.01.2025).

Более того, Вашингтон также спровоцировал идеологическое соревнование между двумя «системами», мобилизовав все так называемые «либеральные демократии» для противостояния КНР. При этом можно констатировать, что президент Дж. Байден придерживался более целенаправленного подхода к КНР по сравнению с тактикой «выжженной земли» президента Д. Трампа.

В целом изменение «большой стратегии» США вследствие подъема КНР породило современный раунд соперничества между КНР и США, в то время как радикализация политики США в отношении Китая обострила напряженность в двусторонних отношениях. Кроме того, при Дж. Байдене популярность приобрели рассуждения о «тупике», в котором оказались китайско-американские отношения, и возникновении гегемонистского вакуума, в условиях которого ни одна из сторон не способна решительно управлять тенденциями в международной системе⁸. Это не только обусловило принципиальное отличие текущего состояния соперничества между КНР и США от других случаев в истории (Wang, 2021), но и привело к перефокусированию внимания исследовательского сообщества с «конфронтации» при Д. Трампе 1.0. к «управлению конкуренцией» при Дж. Байдене⁹. В частности, получило широкое распространение использование исторических параллелей и аналогий в ходе принятия

администрацией Дж. Байдена решений в отношении КНР. Наибольшей популярностью пользовались сравнения современных китайско-американских отношений с «ловушкой Фукидида», «лунатизмом» 1914 г.¹⁰ и «новой холодной войной» (Nye, 2022).

Американские эксперты спорят о том, является ли политика Д. Трампа на китайском направлении новым политическим подходом или экспериментом и каково реальное влияние этой политики на будущие администрации. Р. Хасс утверждает, что, хотя администрация Д. Трампа 1.0. начала эксперимент по радикализации и поляризации политики в отношении КНР, у Вашингтона все еще есть стратегия выхода из сложившейся ситуации¹¹. Ярким свидетельством смещения приоритетов «большой стратегии» США в сторону соперничества с КНР является прозвучавшая в 2023 г. в одной из статей в журнале *Foreign Policy* критика «несвоевременного»¹² намерения президента Дж. Байдена изменить курс в отношении КНР в сторону потенциальной «перезагрузки». Доказательства более конфронтационной позиции Республиканской партии по сравнению с Демократической по отношению к Китаю также приведены в эссе о КНР двух видных политиков-республиканцев, в котором они призывают

⁸ Haenle P., Bresnick S. Why U.S. — China Relations Are Locked in a Stalemate // Carnegie Endowment for International Peace. February 21, 2022. URL: <https://carnegieendowment.org/posts/2022/02/why-us-china-relations-are-locked-in-a-stalemate?lang=en> (accessed: 09.04.2024). (Деятельность международной неправительственной организации *Carnegie Endowment for International Peace* признана нежелательной на территории Российской Федерации. — Прим. ред.).

⁹ Kennedy S. U.S. — China Relations in 2024: Managing Competition without Conflict // Center for Strategic and International Studies. January 3, 2024. URL: <https://www.csis.org/analysis/us-china-relations-2024-managing-competition-without-conflict> (accessed: 09.04.2024). (Деятельность организации *Center for Strategic and International Studies* признана нежелательной на территории Российской Федерации. — Прим. ред.).

¹⁰ В 1914 г. все великие державы ожидали короткой третьей Балканской войны, которая бы прояснила баланс сил, однако вместо этого началась Первая мировая война. По выражению британского историка К. Кларка великие державы вели себя как «лунатики», в течение четырех лет ведя разрушительную войну, приведшую к губительным последствиям для международных отношений. См.: Nye J. S., Jr. The China Sleepwalking Syndrome // Project Syndicate. October 4, 2021. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/sleepwalking-to-war-with-china-by-joseph-s-nye-2021-10> (accessed: 07.05.2024).

¹¹ Hass R. Lessons from the Trump Administration's Policy Experiment on China // Brookings. September 25, 2020. URL: <https://www.brookings.edu/articles/lessons-from-the-trump-administrations-policy-experiment-on-china/> (accessed: 09.04.2024).

¹² Mitchell A. W. Why Biden's China Reset Is a Bad Idea // Foreign Policy. June 2, 2023. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/06/02/biden-china-xi-burns-beijing-reset-detente-election-campaign/> (accessed: 09.04.2024).

администрацию Дж. Байдена перейти от управления конкуренцией к позиции холодной войны против КНР¹³.

«Большая стратегия» КНР в контексте соперничества с США

Китайские ученые в основном отвергают теорию «новой холодной войны» и ведут напряженные дебаты вокруг так называемого «стратегического соперничества» (Winkler, 2023). Пекин явно выступает против намерений и усилий Вашингтона, направленных на сдерживание развития КНР, полагая, что такой подход США к политике в отношении КНР был сформирован под влиянием «менталитета холодной войны». Руководство КНР полагает, что односторонняя внешняя политика США строится на восприятии конкуренции с Китаем как определяющей черте двусторонних отношений (Liu & He, 2023). В свою очередь Пекин в целом придерживается принципа «Надеясь на лучшее, готовиться к худшему» и по-разному реагирует на проявления стратегического соперничества со стороны Вашингтона (Wang, 2005).

Администрация Дж. Буша-мл. определила КНР как «стратегического конкурента» США, однако в свете событий 11 сентября 2001 г. проводила политику «вовлечения» на китайском направлении (Winkler, 2023, р. 346). В результате президентство Дж. Буша-мл. может рассматриваться как период расцвета в китайско-американских отношениях (табл. 2).

Со времен президентства Д. Трампа 1.0. официальные лица КНР неоднократно заявляли, что сторонам удалось выстроить отношения по «модели интеграции интересов» и подчеркивали важность «взаимовыгодного сотрудничества и отказа от конфронтации»¹⁴.

¹³ Pottinger M., Gallagher M. No Substitute for Victory: America's Competition with China Must Be Won, Not Managed // Foreign Affairs. April 10, 2024. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/no-substitute-victory-pottinger-gallagher> (accessed: 11.05.2025).

¹⁴ См.: Zhong S. Zhongmei yijing xingcheng "nizhongyouwo, wozhongyouni" liyijiaorong geju [КНР и

В табл. 2 представлены шаги КНР в ответ на политику Вашингтона в отношении Пекина и отражена динамическая трансформация стратегических контрмер КНР в компоненты ее «большой стратегии». С 2013 г. наблюдается постепенное нарастание напряженности в двустороннем взаимодействии, что проявилось как в элементах «больших стратегий» обоих государств, так и в подходах к отношениям с оппонентом, а с 2017 г. интенсивность противостояния стала нарастать стремительными темпами. На уровне политики три глобальные инициативы КНР являются первой в истории концептуализированной версией ее «большой стратегии». Предложение КНР о «новом типе отношений между крупными державами», выдвинутое в 2013 г., является логичным ответом на американскую концепцию G2, озвученную в 2009 г. (Дегтерев, Рамич, Цвык, 2021, с. 216).

Формирование Всестороннего регионального экономического партнерства (ВРЭП) и прорыв в торговых отношениях между КНР и Европейским союзом (ЕС) в 2020 г. являются элементом реализации наступательной внешней политики КНР в разгар торговой войны с США. Более того, Пекин немедленно и жестко отреагировал на повышение Вашингтоном тарифов на китайские товары в рамках торговой войны, развязанной второй администрацией Д. Трампа. С тех пор «большая стратегия» Китая трансформируется в новую модель: с одной стороны, Пекин активно реализовывает свою более независимую и прагматичную внешнюю политику, а с другой — стремится сбалансировать негативное влияние конфронтационных подходов США в условиях обострившегося соперничества.

США сформировали модель взаимных интересов по принципу «ты во мне, я в тебе»] // Xinhua. March 11, 2017. (На китайском языке). URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2017lh/2017-03/11/c_1120610740.htm (accessed: 28.03.2024); Zhongmei yinggai zuohuoban, erfeiduishou (zhōng shēng) [КНР и США должны быть партнерами, а не противниками] // People.cn. April 28, 2024. (На китайском языке). URL: <http://world.people.com.cn/n1/2024/0428/c1002-40225292.html> (accessed: 08.03.2025).

Таблица 2. Хронология китайско-американских отношений в 2004–2025 гг.

Год	США	КНР
2004	–	Принцип «мирного развития»
2005	Стратегия «ответственного участника», предложенная Китаю Соединенными Штатами	Закон против раскола (проблема Тайваня)
2009–2010	Концепция G2 (Кимерика)	КНР отвергла G2 и выступила против гегемонии
2011–2012	Администрация Б. Обамы проводила политику перебалансировки («поворота в Азию») в рамках своей «большой стратегии» по сдерживанию КНР в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР)	Белая книга «Мирное развитие Китая» концептуализировала принципы и стратегию развития КНР
2013	США поддержали Японию, Вьетнам и Филиппины в территориальных спорах с КНР в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях	– Новый тип отношений между крупными державами – «Дипломатия соседства» – Инициатива «Один пояс, один путь» – Концепция «Сообщества единой судьбы человечества»
2015	Разработка и реализация Вашингтоном стратегии по «свободе судоходства» приводят к росту напряженности в Южно-Китайском море	– Цифровой Шелковый путь – Защитные меры КНР в Южно-Китайском море
2016	Растущий популизм в мире, представленный Брекзитом и феноменом Д. Трампа	Саммит G20 в Ханчжоу: стремление расширить участие Китая в глобальном управлении
2017	«Стратегия национальной безопасности» и «Стратегии национальной обороны» в эпоху Д. Трампа: возрождение конкуренции великих держав Развертывание противоракетных комплексов THAAD в Южной Корее; восстановление «Квад»	Председатель Си Цзиньпин на Давосском экономическом форуме выступил в поддержку глобализации и пообещал, что КНР всегда будет продолжать политику «реформ и открытости»
2018	– Торговая война – Технологическая война – Гибридная война – Закон Конгресса по вопросу Тайваня	– Ледяной Шелковый путь – КНР приняла контрмеры в торговой войне
2019	– Стремительное ухудшение двусторонних отношений – Поддержанные США беспорядки в Гонконге – Закон Конгресса по вопросу Гонконга	В Белой книге «Национальная оборона КНР в новую эпоху» введена концепция «зарубежных интересов», подчеркивающая важность интересов китайских организаций и учреждений за рубежом
2020	– Усилия по демонизации КНР в связи с пандемией COVID-19 – Всеобъемлющая конфронтация и эскалация – Многочисленные акты Конгресса по вопросам Тайваня, Гонконга, Синьцзяна и Тибета, введение санкций в отношении КНР – Двусторонние отношения достигли самой низкой точки с 1979 г.	– Политика «двойной циркуляции», направленная на взаимное укрепление внутреннего и внешнего рынков Китая – Шелковый путь здравоохранения – «Масочная дипломатия» – «Вакцинная дипломатия» – «Закон о национальной безопасности Гонконга» – Всестороннее региональное экономическое партнерство и Всеобъемлющее инвестиционное соглашение между КНР и ЕС
2021	– Создание «демократической коалиции» и «Демократического саммита» – «Закон об инновациях и конкуренции» – «Закон о стратегической конкуренции» – Формирование АУКУС	– «Антиковидная дипломатия» – Первый после пандемии коронавируса прямой диалог между китайскими и американскими дипломатами («переговоры на Аляске»), в ходе которого стороны выдвинули различные обвинения в адрес друг друга

Окончание табл. 2

Год	США	КНР
		– Китайская сторона установила «три основные черты» и выдвинула «два списка ключевых проблем» в отношениях с США – КНР признала режим талибов (запрещены в РФ) новым правительством в Афганистане
2022	– «Закон America COMPETES» – «Закон о чипах и науке» – Визит спикера Палаты представителей Н. Пелоси на Тайвань – Формирование «Партнерства по глобальной инфраструктуре и инвестициям»	– КНР приняла контрмеры в ответ на визит американского чиновника на Тайвань и провел крупномасштабные военные учения вблизи острова – Принята Глобальная инициатива развития (GDI)
2023	– Реализация технологической политики «Маленький двор, высокий забор» – Вашингтон развязал «войну чипов» с Пекином	– Ирано-саудовское соглашение, заключенное при дипломатическом посредничестве КНР – Принята Глобальная инициатива безопасности (GSI) – Принята Глобальная инициатива цивилизации (GCI)
2024	– Вашингтон ускорил усилия по «декаплингу» – Вашингтон спровоцировал обострение технологической войны посредством массового принятия законов об ограничениях торговли и эмбарго в сфере полупроводниковой и индустрии искусственного интеллекта (ИИ) – Новоизбранный президент Трамп сформировал свою вторую администрацию с большинством членов кабинета министров, настроенных против КНР, что свидетельствует о конфронтационном характере политики Вашингтона в отношении КНР на ближайшие годы	– Активное применение китайской «дипломатии главы государства» усилило стратегическое взаимодействие КНР со всем миром в эпоху после пандемии – Пекин ужесточил правила экспортного контроля в отношении важнейших полезных ископаемых и товаров двойного назначения
2025	– Д. Трамп объявил о своем амбициозном проекте <i>Stargate</i>, направленном на сохранение американской гегемонии в сфере ИИ и начало «холодной войны ИИ» с КНР – Вашингтон признал <i>DeepSeek</i> угрозой национальной безопасности и ввел всеобъемлющий запрет на его использование – Д. Трамп возобновил торговую войну против КНР	Китайский гигант ИИ <i>DeepSeek</i> бросил вызов американскому доминированию в сфере ИИ

Источник: составлено Чэн Го на основе: The State Council Information Office of the PRC. URL: <https://english.www.gov.cn/> (accessed: 16.04.2025); Issues // Trump White House. URL: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/> (accessed: 10.01.2025); US — China Relations in the Biden Era: A Timeline // China Briefing. URL: <https://www.china-briefing.com/news/us-china-relations-in-the-biden-era-a-timeline/> (accessed: 10.01.2025).

«Технико-экономическая» война, начатая Д. Трампом против Китая, играет ключевую роль в формировании политики «двойной циркуляции» в КНР, смещая стратегические приоритеты с внешних рынков на внутренний рынок. Стремясь стимулировать национальное развитие в ответ на растущий популизм и

национализм во всем мире¹⁵, эта политика превратила КНР из «полупериферии» в

¹⁵ Wang Z. H. Kan XiJinping zhejici zhongyao jianghua, nongdong “daxunhuan” “shuangxunhuan” [Понимание «большой циркуляции» и «Двойной циркуляции» через несколько основных речей Си Цзиньпина] // Xinhua. September 5, 2020. (На китайском

«центр» мировой экономики на стратегическом уровне (Матвеева, Чжао, 2021). Кроме того, Пекин фокусируется на продвижении «дипломатии соседства» на региональном уровне, чтобы смягчить негативное влияние сдерживающих усилий Вашингтона через свою глобальную сеть альянсов. В результате Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН) стала крупнейшим торговым партнером КНР в 2020 г., обогнав ЕС¹⁶.

Радикальная трансформация внешней политики КНР произошла в эпоху после пандемии. Поддержка правительства талибов в Афганистане в 2021 г. знаменует собой существенный сдвиг политики КНР в сторону контрстратегии противодействия Вашингтону (Zhang, 2022). Кроме того, Пекин играл видную роль международного посредника как в украинском конфликте, так и в ирано-саудовской сделке, в то время как Вашингтон в рамках своей конфронтационной политики боролся как против России, так и против Ирана. В частности, соглашение между Ираном и Саудовской Аравией отражает растущее влияние КНР среди крупных держав в регионе Персидского залива. Пекин получил стратегическое преимущество в условиях «геополитического вакуума», в то время как Вашингтон быстро теряет влияние в нескольких регионах в эпоху после пандемии¹⁷.

Обострение технологического соперничества между КНР и США ускорило комплексные усилия КНР, сосредоточенные на внутренних НИОКР в стремлении к технологической самодостаточности и продвижению китайских прикладных высоких технологий через «Цифровой шелковый путь» среди стран Глобального Юга (Cheng, 2022). Несмотря на комплексную технологическую

блокаду со стороны Вашингтона в последние годы, китайские высокотехнологичные компании продолжали внедрять инновации и добиваться прогресса в таких ключевых секторах, как полупроводники и ИИ, а китайская экономическая модель позволяет реализовывать долгосрочные стратегии¹⁸. Шок от появления нейросети *DeepSeek* в отрасли ИИ в январе 2025 г. продемонстрировал выдающийся технологический прорыв КНР и ее потенциал в области передовых технологических инноваций.

Таким образом, трансформация «большой стратегии» КНР была вызвана эволюцией защитных мер КНР в ответ на политику США, переходом от пассивной модели к наступательной и более прагматичным подходом к обслуживанию основных глобальных интересов КНР. Очевидно, некоторые американские эксперты признали, что политика США является движущим фактором в формировании поведения КНР (Fingar & Lampton, 2023) и тон внешней политики КНР становится все более уверенным¹⁹. С более широкой точки зрения позиция КНР трансформируется из «стратегической защиты» в «стратегическое балансирование» в динамике соперничества с США. Следует отметить, что американское восприятие в настоящее время также, по-видимому, трансформируется, и после возвращения президента Д. Трампа в Белый дом защитный характер стратегии КНР был переоценен, поскольку некоторые ученые подчеркивали, что КНР подрывает американскую гегемонию вместо того, чтобы стремиться к доминированию²⁰. В свою

языке). URL: http://www.xinhuanet.com/politics/xxjxs/2020-09/05/c_1126455277.htm (accessed: 01.04.2024).

¹⁶ Medina A. F. ASEAN Overtakes EU to Become China's Top Trading Partner in Q1 2020 // ASEAN Briefing. May 15, 2020. URL: <https://www.aseanbriefing.com/news/asean-overtakes-eu-become-chinas-top-trading-partner-q1-2020/> (accessed: 09.04.2024).

¹⁷ Siu-kai L. Middle East Sees Rising Chinese Influence as US' Declines // China Daily. July 4, 2024. URL: <https://www.chinadailyhk.com/hk/article/587312> (accessed: 06.03.2025).

¹⁸ Partsinevelos D. Can China Become the World's Top Tech Leader? // MSN. February 19, 2025. URL: <https://www.msn.com/en-us/news/technology/can-china-become-the-world-s-top-tech-leader/ar-AA1zlvM0> (accessed: 11.03.2025).

¹⁹ Yan X. Becoming Strong: The New Chinese Foreign Policy // Foreign Affairs. June 22, 2021. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2021-06-22/becoming-strong> (accessed: 09.10.2024).

²⁰ Latham A., Moeimi A. Unraveling China's Grand Strategy // Institute for Peace and Diplomacy. February 26, 2025. URL: <https://peacediplomacy.org/2025/02/26/unraveling-chinas-grand-strategy-its-aim-is-to-erode-u-s-global-hegemony-not-seek-world-domination/> (accessed: 09.03.2025).

очередь китайские эксперты начали фокусироваться на глубоком изучении тенденций изменения «большой стратегии» США, чтобы адекватно управлять собственной «большой стратегией»²¹. В свою очередь со времен первого президентства Д. Трампа Пекин также приобрел значительно больше опыта в борьбе с волатильностью и неопределенностью политики Вашингтона²².

Трансформация «большой стратегии» КНР: последствия

Современная «большая стратегия» КНР находится под сильным влиянием «школы Цинхуа», возглавляемой профессором Янь Сюэтуном. Его теория «морального реализма» предлагает политически ориентированную стратегию подъема КНР и стратегию национального возрождения, ядром которой являются непрерывные политические реформы и инновации (Yan, 2019a).

Среди китайских ученых существуют разные взгляды на меняющуюся глобальную роль КНР в эпоху стратегического соперничества с США. Так, некоторые исследователи полагают, что перед КНР стоят две основные цели: «модификация путем лидерства» и «модификация путем сотрудничества» (Tang, 2018). Подъем КНР приведет к трансформации как ее глобальной роли, так и международной системы в целом (Yan, 2020, p. 321). КНР все больше внимания уделяет позиционированию себя и содействию формированию более устойчивой международной системы (Allison, 2020; Chen & Zhang, 2020; Yan, 2019b).

С точки зрения дипломатии концепция «отношений между крупными державами», принятая Китаем, сигнализирует о дипломатической переориентации на сотрудничество с различными странами в соответствии с его

меняющейся глобальной ролью, особенно в управлении отношениями с крупнейшими державами Глобального Севера. Внешняя политика КНР в эпоху, предшествующую началу стратегического соперничества, носила оборонительный характер (Nathan & Scobell, 2012). Так, например, трансформация «большой стратегии» КНР (табл. 3) определяет более гибкую дипломатию в отношении ЕС, сосредоточенную на взаимном экономическом росте в эпоху после пандемии и одновременном снижении геополитической напряженности. В результате политика Евросоюза в отношении Китая постепенно трансформировалась после периода геополитической нестабильности, проявившего расхождения по многим вопросам²³. В 2023–2024 гг. конструктивное двустороннее взаимодействие и визиты глав государств придали сильный импульс отношениям между КНР и ЕС²⁴.

Десятилетние усилия КНР по стратегическому сотрудничеству со странами Глобального Юга привели к тому, что Китай достиг сравнительного преимущества в контексте соперничества с США. Порт Чанкай, начавший работу в 2024 г., и новый мегапроект сухопутно-морского коридора в Латинской Америке не только знаменуют новую эру всестороннего взаимодействия между КНР и этим регионом²⁵, но и раскрывают «большую стратегию» Пекина по созданию «портовой цепи» для уравнивания подходов Вашингтона к сдерживанию КНР посредством создания «островной цепи».

²³ Fix L., Carlough M. The Trajectory of US — EU Relations in a Tumultuous Year // Elcano Royal Institute. July 22, 2024. URL: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2024/07/ari102-2024-fix-carlough-the-trajectory-of-us-eu-relations-in-a-tumultuous-year.pdf> (accessed: 09.03.2025).

²⁴ Xing Y. Strong China — EU Ties Vital for Global Future // China Daily. January 9, 2025. URL: <https://www.chinadailyhk.com/hk/article/602096> (accessed: 11.03.2025).

²⁵ China, Peru Ready to Build New Land-sea Corridor Connecting Latin America with Asia // The State Council of the People's Republic of China. November 16, 2024. URL: https://english.www.gov.cn/news/202411/16/content_WS67383f28c6d0868f4e8ed0cd.html (accessed: 02.02.2025).

²¹ Expert Predicts Four Major Trends of U.S. Global Strategy in 2024 // Xiahuanet. January 19, 2024. URL: <https://english.news.cn/northamerica/20240119/4dec974e22df475a85ff06da178d7a13/c.html> (accessed: 09.03.2024).

²² Yan X. Why China Isn't Scared of Trump // Foreign Affairs. December 20, 2024. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/why-china-isnt-scared-trump> (accessed: 13.03.2025).

Таблица 3. Классификация «большой стратегии» КНР

Критерии	Элементы «большой стратегии» КНР
Основной принцип	– Пять принципов мирного сосуществования – Партнерство без присоединения – Научное развитие – Мирный подъем (китайская модель развития) – Великое национальное возрождение (Основные цели подъема КНР)
Основные интересы	– Внутренние интересы: политическая стабильность и социально-экономическое процветание – Международные интересы: сохранение суверенитета и территориальной целостности КНР, рост своего глобального влияния – Тайваньский вопрос (красная линия)
Основные концепции	– «Китайская мечта» – «Отношения между крупными державами» – «Дипломатия соседства» («периферийная дипломатия») – «Сообщество единой судьбы человечества» (китайская версия глобализации)
Дипломатия партнерства КНР	– Крупные державы (дифференциация на основе экономической мощи страны; включает США, страны ЕС и РФ) – Стратегическая периферия КНР (дифференциация, направляемая «большой стратегией» КНР) – От «стран третьего мира» к «развивающимся странам» и к «Глобальному Югу» (дифференциация на основе трансформации международных отношений) – Многосторонние международные форумы (дифференциация, направляемая глобализацией под руководством КНР)
Сети партнерств КНР	– Всеобъемлющее партнерство стратегического взаимодействия, вступающее в новую эпоху (РФ) – Всепогодное стратегическое партнерство по сотрудничеству (Пакистан) – Всеобъемлющее стратегическое партнерство по сотрудничеству (18 стран) – Всеобъемлющее стратегическое партнерство (41 страна, в основном из числа стран Глобального Юга) – Стратегическое партнерство (23 страны)

Источник: составлено Чэн Го на основе: Ministry of Foreign Affairs of Peoples' Republic of China. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/ (accessed: 10.03.2025); The State Council Information Office of the PRC. URL: <https://english.www.gov.cn/> (accessed: 10.03.2025).

В период соперничества между КНР и США китайская интерпретация национальной идентичности своих партнеров динамично трансформируется с геостратегического на геополитический уровень. Китайские эксперты представили модель «связи интересов и угроз» для исследования и классификации сети партнерств КНР (Liu & He, 2023). Исключительная роль Пакистана отражает стратегический периферийный интерес КНР. Особая роль Казахстана и Кыргызстана перекликается со стратегией КНР «Движение на Запад»²⁶, смещая приоритет в сторону

Центральной Азии и усиления механизма саммитов «Китай — пятерка государств Центральной Азии»²⁷.

Традиционно классификация приоритетов КНР определялась торгово-экономическими отношениями, однако в настоящее время «большая стратегия» Китая трансформируется от экономического сотрудничества и партнерств на уровне внешней политики к стратегии создания незападных блоков на геополитическом уровне в ответ на соперничество, развязанное Вашингтоном и коалицией его союзников.

²⁶ Wang J. S. Xijin: Zhongguo diyuan zhanlue de zaipingheng [Движение на Запад: перебалансировка геостратегии КНР] // Huánqiú Shíbào. October 17, 2012. (На китайском языке). URL <https://news.sina.cn/sa/2012-10-17/detail-ikmxzfink1459775.d.html> (accessed: 12.04.2025).

²⁷ Wani A. C+C5 Summit: Beijing's Increasing Shadow over Central Asia // Observer Research Foundation. May 29, 2023. URL: <https://www.orfonline.org/expert-speak/cc5-summit-beijings-increasing-shadow-over-central-asia> (accessed: 12.04.2024).

В политическом плане БРИКС, укрепляющий свое влияние среди стран Глобального Юга, становится решающей силой в продвижении незападных подходов к глобальному управлению. Предложение КНР о расширении БРИКС отражает наступательный характер политики Пекина по созданию блоков в ответ на блоковую политику США. Растущая проблема блокового соперничества для КНР в основном отражает обеспокоенность Пекина вопросами безопасности, поскольку Вашингтон фактически трансформировал «большую семерку» (G7) и Организацию Североатлантического договора (НАТО) в антикитайские альянсы, в то время как «Квад» и АУКУС играют роль «азиатских НАТО», окружающих КНР²⁸. Стратегически расширение Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) за счет потенциального членства большего количества евразийских государств может сделать из нее ведущий незападный военно-политический блок. КНР также занимает лидирующее положение во ВРЭП, что позволяет сбалансировать негативное влияние торгового протекционизма Вашингтона и политики «декаплинга» и менять глобальный торговый ландшафт. КНР также фокусируется на более дискурсивной силе, представляя незападные державы в G20.

Модернизация — еще один ключевой компонент «большой стратегии» КНР. Инициатива ОПОП изначально является элементом глобальной стратегией КНР по развитию инфраструктуры, ориентированной на модернизацию и взаимосвязанность. Запуск ОПОП еще больше углубил экономическую взаимозависимость между КНР и 149 странами и 32 международными организациями и способствовал росту глобального влияния КНР²⁹.

²⁸ Green M. J. Never Say Never to an Asian NATO // Foreign Policy. September 6, 2023. URL: <https://foreignpolicy.com/2023/09/06/asian-nato-security-alliance-china-us-quad-aukus-japan-australia-taiwan-military-biden/> (accessed: 13.04.2024).

²⁹ The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future // The State Council Information Office of the People's Republic of China. October 2023. URL: http://www.scio.gov.cn/zfbps/zfbps_2279/202310/t20231010_773734.html (accessed: 13.04.2024).

Развитие инициативы ОПОП за последнее десятилетие показывает ее трансформацию из «инициативы/плана развития» в период до-стратегического соперничества в «стратегию развития» и «модель развития» в современную эпоху стратегического соперничества. Быстрорастущее влияние инициативы ОПОП среди стран Глобального Юга дает КНР рычаги для хеджирования негативного влияния последствий стратегического соперничества и делает возможным сценарий создания блока, основанного на концепции «Одна ось, два крыла»³⁰. Потенциальное формирование «Клуба ОПОП» могло бы создать крупнейший блок и изменить глобальный геополитический ландшафт. В свою очередь технологический компонент инициативы ОПОП, Цифровой Шелковый путь (ЦШП), играет роль цифрового моста для развития технологического сотрудничества и модернизации (Cheng, 2022, p. 271).

Заключение

Проанализировав процесс трансформации «большой стратегии» КНР в контексте стратегического соперничества между КНР и США, автор приходит к выводу, что именно это соперничество и политика США в отношении Китая вынуждают Пекин преобразовывать свою «большую стратегию» из защитной в наступательную модель. Более того, реализация внешней политики КНР становится более прагматичной в обслуживании ее основных глобальных интересов и уравнивании конфронтационных подходов США к двусторонним отношениям.

Трансформация «большой стратегии» побуждает КНР более активно участвовать в региональных и глобальных делах. Пандемия COVID-19 стала поворотным моментом для этого важного сдвига, а множественные

³⁰ Данная концепция подразумевает Китай как главную ось Глобального Юга, «западное крыло» — это Западная Азия, страны Центральной и Восточной Европы, а также Африка, а «восточное крыло» — это страны Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC). Подробнее см.: (Cheng et al. 2019, p. 78).

региональные кризисы ускоряют этот процесс. В частности, наблюдается растущая тенденция, когда Вашингтон сосредоточивается на противодействии КНР на двустороннем уровне, а Пекин формулирует свою «большую стратегию» и принимает контрмеры в многостороннем формате.

Трансформация «большой стратегии» КНР также обуславливает усилия Пекина по созданию и укреплению глобальных партнерских сетей в контексте соперничества с США, а также развитию взаимодействия со странами Глобального Юга в рамках инициативы ОПОП. Кроме того, Пекин начинает фокусироваться на достижении геополитических целей посредством участия в решении широкого круга вопросов глобальной повестки.

Таким образом, стратегическое соперничество между КНР и США изменило геополитическую обстановку для КНР. С одной

стороны, вернувшийся в Белый дом в качестве президента Д. Трамп начал новый раунд «технико-экономической войны» против КНР, анонсировав амбициозный проект *Stargate*, и возобновил торговую войну. С другой стороны, понимание Вашингтоном своей пересмотренной «большой стратегии», в которой в значительной степени доминирует «менталитет холодной войны», нагнетание страха вокруг амбиций Китая, а также выдвижение соперничества с КНР в качестве приоритета во внешней политике США, — все это может оттолкнуть некоторых партнеров США. Очевидно, что широкомасштабные изменения тарифов, начатые Д. Трампом, и вызванный этим дипломатический хаос нанесли ущерб репутации Соединенных Штатов. В этой связи, как представляется, Китай ускорит процесс трансформации своей «большой стратегии».

Поступила в редакцию / Received: 16.04.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 14.01.2025
Принята к публикации / Accepted: 20.03.2025

Список литературы

- Грачиков Е. Н., Чжоу С. Национальные интересы Китая: коннотации, иерархия, балансирование // *Мировая экономика и международные отношения*. 2023. Т. 67, № 8. С. 70–83. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2023-67-8-70-83>; EDN: IXPUZZ
- Грачиков Е. Н., Сюй Х. КНР и международная система: формирование собственной модели мироустройства // *Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика*. 2022. Т. 17, № 1. С. 7–24. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2022-01-01>; EDN: ZDZJNP
- Дегтерев Д. А., Рамич М. С., Цвык А. В. США — КНР: «властный транзит» и контуры «конфликтной биполярности» // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 2. С. 210–231. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-2-210-231>; EDN: PXYZEE
- Матвеева Н. В., Чжао Ф. «Один пояс, один путь»: место Китая в глобальной модели «двойной циркуляции» // *Московский экономический журнал*. 2021. № 9. С. 107–117. EDN: QJXOLW
- Шарипов Ф. Ф., Тимофеев О. А. Обострение китайско-американской конкуренции по проблеме миропорядка: эволюция взглядов китайских ученых // *Проблемы Дальнего Востока*. 2023. № 2. С. 26–40. <https://doi.org/10.31857/S013128120025383-2>; EDN: BBFDWU
- Allison G. The New Spheres of Influence: Sharing the Globe with Other Great Powers // *Foreign Affairs*. 2020. Vol. 99, no. 2. P. 30–40. URL: <https://www.jstor.org/stable/26892661> (accessed: 18.03.2024).
- Allison G. *Destined for War: Can America and China Escape Thucydides's Trap?* Boston, MA: Houghton Mifflin Harcourt, 2017.
- Balzacq T., Krebs R. R. *The Oxford Handbook of Grand Strategy*. Oxford: Oxford University Press, 2021. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780198840299.001.0001>
- Chen Zh., Zhang X. Chinese Conception of the World Order in a Turbulent Trump Era // *The Pacific Review*. 2020. Vol. 33, no. 3–4. P. 438–468. <https://doi.org/10.1080/09512748.2020.1728574>; EDN: HWVNWY
- Cheng G. China's Digital Silk Road in the Age of the Digital Economy: Political Analysis // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2022. Vol. 22, no. 2. P. 271–287. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-271-287>; EDN: CWJLIN

- Cheng G., Chen Lu, Degterev D. A., Zhao J. Implications of “One Belt, One Road” Strategy for China and Eurasia // *Vestnik RUDN. International Relations*. 2019. Vol. 19, no. 1. P. 77–88. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-77-88>; EDN: GDGJEF
- Cheng Y. Dazhanlue de sixiang yu shijian: xingcheng, tezheng yu yanjin [Мысль и практика «большой стратегии»: формирование, характеристики и эволюция] // *Shixue Yuekan* [Ежемесячник исторической науки]. 2018. No. 2. P. 21–27. (На китайском языке).
- China’s Grand Strategy: A Roadmap to Global Power? / ed. by D. B. H. Denoon. New York : New York University Press, 2021. <https://doi.org/10.18574/nyu/9781479804085.001.0001>
- Doshi R. The Long Game: China’s Grand Strategy to Displace American Order. New York : Oxford University Press, 2021. <https://doi.org/10.1093/oso/9780197527917.001.0001>
- Dou G. Meiguo bainian quanqiu zhanlue [Столетняя глобальная стратегия Соединенных Штатов]. Beijing : Social Sciences Academic Press, 2024. (На китайском языке).
- Fingar T., Lampton D. M. China’s America Policy: Back to the Future // *The Washington Quarterly*. 2023. Vol. 46, no. 4. P. 43–63. <https://doi.org/10.1080/0163660X.2023.2285541>; EDN: VNUBHX
- Gaddis J. L. International Relations Theory and the End of the Cold War // *International Security*. 1992. Vol. 17, no. 3. P. 5–58. <https://doi.org/10.2307/2539129>
- Gilpin R. War and Change in World Politics. Cambridge : Cambridge University Press, 1981. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511664267>
- Goldstein A. Rising to the Challenge : China’s Grand Strategy and International Security. Redwood City : Stanford University Press, 2005. <https://doi.org/10.1515/9780804756556>
- Himmer M., Rod Z. Chinese Debt Trap Diplomacy: Reality or Myth? // *Journal of the Indian Ocean Region*. 2022. Vol. 18, no. 3. P. 250–272. <https://doi.org/10.1080/19480881.2023.2195280>; EDN: JACXII
- Jiang Y. The Rise and Fall of the Wolf Warriors // *Crisis* / ed. by J. Golley, L. Jaivin, S. Strange. Canberra : ANU Press, 2021. P. 33–38. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1m9x316.9>
- Kachiga J. The Pulse of China’s Grand Strategy. London : Routledge, 2022. <https://doi.org/10.4324/9781003254867>
- Krieger G. China’s Grand Strategy: A Roadmap to Global Power? Edited by David B. H. Denoon. New York: New York University Press. 2021. 336 pp. £96.00. ISBN 9781479804085. Available as e-book // *International Affairs*. 2022. Vol. 98, no. 3. P. 1117–1119. <https://doi.org/10.1093/ia/iia033>; EDN: MXUCJS
- Liu F., He K. China’s Bilateral Relations, Order Transition, and the Indo-Pacific Dynamics // *China Review*. 2023. Vol. 23, no. 1. P. 11–43. URL: <https://www.jstor.org/stable/48717987> (accessed: 12.12.2023).
- Mastanduno M. Preserving the Unipolar Moment: Realist Theories and U.S. Grand Strategy after the Cold War // *International Security*. 1997. Vol. 21, no. 4. P. 49–88. <https://doi.org/10.2307/2539283>; EDN: HIEYXX
- Mearsheimer J. J. The Tragedy of Great Power Politics : upd. ed. New York : W. W. Norton & Company, 2014.
- Men H. China’s Grand Strategy : A Framework Analysis. Singapore : Springer, 2020. <https://doi.org/10.1007/978-981-15-4257-2>
- Miles M. D., Miller Ch. R. Global Risks and Opportunities: The Great Power Competition Paradigm // *Joint Forces Quarterly*. 2019. No. 94. P. 80–85. URL: https://ndupress.ndu.edu/Portals/68/Documents/jfq/jfq-94/jfq-94_86-91_Miles-Miller.pdf?ver=2019-07-25-162025-130 (accessed: 12.04.2024).
- Mukherjee R. Ascending Order : Rising Powers and the Politics of Status in International Institutions. Cambridge : Cambridge University Press, 2022. <https://doi.org/10.1017/9781009186803>
- Nathan A. J., Scobell A. How China Sees America: The Sum of Beijing’s Fears // *Foreign Affairs*. 2012. Vol. 91, no. 5. P. 32–47. URL: <http://www.jstor.org/stable/41720859> (accessed: 12.12.2023).
- Nye J. S., Jr. How Not to Deal with a Rising China: A US Perspective // *International Affairs*. 2022. Vol. 98, no. 5. P. 1635–1651. <https://doi.org/10.1093/ia/iia017>; EDN: YWWDRN
- Nye J. S., Jr. Soft Power and Great-Power Competition : Shifting Sands in the Balance of Power Between the United States and China. Singapore : Springer, 2023. <https://doi.org/10.1007/978-981-99-0714-4>
- Organski A. F. K. World Politics. New York : Alfred A. Knopf, 1958.
- Porter P. Why America’s Grand Strategy Has Not Changed: Power, Habit, and the U.S. Foreign Policy Establishment // *International Security*. 2018. Vol. 42, no. 4. P. 9–46. https://doi.org/10.1162/isec_a_00311
- Posen B. R. Restraint : A New Foundation for U.S. Grand Strategy. Ithaca and London : Cornell University Press, 2014. URL: <http://www.jstor.org/stable/10.7591/j.ctt5hh0db> (accessed: 01.04.2024).
- Renshon J. Fighting for Status : Hierarchy and Conflict in World Politics. Princeton : Princeton University Press, 2017. <https://doi.org/10.1010.23943/princeton/9780691174501.001.0001>; EDN: VCMXPW
- Silove N. Beyond the Buzzword: The Three Meanings of “Grand Strategy” // *Security Studies*. 2018. Vol. 27, no. 1. P. 27–57. <https://doi.org/10.1080/09636412.2017.1360073>

- Song D. Zhongguo jueqi de dazhanlue lilun goujian [Теоретическая конструкция «большой стратегии» растущего Китая] // // Guoji Zhanwang [Международное обозрение]. 2013. Vol. 3. P. 27–46. (На китайском языке).
- Tang S. China and the Future International Order(s) // *Ethics & International Affairs*. 2018. Vol. 32, no. 1. P. 31–43. <https://doi.org/10.1017/S0892679418000084>
- Wang F. Zhongguo waijiao de zhanlue paixu yu duomubiao jueze [Стратегическое ранжирование и многоцелевое принятие решений в китайской дипломатии] // *Waijiao Pinglun* [Обзор иностранных дел]. 2022. Vol. 39, no. 2. P. 1–20. (На китайском языке). <https://doi.org/10.13569/j.cnki.far.2022.02.001>
- Wang J. China's Search for a Grand Strategy: A Rising Great Power Finds Its Way // *Foreign Affairs*. 2011. Vol. 90, no. 2. P. 68–79. URL: <http://www.jstor.org/stable/25800458> (accessed: 01.04.2024).
- Wang J. China's Search for Stability with America // *Foreign Affairs*. 2005. Vol. 84, no. 5. P. 39–48. <https://doi.org/10.2307/20031704>
- Wang J. The Plot Against China? How Beijing Sees the New Washington Consensus // *Foreign Affairs*. 2021. Vol. 100, no. 4. P. 48–57. URL: <https://www.jstor.org/stable/27121350> (accessed: 10.02.2024).
- Winkler S. Ch. Strategic Competition and US — China Relations: A Conceptual Analysis // *The Chinese Journal of International Politics*. 2023. Vol. 16, no. 3. P. 333–356. <https://doi.org/10.1093/cjip/poad008>; EDN: DGTDWJ
- Yan X. Bipolar Rivalry in the Early Digital Age // *The Chinese Journal of International Politics*. 2020. Vol. 13, no. 3. P. 313–341. <https://doi.org/10.1093/cjip/poaa007>; EDN: TOAWUU
- Yan X. Leadership and the Rise of Great Powers. Princeton: Princeton University Press, 2019a. <https://doi.org/10.2307/j.ctvc77dc8>
- Yan X. The Age of Uneasy Peace: Chinese Power in a Divided World // *Foreign Affairs*. 2019b. Vol. 98, no. 1. P. 40–46. URL: <https://www.jstor.org/stable/26798009> (accessed: 24.04.2024).
- Zhang F. China's New Engagement with Afghanistan after the Withdrawal // *LSE Public Policy Review*. 2022. Vol. 2, no. 3. P. 1–13. <https://doi.org/10.31389/lseppr.52>
- Zhu F. Zhongmei zhanlue jingzheng yu dongya anquan zhixu de weilai [Стратегическое соперничество КНР — США и будущее восточноазиатской безопасности] // *Shijie jingji yu zhengzhi* [Мировая экономика и политика]. 2013. No. 3. P. 9–12. (На китайском языке).

Сведения об авторе:

Чэн Го — кандидат исторических наук, научный сотрудник Школы иностранных языков, Нанкинский университет науки и технологий; аспирант кафедры истории философии, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 3476-0140; ORCID: 0000-0003-4927-6596; e-mail: ivanc25@yahoo.com

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-208-222

EDN: MHQPGT

Научная статья / Research article

Нейтралитет Швеции в годы Второй мировой войны: ретроспективные оценки и современные тенденции

Н.П. Пархитко^{1,2} , К.П. Курылев¹ , А.А. Сучилина² , Е.В. Данилова¹ ¹Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Российская Федерация²Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация parkhitko_np@pfur.ru

Аннотация. Вступление в силу 7 марта 2024 г. Протокола о присоединении Швеции к Организации Североатлантического договора (НАТО) подводит историческую черту под более чем 200-летней политикой нейтралитета этой скандинавской страны. Впервые озвученный в августе 1814 г. королем Швеции Карлом XIV Юханом и реализованный на практике в 1834 г. принцип постоянного нейтралитета Швеции представлял собой интегральную основу ее внешнеполитического курса. Следование политике нейтралитета позволило Швеции избежать разрушительных последствий двух мировых войн, а также оставаться экономическим бенефициаром противостояния США и СССР в годы холодной войны. Вместе с тем то, что принято характеризовать как «постоянный нейтралитет», имея в виду швейцарский эталон, в случае Швеции заслуживает как минимум более детального аналитического подхода, как максимум — критического переосмысления. Для решения поставленной академической задачи авторы исследования оперируют методологией исторической и политической наук: историко-аналитическим методом, методом сравнения, методом социально-исторических и социально-политических аналогий и методом политического анализа. Также применены бихевиоралистский подход и теория рационального выбора, при помощи которых выявлены факторы, повлиявшие на решение политических элит Швеции о завершении эпохи нейтралитета и присоединении к военно-политическому блоку НАТО. Предмет исследования — политика формального нейтралитета, которой придерживалась Швеция в годы Второй мировой войны. Авторы неслучайно употребили сочетание «формальный» применительно к характеру шведского нейтралитета в 1939–1945 гг., поскольку именно в годы Второй мировой войны, по мнению авторов, практическое содержание шведского понимания «нейтралитета» было продемонстрировано наиболее иллюстративно. В свою очередь, это существенно упрощает нам понимание мотивов столь быстрого вступления страны в НАТО в 2024 г. В заключительной части приведена оценка актуальных тенденций развития внешнеполитического курса Швеции, а также ключевые факторы, обусловившие решение о вступлении Швеции в НАТО: историческая преемственность и традиционный политический западнцентризм.

Ключевые слова: постоянный нейтралитет, Германия, СССР, США, НАТО, геополитическая обстановка

© Пархитко Н.П., Курылев К.П., Сучилина А.А., Данилова Е.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Пархитко Н.П.: разработка методологии исследования, подготовка черновика рукописи, редактирование рукописи по итогам рецензирования. Курьев К.П.: концептуализация, разработка методологии исследования, руководство исследованием. Сучилина А.А.: подбор источниковой базы, валидация данных. Данилова Е.В.: редактирование материала. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Для цитирования: Пархитко Н. П., Курьев К. П., Сучилина А. А., Данилова Е. В. Нейтралитет Швеции в годы Второй мировой войны: ретроспективные оценки и современные тенденции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 208–222. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-208-222>

Sweden's Neutrality During World War II: A Retrospective Analysis and Modern Tendencies

Nickolay P. Parkhitko^{1,2} , Konstantin P. Kurylev¹ ,
Anna A. Suchilina² , Elena V. Danilova¹

¹ RUDN University, Moscow, Russian Federation

² Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

 parkhitko_np@pfur.ru

Abstract. The entry into force of the Protocol on Sweden's Accession to North Atlantic Treaty Organization (NATO) on 7 March 2024 draws a historic line under the Scandinavian country's more than 200-year policy of neutrality. First proclaimed by King Carl XIV Johan of Sweden in August 1814 and put into practice in 1834, the principle of permanent neutrality has been an integral pillar of Sweden's foreign policy. Adherence to the policy of neutrality allowed Sweden to avoid the devastating consequences of the two world wars and to remain an economic beneficiary of the confrontation between the USA and the USSR during the Cold War. On the other hand, what is commonly referred to as 'permanent neutrality' — with reference to the Swiss benchmark — in the case of Sweden deserves at least a more detailed analytical approach and at most a critical rethinking. The authors of this study use the methodology of historical and political science: the historical and analytical method, the method of comparison, the method of socio-historical and socio-political analogies and the method of political analysis. The authors also apply a behavioral approach and rational choice theory to identify the factors that influenced the decision of Sweden's political elites to end the era of neutrality and join the NATO politico-military bloc. The subject of the proposed article is Sweden's policy of formal neutrality during the World War II. It is no coincidence that the authors use the term 'formal' to refer to the nature of Swedish neutrality in the period 1939–1945, since it was during the World War II, in the authors' opinion, that the practical content of the Swedish understanding of 'neutrality' was most clearly demonstrated. This, in turn, makes it much easier to understand the motives behind the country's rapid accession to NATO in 2024. Assessing the current trends in the development of Sweden's foreign policy course, the authors in the final part of the study cite the key factors behind the decision to join NATO: historical continuity and traditional political Western-centrism.

Key words: Sweden, permanent neutrality, Germany, USSR, USA, NATO, geopolitical environment

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. N.P. Parkhitko: data curation, development of research methodology, preparation of the draft manuscript, editing of the manuscript following the review. K.P. Kurylev: conceptualization, development of research methodology, research supervision. A.A. Suchilina: document selection, data validation. E.V. Danilova: proofreading. All authors have read and approved the final version of the article.

For citation: Parkhitko, N. P., Kurylev, K. P., Suchilina, A. A., & Danilova, E. V. (2025). Sweden's neutrality during World War II: A retrospective analysis and modern tendencies. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(2), 208–222. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-208-222>

Введение: историография и методология исследования

Целью исследования в узком смысле является выявление причин трансформации шведского нейтралитета от неучастия в военных кампаниях и коалициях зарубежных стран до присоединения к Организации Североатлантического договора (НАТО) 7 марта 2024 г. В широком же смысле авторы ставят перед собой задачу провести фундаментальный историко-диалектический анализ, позволяющий найти ответ на ключевой вопрос: почему подобная трансформация стала в принципе возможной? И хотя актуальность исследования, на первый взгляд, не вызывает сомнений, авторы усматривают в текущих событиях глубокие исторические корни, обуславливающие своеобразную прецедентность решений об отказе от нейтрального характера внешней политики страны, принятых руководством Швеции в 2023–2024 гг.

В качестве предметного поля исследования авторы предлагают к рассмотрению политику нейтралитета Швеции в годы Второй мировой войны, поскольку, по мнению авторов, именно в этот период сложились принципиальные «допущения», приведшие в итоге к практическим шагам, предпринятым Швецией в наши дни. Речь идет о двоякой имплементации принципов нейтралитета — как минимум, это транзит войск и военных грузов через собственную территорию и формирование добровольческих соединений на территории страны в период «Зимней войны».

Основными методами, применяемыми авторами в ходе исследования, являются историко-аналитический метод, метод сравнения, метод социально-исторических и социально-политических аналогий. Если систематизировать их диалектическое содержание, то оно сводится к рассмотрению исторических событий, процессов или явлений в контексте их значимости и влияния на современность. Инструментально-практическая ценность данной методики, таким образом, заключается

не только в изучении исторических фактов, но и понимании того, как прошлое формирует настоящее и будущее, каким образом события и идеи прошлого остаются актуальными и полезными для анализа современных проблем и процессов. В методологическом плане исследование опирается на бихевиорализм и теорию рационального выбора, которые позволяют объяснить мотивы трансформации «поведенческой модели» Швеции в отношении Германии в ходе Второй мировой войны в результате изменения обстановки на театре войны и выявить причины отказа Швеции от нейтралитета в пользу присоединения к НАТО на современном этапе. Как представляется, в обоих случаях государство стремилось к максимизации выгоды и реализации своих национальных интересов, даже если это означало отказ от заявленного нейтралитета.

Проблематика шведского нейтралитета была изучена достаточно обстоятельно еще в годы холодной войны. В рамках исследования авторы опирались на широкий перечень материалов, включая монографии, научные статьи и источниковую базу. Среди монографических исследований, посвященных изучаемой проблематике, следует выделить работу Ф. Браконьера, содержащую исторический анализ формирования политики шведского нейтралитета с момента завершения наполеоновских войн до конца XX столетия и вступления страны в Европейский союз (ЕС) (Braconier, 1989), К. Агиуса, британско-австралийского политолога, специализирующегося на скандинавской политике, нейтралитете и идентичности, чье исследование посвящено анализу социально-политического измерения проблемы и объяснению, как нейтралитет стал частью национальной идентичности Швеции и как он менялся под влиянием глобальных процессов (Agius, 2012), а также М. Мальмборга, рассмотревшего политику нейтралитета Швеции в контексте развития и функционирования государственных институтов страны (Malmborg, 2001).

Большой интерес представляет монография Э. Карша, в которой проанализирована политика нейтралитета малых государств (Karsh, 1988) и работа К. Вальбэка, в которой детально анализируется «особый характер» нейтралитета Швеции в контексте меняющихся геополитических реалий (Wahlbäck, 1986).

Большим подспорьем для авторов послужили научные статьи шведских и американских исследователей, таких как А. Бьёркдаль (Björkdahl, 2013), К. Арчер (Archer, 1996), К. Дэвин (Devine, 2011), Л. Гётшель (Goetschel, 1999; 2013), С. Рундквист¹, Б. Бушард² и др.

Особый интерес представляет работа У. Бьерэльда, шведского политолога и профессора Гётеборгского университета, специализирующегося на внешней политике Швеции, нейтралитете и безопасности, соавтора книги «*Sveriges säkerhet och världens fred: Svensk utrikespolitik under kalla kriget*» («Внешняя политика Швеции и политика безопасности в период холодной войны»), представившего анализ шведской политики нейтралитета в контексте холодной войны и ее трансформации (Bjereld, Johansson & Molin, 2008). А.-С. Даль, датско-шведский политолог, специализирующаяся на скандинавской безопасности, НАТО и нейтралитете, в монографии 2008 г. детально проанализировала корреляцию нейтралитета Швеции с политикой НАТО и США, что, в свою очередь, позволило прийти к пониманию, почему Швеция решила вступить в НАТО в 2022 г. (Dahl, 2008).

Отдельного упоминания заслуживают работы шведского историка Бо Хулдта, эксперта по международным отношениям, бывшего директора Шведского института международных отношений, автора целого ряда

работ о шведской безопасности и нейтралитете, поскольку в его исследованиях анализируется исторический контекст шведского нейтралитета и его эволюция (Huldt, 1977; *Security in the North...*, 1984).

В указанных работах приводятся аргументы как «за», так и «против» рационального выбора Швеции в пользу прагматичного экономического сотрудничества с Россией, что, в свою очередь, коррелирует с теорией рационального выбора (принцип мотивации предпочтений — в данном случае экономического выбора), к которой авторы апеллируют ниже.

Из российских исследователей, занимающихся изучением вопроса шведского нейтралитета в годы Второй мировой войны, следует выделить фундаментальную монографию А.С. Кана (Кан, 1967), из релевантных исследований — статью С.С. Гулякина (Гулякин, 2018) и работу А.А. Смирновой и В.В. Федорова (Смирнова, Федоров, 2016), в которых нашел отражение анализ внешнеполитического вектора Швеции в период ее следования практике нейтралитета. Следует обратить внимание на работы К.В. Воронова (Воронов, 2013; 2018), А.А. Громыко (Громыко, Плевако, 2016) и Е.М. Малышевой (Малышева, 2016), подкрепляющих аргументационную базу исследования.

Обращаясь к историографии изучаемой проблематики, отдельного упоминания заслуживает научная статья Е.В. Коруновой, содержащая исчерпывающий анализ причин, не позволивших скандинавским странам попытаться сформировать нечто наподобие Скандинавского оборонительного союза, — структуры, которую по завершении Второй мировой войны предложила создать Швеция. Как отмечает Е.В. Корунова, Швеция, Норвегия, Дания и Финляндия накануне войны ориентировались на разные, противостоявшие друг другу великие державы, и это стало ключевым препятствием на пути развития их военно-политического сотрудничества (Корунова, 2017).

Философское измерение проблемы представлено в исследовании П.П. Калугиной и Е.А. Сергеева. Данные авторы сосредоточились

¹ Rundquist S. Sweden Celebrates 200 Years of Peace // *The Local*. August 15, 2014. URL: <http://www.thelocal.se/20140815/sweden-celebrates-200-years-of-peace> (accessed: 15.01.2025).

² Bushard B. Sweden Officially Joins NATO in Blow to Russia // *Forbes*. March 7, 2024. URL: <https://www.forbes.com/sites/brianbushard/2024/03/07/sweden-officially-joins-nato-in-blow-to-russia/> (accessed: 15.01.2025).

на выявлении теоретико-философских аспектов, обуславливающих противоречивый характер внешнеполитического вектора ЕС, выражающегося в одновременном стремлении к повышению влияния Евросоюза на мировой арене и отказе от зарекомендовавшей себя в течение многих десятилетий модели развития отношений с Россией (Калугина, Сергеев, 2025). Швеция в данном случае является хотя и частным, но иллюстративным примером подобной практики.

Кроме того, при анализе вступления Швеции в НАТО важными источниками послужили материалы российских и зарубежных информационных агентств и актуальные интервью политических деятелей Швеции и НАТО за 2023–2024 гг.

Наиболее эффективным методом при изучении мотивирующих факторов, повлиявших на вступление Швеции в НАТО, является метод политического анализа, которым авторы оперировали при исследовании политической мотивации Швеции в контексте принятия решения об отказе от политики нейтралитета.

История шведского нейтралитета

Прежде всего, рассмотрим понятие нейтралитета в контексте международного права. Согласно определению, данному еще в начале XX в., нейтралитет — это неучастие в войне, а в мирное время — отказ от участия в агрессивных военно-политических блоках и неприсоединение к ним, а также сокращение военных arsenалов и бюджетных расходов на оборону³.

В современном международном праве нейтралитет означает положение государства, не принимающего участия в войне между другими державами. Международное право нейтралитета содержит три ограничения на действия нейтральной страны на время войны между другими государствами:

1) не предоставлять собственные вооруженные силы воюющим сторонам;

2) не предоставлять свою территорию для использования воюющим сторонам (базирование, транзит, перелет и т. д.);

3) не дискриминировать ни одну из сторон в поставках оружия и товаров военного назначения (то есть ограничения либо одинаковые, либо вообще отсутствуют) (Кружков, 2000).

Как отмечает в своем исследовании С.С. Гулякин, «нет ни одного документа, где было бы зафиксировано положение о нейтралитете Швеции. Нейтралитет этого государства основан только на одностороннем волеизъявлении самой Швеции, он не записан в Конституции Швеции и не закреплён в каких-либо других нормативных документах. Нейтралитет этой страны нельзя считать постоянным в полном смысле этого слова, как, например, нейтралитет Швейцарии» (Гулякин, 2018, с. 47). Таким образом, рассматривать феномен шведского нейтралитета следует в контексте специфики исторического развития Швеции и ее внешней политики.

Принципиальное решение о принятии за основу внешнеполитического позиционирования принципа нейтралитета усматривается в политике Швеции еще в эпоху наполеоновских войн. В соответствии с положениями Фридрихсгамского мирного договора, завершившего русско-шведскую войну 1808–1809 гг., Швеция утрачивала контроль над Финляндией в пользу России, что подводило своего рода историческую черту под вековыми устремлениями этой страны добиться доминирующего военно-политического положения на Балтике (Фомин, 2003). Своеобразным внешнеполитическим реваншем стала скоротечная шведско-норвежская война летом 1814 г., результатом которой стал выход Норвегии из состава датско-норвежского королевства (Дания занимала в тот период профранцузскую позицию) и заключение шведско-норвежской унии⁴. Принципы неприсоединения к военным союзам и отказа от прямого участия в вооруженных конфликтах были озвучены в обращении кронпринца

³ Нейтралитет // Малый энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. : в 2 томах. 4 вып. : Т. 1–2, вып. 1–4. Санкт-Петербург : Издание Брокгауз и Ефрон, 1907–1909.

⁴ Шведско-норвежская уния действовала в 1814–1905 гг.

Карла XIV Юхана⁵ к риксдагу в 1818 г. (Agius, 2012, p. 61). А.А. Смирнова и В.В. Федоров указывают: «Существует также точка зрения, согласно которой нейтральной Швеция стала лишь в 1834 г., когда Карл Юхан в преддверии войны по Восточному вопросу между Великобританией и Россией отправил соответствующие меморандумы правительствам обеих стран, в которых объявил о намерении Швеции сохранить нейтралитет в возможном конфликте... В любом случае ключевым моментом в выборе внешнеполитического курса неучастия в войнах стало желание Карла XIV консолидировать общество, создав таким образом условия для дальнейшего социального, экономического и политического развития государства» (Смирнова, Федоров, 2016, с. 18).

Авторы исследования предлагают принять за точку отсчета шведского нейтралитета все-таки 14 августа 1814 г., то есть подписание Московского мирного договора с Норвегией, поскольку с этого момента Швеция официально не принимала прямого участия в войнах на протяжении более чем 200 лет.

Нейтралитет Швеции в годы Первой мировой войны и в межвоенный период

Кажущаяся простота формулировки понятия «нейтралитет» не должна вводить в заблуждение. В случае со Швецией не следует забывать, что обращение к политике нейтралитета было, скорее, политическим инструментом, нежели философской константой. Необходимо помнить и о том, что на первый взгляд этот «исторический выбор» Швеции отнюдь не олицетворял консенсуса представителей всех политических сил страны. Как отмечает М. Мальмборг, «начиная с XIX в. в политических дискуссиях высказывались опасения по поводу ухудшения имиджа

страны, зависимости Швеции от воли крупных и агрессивных государств, критиковался отказ от войны как действенного и даже естественного инструмента политики» (Malmborg, 2001, pp. 102–107). Авторы полагают, что данное обстоятельство в значительной степени объясняет прагматический подход Швеции не только к трактовке самого понятия «нейтралитет», но и к его непосредственной имплементации. Примеры Первой и особенно Второй мировых войн выглядят в данном контексте весьма иллюстративно.

В ходе Первой мировой войны шведские политические элиты относились к кайзеровской Германии с очевидной эмпатией. Отчасти это объясняется тем, что германская военная промышленность остро нуждалась в железной руде, добываемой на рудниках Берслагена, Даларна и Кируны, а также в нефтепродуктах, которые шведы с выгодой перепродавали немцам при активном участии Эммануила Нобеля (Ahlund, 2012, p. 105). Следует также упомянуть, что король Швеции Густав V Адольф был женат на Виктории Баденской, дочери великого герцога Баденского Фридриха I и Луизы Прусской, в связи с чем его внешнеполитическая позиция по отношению к Германии едва ли может трактоваться как нейтральная.

Вполне логично, что под влиянием вышеозначенных факторов и позиция Германии по отношению к Швеции была симметричной. Как отмечает А.С. Кан, «в 1915 г. в пору своих крупных побед на Восточном фронте Германия несколько раз неофициально предлагала Швеции союз против России. Немцы сулили шведам Аланды, образование буферного государства в Финляндии и проч. Однако воинствующие и влиятельные активисты были слишком малочисленны, а господствующий класс в целом кровно заинтересован в нейтралитете»⁶.

Как представляется, решение Швеции о нейтралитете в Первой мировой войне было

⁵ Интересно, что настоящее имя кронпринца Швеции и впоследствии короля Швеции и Норвегии — Жан-Батист Жюль Бернадот. Это маршал империи, участник революционных и наполеоновских войн, князь Понтекорво, ставший с 1809 г. основателем династии Бернадотов, царствующей в Швеции и в наши дни.

⁶ Кан А. С. Глава XI. Скандинавские страны в период империализма (до 1917 г.) // История скандинавских стран. Часть II: Новейшая история // Norway-Live. URL: <https://norway-live.ru/library/istoriya-skandinavskih-stran13.html> (дата обращения: 24.01.2025).

продиктовано в первую очередь экономическими соображениями. Поскольку высокоразвитая металлургическая промышленность Швеции зависела от импорта английского и германского угля, приходилось учитывать тот факт, что Великобритания поставляла 90 % этого сырья, в то время как Германия — лишь 10 %. Таким образом, учитывая сложившуюся систему военных союзов в рамках Антанты, Швеция, даже будучи готовой вступить в войну с Россией на стороне Германии, была не готова воевать с Британией, ограничившись (и то после серьезнейшего давления со стороны Германии) минированием пролива Эресунн в районе фарватера Когрундрэн-нан с лета 1916 г. (Czarny, 2018, p. 31).

Отдельно следует рассмотреть отношение Швеции к Германии в межвоенный период. Военно-технические ограничения, наложенные на Германию в рамках Версальского мирного договора, запрещали ей как импорт, так и производство широкой номенклатуры военной продукции (самолетов, танков, военных кораблей, подводных лодок и т. д.). Поэтому Германия стремилась всячески обходить «версальские ограничения», не вызывая при этом раздражения многочисленных союзнических инспекций на собственных предприятиях. Одним из решений являлся вывод высокотехнологичных военных производств за рубеж посредством создания немецкими авиастроительными компаниями⁷ филиалов в странах, где они могли беспрепятственно строить военные самолеты. Например, «Дорнье» располагал предприятиями в Италии и Швейцарии, а «Юнкерс» — в Швеции, где собирались трехмоторные бомбардировщики *Junkers G24* и многоцелевой самолет *Junkers W33*. В целях усиления конспирации невооруженные версии *W33* — транспортные, связные, патрульные — в виде отдельных агрегатов отвозили в Швецию, где их собирали и устанавливали вооружение.

⁷ *Junkers Luftverkehr* и *Deutscher Aero Lloyd* объединились в начале 1926 г. в *Deutsche Luft Hansa* под руководством будущего фельдмаршала люфтваффе Эрхарда Мильха.

Junkers W33 использовались для пассажирских и почтовых перевозок в Канаде, Китае и СССР. В самой Германии они работали в основанной 6 января 1926 г. *Deutsche Luft Hansa* (известной сегодня как крупнейшая авиакомпания ФРГ *Lufthansa*) и служили учебными самолетами для обучения пилотов-связистов. О надежности этих машин говорит тот факт, что в самой Швеции, не затронутой Второй мировой войной, они оставались в эксплуатации вплоть до середины 1950-х гг.

Таким образом, к началу Второй мировой войны между Швецией и Германией сложились доверительные и взаимовыгодные двусторонние отношения, экономический аспект которых прошел проверку опытом Первой мировой войны. Это обусловило нейтралитет Швеции в 1939–1945 гг.

Между противоборствующими сторонами: «особый» нейтралитет Швеции в годы Второй мировой войны

С момента официального начала войны в Европе 1 сентября 1939 г. Швеция декларировала свой нейтральный статус минимум трижды. Первый раз это произошло непосредственно в день нападения Германии на Польшу, когда Швеция заявила о нейтралитете в германо-польском вооруженном конфликте. Второе заявление последовало спустя всего 48 часов после первого: 3 сентября после объявления Великобританией и Францией войны Германии Швеция объявила о своем нейтралитете в новой «европейской войне» (Вторая мировая война..., 1995). 12 апреля 1940 г. премьер-министр Швеции Пер Альбин Ханссон вновь заявил о строгом нейтралитете Швеции и подчеркнул, что использование территории Швеции воюющими странами для транспортировки своих военных грузов несовместимо с ее нейтралитетом (Wahlbäck & Boberg, 1966, p. 114).

Следует сказать несколько слов о кабинете Пер Альбина Ханссона. Спустя три месяца с момента начала Второй мировой войны, 13 декабря 1939 г., двухпартийное правительство социал-демократов и аграриев ушло в отставку, и его сменило «правительство

национального единства» в составе социал-демократов, либералов, представителей Крестьянского союза и Национальной организации правых. Пер Альбин Ханссон сохранил свой пост в обновленном кабинете и незамедлительно начал осуществлять активные шаги по предотвращению втягивания Швеции в разгорающийся европейский конфликт. Причем перечень принимаемых мер включал в себя решения как политического, так и военного характера.

Не секрет, что нацистская Германия разрабатывала планы по захвату территорий всех соседних государств, включая и нейтральные. Например, операция по разгрому и оккупации Швейцарии носила кодовое название «Танненбаум» и разрабатывалась германским генштабом после разгрома Франции в период с июля по октябрь 1940 г. Понимая, что Швеция находится в крайне невыгодном стратегическом положении (особенно после оккупации Германией соседних со Швецией Дании и Норвегии), страна была вынуждена пойти по пути увеличения военных расходов: если в 1938 г. они составляли 58,6 млн долл. США, то в 1939 г. они увеличились более чем в пять раз до 322,3 млн долл. США. Пикового показателя в период Второй мировой войны военные расходы Швеции достигли в 1942 г., составив 527,6 млн долл. США (Karsh, 1988, pp. 117–119).

Переходя к системному анализу проблематики шведского нейтралитета в годы Второй мировой войны, необходимо сосредоточиться на двух ключевых аспектах: военно-экономическом и политическом.

С началом активной фазы боевых действий в Европе Швеция форсированно заключала договоры о торговле и судоходстве с лидерами противостоящих сторон: с Великобританией 7 декабря 1939 г. и Германией 22 декабря 1939 г. Как отмечают шведские исследователи Я. Мелин, А.В. Юханссон и С. Хеденборг, «основной экспорт шведских товаров до войны традиционно направлялся в Великобританию и Соединенные Штаты, где на их долю приходилось около 40 % шведского экспорта и 35–36 % импорта. Поэтому сбой традиционных внешнеэкономических

связей для страны, вызванный войной, потребовал серьезной перестройки всего народного хозяйства страны, поиска сырья для своей промышленности и организации производства новых продуктов-заменителей, коренного перераспределения рабочей силы» (Мелин, Юханссон, Хеденборг, 2002, с. 303–304).

Крайне показательным, по нашему мнению, является внешнеполитический курс, избранный Швецией в период советско-финского конфликта, который в российской историографии получил обозначение «Зимняя война». В отличие от заявлений, сделанных шведским правительством 1 и 3 сентября 1939 г., в день начала советско-финского конфликта 30 ноября 1939 г. Швеция заявила о себе как о «невоюющем государстве», что отличается от провозглашенного ею ранее нейтрального статуса в гипотетическом конфликте. На практике подобное заявление означало следующее: Швеция не примет прямого участия в «Зимней войне», но оставляет за собой право оказать всестороннюю помощь финнам. Об этом свидетельствуют следующие факты.

По данным, приведенным в исследовании Л. Гилленхалля и Л. Вестберга, «уже в декабре 1939 г. из Швеции в Финляндию стали системно направляться военные караваны для организации эффективной обороны. В числе военного имущества, направленного Швецией соседней стране, оказались 800 морских мин, порядка 350 полевых, противотанковых и зенитных орудий, 135 тысяч единиц стрелкового оружия, а также порядка 20 самолетов» (Gyllenhaal & Westberg, 2004, p. 291). В короткий срок был сформирован Шведский добровольческий корпус, в который вступили 8 260 человек, в числе которых были также 725 норвежцев. Корпус принимал участие в боях на относительно спокойном участке фронта в Лапландии. За все время нерегулярных боестолкновений с советскими войсками он потерял 33 человека убитыми и столько же ранеными. Действовавшая в стране шведская добровольческая эскадрилья отметила 12 воздушными победами, потеряв при этом два самолета (Gyllenhaal & Westberg, 2004, p. 292). Всего за период

советско-финского конфликта с 30 ноября 1939 г. по 13 марта 1940 г. Финляндии от Швеции было передано оружие и сопутствующие материалы на сумму, эквивалентную 1,47 млрд финских марок. При этом премьер-министр Ханссон категорически отверг англо-французское предложение о помощи финнам, боясь спровоцировать Германию⁸.

С июня 1940 г., после оккупации Германией Дании и Норвегии, для Швеции выход из Балтийского моря оказался критически затруднен, и главным внешнеторговым партнером для королевства стала Германия, торговля с которой, как отмечает Е.М. Малышева, «увеличилась более чем на треть» (Малышева, 2016, с. 11). Оккупированная Норвегия была превращена Германией в базу для надводного и подводного флотов и авиации, предназначенных для ведения морской и воздушной войны против Великобритании, а с лета 1941 г. — и против советского Заполярья. Незамерзающие северные порты открывали немцам выигрышные оперативные возможности для действий в Атлантике и Северном Ледовитом океане. Кроме того, германское руководство получало доступ к стратегическому сырью (медь, никель, молибден). Норвежский порт Нарвик также обеспечивал немцам доступ к шведской железной руде.

Это побудило шведское правительство (и часть шведского общества, находящуюся под влиянием прогерманских СМИ, поскольку еще до начала войны Германия системно финансировала ряд крупных газет, включая популярную «Афтонбладет») начать размышлять о расширении политического и экономического сотрудничества с Германией. Это, в свою очередь, привело к следующим решениям, часть которых ставит под серьезные сомнения «нейтральный» характер внешней политики Швеции в годы Второй мировой войны:

⁸ Шведский нейтралитет во Второй мировой войне // История.пф. URL: <https://histrf.ru/read/articles/shvedskiy-neytralitet-vo-vtoroy-mirovoy-voynе> (дата обращения: 17.01.2025).

— 18 июня 1940 г. Швеция разрешила пропуск через свою территорию германских военнослужащих-отпускников, следовавших из оккупированной Норвегии;

— 5 июля 1940 г. было одобрено транзитное движение поездов с германскими военнослужащими и грузами военного назначения через территорию Швеции в Норвегию и Финляндию;

— 13 сентября 1940 г. шведский торговый флот получил со стороны Германии разрешение свободно проходить через пролив Скагеррак между Скандинавией и Ютландией, соединяющий Северное и Балтийское моря. Также германский военно-морской флот сопровождал шведские суда через минные поля. Это позволяло Швеции на правах нейтральной страны свободно торговать в различных частях земного шара, являясь торговым посредником для воюющих держав (Кан, 1967, с. 214–218);

— 25 июня 1941 г. Швеция разрешила транзит 163-й пехотной дивизии вермахта Engelbrecht (18 000 человек) через свою территорию в Финляндию, после чего данное соединение приняло участие в боевых действиях против Советского Союза. Это являлось прямым нарушением нейтралитета, который был объявлен шведским правительством 1 и 3 сентября 1939 г., и противоречило заявлению премьер-министра Пер Альбина Ханссона от 14 апреля 1940 г.

После нападения Германии на СССР Шведский военный флот обеспечивал конвоирование немецких транспортов в акватории Балтийского моря и фактически вел необъявленную войну против военно-морского флота СССР. Более того, в июле 1941 г. был сформирован шведский добровольческий батальон (*Svenska Frivilligbataljonen*) численностью около 800 человек, который воевал против СССР в составе финской армии. Эти «добровольцы» (многие из которых принимали участие в «Зимней войне» годом ранее на стороне Финляндии) в октябре-ноябре 1941 г. участвовали во взятии советской военно-морской базы Ханко, после чего вернулись на родину. Минимум 315 шведов воевали в войсках СС — в дивизиях «Нордланд»,

«Викинг», «Тотенкопф», «Гогенштауфен» и «Шарлемань». Особую известность получила шведская рота дивизии «Нордланд», которая сражалась против югославских партизан в Хорватии, против советских войск под Ленинградом, в Курляндии, Померании и в ходе битвы за Берлин⁹.

В продолжение темы антисоветского компонента шведского «нейтралитета» авторы считают необходимым особенно выделить политический эпизод, имевший место 28 октября 1941 г. В этот день, в разгар германской наступательной операции на Москву под кодовым названием «Тайфун», король Швеции Густав V направил послание Адольфу Гитлеру с благодарностью за разгром большевизма. Приведем выдержку из него: «Мой дорогой рейхсканцлер! У меня появилась потребность написать открыто Вам по вопросу, который волнует меня и имеет огромное значение для меня и моей страны. Это русский вопрос. Я полагаю, это имеет большое значение для будущего, и Вы можете узнать о моем взгляде на суть этого вопроса. Уже после Первой мировой войны я увидел, какую огромную опасность несет и продолжает нести с собой большевизм не только для нас, на Севере, но и для всей Европы. Поэтому я хочу выразить мою горячую благодарность за то, что Вы решились всеми возможными способами уничтожить эту чуму. Я поздравляю Вас с уже достигнутыми большими успехами... С сердечными пожеланиями остаюсь преданный Вам, Густав» (Thorsell, 2006, pp. 256–258).

Авторы не считают необходимым давать этическую характеристику как содержанию, так и тону приведенного выше письма, поскольку наилучшим образом это было сделано самим королем в ходе его действий, сопутствующих отправке указанного письма адресату. Перед тем как направить германскому фюреру данное письмо, Густав V решил поставить об этом в известность министра иностранных дел Швеции Кристиана Гюнтера. Характерно, что хотя министр и не возразил

против подобной инициативы со стороны короля, тем не менее он рекомендовал, чтобы данное письмо носило характер исключительно частной переписки. Согласно инструкции, глава королевского МИД уведомил о наличии данного письма и премьера страны Пер Альбина Ханссона, который, в отличие от министра иностранных дел, выразил однозначный протест королевской инициативе. Видимо, по этой причине 28 октября 1941 г. Густав V пригласил в королевскую резиденцию германского посла принца Карла Виктора фон Вида, устно зачитав ему текст письма и попросив, чтобы его содержание было доведено до рейхсканцлера А. Гитлера как можно быстрее. В результате в 23:45 того же дня текст письма был уже в Берлине, а на следующий день письмо было переправлено в военный штаб А. Гитлера под Растенбургом¹⁰. По мнению авторов, приведенный выше жест главы Королевства Швеция дает основания для самого критического осмысления «нейтралитета» этой страны в отношении Германии.

Продолжая анализ экономического сотрудничества между Швецией и Германией, выделим 20 декабря 1941 г. В этот день был заключен шведско-германский торговый договор, по которому Германия к 1944 г. вывезла из Швеции 38 млн т железной руды, покрыв критический для военной промышленности Рейха дефицит этого сырья. В среднем в каждом германском оружии и танке содержалось до 30 % шведского металла (Кан, 1967, с. 227–228).

Кроме того, Швеция экспортировала в Германию также жизненно необходимые для германской военной промышленности шарики-подшипники, лесоматериалы, ферросплавы, высококачественную сталь, целлюлозу, искусственное волокно, станки, электрооборудование, инструменты и морские суда. Транзитом через Швецию из третьих стран (в основном сначала из США, а затем из Аргентины) Германия получала нефтепродукты,

⁹ Шведский нейтралитет во Второй мировой войне // История.рф. URL: <https://histrf.ru/read/articles/shvedskiy-neytralitet-vo-vtoroy-mirovoy-voynе> (дата обращения: 17.01.2025).

¹⁰ Речь идет о военном штабе «Волчья логова» («*Wolfsschanze*»), расположенном в 8 км к востоку от Растенбурга.

а также шерсть, кожи, кофе, вина, табачные изделия, одежду и прочие виды дефицитных для нее товаров. В свою очередь, из Германии Швеция экспортировала уголь, кокс, синтетический каучук и искусственные удобрения. Шведские банки предоставляли крупные кредиты для промышленных предприятий Германии, в том числе для тех, кто производил военную продукцию. В банках Швеции Германия и ее граждане размещали значительные финансовые средства, в том числе и ценности, незаконно вывезенные с оккупированных территорий стран Европы (Кан, 1967, с. 244–247).

Как отмечает А.С. Кан, многие шведские фирмы, производившие вооружения, в частности артиллерийские орудия и стрелковое оружие, в течение всей войны поставляли комплектующие детали в вермахт, а также в армии союзников Германии — в Венгрию, Финляндию и Румынию (Кан, 1967, с. 252–253).

В 1941 г. Швеция, опираясь на объявленный нейтралитет, в рамках так называемого Гётеборгского соглашения получила разрешение от воюющих Германии и Великобритании на ограниченное и контролируемое лицензионное судоходство. При этом именно Германия определяла состав шведского экспорта и импорта. Для судоходства Швеции данное соглашение имело исключительное значение, поскольку таким путем поддерживались внешнеторговые связи с союзниками. За 1941–1942 гг. немногим более 20 % шведского импорта и 14 % экспорта были перевезены именно этим путем¹¹. Так, например, Швеция экспортировала бумагу, картон, целлюлозу, продукцию машиностроения, а импортировала из стран Латинской Америки и США рис, кофе, растительные жиры, сухофрукты, сырье для промышленности — шерсть, хлопок, кожи, пеньку и корма для животноводства.

13 марта 1942 г. шведская полиция конфисковала тиражи 17 шведских газет, где

появилась информация о том, что в оккупированной Норвегии против арестованных гестапо участников Сопротивления применяются пытки (Wahlbäck & Boberg, 1966, p. 192).

В 1942 г. по сравнению с 1939 г. шведский экспорт в Германию почти удвоился, составив 410,3 млн рейхсмарок. К началу 1943 г. шведский экспорт в Германию и союзные ей государства составил 72,8 % товарооборота. В январе-июле 1943 г. из добытых в Швеции 10,8 млн тонн железной руды в Германию было отправлено 10,3 млн тонн (Кан, 1967, с. 271–272).

Подводя предварительный итог политики шведского нейтралитета в годы Второй мировой войны, авторы выявляют следующую тенденцию: примерно до середины 1943 г. (когда после сражения под Курском советский фронт окончательно и неудержимо начал движение в западном направлении) Стокгольм был в значительной степени подвержен военно-политическому давлению Берлина. Это выражалось в уступках со стороны Швеции в вопросе транзита германских войск через национальную территорию, стабильных и многопрофильных поставках стратегического сырья и материалов, регулярном кредитовании немецкой экономики, остро нуждавшейся в валютных поступлениях. Однако как только война обрела иной характер и поражение нацистской Германии становилось все очевиднее, Швеция пошла на последовательное ужесточение своей политики в отношении Германии.

20 августа 1943 г. Швеция приостановила пропуск германских отпускников через свою территорию. К этому времени через шведскую территорию проследовало более 2 140 000 германских военнослужащих и более 100 000 вагонов с германскими военными грузами в нарушение Гаагской Конвенции о правах и обязанностях нейтральных держав и лиц в случае сухопутной войны (Саямов, 2017). К середине 1943 г. на потребности Германии работало 10 % пропускной способности дорожной сети Швеции. Отчисления германской стороны за услуги транзита составили 85 млн крон (Мелин, Юханссон, Хеденборг, 2002, с. 239).

¹¹ Кан А. С. Глава XV. Норвегия и Дании — участницы второй мировой войны. Нейтральная Швеция // История скандинавских стран. Часть II: Новейшая история // Norway-Live. URL: <https://norway-live.ru/library/istoriya-skandinavskih-stran17.html> (дата обращения: 24.01.2025).

1 июня 1944 г. Швеция запретила авиационный транзит для германских ВВС через свою территорию. С лета 1944 г. Швеция окончательно переориентировалась на сотрудничество со странами антигитлеровской коалиции.

В начале весны 1945 г., когда союзники планировали освобождение Дании и Норвегии, Соединенные Штаты хотели, чтобы Швеция также приняла участие в этой операции. Швеция начала готовиться к операции *Rädda Danmark* («Операция по спасению Дании»), в ходе которой ей предстояло вторгнуться в Зеландию со стороны Сконе. После освобождения Дании Швеция должна была помочь союзникам во вторжении в Норвегию. И хотя прямой необходимости в этом не было, американским самолетам было разрешено использовать шведские военные базы во время нанесения бомбовых ударов по немецким военным объектам на территории Норвегии с весны 1944 по 1945 г. Союзники также сотрудничали со шведской военной разведкой и службой безопасности. В частности, Швеция разрешила союзникам прослушивать немецкие радиосигналы со станции на Эланде. В Мальмё также был установлен радиомаяк для британских военных, чтобы они могли наводить бомбардировщики на Германию (Carlgren, 1977, p. 236).

Авторы подходят к ключевому вопросу: можно ли считать шведский нейтралитет периода 1939–1945 гг. «классическим»? И возможен ли он был в принципе в тех геополитических условиях, в которых оказалась Швеция в указанный исторический период?

С учетом трактовки понятия нейтралитета современным международным правом, к которой мы обращались в начале нашего исследования, ответ на оба вопроса представляется отрицательным. Швеция, оказавшись между двумя воюющими мировыми центрами силы — гитлеровской Германией (лидером держав «оси», включая соседние Данию и Норвегию, оккупированные рейхом в 1940 г., и Финляндию, являющуюся сателлитом Германии вплоть до осени 1944 г.) и антигитлеровской коалицией (Великобританией, США и СССР), была обречена лавировать, идя на уступки и «исключения» в ущерб

собственному нейтральному статусу. Однако с точки зрения бихевиоралистского подхода, заключающегося в изучении поведения личности на основе принципа объективности, который подразумевает, что действия человека могут быть объяснены и предсказаны посредством анализа внешних стимулов и реакций на них, масштабированного с уровня личности до государства, а также с позиции рационального выбора государства, авторы призывают четко разграничивать вынужденный отход Швеции от политики нейтралитета, обусловленный давлением со стороны Рейха, и вполне добровольную и немотивированную военной необходимостью реакцию на действия Советского Союза в отношении Финляндии зимой 1939–1940 гг.

Авторы полагают, что, несмотря на наличие определенного политического давления на страну со стороны НАТО после начала специальной военной операции (СВО) России на Украине, решение Швеции о присоединении к этому блоку продиктовано соображениями, диалектически тождественными обстоятельствам 1939–1940 гг. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов также и объективный политический фактор. После самороспуска Организации Варшавского договора (ОВД) и развала СССР шведская парадигма «балансирования» между двумя военно-политическими блоками объективно изжила себя. Как отмечает в своем исследовании К.В. Воронов, «смена стратегического контекста протекала на фоне утверждения Альянса как наиболее эффективной военно-политической организации с глобальными задачами, тогда как европейская оборона в рамках ЕС/ЗЕС оставалась в фазе зарождения. Одновременно власти в Стокгольме в качестве полноправного члена Евросоюза с 1995 г. прилагали значительные усилия для повышения уровня интегрированности своей страны — скорейшего подключения к структурам и механизмам валютно-финансового и политического союза, вхождения в его „твердое ядро“» (Воронов, 2018). Таким образом, с точки зрения политанализа данное решение можно объяснить при помощи теории рационального выбора, который в данном случае заключается в примате политической

конъюнктуры над экономической выгодой. Объяснение данному процессу следует искать в систематической подготовке электорального контингента страны, проводившейся с начала 90-х гг. прошлого столетия (Плевако, 2018).

Авторы хотели бы также обратить внимание и на философское измерение проблемы, хотя оно и не представляется очевидным при первом обращении к изучаемой теме. Как отмечают российские исследователи П.П. Калугина и Е.А. Сергеев, «в условиях, когда Европейский союз, с одной стороны, стремится к большей акторности и независимости в своих действиях на международной арене, а с другой стороны, в европейской интеграции наличествуют кризисные тенденции и наблюдается кризис нормативной силы европейского проекта, проблема идентичности Европейского союза приобретает все большую актуальность» (Калугина, Сергеев, 2025, с. 28). Испытывая на себе в полной мере те же вызовы, которые сегодня стоят перед Европейским союзом, кризис идентичности, по мнению авторов, проявляется в Швеции в практической плоскости. Пытаясь повысить свой геополитический вес путем присоединения к крупнейшему военно-политическому блоку в мире, в то же время страна отказалась от зарекомендовавшей себя внешнеполитической константы, гарантировавшей ей суверенитет и безопасность на протяжении более чем двух столетий ее национальной истории.

Вместо заключения: конец эпохи нейтралитета Швеции

Вызывает ли удивление авторов вступление Швеции в НАТО? Скорее, нет, чем да. Хотя некоторый элемент удивления все же присутствует, поскольку за более чем 200-летний период декларируемого нейтралитета Швеция обеспечила своему народу и государству исключительно стабильное экономическое развитие и социальное благополучие. Во многом именно благодаря этому обстоятельству в экономической теории

сегодня существует такое понятие, как «шведская модель экономики», которую иногда также называют «шведской моделью социализма». И добровольный отказ от системы, зарекомендовавшей себя в течение более чем двух веков, в историческом контексте представляется нерелевантным и контрпродуктивным.

Однако авторы не зря апеллировали в своем научном анализе к истории Второй мировой войны, поскольку именно в этот исторический период шведское государство продемонстрировало ключевой принцип своей внешней политики, в соответствии с которым нейтралитет является лишь вынужденной мерой, а не историческим выбором этой страны.

Историко-аналитический метод позволил проследить четкую линию преемственности антироссийского вектора во внешней политике страны в период обострения международной обстановки.

Историко-сравнительный метод убедительно выявил практические параллели между событиями 80-летней давности и сегодняшней актуальной повесткой.

Как представляется, антироссийская внешнеполитическая линия оказалась для Швеции более релевантной и исторически прецедентной, нежели экономический прагматизм, что подтверждается на основе проведенного сравнительно-сопоставительного анализа внешнеполитических шагов Швеции в годы Первой и Второй мировых войн и на современном этапе. Этим, по мнению авторов, и объясняется форсированное присоединение страны к НАТО и отказ от социально-политической системы, гарантировавшей стране стабильное и, главное, мирное развитие в течение более чем двух веков. Фактически речь идет о неолиберальной форме западноцентризма, лежащей в основе политики государств, относящих себя к «золотому миллиарду» и именуемых в отечественной историко-политической академической среде странами коллективного Запада.

Поступила в редакцию / Received: 18.01.2025
Доработана после рецензирования / Revised: 16.03.2025
Принята к публикации / Accepted: 20.03.2025

Список литературы

- Воронов К. В. Северный нейтраллизм: исторический финал или трансформация? // Современная Европа. 2018. № 1 (80). С. 80–89. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope120188089>; EDN: YULCXI
- Воронов К. В. Швеция — НАТО: конспиративная уния под лейблом нейтралитета // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 5. С. 110–120. EDN: RBJRJV
- Вторая мировая война: актуальные проблемы / под ред. О. А. Ржешевского. Москва : Изд-во «Наука», 1995. EDN: RKKCCX
- Громыко А. А., Плевако Н. С. О возможном вступлении Швеции и Финляндии в НАТО // Современная Европа. 2016. № 2 (68). С. 13–16. <https://doi.org/10.15211/soveurope220161316>; EDN: VWQBJF
- Гулякин С. С. Двойной нейтралитет Швеции в 1940–1970 годах // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9, № 1. С. 45–53. <https://doi.org/10.18721/JHSS.9105>; EDN: YWNWIA
- Калугина П. П., Сергеев Е. А. ЕС в поисках идентичности: теоретико-философские аспекты стратегической автономии // Концепт: философия, религия, культура. 2025. Т. 9, № 1 (33). С. 28–48. <https://doi.org/10.24833/2541-8831-2025-1-33-28-48>; EDN: FVELGX
- Кан А. С. Внешняя политика скандинавских стран в годы Второй мировой войны. Москва : Наука, 1967.
- Корунова Е. В. Скандинавские страны накануне и в первые годы Второй мировой войны. В поисках формулы безопасности // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. № 4. С. 9. <https://doi.org/10.18254/S0001816-6-1>; EDN: ZUQTER
- Кружков В. А. Нейтралитет в европейском политическом поле // Международная жизнь. 2000. № 6. С. 60–69.
- Мальшиева Е. М. Шведский «нейтралитет» во Второй мировой войне // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2016. № 2. С. 4–17. EDN: WGEQJR
- Мелин Я., Юханссон А. В., Хеденборг С. История Швеции. Москва : Весь мир, 2002.
- Плевако Н. С. Выборы в Швеции и НАТО // Научно-аналитический Вестник Института Европы РАН. 2018. № 4. С. 150–154. <http://dx.doi.org/10.15211/vestnikieran42018150154>; EDN: YMCOIP
- Саямов Ю. Н. О Гаагских конференциях 1899 и 1907 гг. // Россия и современный мир. 2017. № 3 (96). С. 33–46. <https://doi.org/10.31249/rsm/2017.03.02>; EDN: ZKBBPH
- Смирнова А. А., Федоров В. В. Соотношение понятий «мир» и «нейтралитет» во внешней политике Швеции // *Studia Humanitatis Borealis*. Северные гуманитарные исследования. 2016. № 1. С. 16–27. EDN: YJTENZ
- Фомин А. А. Швеция в системе европейской политики накануне и в период русско-шведской войны 1808–1809 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2003. EDN: NMGHTR
- Agius Ch. The Social Construction of Swedish Neutrality : Challenges to Swedish Identity and Sovereignty. Manchester : Manchester University Press, 2012. <https://doi.org/10.7228/manchester/9780719071522.001.0001>
- Ahlund C. Scandinavia in the First World War : Studies in the War Experience of the Northern Neutrals. Lund : Nordic Academic Press, 2012. <https://doi.org/10.2307/jj.919519>
- Archer C. The Nordic Area as a 'Zone of Peace' // *Journal of Peace Research*. 1996. Vol. 33, no. 4. P. 451–467. <https://doi.org/10.1177/0022343396033004006>; EDN: JNXQSF
- Bjereld U., Johansson A. W., Molin K. Sveriges säkerhet och världens fred : Svensk utrikespolitik under kalla kriget. Stockholm, Sweden : Santérus, 2008.
- Björkdahl A. Ideas and Norms in Swedish Peace Policy // *Swiss Political Science Review*. 2013. Vol. 19, iss. 3. P. 322–337. <https://doi.org/10.1111/spsr.12046>
- Braconier F. Som vi behagar. Svensk neutralitetspolitik från Napoleonkrigen till EG. Stockholm, Sweden : Timbro, 1989.
- Carlgren W. M. Swedish Foreign Policy During the Second World War. London : Ernest Benn Ltd., 1977.
- Czarny R. M. Sweden: From Neutrality to International Solidarity. Cham, Switzerland : Springer, 2018. <https://doi.org/10.1007/978-3-319-77513-5>
- Dahl A.-S. US Policy in the Nordic-Baltic Region : During the Cold War and After. Stockholm, Sweden : Santerus Forlag / Santerus Academic Press Sweden, 2008.
- Devine K. Neutrality and the Development of the European Union's Common Security and Defence Policy: Compatible or Competing? // *Cooperation and Conflict*. 2011. Vol. 46, iss. 3. P. 334–369. <https://doi.org/10.1177/0010836711416958>
- Goetschel L. Introduction to Special Issue: Bound to be Peaceful? The Changing Approach of Western European Small States to Peace // *Swiss Political Science Review*. 2013. Vol. 19, iss. 3. P. 259–278. <https://doi.org/10.1111/spsr.12047>
- Goetschel L. Neutrality, a Really Dead Concept? // *Cooperation and Conflict*. 1999. Vol. 34, iss. 2. P. 115–139. <https://doi.org/10.1177/00108369921961807>; EDN: JQRFJD
- Gyllenhaal L., Westberg L. Svenskar i krig, 1914–1945. Lund : Svenska Historiska Media Förlag, 2004. EDN: QOWMOB

- Huldt B. Små stater i internationell politik // *Aktörer i internationell politik – idag och imorgon* / ed. by T. Högberg. Lund : Projektgruppen 'Sveriges internationella villkor', 1977. P. 38–56.
- Karsh E. *Neutrality and Small States*. New York : Routledge, 1988.
- Malmberg M. *Neutrality and State-Building in Sweden*. London : Palgrave Macmillan, 2001. <https://doi.org/10.1057/9781403900920>
- Security in the North: Nordic and Superpower Perceptions : papers / ed. by B. Huldt, A. Lejins. Stockholm, Sweden : Swedish Institute of International Affairs, 1984.
- Thorsell S. *Mein lieber Reichskanzler!: Sveriges kontakers med Hitlers rikskansli*. Stockholm, Sweden : Bonnier Fakta, 2006.
- Wahlbäck K. *The Roots of Swedish Neutrality*. Stockholm, Sweden : Swedish Institute, 1986.
- Wahlbäck K., Boberg G. *Sveriges sak är vår. Svensk utrikespolitik 1939–45 i dokument*. Stockholm, Sweden : Prisma, 1966.

Сведения об авторах:

Пархутько Николай Петрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории журналистики, Российский университет дружбы народов; доцент кафедры политологии, факультет социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ; eLibrary SPIN-код: 6478-1225; ORCID: 0000-0002-7678-5735; e-mail: parkhitko_np@pfur.ru

Курылев Константин Петрович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 3131-8642; ORCID: 0000-0003-3075-915X; e-mail: kurylev-kp@rudn.ru

Сучилина Анна Александровна — доцент кафедры политологии, заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций по учебной работе, Финансовый университет при Правительстве РФ; eLibrary SPIN-код: 7020-8877; ORCID: 0000-0002-0513-2331; e-mail: aasuchilina@fa.ru

Данилова Елена Валерьевна — доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 1683-1988; ORCID: 0000-0002-1628-551x; e-mail: danilova_ev@pfur.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-223-235

EDN: MKTVZU

Научная статья / Research article

Образ африканского Другого во французском кино периода распада колониальной империи в 1945–1960 гг.

А.С. Гаврилов , Е.Г. Зуева

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 antongavrilov96@yandex.ru

Аннотация. По мере того как европейское общество становится все более мультикультурным, интерес к проблемам репрезентации этнических и расовых меньшинств в современном западном кинематографе заметно растет. Процессы, происходящие в западном кино, являются ответом на политические вызовы, связанные с вопросами иммиграции, глобализации, проблемами межэтнических и международных отношений, корни которых, по мнению некоторых исследователей, следует искать в колониальном прошлом. Поэтому обращение к истории колониализма, его культурным аспектам сегодня приобретает особую актуальность. Рассмотрение кинематографа в качестве исторического источника может дать полезные сведения о том, каким образом в колониальную эпоху выстраивались культурные границы между Западом и Востоком, колонизатором и колонизированным Другим. В частности, фильмы времен Третьей республики, рассказывавшие о колониях в Африке, поддерживали колониальный дискурс своего времени, отражали силу французской колониальной империи, изображая колонизаторов благородными, храбрыми и самоотверженными, а колонизированных «других» — экзотическими, дикими и непокорными. Однако после Второй мировой войны в условиях начавшейся деколонизации актуальность прежних подходов к репрезентации империи и ее владений оказалась под вопросом. В исследовании выявлено влияние процесса политической деколонизации на идеологическое содержание французского кино об империи в указанный период, рассмотрено изменение подходов к визуальной репрезентации колонизированного Другого и то, как эти перемены воспринимались зрительской аудиторией. По мнению авторов, такое историческое исследование может помочь лучше понять истоки современных явлений в европейском кинематографе и западной культуре в целом. В качестве исторических источников в работе используются французские фильмы 1945–1960 гг. Кинематограф рассматривается авторами в ракурсе постколониальной теории как инструмент укрепления колониальной власти и формирования представлений о колонизированном Другом. При анализе кинокартин используется подход, включающий изучение истории их создания, содержания, кинообразов и реакции публики. На основе анализа сделан вывод, что необходимость смягчить колониальный дискурс в условиях распада империи привела к тому, что идеологическое содержание кино Четвертой республики стало более противоречивым. В нем отразились, с одной стороны, ностальгия по былому имперскому величию, а с другой — неуверенность, желание абстрагироваться от актуальных проблем и даже сочувствие антиколониальному движению. Стереотипные представления о колонизированном, хотя и не исчезли с экранов полностью, все же эволюционировали вместе с трансформацией самой империи, порождая нетипичные для предшествующего периода образы Другого.

Ключевые слова: Африка, Франция, деколонизация, кинематограф, репрезентация, колониальный дискурс, стереотип

© Гаврилов А.С., Зуева Е.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Гаврилов А.С.: разработка концепции исследования, подбор методологии, поиск, просмотр и анализ киноматериала, написание основных разделов статьи. Зуева Е.Г.: научное руководство исследованием, рецензирование и редактирование рукописи, участие в обсуждении и формулировании выводов. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Для цитирования: Гаврилов А. С., Зуева Е. Г. Образ африканского Другого во французском кино периода распада колониальной империи в 1945–1960 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 223–235. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-223-235>

The Image of the African Other in French Cinema During the Collapse of the Colonial Empire, 1945–1960

Anton S. Gavrilov , Elena G. Zueva

RUDN University, Moscow, Russian Federation

[✉ antongavrilov96@yandex.ru](mailto:antongavrilov96@yandex.ru)

Abstract. As European society has become increasingly multicultural, interest in the problems of representation of ethnic and racial minorities in contemporary Western cinema has grown significantly. The processes taking place in Western cinema are a response to the political challenges posed by immigration, globalization and the problems of interethnic and international relations. According to some researchers, the roots of these problems should be sought in the colonial past. It is therefore particularly relevant today to look at the history of colonialism and its cultural aspects. Cinema as a historical source provides valuable insights into the manner in which the colonial era constructed cultural boundaries between the West and the East, as well as between the colonizer and the colonized Other. In particular, Third Republic films about colonies in Africa supported the colonial discourse of their time, reflecting the power of the French colonial empire, and portraying the colonizers as noble, brave, and selfless and the colonized “others” as exotic, savage, and rebellious. However, after the World War II, in the wake of decolonization, the relevance of previous approaches to representing the empire and its possessions was called into question. This article reveals the influence of the political decolonization process on the ideological content of French cinema about the Empire during specified period, the changing approaches to the visual representation of the colonized Other, and how these changes were perceived by the audience. According to the authors, such historical research can help to better understand the origins of modern phenomena in European cinema and Western culture in general. The work uses French films from 1945–1960 as historical sources. The authors examine cinema through the frame of postcolonial theory, as a tool for strengthening colonial power and forming ideas about the colonized Other. In analyzing the films, the authors use an approach that examines their genesis, content, cinematic imagery and public response. Based on the analysis, it is concluded that the need to soften the colonial discourse in the context of the Empire collapse led to the ideological content of the Fourth Republic’s cinema becoming more contradictory. It reflected, on the one hand, nostalgia for the past imperial greatness, and on the other, uncertainty, a desire to stay away from current problems, and even sympathy for the anticolonial movement. Stereotypical ideas about the colonized, although they did not completely disappear from the screens, still evolved along with how the empire itself transformed, giving rise to images of the Other that were atypical of the earlier period.

Key words: Africa, France, decolonization, cinema, representation, colonial discourse, stereotype

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors’ contributions. A.S. Gavrilov: development of the research concept, methodology selection, search, viewing and analysis of film material, writing the main sections of the article. E.G. Zueva: scientific supervision of the research, reviewing and editing the manuscript, participation in the discussion and formulation of conclusions. All authors have read the final version of the article and approved it.

For citation: Gavrilov, A. S., & Zueva, E. G. (2025). The image of the African Other in French cinema during the collapse of the colonial empire, 1945–1960. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(2), 223–235. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-223-235>

Введение

В современном западном кинематографе все более заметна тенденция, выражающаяся в стремлении к этническому разнообразию при подборе актерского состава, перераспределении главных/второстепенных ролей, положительных/отрицательных образов в пользу цветных персонажей, внимательном отношении к вопросам репрезентации расовых меньшинств, их культуры и опыта на экране и т. д. Французское кино — не исключение: «борьба с дискриминацией по признаку происхождения», «наглядная демонстрация групп населения, составляющих сегодня французское общество», «повышение значимости их памяти, истории и культурного наследия» являются сегодня стратегией государственных кинематографических учреждений (Stewart, 2018, p. 283). Этот кинематографический сдвиг является отражением более широкой социальной, экономической и культурной трансформации западного общества, связанной с иммиграционными процессами, глобализацией, кризисом европейской идентичности и другими проблемами, уходящими корнями в колониальную эпоху (Majumdar, 2007; *The Colonial Legacy...*, 2017).

Таким образом, обращение к истории колониализма, в частности к его культурным аспектам, приобретает особую актуальность. Значительный вклад в их изучение внесли специалисты, действующие в русле постколониальных исследований. Книги Э. Саида «Ориентализм» и «Культура и империализм» показали, что Запад в определенной степени «сконструировал» Восток, присвоив себе право описывать его в научных и художественных текстах, и тем самым обеспечивал не только свое политическое и экономическое, но и культурное доминирование (Саид, 2012; 2021).

Развивая данную концепцию, исследователи сконцентрировались на дальнейшем анализе колониального дискурса, то есть совокупности различных видов репрезентаций, отражающих представления европейцев

об азиатах или африканцах (Nayar, 2012, p. 4). Они указывали на существование в западной культуре бинарной системы, в которой колонизатор — это «я», а колонизируемый — Другой, где Запад думает о себе с точки зрения своих самых благородных достижений — науки, прогресса, гуманизма, а о не-Западе — с точки зрения его недостатков, реальных или воображаемых (Shohat & Stam, 1994, p. 3). Колониальный дискурс всячески подчеркивал различия между ними, помогая европейцам осознавать свою идентичность и позиционировать себя в рамках колониальной системы. Изобразительное искусство, музыка, литература, медиа и т. д., определенным образом изображая другие нации и культуры и зачастую поддерживая мифы и стереотипы о них, способствовали формированию у европейцев колониального мышления, оправдывали колониальный порядок.

Сегодня же, как утверждает ряд авторов, Европа остро нуждается в преодолении вышеуказанных культурных установок. На повестке дня стоит вопрос преодоления европоцентризма и европейского универсализма как «остатка колониального, империалистического и расистского дискурса», «формы рудиментарного мышления», пронизывающей современную культуру (Stam, 2000, p. 269). Несмотря на то, что политическая деколонизация уже произошла, то есть колонии обрели политическую независимость, культурная деколонизация как преодоление сложившихся за сотни лет европейской экспансии и гегемонии стереотипных образов незападных обществ еще предстоит (Pieterse, 1992, p. 9). Для Франции же это представляется важным как для обеспечения внутренней стабильности и безопасности, так и для укрепления международных связей с бывшими колониями.

Историография и методология исследования

В первой половине XX в. колониальная идея пронизывала политическую и культурную жизнь Франции. Тема империи была

подхвачена и кинематографом, ставшим в последнее время одним из важнейших источников для изучения колониального дискурса и не прямых способов проявления имперской идеологии (Shohat & Stam, 1994; Ponzanesi & Waller, 2012). Визуальный поворот в социальных науках привел к появлению за рубежом специализированных работ о французском кино, рассматривающих данный вид искусства в качестве инструмента имперской пропаганды, анализирующих присущие ему способы репрезентации и образы колонизированного Другого (Cinema, Colonialism, Postcolonialism..., 1996; Benali, 1998; Slavin, 2001). Отечественная историография также не оставила без внимания место кинематографа в колониальной культуре Франции: в частности, этому вопросу посвящена недавняя работа В.С. Мирзеханова (Мирзеханов, 2021), однако тема, на наш взгляд, заслуживает дальнейшего изучения.

Интересным и перспективным представляется рассмотрение эволюции кинематографических образов Другого во взаимосвязи с меняющимся историческим контекстом. Этот подход позволяет выяснить, повлиял ли процесс политической деколонизации (то есть процесс, при котором страны, ранее находившиеся под контролем европейских государств, обретают политическую независимость) стран Азии и Африки после Второй мировой войны на идеологическое содержание французских фильмов об империи; понять, можем ли мы говорить об изменении подходов к визуальной репрезентации колоний и их жителей на киноэкране в связи с распадом империи; в целом выявить, что французское кино способно рассказать об отношении французского общества к происходившим изменениям.

Чтобы ответить на поставленные вопросы, мы используем в качестве исторического источника ряд французских художественных фильмов, снятых в 1945–1960 гг., посвященных Африке и, на наш взгляд, наиболее ярко отражающих основные темы и идеи, присущие колониальному дискурсу Франции в указанный период, а также различные способы изображения африканских «других» на

киноэкране. Французский кинематограф рассматривается нами в ракурсе постколониальной теории как инструмент пропаганды определенных идеалов и ценностей, средство формирования представлений о национальных и культурных идентичностях, важный элемент колониального дискурса, способствующий укреплению и поддержанию колониальной власти. Историко-культурный подход к изучению фильмов позволяет рассмотреть их во взаимосвязи с общественными, политическими и культурными процессами, протекавшими во Франции и в Африке, и как отражение исторического контекста.

При анализе кинофильмов мы ориентируемся на подход, предложенный отечественными авторами Е.В. Волковым и Е.В. Пономаревой, предполагающий изучение:

- 1) истории создания картины, ее замысла и цели;
- 2) содержания фильма, кинообразов;
- 3) реакции публики на фильм (Волков, Пономарева 2012, с. 23).

Для рассмотрения способов репрезентации расового Другого в фильмах мы также пользуемся некоторыми рекомендациями американского теоретика кино Р. Стэма, предлагающего «задавать вопросы изображению». Например, как часто «другие» появляются на экране по сравнению с персонажами-европейцами? Являются ли их роли активными или же просто декоративными? Как расположение героев, язык тела, выражение лиц отражают социальную дистанцию и различия в статусе? (Stam, 2000, pp. 277–278).

Не забывая о важности технических и художественных приемов (кадр, свет, звук, монтаж и т. д.) для формирования образа и передачи дискурса, мы в первую очередь концентрируемся на анализе сценария, сюжета, в рамках которого действуют африканские персонажи, поскольку он играет ключевую роль в раскрытии идей и ценностей, которые авторы фильма хотят донести до зрителей.

Наконец, такие источники информации, как критика и данные о кассовых сборах, дают нам возможность получить важные дополнительные сведения о восприятии фильмов и интерпретации образов аудиторией.

Стереотипы об Африке в колониальном кино: попытка реанимации

Едва зародившись, колониальное кино (то есть снятое метрополией о своих колониях, зачастую выделяемое в отдельный жанр) наряду с другими средствами массовой информации играло значительную роль в пропаганде имперской идеи, став важным источником представлений французской аудитории об империи и ее далеких уголках (Sorlin, 1991, p. 135). Пика популярности колониальное кино достигло в период между двумя мировыми войнами. Увлекая публику экзотикой, атмосферой романтики и приключений, давая возможность испытать яркие впечатления и ощутить причастность к величию своей страны, оно приносило создателям огромные прибыли. Действие подавляющего большинства подобных картин происходило в Африке, особенно в Алжире и Марокко. В этих картинах отразились основные стереотипы о континенте, закрепившиеся во французской культуре. Коротко обозначим их, чтобы иметь «исходную точку», отталкиваясь от которой мы сможем более отчетливо увидеть изменение образов в последующий период.

Сюжеты колониального кино об Африке, как правило, строились вокруг нескольких основных тем: освоение неизведанной территории, умиротворение мятежников и бандитов, миссионерская работа, цивилизаторская миссия, межрасовые отношения. На киноэкране континент представал как дикий, жадущая колонизации, целинная земля, дикая и опасная местность. Будучи почти полной противоположностью «цивилизованному миру», колониальная среда служила фоном, на котором европеец мог продемонстрировать свою силу. Джунгли или безлюдные просторы Сахары были прекрасным местом для создания атмосферы приключений, а стереотипные изображения североафриканских городов с восточными базарами и верблюдами подчеркивали, что здесь живут «другие». Для создания чувства «инаковости» использовалась не только экзотика пейзажа, но и экзотика социальной среды. «Благодаря» фильмам о бандитах и Иностранном легионе

некоторые североафриканские города приобрели зловещую репутацию: Алжир, Касабланка, Танжер и др. в колониальном кино стали криминальными столицами.

Фон для истории создавали и туземцы, являвшиеся лишь элементом декораций и почти не обладающие правом на реплику. Жители Африки — живописная, шумная и красочная толпа, окружающая главных героев. Им могла отводиться второстепенная роль «хорошего», благодарного, но невежественного слуги, который отдал себя под защиту Франции и признает, как само собой разумеющееся, свою предполагаемую неполноценность по сравнению с европейцем.

Другой вариант — «плохой» абориген, злодей, мятежник, фанатик. В качестве антагонистов во французском кино чаще всего выступало арабское население Северной Африки, представленное негодаями с хитрым взглядом, острой бородкой и кинжалом на поясе. По сюжету арабы нередко поднимали восстания, но почему — зрителю часто не объясняли, поэтому складывалось впечатление об их иррациональности, природной жестокости. Тем не менее по своему положению в имперском повествовании арабы находились несколько выше жителей Черной Африки, поскольку все же имели свою культуру, опирающуюся на мусульманскую религию и средневековые обычаи (Мирзеханов, 2014). Подобные образы мы можем наблюдать во множестве фильмов об Африке 1930-х гг.¹

В послевоенные годы, когда колониальное кино вернулось на экраны, Африка снова стала экзотическим местом действия для любовных и криминальных драм, приключенческих и военно-патриотических фильмов о героях империи².

¹ См., например: х/ф «Батальон иностранного легиона» («La Bandera»). Франция. Реж. Ж. Дювивье. 1935 г.), х/ф «Зов тишины» («L'appel du silence»). Франция. Реж. Л. Пуарье. 1936 г.), х/ф «Пепе ле Моко» («Pépé le Moko»). Франция. Реж. Ж. Дювивье. 1937 г.), х/ф «Трое из Сен-Сира» («Trois de Saint-Cyr»). Франция. Реж. Ж.-П. Полен. 1938–1939 г.) и др.

² См., например: х/ф «Сиди-Бель-Аббес» («Sidi-Bel-Abbès»), Франция. Реж. Ж. Олден-Делос. 1954 г.), х/ф «Большая игра» («Le grand jeu»). Франция, Италия. Реж. Р. Сьодмак. 1954 г.).

Одной из излюбленных тем подобного кино оставалась борьба с мятежниками и бандитами в колониях. В качестве примера можно привести х/ф «Белый эскадрон»³ (1949 г.), снятый по мотивам одноименного романа Ж. Пейре (1931 г.) при поддержке министра Вооруженных Сил Франции и генерального губернатора Алжира. Это, безусловно, повлияло на идеологическую направленность картины. Отдавая дань уважения Африканской армии (*L'Armée d'Afrique*), фильм рассказывает о военном подразделении, находящемся в Сахаре, состоящем из нескольких французских офицеров и местных солдат-берберов («хорошие» африканцы), задачей которого является борьба с восстаниями и грабежами, устраиваемыми туземцами-кочевниками («плохими» африканцами). Получив телеграмму с сообщением об одном из таких восстаний, капитан эскадрона решает отправиться в пустыню, чтобы выследить мятежную банду и ликвидировать ее. Перед зрителем предстает та же «инаковость» дикой, безлюдной и смертоносной Африки из фильмов 1930-х гг., и неспроста некоторые журналисты затем сравнивали картину с довоенной «классикой». Экзотичным фоном служит и местное население: в кадре оно присутствует довольно часто, имеет немногочисленные реплики, но практически не влияет на развитие сюжета, отыгрывая роль слуг, погонщиков верблюдов и солдатской массы. Поскольку отрядом руководят офицеры-французы, принимающие важнейшие решения, в картине явно прослеживается иерархия в социальном статусе между ними и представителями коренных народов. По пути эскадрон редет, погибает и сам капитан. Остатки отряда воодушевляет и готовит к решающему бою с кочевниками молодой лейтенант, который в финале убивает лидера мятежников, а затем возвращает отряд домой. Так, картина, по словам одного из рецензентов, умело передает присущий

литературному первоисточнику дух национального величия, который «движет горсткой людей, направляющихся в бескрайние просторы Сахары с единственной целью сохранить там французский флаг»⁴.

Однако возрождение военно-патристических фильмов о подвигах французских офицеров или солдат Иностранного легиона оказалось недолгим. Прежнего успеха они не имели. Точку в затянувшейся истории направления поставил ремейк х/ф «Большая игра» (1954 г.), дата выхода которого совпала с поражением французов в Индокитае и началом войны в Алжире. Кассовый провал фильма, несмотря на крупный бюджет и наличие звезд, по мнению французского исследователя Ф. Дельмюля, наглядно показал моральное устаревание, непривлекательность подобных картин и их явное несоответствие окружающей действительности (*Du réel au simulacre...*, 1993, р. 78). Теперь колониальное кино сталкивалось с назревающим кризисом империи, который было необходимо принимать во внимание.

Кризис империи: новые акценты в колониальном кино

После Второй мировой войны главная цель французских правящих кругов в области колониальной политики состояла в том, чтобы не допустить полного крушения колониальной империи. Однако старания правительства реформировать ее в «союз» и частичные уступки требованиям народов колоний не избавили Францию от потери заморских территорий. Поражением закончилась в 1954 г. война в Индокитае. Все шире разворачивалась борьба за независимость в Африке. Алжирская война (1954–1962 гг.) завершила фактический распад французской колониальной империи. Общество в метрополии оказалось травмировано и расколото: события

³ Х/ф «Белый эскадрон» («L'escadron blanc»). Франция. Реж. Р. Шан. 1949 г.) // Одноклассники. URL: <https://ok.ru/video/5200046459402> (дата обращения: 10.11.2022).

⁴ Edon R. L'escadron blanc. Sur les chemins de la grandeur // Paroles francaises. 08.07.1950 / En recueil d'articles de presse. Bibliothèque nationale de France, département Arts du spectacle, 8-RSUPP-2785. 2015. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10527224f/f19.item> (accessed: 05.01.2024).

в колониях разжигали ожесточенные внутри-политические разногласия о судьбе империи, актуализировали вопросы национальной идентичности.

Вышеперечисленные обстоятельства отразились на кинематографе Четвертой республики, сделав его аполитичным. В условиях послевоенных трудностей французскому кино отводилась роль не раздражителя, а средства, способного залечить раны и примирить общество (Buss, 1988, pp. 42–43). Политика французских властей в отношении кино и образов Другого на экране стала более осторожной, поскольку расистские стереотипы могли вызвать негативную реакцию коренного населения колоний (Genova, 2013, p. 45). Как указывают многие историки, французское кино предпочитало не замечать актуальные проблемы империи, что было связано с цензурными ограничениями (Du réel au simulacre..., 1993, p. 78; Cowans, 2015, p. 199). Кинематографисты уступали требованиям государства и сами предпочитали обходить острые углы, адаптируясь к новым реалиям, а также искать иные способы репрезентации заморских территорий и их жителей.

Четвертая республика стремилась продемонстрировать, что новый альянс под ее эгидой позволит его членам совместно достичь более высокого уровня благосостояния значительно быстрее, чем по отдельности. Важным аргументом противников деколонизации оставалось «бремя белого человека». Во многих послевоенных картинах по-прежнему прослеживалась тенденция на обязательство со стороны Франции воспитывать «дикие» народы и помогать им. Акцент колониального кино сместился с прославления героического завоевания неизведанных территорий к пропаганде патернализма, партнерских отношений с населением колоний. Заметно чаще темами для фильмов становились просветительская деятельность, инженерные работы (строительство железных дорог, плотин и т. д.), медицинская помощь и т. п.⁵

⁵ См., например: х/ф «Одинокое завоеватели» («Les conquérants solitaires». Франция. Реж. К. Верморель. 1952 г.), х/ф «Прекраснейшая из жизней» («La plus belle des vies». Франция. Реж. К. Верморель.

Примером может служить х/ф «Полночь, доктор Швейцер»⁶ (1952 г.), посвященный жизни и деятельности немецко-французского ученого-богослова и миссионера начала XX в. А. Швейцера. По сюжету картины работающему в Габоне доктору приходится преодолевать невежество и суеверия «туземцев», противопоставленные западной цивилизованности и образованию. Из-за непонимания европейских обычаев африканцы на экране выглядят глупо, например, когда из-за неграмотности не понимают, как принимать выданные им лекарства, пока им четко не объяснят. Европейская медицина малопонятна коренным жителям, которые убеждены, что, когда пациент находится под наркозом, он — мертв, и «белый знахарь» чудесным образом возвращает его к жизни, когда действие лекарства заканчивается. Они больше верят своим колдунам, предлагающим в качестве решения человеческие жертвоприношения. «Туземцы» показаны ленивыми бездельниками, сидящими без дела вместо того, чтобы выполнять поручения. Также миссионер лицом к лицу встречается с дикостью и жестокостью африканцев, которые напиваются, грабят, жестоко убивают местного священника, а также занимаются каннибализмом. Абориген не равен белому, по ходу действия фильма именно африканец является постоянным объектом опеки и мишенью для нравовучений. Посыл фильма читается ясно: Франция — цивилизующая сила, заботящаяся об отсталых народах империи и работающая для того, чтобы отучить дикарей от их варварских обычаев, и даже после войны это остается так. Сделать предстоит еще многое, а смерть священника указывает на то, что ради этой благородной миссии французы готовы даже пойти на жертвы.

Характерной чертой послевоенного колониального кинематографа стало более чуткое отношение к реалистичности

1956 г.), х/ф «Оазис» («Oasis». Франция, ФРГ. Реж. И. Аллегре. 1955 г.).

⁶ Х/ф «Полночь, доктор Швейцер» («Il est minuit, docteur Schweitzer». Франция. Реж. А. Аге, 1952 г.) // Одноклассники. URL: <https://ok.ru/video/96993544942> (дата обращения: 03.03.2023).

изображения. На документальность создатели фильмов могли опереться, чтобы избежать обвинений в предвзятости, заявляя французской и африканской публике, что ничего в образе колоний и их жителей не приукрашивают, а рассказывают правду.

В документальном стиле на натуре в Кот-д'Ивуаре был снят х/ф «Черные крестьяне» (1949 г.), сюжет и идеологическую направленность которого мы имеем возможность восстановить по материалам прессы того времени⁷. К фильму приложил руку автор одноименного рассказа Р. Делавиньетт, бывший колониальный администратор и генерал-губернатор в нескольких африканских странах, сторонник уважительного отношения к коренным народам (Crisp, 2015, pp. 184–185). Быт туземцев был показан в картине с документальной точностью, темнокожих персонажей играли местные жители, но сценарий полностью выдуман. По сюжету молодой колониальный администратор, врач и инженер, являющиеся единственными белыми в фильме, стремятся организовать фабрику по производству арахисового масла посреди глухих деревень Берега Слоновой Кости, расположенных в самом сердце тропического леса и состоящих из нескольких жалких лачуг. Все трое представлены как благородные альтруисты, чья единственная цель — передать дикарям европейские стандарты гигиены, здравоохранения, рабочего законодательства и гражданских прав. Так фильм прославлял цивилизаторскую миссию Франции. Героям приходится преодолевать не только природные катаклизмы, но и глубокую отсталость местного населения. Чернокожие предстают перед зрителем суеверными, трусливыми и ленивыми, но в целом безобидными («хорошие» африканцы). Производство налаживается с трудом еще и потому, что местная знать и вождь Фаморо («плохие» африканцы), держащие соплеменников в рабском состоянии и ревниво относящиеся к своей власти,

недовольны деятельностью колонистов и препятствуют установлению демократических порядков, убивая сторонников французов. Однако в результате троица справляется со всеми преградами цивилизации, а вверенная им земля обретает согласие и радость жизни в труде. Патриотическая пресса отзывалась о картине в общем положительно, отмечая важную позитивную цель ее создания: «В то время, когда клеймить французский империализм и колониализм — это признак хорошего тона, необходимо показать столичному населению, что, где бы Франция ни сеяла, она пожинала еще кое-что, кроме ненависти и злобы»⁸.

Вышеперечисленные картины изображали коренные народы страдающими из-за собственной отсталости, неспособными к самостоятельному существованию. Они рисовали образ африканца, идеальный для послевоенного кино — благодарный колонизированный, который не оспаривает свое подчиненное положение: «Туземец больше не является диким существом или простым объектом любопытства, но он остается существом покорным, ленивым и в конечном итоге неспособным обойтись без колониального присутствия» (Soldé, 2020, p. 75).

В прокате такие фильмы зачастую проваливались. Разве что х/ф «Полночь, доктор Швейцер» сумел привлечь огромную аудиторию в 3,3 млн зрителей и оказался довольно успешным. *La cinématographie française* писала, что общая выручка за первую неделю проката картины составила более 19 млн франков, а показы сопровождали «многочисленные аплодисменты в конце каждого сеанса»⁹. Французский киновед С. Хейворд объясняет это тем, что в год выхода ленты реальный А. Швейцер получил Нобелевскую премию мира, что подогревало интерес публики. Поэтому еще до своего появления на экранах фильм, восхваляющий героизм

⁸ Ibid. P. 15.

⁹ Feltin M. “Il Est Minut, Docteur Schweitzer” provoquera-t-il un nouveau divorce public-critique? // *La cinématographie française*. 1952 (Novembre 29). No. 1494. P. 6. URL: <https://archive.org/details/lacinmatographie1475pari/page/n447/mode/2up?view=theater> (accessed: 05.03.2023).

⁷ «Paysans noirs» film de Georges Regnier // En recueil d'articles de presse. 12.03.1953. Bibliothèque nationale de France, département Arts du spectacle, 8-RSUPP-2800. 2021. URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/btv1b10532413x/f21.item> (accessed: 05.01.2024).

доктора и величие Франции как цивилизующей силы, воспринимался как большое событие (Hayward, 2010, pp. 496–498). Это может говорить о том, что в начале 1950-х гг. у некоторой части французской публики все еще оставалось ностальгическое ощущение необходимости и законности империи. Однако то, что значительная часть аудитории не проявляла интерес к таким фильмам, возможно, говорит о ее стремлении абстрагироваться от актуальных проблем Франции в колониях.

Антиколониальное послание: нетипичные кинообразы Другого

Вместе с тем во Франции после окончания войны возросли левые настроения. Все громче звучали голоса критиков колониализма, замечания в сторону имперских практик стали занимать все более важное место в общественном дискурсе (*Colonial Culture in France since the Revolution*, 2014, p. 274). Ширились движения, осуждавшие эксплуатацию и угнетение колонизированных народов, активно поддерживавшие их национально-освободительную борьбу и выступавшие против французской военной интервенции, в которой даже узнавалось возрождение фашизма (Kalter, 2016, pp. 111–123).

Тогда же появились знаковые документальные короткометражные фильмы об Африке, ставшие кинематографическим выражением антиколониального протеста. Некоммерческие, часто запрещенные и распространявшиеся подпольно, эти работы демонстрировали своей неширокой аудитории совсем иной образ «Черного континента», нежели официальная кинохроника. Наиболее известными из них стали д/ф «Африка 50»¹⁰ (1950 г.) Р. Вотье, клеймящий эксплуатацию колоний французскими бизнесменами и финансистами, обрекшими местное население на тотальную нищету, и д/ф «Статуи тоже умирают»¹¹ (1953 г.) К. Маркера и А. Рене,

исследующий деконтекстуализацию и искажение африканской культуры европейцами. В это же время увидели свет д/ф «Безумные господа»¹² (1955 г.) и х/ф «Я — негр»¹³ (1958 г.) режиссера-этнографа Ж. Руша, с критических позиций исследовавшие влияние колониализма на быт, обычаи и психологию африканцев.

В свою очередь, антиколониальные послания, то есть высказывания, отражающие сопротивление в различных формах политическим, экономическим и культурным практикам колониализма, в художественном кино 1945–1960 гг. встречались редко (Ashcroft, Griffiths & Tiffin, 2013, pp. 11–12). Лишь несколько фильмов, созданных на периферии французской киноиндустрии в сотрудничестве с другими странами, содержали в себе критику колониализма и предлагали нетипичные образы африканского Другого. Такие картины подверглись цензуре, попали на экран с опозданием, потеряли актуальность и прошли в прокате незамеченными.

В качестве примера приведем х/ф «Милый друг»¹⁴ (1955 г.). Авторы картины Л. Дакен, В. Познер и Р. Вайан были близки к коммунистической партии и видели в культуре возможность осудить колониальное насилие и его политические последствия (Soldé, 2020, p. 77). Картина далека от экзотики, Африку зрителю не показывают, зато персонажи много говорят о ней, а важной частью сюжета выступает завоевание Марокко. События разворачиваются в 1884 г. Главный герой — Жорж Дюруа, бывший военный, участник испано-марокканской войны, прибыл в Париж без гроша в кармане. «И невольно, — заявляют вступительные титры, — бывшему сержанту колониальных войск приходят на память два года, которые он провел в Африке,

¹² Д/ф «Безумные господа» («Les maîtres fous»). Франция. Реж. Ж. Руш. 1955 г.) // Vimeo. URL: <https://vimeo.com/522513207> (accessed: 06.01.2024).

¹³ Д/ф «Я — негр» («Moi un noir»). Франция. Реж. Ж. Руш. 1958 г.) // VK. URL: https://vk.com/video21679346_171625997 (дата обращения: 25.03.2023).

¹⁴ Х/ф «Милый друг» («Bel ami»). Австрия, Франция, ГДР. Реж. Л. Дакен. 1955 г.) // Видео.Mail.ru. URL: https://my.mail.ru/mail/vm_gluschenko/video/57475/238209.html (дата обращения: 03.04.2023).

¹⁰ Д/ф «Африка 50» («Afrique 50»). Франция. Реж. Р. Вотье. 1950 г.) // VK. URL: https://vk.com/video-168179353_456239034 (дата обращения: 25.03.2023).

¹¹ Д/ф «Статуи тоже умирают» («Les statues meurent aussi»). Франция. Реж. К. Маркер, А. Рене. 1953 г.) // VK. URL: https://vk.com/video-152153946_456239068 (дата обращения: 25.03.2023).

где ему часто удавалось обирать до нитки арабов...». Далее, пользуясь своим обаянием, Жорж проникает в цвет парижского общества, устраивается в газету, для которой пишет статьи о своей службе в Африке, а затем участвует в политической и финансовой махинации своего нового покровителя — господина Вальтера, который в итоге за счет банковских ссуд и вторжения в Марокко сказочно богатеет. Здесь нет положительных персонажей. Антиколониальное послание фильма заключается в явном осуждении колониализма и войны как источника коммерческой выгоды для крупных парижских воротил. Диалог во время званого обеда довольно ярко демонстрирует позицию авторов по отношению к собравшимся уважаемым господам. «Я думаю, — говорит Ж. Дюруа, — что с Марокко для нас есть большие возможности». «А что об этом думают марокканцы? — спрашивает собеседница. — Марокканцы не думают, мадам», — парирует герой. Неудивительно, что к содержанию картины возникли вопросы у цензурных органов, учитывая к тому же, что во время ее создания началась война в Алжире. Авторы были вынуждены изменить диалоги и сократить произведение, исключив из него все, что могло бы напоминать о текущей ситуации.

Фильм в урезанном виде вышел в прокат лишь в 1957 г. По данным С. Хейворд, режиссерская версия картины содержала в себе оригинальные реплики и дополнительные сцены: служба главного героя в Марокко была проиллюстрирована кадрами, указывающими на жестокое обращение французских солдат с арабами, на убийства, грабежи, захват в плен ради выкупа. В одной из сцен было показано, как Ж. Дюруа срывает с арабской девушки золотое ожерелье, о чем в фильме он только рассказывает, поскольку совет цензоров потребовал, чтобы эта сцена была вырезана полностью (Hayward, 2010, pp. 383–385).

Нетипичные образы Другого предлагал х/ф «Таманго»¹⁵ (1958 г.). Хотя прямого

антиколониального послания в фильме не содержится, он представляет собой высказывание против работорговли и эксплуатации как элементов колониальной политики европейцев. Автором картины выступил Дж. Берри — американский режиссер, занесенный в «черный список» Голливуда за связи с коммунистами и вынужденный переехать в Европу. Фильм снят по одноименной новелле П. Мериме, но правки сценария режиссером превратили историю, которая выставляет африканцев в крайне неблагоприятном свете, в антирасистскую притчу об освобождении Африки (Miller, 2008, p. 227).

Сюжет фильма разворачивается в 1820 г. на голландском корабле «Эсперанса», перевозящем африканских невольников через Атлантический океан. Из числа рабов выделяется главный герой — непокорный Таманго — чернокожий, борющийся за свободу пленников. То есть герой определенно является активным персонажем, движимым понятной мотивацией. В литературном оригинале Таманго сам являлся работорговцем, которого когда-то обманом захватили на «Эсперанса». В фильме же сценаристы радикально пересматривают персонаж, делая его яростным противником рабства и ярким лидером для невольников. Создатели фильма явно на их стороне — «другие» олицетворяют в картине добро. Ощущение несправедливости и разочарование от безысходности выливаются в небольшие бунты, африканцы пытаются устроить голодовку, украсть напильник и разрезать кандалы. Это приводит их, в лучшем случае, к поражению и наказанию, в худшем — к повешению на мачте или выкидыванию за борт в назидание остальным. Таманго упрекает наложницу капитана Рейнкера — Айше, когда та советует ему подчиниться. По ходу фильма Айше прощается с надеждой, что капитан женится на ней и освободит, поэтому присоединяется к Таманго.

Финал картины трагичен. При последней попытке восстания капитан Рейкер заявляет

¹⁵ Х/ф «Таманго» («Tamango»). Франция, Италия. Реж. Дж. Берри. 1958 г.) // // Видео.Mail.ru. URL:

<https://my.mail.ru/bk/albert.yedisanskiy/video/14/83.html> (дата обращения: 02.04.2023).

невольникам, что убьет всех, если они не сдадутся. Таманго дает Айше шанс уйти, но она решает остаться со своими товарищами-рабами. Капитан выполняет свою угрозу и стреляет из пушки в трюм. Таманго, Айше и другие пленники погибают, предпочтя смерть рабству. Таким образом, африканцы предстают в картине в качестве жертв европейского колониализма и рабовладения. Х/ф «Таманго» был запрещен к показу в колониях из-за опасений возможных беспорядков. Во Франции же фильм был успешен, его посмотрели около 2 млн зрителей (Hayward, 2010, p. 250).

Заключение

Таким образом, послевоенная действительность, драматичный для Франции процесс утраты колониальной империи, попытки сохранить влияние на заморские владения, предложив правовую формулу Французского союза, требовали корректировки официальной риторики и пропаганды, смягчения колониального дискурса. В сложных международных условиях властям Четвертой республики было необходимо менять имидж своей страны, изображая ее не колонизатором, а партнером, отстаивающим экономический и социальный прогресс союзников. Это, в свою очередь, нашло отражение в кинематографе, в частности, в фильмах 1945–1960 гг., посвященных Африке.

Идеологическое содержание французских картин об империи, вышедших в данный период, было противоречивым. С одной стороны, «классические» сюжеты, присущие довоенному колониальному кино, оказались живучими: на экраны по-прежнему выходили патристические фильмы о завоевателях и легионерах, сражающихся за установление и сохранение власти Франции в колониях, борющихся с ее противниками. Однако подобные киноленты в указанный период встречались реже и не вызывали заметного энтузиазма у массового зрителя, вступая в противоречие с актуальными политическими событиями.

С другой стороны, мы видим смещение акцентов в колониальном кино 1945–1960 гг.

Значительное количество фильмов периода делало упор на прославлении цивилизаторских усилий Франции. Картины об Африке с подобным посылом вторили официальной риторике и подчеркивали, что задачей французского присутствия здесь была и остается поддержка развития заморских территорий и это присутствие, следовательно, оправданно и взаимовыгодно. Такие фильмы не вызывали возражений цензурных органов, обращавших пристальное внимание на идеологическое содержание кинематографа, но редко могли привлечь французскую аудиторию в кинотеатры. То же отсутствие интереса зрителей к большинству картин о «заботливой Франции», что и к патристическим кинолентам, может свидетельствовать о стремлении французов избежать болезненной темы империи.

Кроме того, в указанный период появились «левые» документальные и художественные фильмы, не только критикующие колониализм, но и выступающие морально на стороне африканских борцов за национальное освобождение. Поскольку подобные картины оказывались запрещены и не доходили до кинотеатров, мы не можем точно оценить, какой отклик они вызывали у зрителя. Тем не менее некоторые фильмы, которые условно можно назвать «антиколониальными», предлагавшими новый подход к репрезентации колоний и их жителей, могли быть востребованы частью аудитории. Так или иначе, само их появление свидетельствует о наступлении новых времен, когда уже не получается довольствоваться стандартным набором сюжетов и стереотипов о колонизированном Другом.

В связи с изменением идеологического содержания колониального кино 1945–1960 гг. можно отметить и некоторое изменение подходов к репрезентации Другого. Ранее приемлемые изображения зачастую стали рассматриваться как не соответствующие посланию, которое французские официальные лица хотели донести до аудитории. Откровенно расистские представления об африканцах и африканской культуре, порою присутствовавшие на киноэкранах в довоенное время, теперь были весьма нежелательны во

Франции, заинтересованной в поддержании власти в регионе. Тем не менее в большинстве фильмов представители коренного населения по-прежнему являлись скорее декоративным элементом, нежели активными персонажами с мотивацией и историей. В некоторых картинах все еще можно было встретить прежние клише о «плохих» африканцах и арабах: их показывали дикарями, но если араб мог быть изображен лидером, то чернокожий африканец — лишь подчиненным последователем. Однако новым важным аспектом создания экранного образа Африки и африканцев стали отказ от навязчивой экзотичности и стремление к реализму, документальности изображения как аргументу против возможных обвинений в предвзятости и использовании стереотипов. Типичным образом стал африканец, страдающий из-за собственной отсталости, пока неготовый

к самостоятельному существованию без помощи французов.

Наиболее «революционный» подход к репрезентации Другого демонстрировали «антиколониальные» фильмы. В документальных картинах подобного идеологического содержания Африка и африканцы выступали в образе жертв французского империализма, а в художественных — могли быть даже главными героями, вызывающими сопереживание, оспаривающими традиционный социальный статус африканца как подчиненного и олицетворяющими собой «силы добра». Такое изображение колонизированного Другого, как в фильмах 1950-х гг., мы вряд ли сможем обнаружить в предшествующий период, что в очередной раз иллюстрирует серьезное влияние процесса деколонизации на французский кинематограф.

Поступила в редакцию / Received: 14.05.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 16.02.2025

Принята к публикации / Accepted: 20.03.2025

Список литературы

- Волков Е. В., Пономарева Е. В. Игровое кино как исторический источник для изучения культурной памяти // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2012. № 10. С. 22–26. EDN: NKXOMO
- Мирзаханов В. С. Идея превосходства и расовая иерархия во французской колониальной культуре // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5, № 4. С. 9. EDN: TDRUGT
- Мирзаханов В. С. Роль кинематографа в формировании колониального мифа и колониальной культуры во Франции XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История» 2021. Т. 12, № 3. С. 24. <https://doi.org/10.18254/S207987840014607-6>; EDN: VTZCNX
- Сайд Э. В. Культура и империализм. Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2012.
- Сайд Э. В. Ориентализм : [постколониальная теория : 18+] / перевод К. Лопаткиной. Москва : Музей современного искусства «Гараж», 2021.
- Ashcroft B., Griffiths G., Tiffin H. Post-Colonial Studies : The Key Concepts. 3rd edition. London : Routledge, 2013. <https://doi.org/10.4324/978023777855>
- Benali A. Le Cinéma colonial au Maghreb : l'imaginaire en tromp-l'œil. Paris : Cerf, 1998.
- Buss R. The French Through Their Films. London : B.T. Batsford Ltd., 1988.
- Cinema, Colonialism, Postcolonialism : Perspectives from the French and Francophone World / ed. by D. Sherzer. Austin : University of Texas Press, 1996.
- Colonial Culture in France since the Revolution / ed. by P. Blanchard, S. Lemaire, N. Bancel, D. Thomas. Bloomington, Indianapolis : Indiana University Press, 2014.
- Cowans J. Empire Films and the Crisis of Colonialism, 1946–1959. Baltimore, MD : Johns Hopkins University Press, 2015. <https://doi.org/10.1353/book.39943>
- Crisp C. French Cinema — A Critical Filmography: Volume 2, 1940–1958. Bloomington, Indianapolis : Indiana University Press, 2015.
- Du réel au simulacre : cinéma, photographie et histoire / dir. par F. Delmeulle, S. Dubreil, T. Lefebvre. Paris : L'Harmattan, 1993.
- Genova J. E. Cinema and Development in West Africa. Bloomington, Indianapolis : Indiana University Press, 2013.

- Hayward S.* French Costume Drama of the 1950s : Fashioning Politics in Film. Bristol, UK ; Chicago : Intellect, 2010.
- Kalter Ch.* The Discovery of the Third World : Decolonization and the Rise of the New Left in France, c. 1950–1976. New York : Cambridge University Press, 2016. <https://doi.org/10.1017/CBO9781139696906>
- Majumdar M. A.* Postcoloniality : The French Dimension. New York : Berghahn Books, 2007. <https://doi.org/10.3167/9781845452520>
- Miller Ch. L.* The French Atlantic Triangle : Literature and Culture of the Slave Trade. Durham, NC : Duke University Press, 2008.
- Nayar P. K.* Colonial Voices : The Discourses of Empire. Chichester : John Wiley & Sons, Inc., 2012. <https://doi.org/10.1002/9781118279007>
- Pieterse J. N.* White on Black : Images of Africa and Blacks in Western Popular Culture. New Haven : Yale University Press, 1992.
- Ponzanesi S., Waller M.* Postcolonial Cinema Studies. London : Routledge, 2012. <https://doi.org/10.4324/9780203181478>
- Shohat E., Stam R.* Unthinking Eurocentrism : Multiculturalism and the Media. London; New York : Routledge, 1994.
- Slavin D. H.* Colonial Cinema and Imperial France, 1919–1939 : White Blind Spots, Male Fantasies, and Settler Myths. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2001.
- Soldé V.* Cinéma, colonialisme et anticolonialisme dans les revues de ciné-clubs confessionnelles ou laïques en France dans l'après Seconde Guerre mondiale // Images et réceptions croisées entre l'Algérie et la France / dir. par H. El Bachir, P. Laborderie. Québec : ESBC, 2020. P. 69–87. <https://doi.org/10.5281/zenodo.3866074>
- Sorlin P.* The Fanciful Empire: French Feature Films and the Colonies in the 1930s // French Cultural Studies. 1991. Vol. 2, no. 5. P. 135–151. <https://doi.org/10.1177/095715589100200502>; EDN: JLZKUT
- Stam R.* Film Theory : An Introduction. Malden, Mass. : Blackwell, 2000.
- Stewart M.* 'Images of Diversity': Film Policy and the State Struggle for the Representation of Difference in French Cinema // Cinema-monde : Decentred Perspectives on Global Filmmaking in French / ed. by M. Gott, T. Schilt. Edinburgh : Edinburgh University Press, 2018. P. 282–303. <https://doi.org/10.1515/9781474414999-017>
- The Colonial Legacy in France : Fracture, Rupture, and Apartheid / ed. by N. Bancel, P. Blanchard, D. Thomas.* Bloomington, Indianapolis : Indiana University Press, 2017. <https://doi.org/10.2307/j.ctt20060bg>

Сведения об авторах:

Гаврилов Антон Сергеевич — аспирант кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов; e-Library SPIN-код: 7931-0064; ORCID: 0000-0003-2102-3976; e-mail: antongavrilov96@yandex.ru

Зуева Елена Геннадьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, Российский университет дружбы народов; e-Library SPIN-код: 1303-9550; ORCID: 0000-0001-8834-3398; e-mail: zueva-eg@rudn.ru

ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

INFORMATION AND COMMUNICATION TECHNOLOGIES

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-236-250

EDN: MQQFIS

Научная статья / Research article

Информационное противоборство в многополярном мире

С.В. Базавлук¹ , **А.А. Ковалев²** ¹Национальный исследовательский институт развития коммуникаций, Москва, Российская Федерация²Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Санкт-Петербург, Российская Федерация
kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. Формирование нового миропорядка в XXI в. находится в стадии становления, а нарастающее противоречие между международными акторами продолжает усиливаться. США, стремясь сохранить однополярность и противодействуя многополярности, придерживаются концепции информационного противоборства, вовлекая в этот процесс остальной мир. Конфликтность в международных отношениях сохраняется, а диалог часто воспринимается либо как проявление слабости, либо как спланированный маневр оппонента. Цель исследования — выявление особенностей аксиологического и технического аспектов информационного противоборства в многополярном мире. Отдельно рассмотрены два ключевых аспекта информационного противоборства: информационно-психологический и информационно-технический. Анализ применения инструментов информационного противоборства позволяет установить направленность действий глобальных акторов, основные используемые методы, преследуемые цели и достигнутые результаты. Методология исследования основана на системном и аксиологическом подходах, позволивших информационное противоборство как форму некинетического воздействия на ценностные и институциональные основы противника. В качестве метода применен герменевтический анализ первоисточников с элементами лексико-семантического разбора. Авторами сделан вывод, что информационное противоборство, главным субъектом которого остаются США, представляет серьезную угрозу формирующемуся многополярному миру и безопасности его сторонников, при этом отмечается наличие у них потенциала к сопротивлению, который, вероятно, будет раскрываться в будущем. В заключении приводятся возможные направления для дальнейших исследований, такие как практика взаимодействия союзных государств, препятствующих восстановлению однополярного мира и информационному давлению со стороны США и коллективного Запада; переход России в информационном противоборстве от оборонительных действий к наступательным; анализ новых инструментов и методов ведения информационного противоборства и другие актуальные темы.

Ключевые слова: когнитивная война, ментальная безопасность, стратегическая пропаганда, технологии искусственного интеллекта, deepfake, декаплинг, технологический суверенитет, цифровая манипуляция, гибридные угрозы, психосфера, ценностное воздействие, информационная дестабилизация

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Базавлук С.В.: концептуализация, разработка методологии исследования, проведение анализа, написание — подготовка черновика рукописи. Ковалев А.А.: теоретико-аналитическая проработка материала, редактирование текста, оформление библиографии, валидация источников. Оба автора ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили её.

Для цитирования: Базавлук С. В., Ковалев А. А. Информационное противоборство в многополярном мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 236–250. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-236-250>

Information Warfare in a Multipolar World

Sergei V. Bazavluk¹ , Andrei A. Kovalev²

¹National Research Institute for the Development of Communications, Moscow, Russian Federation

²North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russian Federation

✉kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. The formation of a new world order in the 21st century is in its infancy, and the growing contradiction between international actors continues to intensify. In an effort to preserve unipolarity and counteract multipolarity, the United States adheres to the concept of information warfare, involving the rest of the world in this process. Conflict remains a prevalent feature of international relations, and dialogue is frequently perceived either as a sign of weakness or as a planned maneuver by an opponent. The purpose of the study is to identify the features of the axiological and technical aspects of information warfare in a multipolar world. Two key aspects of information warfare are examined separately: the information-psychological and the information-technical. The analysis of the use of information warfare tools enables the identification of the direction of actions by global actors, the main methods employed, the goals pursued and the results achieved. The research methodology is based on systematic and axiological approaches, which have facilitated the conceptualization of information warfare as a form of non-kinetic influence on the value and institutional foundations of the enemy. The present study employs a hermeneutical analysis of sources, incorporating elements of lexico-semantic analysis, as a methodological approach. The main conclusion of the study asserts that information warfare, in which the United States remains the main actor, poses a serious threat to the emerging multipolar world and the security of its supporters, while acknowledging their potential for resistance, which is likely to emerge in the future. In conclusion, the following directions for further research are proposed: firstly, the practice of interaction between the allied states that prevent the restoration of a unipolar world; secondly, the information pressure from the United States and the collective West; thirdly, Russia's transition from defensive to offensive actions in the information warfare; and fourthly, the analysis of new tools and methods of conducting information warfare, as well as other relevant topics.

Key words: cognitive warfare, mental security, strategic propaganda, artificial intelligence technologies, deepfake, decoupling, technological sovereignty, digital manipulation, hybrid threats, psychosphere, value impact, information destabilization

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. S.V. Bazavluk: conceptualization, development of research methodology, analysis, writing and preparation of a draft manuscript. A.A. Kovalev: theoretical and analytical study of the material, text editing, bibliography design, validation of sources. Both authors have read the final version of the article and approved it.

For citation: Bazavluk, S. V., & Kovalev, A. A. (2025). Information warfare in a multipolar world. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(2), 236–250. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-236-250>

Введение

Мир стремительно меняется: однополярная структура уступает место многополярности, характеризующейся распределением

центров силы. Однако страны, открыто заявившие о переходе к полицентричному устройству, сталкиваются с противодействием со стороны США. Вместо открытого

военного противостояния акцент перемещается на скрытые формы борьбы, такие как информационное противоборство.

Термин «информационное противоборство» имеет сложную этимологию и состоит из двух элементов: «информационное» (от лат. *informatio* — «разъяснение, изложение, сообщение») и «противоборство», состоящего, в свою очередь, из «против» (от старославянского *прѣтивъ* «находящийся напротив, враждебный») и «борьба» (корень «бор-» восходит к древнерусскому *боронити* — «защищать, сопротивляться»). Тем самым «информация» охватывает процессы передачи, обработки и получения данных, а «информационное» указывает на обмен сведениями или использование технологий. При этом «противоборство» подразумевает активное сопротивление и борьбу между сторонами, стремящимися достичь целей через преодоление воли оппонента. Таким образом, под информационным противоборством следует понимать активные действия в информационной сфере, направленные на достижение стратегических целей с использованием информации как ресурса или инструмента. Информационное противоборство осуществляется как в наступательных формах, таких как распространение дезинформации, так и в оборонительных, направленных на защиту от информационных угроз.

В XXI в. соперничество государств перемещается в информационную сферу, поэтому информационное противоборство стало частью стратегий национальной безопасности и военных доктрин. Оно подразумевает под собой взаимоотношения государств в различных областях (политической, экономической, военной и проч.), при котором происходит воздействие на информационную сферу противника с целью расширения зоны своего влияния (Выходец, Панцеров, 2022, с. 139). А.И. Поздняков и В.С. Шевцов в своей совместной работе, посвященной методологическим основам построения теории информационного противоборства, отмечают, что говорить об информационной войне можно только в переносном смысле, поэтому уместнее употреблять термин «информационное противоборство» («борьба») (Поздняков,

Шевцов, 2017, с. 245). Авторы также отмечают, что информационное воздействие, осуществляемое в рамках информационного противоборства, можно разделить на две большие группы: информационно-техническое и информационно-психологическое. Важно отметить, что информационно-техническое противоборство воплощается в концепции когнитивной войны, которая фокусируется на технических аспектах, основанных на достижениях когнитивной науки. С помощью этих достижений появляется возможность манипулировать и управлять процессами потребления информации человеком, тогда как информационно-психологическое противоборство раскрывается благодаря концепции ментальной войны, в которой внимание акцентируется прежде всего на изменении ценностных и мировоззренческих установок человека и общества. При этом важно понимать, что информационно-психологическое противоборство осуществляется с помощью информационно-технических систем.

Итак, существует ряд современных теорий информационного противоборства, которые делятся на две большие взаимосвязанные группы.

В рамках анализа *информационно-технического противоборства* можно выделить, в частности, концепции сетевой войны, сетецентрической войны и кибервойны. Так, теория сетевой войны была раскрыта в работе Дж. Аркиллы и Д. Ронфельдта (1996 г.)¹, в которой отмечалось, что сетевой принцип организации современного противоборства является ведущим в войнах современности. Нарушение связи и коммуникаций противника с помощью применения новейших технологий становится, таким образом, основным способом достижения военных целей.

На рубеже XX и XXI столетий в США была разработана теория сетецентрической войны², при которой в единую информационную

¹ Arquilla J., Ronfeldt D. The Advent of Netwar. Santa Monica, CA : RAND Corporation, 1996. (Деятельность *RAND Corporation* признана нежелательной на территории Российской Федерации. — Прим. ред.).

² Cebrowski A. K., Garstka J. H. Network-Centric Warfare — Its Origin and Future // Proceedings. 1998. Vol. 124, no. 1. URL: <https://www.usni.org/magazines/>

сеть объединялись одновременно живая сила, военная техника и командование. Цель такого объединения — повысить синхронизацию действий различных боевых подразделений и увеличить скорость управления операциями на поле боя. Таким образом, иерархический способ организации и координации военных действий начал уступать сетевому принципу. В свою очередь, концепция кибервойны объединяет в себе знания о том, как с помощью компьютеров и Интернета нанести ущерб противоборствующей стороне (кибератаки позволяют делать это на расстоянии без учета национальных границ) (Clarke & Knake, 2010).

Информационно-технический аспект в настоящее время оказывает существенное влияние на формирование многополярного мироустройства, основными акторами которого являются ведущие страны мира (США, Китай, Россия и ряд других). Методы противостояния в рамках информационного противоборства постоянно совершенствуются и усложняются. Так, в рамках данного исследования будут рассмотрены, в частности, декаплинг и конкуренция за освоение технологий 4.0 (четвертой промышленной революции) в качестве эффективных методов информационно-технического противоборства как одного из основных факторов санкционной политики.

Информационно-психологическое противоборство является разновидностью информационного противоборства и рассматривается с позиции аксиологического подхода к системе безопасности в целом. Психика человека в войнах современности становится объектом информационного воздействия, ей наносится существенный ущерб (Hoyle et al., 2021, p. 150), именно поэтому обеспечение ментальной (когнитивной) безопасности является важной задачей стратегии национальной безопасности государств. С помощью манипуляции сознанием населения противника реализуются цели информационно-психологического противоборства (Манойло, 2019, с. 39). Обладание знаниями о механизмах влияния на общественное мнение,

условиях его возникновения и способах восприятия и обработки информации человеком позволяет эффективно осуществлять информационно-психологическое противоборство. О возможности применения психологических наработок в военной сфере еще в 1954 г. писал американский исследователь П. Лайнбарджер (1962).

Итак, информационно-психологическое противоборство реализуется в рамках ментальной войны. Данная разновидность противоборства исследуется в работах российского военного эксперта А.М. Ильницкого, который в качестве объекта воздействия называет самосознание человека (нации), национальный менталитет и в целом цивилизационные основания существования противника (Ильницкий, 2021). По сути, ментальной можно назвать такую войну (враждебные действия), в которой ценности, идеалы, образ жизни и прочие элементы (атрибуты) одной нации переносятся на другую. Тем самым можно предположить, что, по мнению А.М. Ильницкого³, если в одной нации (объекте воздействия) усматриваются характерные черты и особенности другой нации (субъекта воздействия), то имеет место ментальное вторжение. То есть о ментальной войне можно судить по ее результатам.

В последние годы в процессе информационного противоборства активно развиваются и применяются методы когнитивной войны. Организация Североатлантического договора (НАТО), возглавляемая США, в базовой концепции боевых действий выделяет следующие ключевые сферы: наземную, морскую, воздушную, космическую, информационную (киберпространство) и когнитивную⁴. Именно когнитивной сфере в войнах нового

³ Ильницкий А. М. Ментальная война за будущее России // Звезда. 21.04.2021. URL: <https://zvezdaweekly.ru/news/20214211636-jxgHZ.html> (дата обращения: 19.01.2025).

⁴ Таммен Дж. Базовая концепция боевых действий НАТО: в перспективе — меняющийся характер войны // Вестник НАТО. 09.07.2021. URL: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2021/07/09/bazovaya-kontseptsiya-boevykh-dejstvij-nato-v-perspektive-menyayushchisya-harakter-vojny/index.html> (дата обращения: 06.01.2025).

типа уделяется все больше внимания с точки зрения разработки и внедрения методологии ведения боевых действий. Эта сфера рассматривается как перспективное направление для дальнейших разработок. «Взлом личности» — ключевой принцип и одновременно инструмент когнитивной войны, суть которого заключается в манипулировании сознанием человека и направленном управлении его действиями⁵. Дестабилизация и внешнее влияние в этом случае выступают в качестве основных целей когнитивного противоборства⁶.

Развитие когнитивной войны во многом опирается на достижения нейронаук, которые открывают возможность более глубокого воздействия на психофизиологические процессы. В этой связи нейронауки превращаются в инструмент политической борьбы, обеспечивающий достижение масштабных стратегических целей. Борьба за человеческий разум радикально меняет представления о безопасности, которая все чаще воспринимается как игра с нулевой суммой (Ördén, 2024, p. 614).

Информационное противоборство, активным участником которого выступают США, рассматривается как нетрадиционная угроза безопасности в условиях многополярного мира. Информационно-психологическое противоборство, опирающееся на методы «мягкой силы», разворачивается в культурном пространстве с целью трансформации сознания политического оппонента, который может даже не осознавать подобного воздействия. Объектами таких атак становятся ценностные ориентиры, традиции, историческая и культурная идентичность государств (Гончарова, Ницевич, Судоргин, 2024, с. 21), а также критическая инфраструктура, военные объекты и другие ключевые элементы государства, в результате чего подвергается опасности информационно-психологическая сфера.

⁵ Du Cluzel F. Cognitive Warfare, a Battle for the Brain. NATO Innovation Hub. 2020. URL: <https://archive.org/details/mp-hfm-334-kn-3> (accessed: 19.01.2025).

⁶ Wanyana R. Cognitive Warfare: Does it Constitute Prohibited Force? // EJIL: Talk. January 30, 2025. URL: <https://www.ejiltalk.org/cognitive-warfare-does-it-constitute-prohibited-force/> (accessed: 02.02.2025).

Динамичное развитие международных процессов, обусловленное стремительным прогрессом информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и ростом напряженности в мире, послужило основой для данного исследования. Особую обеспокоенность в контексте информационного противоборства вызывает информационно-психологическая безопасность. Исследование посвящено анализу информационного противоборства в многополярном мире и нацелено на выявление особенностей аксиологического и технического аспектов информационного противоборства в условиях формирования многополярного мира.

Авторы исходят из критико-аналитического подхода, позволяющего трактовать информационное противоборство как форму некинетического воздействия, направленного на трансформацию ментальной и институциональной устойчивости противника. Такой ракурс отличает исследование от технократических и инфраструктурных моделей, сосредоточенных на контроле над ИКТ-средой, а также от неомарксистской интерпретации (в частности присущей работам М. Кастельса), в рамках которой внимание акцентируется на роли цифровых сетей в глобальной системе коммуникации, распределения власти и экономического влияния (Кастельс, 2000). Выбранный подход позволяет сосредоточиться на гуманитарных аспектах и ценностной уязвимости субъектов геополитического взаимодействия.

В качестве методов исследования были использованы систематизация, с помощью которой широкая дефиниция «информационное противоборство» была дифференцирована исходя из более локальных и конкретных аспектов данного противоборства в рамках функционирования международной системы; системный подход позволил выявить глубинные причины и смыслы переустройства миропорядка и выбранные способы его реализации. Также для раскрытия выбранной тематики были применены системно-деятельностный подход и входящий в него аксиологический подход, герменевтический анализ первоисточников с элементами лексико-семантического разбора текстов, благодаря

которым были изучены потенциалы информационно-технического и информационно-психологического аспектов информационно-противоборства, обозначены возможности применения технологий искусственного интеллекта (ИИ) наступательного и оборонительного характера, а также рассмотрены возможности России по сохранению своего суверенитета в современном многополярном мире.

Информационное противоборство в современном мире

Термин «информационная война» впервые был упомянут в отчете ученого Томаса Роны, подготовленном по заказу Министерства обороны США в 1976 г.⁷ В этом отчете информационная сфера обозначалась как уязвимая цель для возможных атак противника. На тот момент информационные атаки рассматривались преимущественно в экономической области, однако со временем их воздействие охватило практически все сферы жизнедеятельности. Авторство термина нередко оспаривается, поскольку еще в 1970 г. журналистка Дейл Майнор опубликовала книгу под заголовком «Информационная война» (Minor, 1970). Однако именно работа Т. Роны способствовала популяризации этого понятия как значимого феномена.

Эволюция информационного противоборства на протяжении последних десятилетий прошла путь от технических аспектов к аксиологически-антропологической сфере. В современном мире все большее значение приобретают ментальность народов, их идентичность, самосознание, коллективная память (включая коллективную травму) и идеология. В этой связи в XXI в. информационно-психологическое противоборство становится важным инструментом межгосударственного взаимодействия, применяемым для достижения целей через методы некинетических

(нефизических) форм воздействия, характерных для современных войн.

В рамках информационно-психологического противоборства используется информационно-идеологическое противостояние, в котором уникальность нации и основа ее духовного существования становятся ключевым объектом воздействия. По мнению И.Ф. Кефели и Н.А. Комлевой, информационно-идеологическое пространство в настоящее время является основным пространством борьбы, так как подобные действия носят скрытый характер и не воспринимаются обществом как агрессия. Напротив, нация-агрессор «ненавязчиво поощряет» нацию-мишень трансформироваться и пойти по восходящему пути развития. В западной риторике по-прежнему используется терминология «второй» и «третий мир», подразумевающая отсталость остального мира и необходимость следовать западным моделям развития. Такой подход подвергается критике даже внутри самого Запада как форма воспроизводства колониального мышления⁸. При этом «основным „оружием“ информационно-идеологических войн является совокупность оценочных мировоззренческих, или идеологических, конструктов, целенаправленно созданных с целью оправдания экспансии данного геополитического актора и осуждения экспансии актора-противника (противников)» (Кефели, Комлева, 2019, с. 57). Такая политика характерна для США, последовательно оправдывавших свое присутствие в различных регионах мира, поддержку «цветных» революций и вмешательство во внутренние дела суверенных государств⁹. Однако когда Россия начала специальную военную операцию (СВО) на Украине в 2022 г., США и их союзники одними из первых осудили происходящее, что

⁸ Silver M. Memo to People of Earth: 'Third World' Is an Offensive Term! // NPR. January 8, 2021. URL: <https://www.npr.org/sections/goatsandsoda/2021/01/08/954820328/memo-to-people-of-earth-third-world-is-an-offensive-term> (accessed: 19.01.2025).

⁹ GT Investigates: US Wages Global Color Revolutions to Topple Govts // Global Times. December 30, 2021. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202112/1240540.shtml> (accessed: 19.01.2025).

⁷ Rona T. Weapon Systems and Information War. Office of the Secretary of Defense, Washington, DC. July 1, 1976. URL: https://www.esd.whs.mil/Portals/54/Documents/FOID/Reading%20Room/Science_and_Technology/09-F-0070-Weapon-Systems-and-Information-War.pdf (accessed: 10.01.2025).

указывает на наличие двойных стандартов в международной политике¹⁰.

Военный аналитик А.А. Бартош утверждает, что информационное противоборство, являясь ключевым элементом гибридной войны, инициировано США с целью сохранения однополярного мира и обеспечения своей гегемонии на международной арене (Бартош, 2024). В рамках первого этапа достижения глобального господства рассматривается уничтожение России через ликвидацию ее государственности, фрагментацию и установление внешнего управления. Следующим шагом обозначено установление контроля над Китаем, затем — воздействие на Индию и другие государства Евразии. Схожая логика закреплена и в официальных стратегических документах США, где Россия и Китай обозначаются в качестве главных угроз и конкурентов, подлежащих сдерживанию в рамках глобального соперничества. Такие документы прямо или косвенно фиксируют цели по ограничению влияния несистемных акторов и поддержанию мирового лидерства США посредством гибридных и информационных инструментов¹¹.

Новые технологии, включая информационно-коммуникационные, стали основой для защиты национальных интересов США, что прямо указано в национальной военной стратегии этого государства¹². Информационное противоборство с Россией осуществляется в

соответствии с концепцией «стратегических коммуникаций» (*strategic communications*), которая активно развивалась в структурах НАТО и была зафиксирована в итоговом коммюнике Варшавского саммита 2016 г. как элемент политико-информационного давления¹³. Термин прямо упоминается в числе приоритетных направлений по усилению способности Альянса противостоять внешним вызовам и формировать благоприятное восприятие своей повестки. Экономическое и политическое ослабление России, утрата субъектности, размывание традиционных ценностей, дестабилизация внутренней обстановки и другие цели определены как приоритетные. Проведение информационных операций американским военным командованием рассматривается как основной способ сохранения доминирования в информационной сфере. Ключевыми методами становятся распространение ложной информации, подтасовка фактов, создание фейков, замалчивание важных сведений и акцентирование внимания на второстепенных аспектах с целью дезориентации и введения целевой аудитории в заблуждение.

Для реализации этой стратегии в Латвии функционирует Центр передового опыта НАТО в области стратегических коммуникаций (*NATO Strategic Communications Centre of Excellence*), а также действуют различные антироссийские неправительственные организации (НПО), такие как «Фонд Сороса»¹⁴, *Freedom House*¹⁵ и др. Среди наиболее приоритетных задач НАТО на ближайшую перспективу названы формирование негативного образа России как основной угрозы странам

¹⁰ War in Ukraine // Council on Foreign Relations. April 14, 2025. URL: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker/conflict/conflict-ukraine> (accessed: 19.04.2025).

¹¹ См.: 2022 National Defense Strategy of the United States of America. U.S. Department of Defense, 2022. URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.pdf> (accessed: 19.01.2025); Renewed Great Power Competition: Implications for Defense — Issues for Congress. Congressional Research Service. August 28, 2024. URL: <https://sgp.fas.org/crs/natsec/R43838.pdf> (accessed: 19.01.2025).

¹² Description of the National Military Strategy 2018 // Office of Primary Responsibility: Strategy Development Division, Deputy Directorate for Joint Strategic Planning, Directorate for Strategy, Plans, and Policy (J-5). The Joint Chiefs of Staff. 2018. URL: https://www.jcs.mil/Portals/36/Documents/Publications/UNCLASS_2018_National_Military_Strategy_Description.pdf (accessed: 06.01.2025).

¹³ Warsaw Summit Communiqué // NATO. July 9, 2016. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (accessed: 07.01.2025).

¹⁴ Деятельность финансируемых «Фондом Сороса» иностранных неправительственных организаций — Фонда Открытое общество (*Open Society Foundations*) и Института Открытое Общество Фонд Содействия (*OSI Assistance Foundation*) — признана нежелательной на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

¹⁵ Деятельность международной неправительственной организации *Freedom House* признана нежелательной на территории Российской Федерации (*Прим. ред.*).

НАТО и ЕС, международная изоляция и снижение влияния России на постсоветском пространстве, включая СНГ, а также поддержание политики стратегического сдерживания и минимального диалога с Москвой¹⁶.

В англо-американском мире широко используется понятие «вредоносное влияние России». Доктор политических наук Д. Пророкович отмечает, что данное понятие намеренно введено и распространено США с целью обеспечения тотального информационного воздействия на Россию. Исследователь подчеркивает, что «к вредоносному влиянию России может быть отнесено любое действие с участием какого-либо российского государственного учреждения, государственной корпорации или организации (неправительственной, научной, религиозной)» (Пророкович, 2021, с. 82–83). Упоминание «вредоносного влияния России» позволяет США использовать данный термин как предлог для оправдания своих действий, включая нелегитимные.

По мнению Е.А. Даниловой и Е.Д. Заболотной, информационная война не только несет угрозы и риски, но и открывает перспективы, связанные, в частности, с переходом России от оборонительной позиции к наступательной (Данилова, Заболотная, 2023). Профессор А.В. Манойло считает, что Россия должна стремиться к равной конкуренции с США в сфере информационного противоборства и подробно описывает примеры манипулятивного воздействия на противников, призывая использовать аналогичные подходы для усиления собственных позиций (Манойло, 2021, с. 94).

Доктор политических наук И.А. Василенко отмечает, что современной России следует уделять больше внимания политике формирования положительного образа на международной арене (Василенко, 2014). Исследователь подчеркивает, что враждебность со стороны Запада способствовала усилению восточной ориентации России, поскольку

необходимая внешнеполитическая поддержка была найдена среди стран БРИКС, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). В настоящее время Российская Федерация самостоятельно формирует международную повестку, в том числе в сфере информационной безопасности. Так, в рамках БРИКС она активно продвигает инициативы по выработке норм поведения государств в киберпространстве, направленных на защиту национальных интересов и укрепление цифрового суверенитета. Участие России в формировании нормативных подходов в информационном пространстве подробно рассматривается в научной литературе, посвященной правовым режимам кибербезопасности (Рамич, Пискунов, 2022).

Искусственный интеллект как инструмент информационного противоборства

Искусственный интеллект представляет собой совокупность технологий, основанных на алгоритмах обработки данных, моделирующих аналитические и когнитивные способности человека. Значение ИИ в информационном противоборстве заключается в способности генерировать и адаптировать информацию, а также манипулировать ею в масштабах, ранее недоступных ни одному инструменту или методу. Технологии ИИ одновременно являются ресурсом и оружием. С их помощью можно обрабатывать большие массивы данных и выявлять сложные взаимосвязи между элементами информации, что неосуществимо в рамках традиционных методов. ИИ используется в прогнозировании, управлении массовым сознанием и влиянии на него.

ИИ-технологии обладают высоким конструктивным потенциалом, однако также они создают дополнительные риски, усиливающие информационное противостояние. Например, они активно используются для создания контента пропагандистского характера. Примечательно, что эффект от таких методов противоборства наступает благодаря активизации принципа «спрос рождает пред-

¹⁶ Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organization. Adopted on June 29, 2022 // NATO. 2022. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept.pdf (accessed: 09.01.2025).

ложение». Иными словами, спрос на быструю и многообразную информацию порождает ее появление. Такая информация, как правило, легка для восприятия, не является энергозатратной на этапе сбора и анализа (она доходит до аудитории в готовом виде), интересна и привлекательна (Goldstein, Sastry & Musser, 2023, p. 65). Таким образом, одним из способов борьбы с пропагандой посредством использования ИИ-технологий является удовлетворение запроса общества на осведомленность.

Отсюда следует, что основную угрозу представляют не сами ИИ-технологии, а их злонамеренное использование, угрожающее международной информационно-психологической безопасности (Пашенцев, 2019). Среди основных методов применения ИИ-технологий в информационном противоборстве — создание *deepfakes* («глубинное обучение» + «подделка»), установка и закрепление повестки дня, целевая трансформация образов, технология «отравленные данные», анализ тональности в текстах, технология «фальшивые люди» и др.

Технологии ИИ демонстрируют высокую эффективность в таргетировании аудитории, направляя информационные атаки на конкретные группы населения с учетом их культурных, политических и социальных особенностей. Точность таких воздействий усиливается благодаря использованию технологий глубокого обучения, позволяющих моделировать вероятные сценарии реакций на информационные стимулы. Системы ИИ способны анализировать поведение пользователей социальных сетей, сопоставляя их интересы, поведенческие паттерны и эмоциональные реакции для создания персонализированного контента, максимально влияющего на их восприятие и действия. ИИ выступает не просто инструментом влияния, но и фактором, управляющим динамикой информационного поля в реальном времени.

Исследователи Д.Ю. Базаркина и Е.Н. Пашенцев отмечают, что в настоящее время негативный эффект от использования ИИ и его влияние на информационно-психологическую безопасность недостаточно изучены (Bazarkina & Pashentsev, 2019,

р. 149). Ученые в своем совместном исследовании выделили ряд факторов, которые затрудняют минимизацию ущерба от злонамеренного использования ИИ-технологий. Среди них непрекращающееся геополитическое противостояние (отсутствие согласованности позиций мировых акторов по достижению приемлемого уровня безопасности), социальная нестабильность в связи с экономическими кризисами, недоверие к государственным институтам и политическим партиям, конкуренция человека и ИИ в сфере занятости (рост безработицы) и некоторые другие. Тем самым становится очевидно, что использование ИИ в целях нарушения безопасности, в том числе информационно-психологической, носит комплексный характер, пересекается с традиционными проблемами и порождает качественно новые вызовы.

Автоматизация процессов обработки данных и создания контента позволяют ИИ функционировать в режиме реального времени, создавая эффект массовой поддержки или сопротивления, что значительно усиливает влияние на общественное сознание. Децентрализованная природа подобных систем практически исключает возможность их нейтрализации традиционными методами противодействия дезинформации. Кроме того, технологии ИИ обеспечивают согласованность действий на глобальном уровне, а это, в свою очередь, открывает возможности для координации информационных кампаний, направленных на дестабилизацию различных регионов. Технологические решения на основе ИИ отличаются не только значительной сложностью, но и тесной взаимосвязью с социальными и психологическими процессами, что делает их мощным инструментом для воздействия на массовое сознание. Особую эффективность имеет технология *deepfake*, фактически подменяющая физическую реальность вымышленной.

Применение ИИ в условиях информационного противоборства является не только технологической инновацией, но и значительным культурным вызовом, изменяющим восприятие правды, достоверности и объективности. Развитие подобных технологий

указывает на необходимость пересмотра методов обеспечения информационной безопасности и разработки новых подходов к управлению информационными потоками.

Инструменты ИИ не ограничиваются выполнением заданных функций, они могут приспосабливаться к изменениям в информационной среде. Способность к адаптации крайне важна в условиях стремительных перемен в сфере глобальных информационных структур, где события развиваются динамично, а своевременная реакция требует использования максимально доступных ресурсов.

Эволюция технологий ИИ приводит к появлению новых форм «информационной автономии», при которых системы самостоятельно принимают решения о характере и содержании распространяемой информации. Автономные процессы охватывают не только генерацию контента, но и выбор наиболее эффективных методов его доставки. ИИ выступает в роли стратегического агента, определяющего приоритеты и корректирующего направление информационного воздействия в зависимости от изменяющихся условий. Тем самым новые возможности расширяют потенциал информационного противоборства, одновременно порождая серьезные этические и правовые вопросы.

Природа технологий ИИ в информационном противоборстве отличается динамичностью, адаптивностью и способностью преобразовывать фундаментальные подходы к работе с информацией. Технологии не только ускоряют и упрощают создание и распространение контента, но и меняют то, как информация влияет на общественное сознание и политические процессы. Так формируются новые правила взаимодействия на глобальном уровне.

Информационное противоборство в условиях формирования многополярного мира

В настоящее время имеют место угрозы информационно-психологической безопасности ведущих стран незападного мира, связанные с использованием новейших технологий (в том числе ИИ). Последствия их применения могут быть катастрофическими

для психологической безопасности (Pantserov, 2020). По мнению Д.Ю. Базаркиной и Е.Н. Пашенцева, психологический ущерб от использования ИИ-технологий является третьим и самым опасным уровнем угроз (первый уровень — распространение ложного негативного образа ИИ, второй — непосредственное вредоносное использование ИИ без цели прямого влияния на общественное сознание, например использование беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) на территории противника или кража денег посредством ИИ-технологий) (Bazarkina & Pashentsev, 2020, p. 162). Дискредитация надежных систем (например, многоступенчатых систем защиты банковских приложений и счетов), неопределенность и отсутствие алгоритма действий в ситуациях использования ИИ-технологий для нарушения информационно-психологической безопасности наносит серьезный ущерб обществу, подвергающемуся подобным атакам.

Одним из наиболее ярких проявлений информационно-технического противоборства в условиях становления многополярного мира стало технологическое и информационное противостояние между США и КНР, развивающееся по логике «декаплинга». Если символом глобализации в конце XX в. выступал «каплинг» (*coupling* — «связь»), то в XXI в. на первый план выходит обратный процесс — «декаплинг» (*decoupling* — «расцепление»), наиболее отчетливо проявившийся в американо-китайских отношениях в период первого президентского срока Д. Трампа (2017–2021 гг.). Как подчеркивает Я.В. Лексютина, действия Китая — кибершпионаж, активность телекоммуникационных компаний и инвестиции в экономику США — были восприняты США как угроза национальной безопасности, что стало основанием для формирования в Вашингтоне курса на технологическое и информационное дистанцирование от Пекина (Лексютина, 2020, с. 86).

Санкционное давление, усилившееся после начала специальной военной операции России на Украине (с 2022 г.), ускорило разрыв глобальных производственно-логистических цепочек и информационных связей. Прежде декларируемое взаимовыгодное

сотрудничество стало восприниматься как стратегическая уязвимость. В обновленной архитектуре международных отношений взаимозависимость все чаще рассматривается как фактор риска не только в экономической, но и в идеологической и технологической сферах. Явление «декаплинга» приобретает черты своеобразного «парада суверенитетов» XXI в., отражающего стремление государств выстраивать автономные траектории развития. Возвращение Д. Трампа к власти в США в 2025 г. предопределяет дальнейшее расширение протекционистской повестки: еще до вступления в должность он заявлял о планах ввести пошлины на товары из Китая, стран БРИКС и Европейского союза (Виноградов, Салицкий, Семенова, 2019, с. 42).

Американо-китайское противостояние в сфере высоких технологий приобрело характер затяжного конфликта. При администрации Б. Обамы были предприняты первые шаги по сдерживанию Китая через санкционные механизмы, а при Д. Трампе противостояние переросло в полноценную «технологическую войну» (Данилин, 2020, с. 161). США вводили жесткие ограничения в отношении таких технологических гигантов, как *Huawei* и *ZTE*, сворачивали академическое сотрудничество и усиливали контроль над экспортом критически важных компонентов. В ответ Китай ускорил внутреннюю цифровую модернизацию и начал выстраивать партнерские связи с другими странами: членами Евросоюза, Японией, Россией, Израилем и рядом развивающихся государств.

В результате на глобальной технологической карте формируются два автономных пространства: первое — под лидерством США, второе — с растущим влиянием Китая (Выходец, 2022, с. 262–263). Россия ориентируется на восточный вектор, стремясь компенсировать потери, вызванные разрывом с западными поставщиками технологий, такими как *Intel*, *AMD* и производители полупроводников с Тайваня (Китай). Развивающиеся страны, лишенные доступа к передовым цифровым компонентам, оказываются особенно уязвимыми в складывающихся условиях. Борьба за лидерство в сфере технологий 4.0 становится не только экономическим, но и

политическим приоритетом. Государства, обладающие технологическим суверенитетом, получают преимущества как в промышленности, так и в оборонной сфере, в том числе за счет использования искусственного интеллекта в военных разработках.

Следует отметить, что в КНР проблематика информационного и технологического противоборства активно концептуализируется в научной среде. В данной статье основное внимание сосредоточено на стратегических инициативах США и их влиянии на глобальный баланс. Подробное рассмотрение китайских теоретических подходов требует самостоятельного исследования.

Несмотря на то, что США являются главным идеологом и субъектом информационного противоборства в современном мире, они рассматривают Россию, Китай, Иран и ряд других незападных государств как ревизионистские государства, ведущие войну в так называемой «серой зоне», в которой состояния мира и войны неразличимы, а скрытые действия, осуществляемые с помощью новейших информационных технологий, позволяют достигать политических целей (Azad, Haider & Sadiq, 2023, p. 95). Информационные технологии, будучи «бестелесными» инструментами, вызывают вполне реальные, материальные последствия. Одним из таких примеров стали «твиттер¹⁷-революции», от которых пострадали страны Ближнего Востока и Северной Африки (Татунц, 2024, с. 4).

Россия осознает угрозу информационного воздействия, поэтому в «Концепции внешней политики РФ» 2023 г. подчеркивается значимость формирования и развития безопасного информационного пространства, обеспечивающего защиту населения от деструктивного иностранного информационно-психологического влияния. Существенным шагом вперед стало открытое официальное признание противников поименно, что нашло отражение в концептуальных документах¹⁸.

¹⁷ Социальная сеть *Twitter* (ныне — *X*) заблокирована Роскомнадзором Российской Федерации в 2022 г. (Прим. ред.).

¹⁸ Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих

По мере совершенствования методов информационного противоборства Россия также должна своевременно реагировать на возникающие угрозы. Так, в коллективном исследовании А. Вентцеля, С. Ханссона, М.-Л. Мадиссон и В. Сазонова на примере военных учений России «Запад – 2017» у границ Белоруссии раскрывается использование культуры страха. Россия, по мнению исследователей, активно пользуется нагнетанием страха для достижения стратегических целей. И это является проявлением информационного противоборства, считают авторы. «Неопределенность — важный источник страха», говорится в статье (Ventsel et al., 2019, p. 28). И в этом основное преимущество и цель России. Статья была написана до начала СВО, тем самым этот страх (Россия с 2014 г. настаивала на прекращении неправомерных действий на Донбассе со стороны киевской власти) воплотился в реальность. То есть предупреждение, длительное время остававшееся на уровне страха, материализовалось в критический момент.

По нашему мнению, для России такое восприятие противником российской политики может иметь положительный результат. Тем более прецедент уже создан. При этом важно, чтобы противостоящая сторона воспринимала предупреждение именно как реальную угрозу, а не как элемент информационного противоборства и «военной игры», а именно как намерение. Так, оправданным является утверждение А.В. Фененко, профессора факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, о том, что информационное противоборство между странами возможно только при условии, что обе стороны признают авторитет друг друга. В противном случае акт коммуникации становится невозможным¹⁹. Предупреждения в случае

недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц» // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411064/e8730c96430f0f246299a0cb7e5b27193f98fdaa/ (дата обращения: 02.11.2024).

¹⁹ Фененко А. Парадокс информационных войн // Российский совет по международным делам. 17.08.2022. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/paradoks-informatsionnykh-voyn/> (дата обращения: 07.01.2025).

с Украиной не возымели должного эффекта, и, к сожалению, это привело к культивированию в информационном пространстве страхов о ядерных ударах, а на высшем государственном уровне — к смене ядерной доктрины²⁰. Действительно, противники России должны считаться с ней, воспринимать ее намерения всерьез. Как представляется, одержать победу в информационном противоборстве России может помочь стратегия культивирования страха, когда одного лишь информационного сигнала со стороны России будет достаточно, чтобы внушить опасения относительно ее возможных действий.

Когнитивная война позволяет человеку как индивидуальной единице быть одновременно и объектом, и субъектом информационного воздействия в рамках информационного противоборства. С одной стороны, человек — получатель информации, с другой — ее распространитель. Это означает, что определенная грань между адресатом и адресантом стирается, и, по сути, любой пользователь может стать лидером общественного мнения. Так, с начала СВО в социальной сети X (ранее — Twitter) появился целый ряд новых аккаунтов социальных ботов. Например, на аккаунт @UAWearns, публиковавший предвзятые сообщения с целью дискредитации России, всего за месяц подписалось несколько сотен тысяч пользователей (Li et al., 2023, p. 69). Здесь также проявляется проблема отсутствия ответственности за распространение информации, поскольку обезличенный характер публикации новостей усиливает манипулятивный эффект, производимый подобными сообщениями.

С 2022 г. все более очевидно проявляется тенденция к расколу ведущих стран мира («друг — враг»), однако такие государства, как, например, Индия и Китай, заявляют о своем нейтралитете²¹. Подобная позиция

²⁰ Указ Президента Российской Федерации от 19.11.2024 г. № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51312> (дата обращения: 06.01.2025).

²¹ China's Position on Russia's Invasion of Ukraine // U.S. — China Economic and Security Review Commission. February 28, 2025. URL: <https://www.uscc.gov/>

вызывает недовольство Запада по нескольким причинам: во-первых, она отражает независимость других акторов; во-вторых, страны с такими принципами не разделяют либеральные ценности; в-третьих, неопределенность их позиции делает их потенциальными партнерами России. С высокой вероятностью государства, не входящие в западный мир, продолжат выстраивать более справедливую модель мирового порядка и усиливать сотрудничество в области информационных технологий для противодействия давлению со стороны коллективного Запада. Для России это открывает возможности формирования устойчивых цифровых альянсов, продвижения альтернативных норм международного информационного взаимодействия и укрепления роли координатора в сфере глобальной информационной безопасности.

Заключение

Современный мир и отношения между глобальными акторами отличаются гибкостью, фрагментарностью и выраженной манипулятивностью. Ведущие международные игроки по-прежнему стремятся к расширению геополитического влияния, однако средства достижения этой цели радикально изменились. Центры силы стремительно трансформируются, а информационное противоборство становится, с одной стороны, инструментом для малых и ранее маргинализированных государств заявить о своих интересах на международной арене, с другой — источником дестабилизации, угрожающим формированию многополярного мира.

Информационное противоборство, являясь лишь одним из элементов широкого комплекса глобальных угроз наряду с валютно-финансовым давлением, военно-политическим доминированием и санкционной политикой, отличается скрытностью, трудной прогнозируемостью и слабой подот-

четностью. При отсутствии четких международных регламентов и механизмов контроля манипулятивные воздействия в информационной сфере приобретают разрушительный характер. Так, например, США применяют эту форму противоборства не с целью навязывания универсальной либерально-демократической модели, а как инструмент ослабления незападных центров силы, способных бросить вызов американской гегемонии. Политика протекционизма, проводимая администрацией Д. Трампа, технологическое превосходство США и наличие конкурирующих акторов, в том числе КНР, будут усиливать информационное противостояние в ближайшей перспективе.

Актуальность темы предполагает дальнейшее развитие исследований в области стратегического анализа информационного противоборства. В перспективе научные изыскания могут быть сосредоточены на следующих направлениях:

- механизмы взаимодействия государств, противодействующих восстановлению однополярной модели мирового порядка и внешнему информационному давлению;
- информационное противоборство как элемент гибридной стратегии США в отношении стран незападного мира, а также анализ информационного воздействия на Россию, Китай, Индию, Бразилию, арабские и другие государства;
- эволюция российской модели информационного противостояния с переходом от оборонительных к наступательным стратегиям;
- новые формы и методы ведения информационного противоборства;
- изменения в системе международной безопасности под влиянием информационно-психологических и информационно-технологических воздействий.

Расширение таких направлений позволит более точно определить место и роль информационного противоборства как ключевого измерения глобальной конкуренции в условиях становления многополярного мира.

[research/chinas-position-russias-invasion-ukraine](https://research.chinas-position-russias-invasion-ukraine) (accessed: 18.03.2025).

Поступила в редакцию / Received: 03.11.2024
Доработана после рецензирования / Revised: 28.01.2025
Принята к публикации / Accepted: 20.03.2025

Список литературы

- Бартош А. А.* Мировая гибридная война. Москва : Горячая линия-Телеком, 2024.
- Василенко И. А.* Формирование нового образа России «после Крыма»: парадоксы информационной войны // *Власть*. 2014. № 10. С. 204–208. EDN: SXSXCZ
- Виноградов А. О., Салицкий А. И., Семенова Н. К.* Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2019. Т. 19, № 1. С. 35–46. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2019-19-1-35-46>; EDN: ZBFCZN
- Выходец Р. С.* Большие ИИ-пространства и стратегия России в условиях санкционной войны // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 2. С. 256–270. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-256-270>; EDN: FYNWU
- Выходец Р. С., Панцеров К. А.* Сравнительный анализ современных концепций информационного противоборства // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2022. Т. 16, № 4 (42). С. 139–148. <https://doi.org/10.22394/2073-2929-2022-04-139-148>; EDN: SVTUJU
- Гончарова И. В., Ницевич В. Ф., Судоргин О. А.* Информационная война как инструмент политического противостояния в современном многополярном мире // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление*. 2024. Т. 11, № 1. С. 19–31. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2024-11-1-19-31>; EDN: ZIXNDI
- Данилин И. В.* Американо-китайская технологическая война: риски и возможности для КНР и глобального технологического сектора // *Сравнительная политика*. 2020. Т. 11, № 4. С. 160–176. EDN: GYRYVR
- Данилова Е. А., Заболотная Е. Д.* Технологии политического PR в информационной войне РФ и Запада в рамках военно-политического конфликта на Украине: новые вызовы и новые возможные для России // *Власть*. 2023. Т. 31, № 2. С. 56–63. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i2.9528>; EDN: XYKPLA
- Ильницкий А. М.* Ментальная война России // *Военная мысль*. 2021. № 8. С. 19–33. EDN: TDSKIX
- Кастельс М.* Информационная эпоха : экономика, общество и культура. Москва : ГУ ВШЭ, 2000.
- Кефели И. Ф., Комлева Н. А.* К вопросу о роли информационно-идеологической безопасности в контрстратегии гибридной войны на евразийском пространстве // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика*. 2019. № 1 (27). С. 54–60. EDN: NHPIC
- Лайнбарджер П.* Психологическая война. Москва : Воениздат, 1962.
- Лексютина Я. В.* Американо-китайские отношения в 2018–2019 гг.: торговая война и процесс декаплинга // *Мировая экономика и международные отношения*. 2020. Т. 64, № 6. С. 85–93. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2020-64-6-85-93>; EDN: QRYEBK
- Манойло А. В.* «Фейковые новости» как угроза национальной безопасности и инструмент информационного управления // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2019. № 2. С. 37–45. EDN: HGEVPF
- Манойло А. В.* Эволюция информационных операций // *Вестник Московского государственного областного университета*. 2021. № 4. С. 80–103. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2021-4-1100>; EDN: MVAJGI
- Пашенцев Е. Н.* Злонамеренное использование искусственного интеллекта: новые угрозы для международной информационно-психологической безопасности и пути их нейтрализации // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2019. № 76. С. 279–300. <https://doi.org/10.24411/2070-1381-2019-10013>; EDN: CVLXTW
- Поздняков А. И., Шевцов В. С.* Методологическая основа построения теории информационного противоборства // *Социально-гуманитарные знания*. 2017. № 2. С. 244–257. EDN: YJYGXD
- Пророков Д.* Попытка Запада представить Российскую Федерацию в качестве врага (о концепции «вредоносного влияния России») // *Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки*. 2021. № 2. С. 72–85. EDN: LPTWIL
- Рамич М. С., Пискунов Д. А.* Секьюритизация информационного пространства: от конструирования норм до создания правовых режимов // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения*. 2022. Т. 22, № 2. С. 238–255. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-238-255>; EDN: KSSXFK
- Татунц С. А.* Формирование нового многополярного миропорядка в условиях глобальной информационной войны // *Информационное общество*. 2024. № 3. С. 2–9. EDN: TRSYZC
- Azad T. M., Haider M. W., Sadiq M.* Understanding Gray Zone Warfare from Multiple Perspectives // *World Affairs*. 2023. Vol. 186, no. 1. P. 81–104. <https://doi.org/10.1177/00438200221141101>; EDN: YPIWZD
- Bazarkina D. Y., Pashentsev E. N.* Artificial Intelligence and New Threats to International Psychological Security // *Russia in Global Affairs*. 2019. Vol. 17, no. 1. P. 147–170. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-1-147-170>; EDN: FYAQFW
- Bazarkina D. Y., Pashentsev E. N.* Malicious Use of Artificial Intelligence // *Russia in Global Affairs*. 2020. Vol. 18, no. 4 (72). P. 154–177. <https://doi.org/10.31278/1810-6374-2020-18-4-154-177>; EDN: ZZANTF

- Clarke R., Knake R. *Cyber War : The Next Threat to National Security and What to Do About It*. New York : Ecco, 2010.
- Goldstein J., Sastry G., Musser M., DiResta R., Gentzel M., Sedova K. *Generative Language Models and Automated Influence Operations: Emerging Threats and Potential Mitigations*. Ithaca, NY : Cornell University, 2023. <https://doi.org/10.48550/arXiv.2301.04246>
- Hoyle A., van den Berg H., Doosje B., Kitzen M. Grey Matters: Advancing a Psychological Effects-Based Approach to Countering Malign Information Influence // *New Perspectives*. 2021. Vol. 29, iss. 2. P. 144–164. <https://doi.org/10.1177/2336825X21995702>; EDN: VKURAA
- Li Q., Liu Q., Liu S., Di X., Chen S., Zhang H. Influence of Social Bots in Information Warfare: A Case Study on @UAWapons Twitter Account in the Context of Russia — Ukraine Conflict // *Communication and the Public*. 2023. Vol. 8, iss. 2. P. 54–80. <https://doi.org/10.1177/20570473231166157>; EDN: BWKLRB
- Minor D. *Information War*. Boston : Hawthorne Books Publishing House, 1970.
- Ördén H. The Neuropolitical Imaginaries of Cognitive Warfare // *Security Dialogue*. 2024. Vol. 55, iss. 6. P. 607–624. <https://doi.org/10.1177/09670106241253527>; EDN: HIWMNY
- Pantserov K. A. The Malicious Use of AI-Based Deepfake Technology as the New Threat to Psychological Security and Political Stability // *Cyber Defence in the Age of AI, Smart Societies and Augmented Humanity* / ed. by H. Jahankhani, S. Kendzierskyj, N. Chelvachandran, J. Ibarra. Cham, Switzerland : Springer, 2020. P. 37–55. https://doi.org/10.1007/978-3-030-35746-7_3; EDN: IQCSJW
- Ventsel A., Hansson S., Madisson M.-L., Sazonov V. Discourse of Fear in Strategic Narratives: The Case of Russia's Zapad War Games // *Media, War & Conflict*. 2019. Vol. 14, iss. 1. P. 21–39. <https://doi.org/10.1177/1750635219856552>

Сведения об авторах:

Базавлук Сергей Викторович — кандидат политических наук, руководитель программ международного научного обмена, Национальный исследовательский институт развития коммуникаций (НИИРК); eLibrary SPIN-код: 3560-9701; ORCID: 0000-0002-9739-2594; e-mail: bazavluk@nicrus.ru

Ковалев Андрей Андреевич — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Северо-Западный институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; eLibrary SPIN-код: 1380-8790; ORCID: 0000-0002-7760-5732; e-mail: kovalev-aa@ranepa.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-251-266

EDN: MZSGVL

Научная статья / Research article

Конструирование цифрового суверенитета в медиа России и Китая: анализ больших данных

Е.В. Попова , О.В. Устюжанцева , Х. ГаоНациональный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Российская Федерация
 iam.e.popova@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению формирования концепции цифрового суверенитета в условиях нелиберальных режимов на примере изучения медиа России и Китая. В условиях обостряющейся глобальной конкуренции и технологических преобразований, связанных с Четвертой промышленной революцией, сравнение процессов конструирования цифрового суверенитета разными акторами в нелиберальных государствах становится важным для понимания различий между двумя странами. Методология исследования основана на анализе больших данных медиапубликаций с применением автоматизированных методов анализа неструктурированных текстов (*PolyAnalyst*). В выборку вошло более 2800 материалов российских и китайских СМИ за 2011–2021 гг. Анализ проводился по ряду измерений: экономическое и политическое содержание, национальный и международный уровни, а также технологии, включаемые в концепт цифрового суверенитета. Исследование опирается на конструктивистский подход, позволяющий рассматривать цифровой суверенитет как феномен, дискурсивно конструируемый различными акторами. Особое внимание уделено картированию акторских сетей и выявлению доминирующих тематических кластеров. Научная новизна исследования заключается в сравнительном подходе к изучению цифрового суверенитета в нелиберальных режимах. Показано, что цифровой суверенитет не является единым понятием: его понимание в России и Китае существенно различается. В России доминируют нарративы национальной безопасности, государственного контроля и протекционизма, тогда как в Китае акцент сделан на технологическом развитии, экономическом лидерстве и глобальной конкурентоспособности. Кроме того, выявлены различные роли экономических акторов и технологических представлений в оформлении концепций цифрового суверенитета. Результаты исследования показывают, что Россия и Китай используют разные стратегии и нарративы для легитимации цифрового суверенитета. Работа вносит вклад в понимание роли медиа в формировании концептов суверенитета и открывает перспективы для дальнейших исследований в области цифрового управления и международных отношений.

Ключевые слова: нелиберальные страны, медиаанализ, технологическое развитие, национальная безопасность, глобальная конкуренция, технологический суверенитет, сравнительные исследования, *PolyAnalyst*, кластерный анализ

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Примечание. Мнения, высказанные в статье, принадлежат авторам и могут не совпадать с позицией редколлегии журнала.

Вклад авторов. Попова Е.В.: концепция и дизайн исследования, анализ полученных данных. Устюжанцева О.В.: обработка материалов, написание текста статьи. Гао Хаоюэ: сбор и обработка данных по кейсу Китая. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Благодарности. Исследование выполнено при поддержке Томского государственного университета в рамках Программы развития.

© Попова Е.В., Устюжанцева О.В., Гао Х., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Попова Е. В., Устюжанцева О. В., Гао Х. Конструирование цифрового суверенитета в медиа России и Китая: анализ больших данных // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 251–266. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-251-266>

Constructing Digital Sovereignty in Russian and Chinese Media: Big Data Analysis

Evgeniya V. Popova , Olga V. Ustyuzhantseva , Haoyue Gao

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

 iam.e.popova@yandex.ru

Abstract. This study explores the formation of the concept of digital sovereignty in non-liberal democratic countries through a comparative analysis of media discourses in Russia and China. Against the backdrop of intensifying global competition and technological transformations associated with the Fourth Industrial Revolution, comparing how different actors in non-democratic states construct digital sovereignty becomes crucial for understanding the divergences between the two countries. The research methodology is based on big data analysis of media publications, employing automated text analysis methods (*PolyAnalyst*). The sample includes over 2,800 materials from Russian and Chinese media outlets covering the period from 2011 to 2021. The analysis was conducted across several dimensions: economic and political content, national and international levels, and the technologies incorporated into the concept of digital sovereignty. The study adopts a constructivist approach, viewing digital sovereignty as a phenomenon discursively constructed by various actors. Particular attention was given to mapping actor networks and identifying dominant thematic clusters. The scientific novelty of the research lies in its comparative approach to studying digital sovereignty in non-liberal democracy countries. The study demonstrates that digital sovereignty is not a monolithic concept: its understanding in Russia and China differs significantly. In Russia, narratives of national security, state control, and protectionism prevail, whereas in China, the emphasis is placed on technological development, economic leadership, and global competitiveness. Furthermore, the study reveals the different roles played by economic actors and technological imaginaries in shaping the concepts of digital sovereignty. The findings show that Russia and China employ distinct strategies and narratives to legitimize digital sovereignty. This work contributes to the understanding of the role of media in shaping sovereignty concepts and opens up new avenues for further research in the fields of digital governance and international relations.

Key words: non-liberal democratic countries, technological development, national security, global competition, technological sovereignty, media analysis, comparative study, *PolyAnalyst*, cluster analysis

Acknowledgements. The study was supported by the Tomsk State University under Development Program.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Disclaimer. The opinions expressed in this article are those of the authors. They do not purport to reflect the opinions or views of the editorial team.

Authors' contributions. E.V. Popova: conceptualization and design of the study, analysis of the obtained data. O.V. Ustyuzhantseva: material processing and writing of the manuscript. Haoyue Gao: data collection and processing for the China case study. All authors have read and approved the final version of the manuscript.

For citation: Popova, E. V., Ustyuzhantseva, O. V., & Gao, H. (2025). Constructing digital sovereignty in Russian and Chinese media: Big data analysis. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(2), 251–266. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-251-266>

Введение

Принцип суверенного равенства, закрепленный в Уставе ООН, представляет собой фундаментальную норму современных международных отношений. Его принципы и дух

распространяются также на науку и технологическое развитие. Последнее занимает особое место в дискурсе цифрового (а шире — технологического) суверенитета, модели которого стремятся выстраивать ведущие

участники технологической гонки. В основе этих усилий лежат дискурсивные практики по адаптации внутреннего образа государства в условиях появления новых и перспективных технологий. Разные государства по-разному понимают эти технологии и их возможное воздействие на государство, экономику, а также на жизнь отдельных людей и социальных групп. Это различие оказывается принципиальным для формирования политики в области науки, технологий и инноваций, ориентированной на достижение стратегических целей.

В академической литературе, посвященной цифровому суверенитету (далее — ЦС), до сих пор отсутствует единое и общепризнанное определение этого понятия. Сам термин «цифровой суверенитет» нередко употребляется как синоним киберсуверенитета, технологического суверенитета, суверенитета данных или интернет-суверенитета. Такая терминологическая неразбериха связана с повсеместным и зачастую некритическим использованием этих понятий как взаимозаменяемых в медиа и политическом дискурсе. Как отмечают С. Кутюр и С. Тоупин (Кутюр, Тоупин, 2020), концептуализация цифрового суверенитета происходит преимущественно вне академического сообщества, без участия политологов и специалистов по цифровым технологиям.

Самое раннее академическое определение цифрового суверенитета можно найти в работах Т. Ву (Wu, 1997), где под ЦС понимается способность государства регулировать содержание и деятельность в киберпространстве (Wu, 1997, pp. 649–650). Существующие публикации условно делятся на несколько основных групп. Первая — осмысление концептуальных границ и содержания ЦС (см., например: (Ефремов, 2017; Ребро и др., 2021; Кутюр, Тоупин, 2020; Pohle & Thiel, 2020; Musiani, 2022)), исследователи подчеркивают важность анализа двух компонентов цифрового суверенитета — его ценностного наполнения и технологической составляющей (Дегтерев, 2022). Вторая группа — эмпирические исследования практик реализации ЦС в различных странах и регионах (см.,

например: (Дементьев, 2022; Леонтьева и др., 2021; Зиновьева, Булва, 2021; Glaze et al., 2024; Floridi, 2020; Zeng, Stevens & Chen, 2017)). Эти исследования представляют собой попытки разработать «модели» цифрового суверенитета.

Модели ЦС опираются на два основных подхода к управлению. «Снизу вверх» (*bottom-up*) — это подход, основанный на мультистейкхолдерной модели, в рамках которой роль государства в обеспечении ЦС сведена к минимуму, а управление осуществляется различными заинтересованными сторонами в соответствии с их экономическими и технологическими интересами (Strickling & Hill, 2017; ten Oever, 2021). «Китайская» модель воплощает собой подход «сверху вниз» (*top-down*), который рассматривается как типичный для авторитарных¹ режимов (Jiang, 2010; Budnitsky & Jia, 2018; Stadnik, 2019). Цифровой суверенитет представляется здесь в форме дихотомии: национальная безопасность против свободной торговли, контроль государства против прав граждан, пропаганда против свободного потока информации.

Такой подход подчеркивает дискурсивную природу цифрового суверенитета, но чреват упрощением, особенно в странах, не являющихся либеральными демократиями, где национальная безопасность и государственный контроль зачастую доминируют над технологическим развитием и гражданскими свободами (Hellmeier, 2016). В этой связи насколько оправданно рассматривать подобные государства как единый тип модели цифрового суверенитета? Данная статья направлена на поиск ответа на этот вопрос.

Согласно определению Дж. Похле и Т. Тия (Pohle & Thiel, 2020), цифровой суверенитет представляет собой реализацию государством суверенного контроля над

¹ В связи с неоднозначностью понятия «авторитарный режим», охватывающего широкий спектр политических систем, не подпадающих под определение «либеральной демократии», принятое в западной политической науке, в данном исследовании для обозначения политических режимов России и Китая будет использоваться термин «страны, не являющиеся либеральной демократией».

цифровым контентом и цифровой инфраструктурой в интересах нации в том виде, в каком эти интересы понимаются самим государством. Распространенное представление о том, что в авторитарных режимах государственные интересы тождественны интересам правящей элиты, в целом справедливо для стран, не являющихся либеральными демократиями, преимущественно в отношении «традиционных» отраслей. Однако в сфере новых и перспективных технологий даже формулировка «правильных» представлений представляет собой сложную задачу. Поэтому важно понять, как именно формируются эти представления, являются ли они последовательными или же содержат внутренние противоречия в рамках дискурса о цифровом суверенитете.

Кроме государства в процессе выработки представлений о том, что такое новые и перспективные технологии и какова их роль в формировании суверенитета государства, участвуют и экономические агенты — как частные, так и государственные компании, интегрированные в мировую экономику. Их экономический успех становится частью успеха государства, а следовательно, понятие национального интереса может варьироваться. В данной статье рассматривается, как концепт цифрового суверенитета формируется в странах, не являющихся либеральными демократиями, — России и Китае. В последнее время начинают появляться эмпирические исследования, в которых прослеживается стремление обозначить сходства и различия между складывающимися моделями управления цифровым суверенитетом в Китае и России (Khasanova & Tai, 2023). Очевидно, речь идет о разных моделях, требующих детального изучения. В последующих разделах статьи будет представлен анализ различий в дискурсе цифрового суверенитета двух государств.

Методология и данные

Т.Дж. Бирстекер и К. Вебер (State Sovereignty as Social Construct, 1996) рассматривают суверенитет как социальную идею, связывающую территорию, общество и власть и формирующуюся в результате

действий влиятельных агентов внутри государства. Эти действия могут вызывать сопротивление со стороны агентов, находящихся «на периферии власти» (State Sovereignty as Social Construct, 1996, p. 3). Данный подход применим и к ЦС, в рамках которого властные субъекты определяют доминирующие повестки и политику. Компонент «цифровых технологий» дополняет традиционную триаду «территория — общество — власть» технологическим измерением. Именно эта аналитическая рамка положена в основу нашего исследования.

В странах, не являющихся либеральными демократиями, несмотря на то что государство выступает в качестве основного субъекта, экономические акторы также выражают как национальные, так и международные экономические интересы. Это позволяет сформулировать следующие исследовательские положения в отношении таких стран:

1) дискурс цифрового суверенитета включает множество акторов, а не только государство. К ним относятся компании и разработчики ИТ-технологий;

2) данный дискурс формирует нарративы о цифровом суверенитете как в политической, так и в экономической сферах — на национальном и международном уровнях;

3) технологии играют ключевую роль в реализации цифрового суверенитета, обеспечивая стратегическую автономию государства и укрепляя его экономическое, политическое и военное влияние. Они становятся критически важным элементом глобальной конкуренции и национального экономического развития².

С одной стороны, технологии предоставляют государству все более совершенные и мощные инструменты контроля над населением (MacKinnon, 2011; Toral, 2022). С другой — многие авторы показывают, что в авторитарных государствах технологии также могут подрывать способность государства контролировать своих граждан (Price, 2002;

² Madiaga T. Digital Sovereignty for Europe // European Parliamentary Research Service Briefing. 2020. No. PE 651.992. См. также: (Ajayi, Bagula & Maluleke, 2023).

Goldsmith & Wu, 2006; Owen, 2015). Это делает исследование ценностного наполнения содержания концепта ЦС актуальным для любого типа государств.

Цифровые технологии часто рассматриваются в рамках двух технологических режимов: третьей промышленной революции (3ПР) и четвертой промышленной революции (4ПР). Следуя традиции, принятой в академической литературе, под технологиями 4ПР понимаются интернет вещей, большие данные, облачные, туманные и периферийные вычисления, искусственный интеллект и машинное обучение (Ajayi, Bagula & Maluleke, 2023).

Эти соображения позволяют выстроить матрицы сфер, в которых может формироваться дискурс о цифровом суверенитете. На аналитическом уровне такие матрицы можно декомпозировать по следующим шкалам:

— экономический — политический / международный — национальный уровни;
— технологии 3ПР — технологии 4ПР / международный уровень — национальный уровень.

Средства массовой информации играют ключевую роль в формировании цифрового суверенитета как медийного и политического концепта. Медиа создают картину реальности, распространяя и трансформируя разнообразные факты и мнения (Luhmann, 2000). Медийные сообщения, как указывал М. Маклюэн (McLuhan, 2001), являются социальными фактами и представляют собой плодотворное поле для изучения механизмов их формирования и развития. Анализ медиа позволяет реконструировать смысловые рамки, в которых действуют участники дискурса о ЦС. В этой связи исследование носит междисциплинарный характер и опирается на системный и исторический анализ, медиаисследования и исследования в области инноваций.

Для того чтобы понять, как конструируется цифровой суверенитет, были проанализированы публикации в российских и китайских СМИ с применением количественного анализа текстов. Для России использовалась база данных «Интегрум», содержащая архив текстов российских СМИ с начала 1990-х гг. С использованием ключевых слов «цифровой

суверенитет» и «киберсуверенитет» была сформирована выборка из около 2 500 текстов, которая после ручной очистки перепечаток и нерелевантных текстов сократилась до 1 864 статей, охватывающих период с первого упоминания термина ЦС в российских медиа (2011 г.) по июнь 2021 г.

Для Китая применялся ручной поиск по *Baidu.com*, в результате которого была собрана выборка из 1 033 уникальных материалов с первого упоминания термина ЦС в китайских медиа (2012 г.) по июнь 2021 г. С помощью программного комплекса *Megaputer PolyAnalyst* были выделены тематические кластеры, организации, компании, персоны, географические локации, ключевые слова и связи между ними. Этот анализ позволил выявить дискурсивные позиции национальных медиа и сопоставить, как конструируется ЦС в России и Китае. По итогам анализа была реконструирована концептуализация «цифрового суверенитета» в российском и китайском медийном пространстве.

Кейс России

В российских медиа цифровой суверенитет чаще всего связывается с деятельностью законодателей и парламента, а не исполнительной власти. Среди упоминаемых государственных органов выделяются Министерство связи и массовых коммуникаций, а также Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Некоммерческий сектор в дискурсе практически не представлен.

Зато активно фигурирует частный сектор — особенно американские технологические гиганты, такие как *Google*, *Microsoft*, *Facebook*³ и *Apple*. Среди российских цифровых и государственных компаний в дискурсе о цифровом суверенитете наиболее часто упоминаются «Яндекс» и «Лаборатория Касперского», а также *InfoWatch Group*, «Ростелеком» и Сбербанк. Эти компании тесно связаны с государством и могут рассматриваться как околосударственные

³ Деятельность социальной сети *Facebook*, являющейся частью компании *Meta Platforms Inc.*, запрещена на территории Российской Федерации.

структуры. К отраслям, ассоциирующимся с цифровым суверенитетом в российских медиа, относятся информационные технологии, телекоммуникации, СМИ, разработка программного обеспечения, компьютеры и электронное оборудование, банковская сфера, энергетика и добывающая промышленность.

Шкала «Экономическое — Политическое / Международное — Национальное»

Кластерный анализ российских медиа показывает равномерное распределение упоминаний по шкалам «экономическое — политическое» и «международное — национальное», при этом наибольшее внимание уделяется сектору «национальное — политическое». Именно в этом сегменте сосредоточены сюжеты о блокировке социальных сетей, мессенджеров и веб-сайтов, а также о формировании российского сегмента интернета (Рунета) как ответной меры

на внешние угрозы. Законы, предлагаемые российскими законодателями для блокировки определенных интернет-ресурсов, становятся частью дискурса о цифровом суверенитете, подчеркивая стремление государства к защите информационного пространства и ограничению свободного потока информации.

Вопросы защиты данных, персональных данных и суверенитета данных вошли в дискурс о цифровом суверенитете в начале 2021 г., что, вероятно, связано с охранительным характером самого концепта. В медиа регулярно подчеркивается необходимость защиты личности, граждан и детей от вредоносной информации. Основной кластер обсуждает нормативные инициативы, ограничивающие свободное распространение информации; часто встречаются такие термины, как «цензура», «права» и «свободы». Российский политический контекст при этом позволял СМИ выражать различные позиции по поводу предлагаемых законопроектов (рис. 1).

Рис. 1. Матрица кластеров в российских медиа, шкала «экономическое — политическое» / «международное — национальное»: кластеры пронумерованы в соответствии со значимостью кластеров ключевых слов, рассчитанной с помощью программы *PolyAnalyst*.

Всего в российском корпусе было выделено 15 кластеров.

Источник: составлено Е.В. Поповой на основе кластерного анализа ключевых слов с использованием программного обеспечения *PolyAnalyst*.

Квадранты «международное — политическое» и «национальное — экономическое» также оказались значимыми. Внутриэкономические вопросы, связанные с цифровым суверенитетом, касаются в первую очередь политики импортозамещения, особенно в сфере программного обеспечения, а также цифровизации экономики и государства. В обсуждениях также фигурируют такие темы, как «электронная демократия» и развитие региональной экономики за счет цифровых технологий, но не на общенациональном уровне.

Квадрант «международное — политическое» связывает внешние угрозы с такими понятиями, как «война», «атака», «кибербезопасность» и «защита», и отражает положения внешнеполитической доктрины России. В него также входят сюжеты о конфронтации в финансовой сфере, где новые технологии ставят под сомнение доминирование доллара США. Основными противниками, фигурирующими в медийных нарративах, являются США, Европа и Китай.

Международные экономические отношения обсуждаются в меньшей степени. Выделяются кластеры, посвященные программам платформизации Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и развитию инноваций. Заявление председателя Правительства РФ Д.А. Медведева против создания «цифрового колхоза»⁴ цитировалось различными акторами в дискуссиях о цифровом развитии.

Шкала «Технологии 3ПР — технологии 4ПР / Международное — Национальное»

Более 600 ключевых слов, используемых в российских медиа в контексте цифрового суверенитета, относятся к технологиям. Однако большинство из них не входят в топ-100 по значимости и отличаются обобщенным характером: «технология», «технический», «компьютер», «цифровой», «цифровизация» и т. п. Если расположить упоминаемые технологии по шкале «национальное — международное», то в технологических нарративах

преобладает национальный контекст (рис. 2). Медиа активно говорят об «отечественных технологиях» 3ПР, используя такие ключевые слова, как «отечественное ПО», «отечественные серверы», «российская операционная система», «национальный домен» и другие отечественные цифровые компоненты. Эти публикации подчеркивают необходимость разработки конкурентоспособного российского программного обеспечения, пригодного для мирового рынка, и акцентируют внимание на значении открытого и свободного ПО.

Ключевые слова, не связанные с устойчивыми кластерами, оказываются важными при рассмотрении технологий, на которые отсылает концепт цифрового суверенитета. Среди них «данные», «защита данных» и проблемы безопасности, которые играют ключевую роль.

Технологии 4ПР располагаются в квадранте «международное», поскольку криптовалюты и блокчейн являются трансграничными технологиями. Технологии 3ПР могут быть связаны с международным уровнем только в том случае, если речь идет о нарративах, описывающих внешние угрозы, препятствующие реализации национального суверенитета.

За исключением одного кластера новые технологии в российском медийном дискурсе всегда ассоциируются с государством, а не с отдельными гражданами или пользователями (рис. 2). В тех случаях, когда в медиа одновременно упоминаются технологии и отдельные люди, они почти всегда связаны с вопросами безопасности и государственного регулирования. Большинство технологических кластеров сосредоточено на внутренних проблемах и технологиях 3ПР, при этом акцент делается на защитной функции государства и «национальных традициях», которые якобы не требуют использования новейших технологических решений.

Наблюдается четкое разделение технологий между экономической и политической сферами. Технологии 3ПР связаны преимущественно с политическим дискурсом, в то время как технологии 4ПР относятся к экономическим вопросам (рис. 3).

⁴ Медведев пообещал не строить «цифровой колхоз» в России // РБК. 17.10.2017. URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/rbcfrenews/59e60ae19a7947ba497a86ff> (дата обращения: 12.10.2024).

Рис. 2. Матрица кластеров, связанных с технологиями, в международном и национальном измерениях

Источник: составлено Е.В. Поповой на основе кластерного анализа ключевых слов, проведенного с использованием программного обеспечения *PolyAnalyst*.

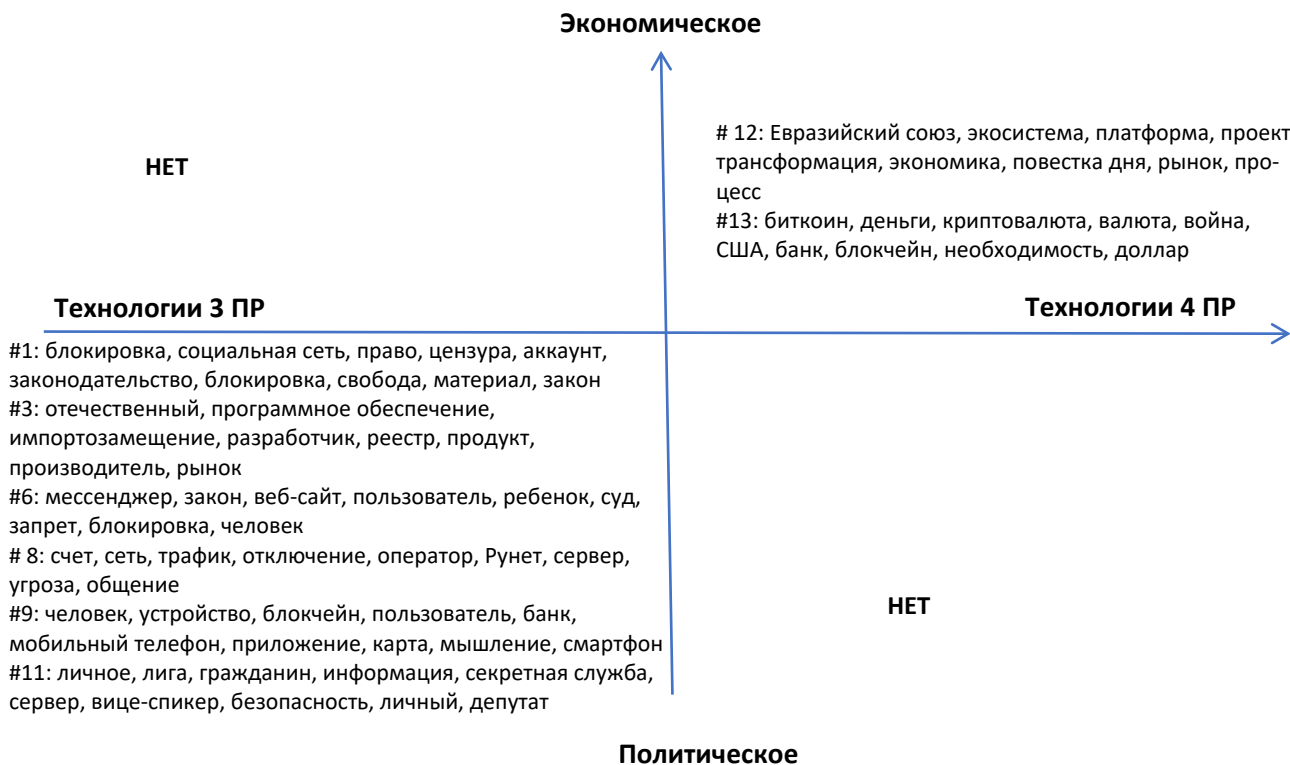

Рис. 3. Матрица кластеров, связанных с технологиями, в политической и экономической сферах российского медиадискурса

Источник: составлено Е.В. Поповой на основе кластерного анализа ключевых слов, проведенного с использованием программного обеспечения *PolyAnalyst*.

К числу экономических тем относятся сотрудничество в рамках Евразийского союза и регулирование финтеха, в особенности криптовалют⁵.

Российские медиа и ключевые акторы в целом игнорируют технологии за пределами программного обеспечения и компьютерного «железа». Среди ста наиболее часто упоминаемых технологических терминов к технологиям 4П относятся лишь «биткойн», «блокчейн», «видеохостинг», «шифрование» и «автоматизация текущего бизнеса», причем все они обсуждаются преимущественно в негосударственных медиа. В российских государственных СМИ почти не встречаются такие значимые технологические термины, как «базы данных», «хранение данных», «большие данные», «облачные технологии» или «виртуальная реальность».

Кейс Китая

В китайских медиа в качестве ключевых акторов чаще всего упоминаются негосударственные компании и организации. Из 225 организаций, фигурирующих в анализе, 104 относятся к сфере образования и науки — преимущественно это университеты и исследовательские центры. Лишь немногие государственные структуры упоминаются в текстах: только три связаны с американскими агентствами и две — с китайскими. Остальные относятся к научно-образовательному сектору.

Среди 213 компаний, упомянутых в корпусе текстов, лидируют компании из США, которые встречаются 60 раз. Далее следуют китайские компании (42 упоминания), японские (19), немецкие (14) и французские (13). Компании из других стран встречаются менее 10 раз, включая представителей из Великобритании, Индии, Республики Корея и Сингапура. Особенно заметны американские компании, а также их партнеры из Юго-Восточной Азии и Европы. Наибольшее внимание уделяется отраслям программного

обеспечения и технических услуг, автомобилестроению и банковскому сектору.

Если говорить о конкретных компаниях, то в США наибольшее количество упоминаний в сфере цифровых сервисов и разработки компьютеров получили *Facebook*⁶, *Microsoft Corporation* и *Amazon*. В Китае основными акторами в дискурсе выступают компании *Baidu*, *Alibaba* и *Jingdong* (JD.com). В целом американские компании упоминаются в китайских медиа чаще, чем китайские: лишь четыре китайские компании вошли в число 14, названия которых встречаются часто.

Организации в дискурсе представлены более разнообразно. В тройке лидеров находятся китайские университеты: Цинхуа, Жэньминь и Фудань. Примечательно, что один из китайских университетов занимает второе место в общем рейтинге упоминаемых в СМИ организаций. Среди международных организаций наиболее часто встречаются Всемирный банк, Международный валютный фонд и Международный союз электросвязи. Также часто упоминаются Гарвардский и Стэнфордский университеты, а также американские разведывательные агентства — в числе важнейших не китайских организаций, формирующих дискуссии о цифровых сервисах.

Концепт суверенитета в китайском медиадискурсе в основном соотносится с отдельными личностями, хотя сами по себе такие упоминания встречаются относительно редко. Лидирует Си Цзиньпин, который фигурирует в 75 публикациях за десятилетие, за ним следуют Ангела Меркель, Урсула фон дер Ляйен и Дональд Трамп, упомянутый всего 10 раз.

В целом дискурс о цифровых сервисах в китайских СМИ менее персонализирован и сосредоточен в первую очередь на странах, прежде всего на Китае и США, что связано с продолжающимся технологическим и экономическим противостоянием между ними. Государствам Юго-Восточной Азии также

⁵ Соответствующий законопроект был внесен в Государственную Думу в 2022 г. и на данный момент находится на стадии рассмотрения.

⁶ Деятельность социальной сети *Facebook*, являющейся частью компании *Meta Platforms Inc.*, запрещена на территории Российской Федерации.

уделено заметное внимание в контексте региональных амбиций Китая, включая амбиции в сфере технологий.

Шкалы «Экономическое — Политическое / Международное — Национальное»

Кластерный анализ китайских медиа выявил в целом равномерное распределение кластеров по шкале «экономическое — политическое», однако дискурс «международного» значительно преобладает над национальной проблематикой по шкале «международное — национальное» (рис. 4).

Международная тематика часто пересекается с вопросами международной торговли и партнерства — такие пересечения зафиксированы в пяти из девяти кластеров. Эти обсуждения, как правило, не содержат прямых упоминаний угроз со стороны других

стран, но часто сопряжены с темами новых технологий. Международная торговля и партнерство представлены в семи кластерах, экономика и финансы обсуждаются в таком же количестве кластеров. Темы открытости фигурируют в шести кластерах, причем чаще всего — в сочетании с новыми технологиями.

В политической сфере наблюдается выраженный акцент на антиколониальный дискурс — как на глобальном, так и на национальном уровне, особенно в виде критики в адрес западных подходов и идеологий (кластер 15). В этот дискурс включаются и сюжеты, связанные с глобальной экспансией и доминированием американских технологических гигантов. Национальные проблемы фокусируются на борьбе с монополизацией отраслей, развитии трансграничного сотрудничества и формировании инновационной политики в отдельных секторах экономики.

Рис. 4. Матрица кластеров китайских медиа, шкала «экономическое — политическое» / «международное — национальное»: кластеры пронумерованы в соответствии с уровнем значимости кластеров ключевых слов, рассчитанным с помощью программы *PolyAnalyst*. Всего в китайском корпусе было выделено 23 кластера — больше, чем в российской выборке, что свидетельствует о более консолидированной повестке.

Источник: составлено Е.В. Поповой на основе кластерного анализа ключевых слов, проведенного с использованием программного обеспечения *PolyAnalyst*.

Среди 20 наиболее значимых ключевых слов и выражений лишь немногие непосредственно связаны с этими политическими темами. Большинство — экономические: «потребитель», «экономика», «поставщик», «производство». Из политических понятий встречаются лишь «конкурентоспособность», «международные организации» (в первую очередь речь идет об ООН) и «безопасность». Преобладание термина «глобализация» подчеркивает международное измерение дискурса наряду с технологическими понятиями, такими как «Интернет», «цифровизация», «искусственный интеллект» (топ-3 терминов, связанных с цифровыми сервисами), «компьютер» и «информатизация».

Шкала «Технологии 3ПР — технологии 4ПР / Международное — Национальное»

Чтобы визуализировать связь технологий с базовой шкалой «экономическое — политическое», соответствующие кластеры были нанесены на график. Анализ показал, что технологические вопросы в китайских медиа в первую очередь ассоциируются с экономическим развитием, а не с политикой (рис. 5). При этом технологии как третьей, так и четвертой промышленной революции оказываются одинаково значимыми.

В дискуссиях о цифровом суверенитете Китая технологические вопросы в значительной степени переплетены с международными отношениями. В рамках динамики «международное — национальное» основное внимание уделяется технологиям третьей промышленной революции, таким как энергетика, деятельность интернет-гигантов и телекоммуникации (рис. 6). Вопросы, связанные с развитием и будущими технологиями, играют второстепенную роль по сравнению с темами глобальной конкуренции и торговых конфликтов, в которых акцент делается на национальном суверенитете Китая. Технологии четвертой промышленной революции интегрируются в дискуссии о глобальных вызовах, требующих сотрудничества и продвижения в науке.

Этот аспект побудил нас выделить отдельную шкалу, которая не представлена в российском медиадискурсе, связанную с обсуждением концепта цифрового суверенитета. Речь идет о шкале «глобальные проблемы — локальные проблемы» (рис. 7).

Глобальные проблемы, решение которых требует совместных усилий, занимают пока сравнительно небольшое место в дискурсивных описаниях (всего два кластера), однако они находятся далеко не на последних местах по значимости и числу упоминаний и связаны как с внешней, так и с внутренней повесткой.

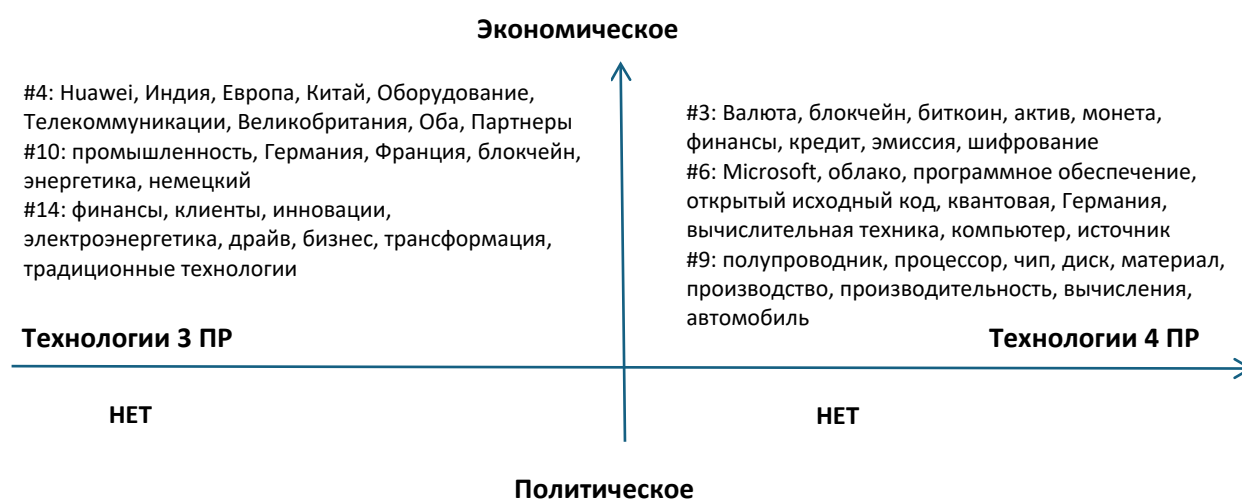

Рис. 5. Матрица кластеров, связанных с технологиями, в политической и экономической сферах китайских медиа

Источник: составлено Е.В. Поповой на основе кластерного анализа ключевых слов, проведенного с использованием программного обеспечения *PolyAnalyst*.

Рис. 6. Матрица кластеров, связанных с технологиями, в международном и национальном измерениях китайских медиа
 Источник: составлено Е.В. Поповой на основе кластерного анализа ключевых слов, проведенного с использованием программного обеспечения *PolyAnalyst*.

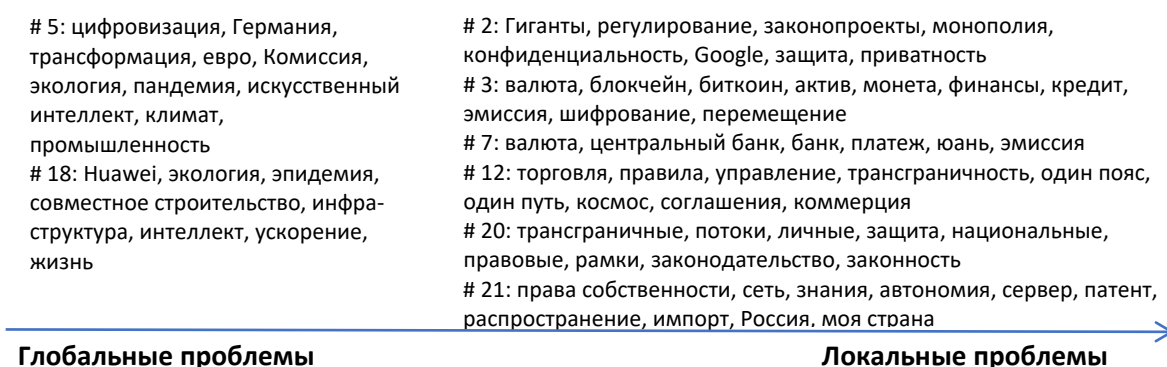

Рис. 7. Распределение кластеров по шкале «глобальные проблемы — локальные проблемы» в китайских медиа

Источник: составлено Е.В. Поповой на основе кластерного анализа ключевых слов, проведенного с использованием программного обеспечения *PolyAnalyst*.

Локальные проблемы в основном касаются регулирования деятельности и установления правил для зарубежных технологических компаний, а также вопросов развития китайской экономики и трансграничного сотрудничества.

Сравнительный анализ дискурса цифрового суверенитета в России и Китае

В данном исследовании мы проанализировали, как и какими акторами формируется концепт цифрового суверенитета в публичном

медиапространстве России и Китая. Любой термин, используемый социальными акторами для описания реальности, в которой они действуют, может стать предметом анализа, поскольку обладает перформативностью: он одновременно формирует категории мышления субъекта и конституирует саму реальность. Исходя из этого, нами рассмотрена политика формирования ЦС в публичном дискурсе стран, не являющихся либеральной демократией. Проанализировано, кто, с какой целью и по какой причине говорит о ЦС.

Во-первых, необходимо подчеркнуть, что на национальном уровне в обоих государствах понятие цифрового суверенитета в медиа чаще всего используется в контексте государственного контроля над технологиями. Однако негосударственные акторы, прежде всего экономические, также используют его в своих интересах. Мы не обнаружили свидетельств того, что в дискурсе Китая и России индивидуалистское понимание суверенитета может конкурировать с государственно-центричной моделью, как это предполагается в некоторых исследованиях, посвященных изменению понятия ЦС в современной Европе (см., например: (Pohle & Thiel, 2020)). Общественное восприятие цифрового суверенитета в обеих странах объединяет недоверие к способности пользователей и общества самостоятельно вырабатывать механизмы защиты личных данных и информации. Предполагается, что они не могут эффективно защищаться от транснациональных корпораций и иностранных государств. Патерналистская защита со стороны государственных структур (а в случае Китая — и со стороны национальных компаний) становится гарантией безопасности граждан. В то же время в российских медиа проблема прав человека в контексте данных обсуждалась в период с 2014 по 2017 г. В китайских медиа практически не упоминаются другие политические или экономические акторы, кроме обобщенного общества, от имени которого действует государство.

Во-вторых, нами выявлено два различных подхода к контролю и автономии внутри государств в рамках концептов технологического суверенитета, формируемых в медийном дискурсе России и Китая. Первый подход рассматривает ЦС как способность государств и компаний самостоятельно развиваться в инновационном направлении и участвовать в создании технологий. Китайские медиа подчеркивают необходимость создания условий для развития национальных технологий, что выступает в качестве проявления экономического национализма и способа укрепления позиций страны на глобальных рынках. В российском случае основной акцент делается на защите от иностранных

технологий (импортозамещение). О собственных разработках, способных конкурировать на мировом рынке, говорится редко. Лишь незначительная доля публикаций затрагивает вопрос необходимости распространения свободного программного обеспечения и автономной цифровой инфраструктуры.

Второй подход, встречающийся только в российских медиа, акцентирует внимание на необходимости защиты конфиденциальных данных — как частных лиц, так и государственных органов и предприятий различных форм собственности.

В-третьих, концепт ЦС отражает разные уровни участия различных акторов. В академической литературе различают «слабый» и «сильный» суверенитет. Первый предполагает попытки частных компаний обеспечить защиту данных с фокусом на цифровые права (Polatin-Reuben & Wright, 2014), а второй — меры государственной политики, направленные на защиту национальной безопасности. Применительно к странам БРИКС показано, что Бразилия, Индия и Южно-Африканская Республика (ЮАР) склонны к модели слабого суверенитета, тогда как Россия и Китай демонстрируют приверженность модели сильного суверенитета (Кутюр, Тоупин, 2020; Budnitsky & Jia, 2018).

Тем не менее наши данные показывают, что Россия и Китай по-разному представляют реализуемую политику. В китайских медиа на первый план выходят компании и экономические вопросы, в то время как в российских — действия государства. В китайском случае международная повестка выглядит сравнительно мирной: акцент делается на расширение присутствия на мировых технологических рынках, в российском — доминирует риторика угроз, безопасности и военный дискурс. Однако в обоих случаях государство играет ключевую роль в обеспечении цифрового суверенитета. При этом именно Китай на практике демонстрировал наиболее жесткие меры цифрового контроля над гражданами, противоречащие принципу свободного интернета (Torral, 2022). В России попытки ввести «цифровую цензуру» начались в середине 2010-х гг. (Ermoshina, Loveluck & Musiani, 2021), но, как показывают исследования,

зачастую наталкивались на сопротивление провайдеров. По нашим данным, по крайней мере до начала 2021 г. эти законопроекты активно обсуждались в публичном пространстве, прежде всего экономическими акторами. Политические фигуры почти перестали выступать с более мягким взглядом на ЦС. Одним из возможных объяснений может быть стремление Китая к экономическому глобализму и отсутствие таких целей в стратегии РФ.

В-четвертых, ЦС как концепт обладает перформативностью. Перформативность означает, что реальности и их репрезентации создаются в процессе их «воспроизведения». По мнению Дж. Ло (Law, 2008), если заменить глагол «делать» на «создавать» (*make reality*), мы получим перформативный акт. Если реальность реализуется через дискурсы и практики, то изменение последних ведет к трансформации самой реальности. Это открывает возможность через дискурсивные практики формировать более или менее доминирующие альтернативы. В рассматриваемых случаях термин «цифровой суверенитет» используется как проявление гегемонизма: в Китае это экономическая гегемония, в России — политическая мощь и противопоставление доминирующей роли США. В обоих случаях проблематизируются власть транснациональных корпораций, позиция в системе интернет-управления и влияние спецслужб других государств⁷.

В-пятых, те, кто говорит о ЦС, и те, о ком говорят в его контексте, — это разные группы. На первый план выходят экономические акторы, прежде всего технологические компании, которые необходимо защищать и продвигать ради экономического развития. Без экспертной позиции технического сообщества трудно формулировать политику даже государственным деятелям. Среди иностранных компаний и в китайских, и в российских медиа лидируют *Microsoft* и *Facebook*⁸, но

далее списки расходятся: в Китае чаще упоминаются *Amazon* и *IBM*, в России — *Google* и *Twitter*⁹.

Если говорить об остальных акторах, то и здесь наблюдаются различия. В российских медиа чаще выступают представители государственных структур, среди которых больше депутатов и сенаторов, чем чиновников. Первые говорят о внешних угрозах, иностранных разведках и недобросовестных цифровых корпорациях, вторые — о защите от зарубежных компаний. В китайском случае политики почти не участвуют в дискуссии о ЦС. Речь идет в основном о национальных стратегиях, крайне редко — об упоминаниях Генерального секретаря КПК. Это можно объяснить деперсонализированным характером ЦС Китая. Китайские медиа активно обсуждают университеты и исследовательские центры в контексте ЦС, тогда как в российских такие упоминания почти отсутствуют. Научное сообщество в России также почти не представлено как участник формирования дискурса.

Наиболее часто в китайском дискурсе о ЦС упоминаются США и страны Юго-Восточной Азии, в российском — США, Китай и европейские страны.

В-шестых, лишь частично ЦС в исследуемых случаях действительно связан с характеристиками технологий. Это неожиданно, поскольку прилагательное «цифровой» должно указывать на технологическую природу явления. Однако, как показал анализ, термин часто используется не для обсуждения технологий, а для легитимации суверенитета в традиционном его понимании. Это дает возможность разным акторам использовать ЦС как инструмент стратегического позиционирования. Например, крупные российские компании могут формировать образ внешней технологической угрозы (без конкретного технического наполнения), чтобы получить экономические преференции и политическую поддержку протекционистских мер.

⁷ Российский кейс подробнее рассмотрен в: (Ustyuzhantseva & Popova, 2025).

⁸ Проект компании Meta Platforms Inc., деятельность которой запрещена на территории Российской Федерации.

⁹ Социальная сеть *Twitter* (ныне — *X*) заблокирована Роскомнадзором Российской Федерации в 2022 г. (Прим. ред.).

Эти сложные связи между политическим и экономическим, внешним и внутренним измерениями ЦС приводят к различиям в обсуждаемых технологиях. В российском случае наблюдаются либо расплывчатые формулировки, либо акцент на технологиях ЗПР. В Китае технологии играют более важную роль в формировании дискурса ЦС, особенно технологии 4ПР, что связано с конкуренцией на мировых рынках и необходимостью защиты национальных технологических гигантов.

Еще одно важное наблюдение — это связь для китайского понимания ЦС с глобальными проблемами: экологией, пандемией и изменением климата. В российских публикациях такие темы в контексте ЦС не встречаются.

Заключение

Выявленные различия в формирующихся представлениях о цифровом суверенитете в медиа России и Китая подчеркивают

важность изучения новых моделей ЦС и их концептуализации в странах, не являющихся либеральными демократиями. Это позволяет выйти за пределы дуалистических подходов и предложить более детализированные аналитические конфигурации. С методологической точки зрения необходимо отходить от упрощенных дихотомий типа «экономическое — политическое» и «национальное — международное». Для этого в статье был применен матричный анализ кейсов, объединяющий традиционные шкалы и показывающий различия не только между либеральными и нелиберальными странами. В то время как существующая литература часто утверждает схожесть моделей ЦС Китая и России, данное исследование ставит это под сомнение, подчеркивая необходимость сравнительных исследований и теоретизации новых моделей цифрового суверенитета в контекстах стран, не являющихся либеральными демократиями.

Поступила в редакцию / Received: 07.06.2023
Доработана после рецензирования / Revised: 13.02.2025
Принята к публикации / Accepted: 20.03.2025

Список литературы

- Дегтерев Д. А. Ценностный суверенитет в эпоху глобальных конвергентных медиа // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 2. С. 352–371. <http://dx.doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-2-352-371>; EDN: OSWUKF
- Дементьев В. Е. Перспективы России при цифровом доминировании Китая и США // Проблемы прогнозирования. 2022. № 4. С. 6–17. <http://dx.doi.org/10.47711/0868-6351-193-6-17>; EDN: MFRHGP
- Ефремов А. А. Формирование концепции информационного суверенитета государства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 1. С. 201–215. EDN: YGWGYH
- Зиновьева Е. С., Булга В. И. Цифровой суверенитет Европейского союза // Современная Европа. 2021. № 2. С. 40–49. <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220214049>; EDN: IOMTFV
- Кутюр С., Тоупин С. Что означает понятие «суверенитет» в цифровом мире? // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. 2020. Т. 15, № 4. С. 48–69. <https://doi.org/10.17323/1996-7845-2020-04-03>; EDN: ZCVYRH
- Леонтьева Л. С., Кудина М. В., Воронов А. С., Сергеев С. С. Формирование национального цифрового суверенитета в условиях дифференциации пространственного развития // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 84. С. 277–299. <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-84-277-299>; EDN: BRJMUF
- Ребро О., Гладышева А., Сучков М., Сушенцов А. Понятие «цифрового суверенитета» в современной мировой политике: вызовы и возможности для России // Международные процессы. 2021. Т. 19, № 4. С. 47–67. EDN: QPXXVU
- Ajayi O., Bagula A., Maluleke H. The Fourth Industrial Revolution: A Technological Wave of Change // Industry 4.0 : Perspectives and Applications / ed. by M. Gordan, Kh. Ghaedi, V. Saleh. London : IntechOpen, 2023. P. 1–22. <https://doi.org/10.5772/intechopen.106209>
- Budnitsky S., Jia L. Branding Internet Sovereignty: Digital Media and the Chinese-Russian Cyberalliance // European Journal of Cultural Studies. 2018. Vol. 21, no. 5. P. 594–613. <https://doi.org/10.1177/1367549417751151>; EDN: PNRMAW
- Ermoshina K., Loveluck B., Musiani F. A Market of Black Boxes: The Political Economy of Internet Surveillance and Censorship in Russia // Journal of Information Technology & Politics. 2021. Vol. 19, iss. 1. P. 18–33. <https://doi.org/10.1080/19331681.2021.1905972>; EDN: PQPKDV

- Floridi L. The Fight for Digital Sovereignty: What It Is, and Why It Matters, Especially for the EU // *Philosophy & Technology*. 2020. Vol. 33, iss. 3. P. 369–378. <https://doi.org/10.1007/s13347-020-00423-6>
- Glaze K., Ho D. E., Ray G. K., Tsang Ch. Artificial Intelligence for Adjudication: The Social Security Administration and AI Governance // *The Oxford Handbook of AI Governance* / ed. by J. B. Bullock et al. Oxford : Oxford University Press, 2024. P. 779–796. <https://doi.org/10.1093/oxfordhb/9780197579329.013.46>
- Goldsmith J., Wu T. Who Controls the Internet? Illusions of a Borderless World. Oxford : Oxford University Press, 2006. <https://doi.org/10.1093/oso/9780195152661.001.0001>
- Hellmeier S. The Dictator's Digital Toolkit: Explaining Variation in Internet Filtering in Authoritarian Regimes // *Politics and Policy*. 2016. Vol. 44, iss. 6. P. 1158–1191. <https://doi.org/10.1111/polp.12189>; EDN: YXPMNH
- Jiang M. Authoritarian Informationalism: China's Approach to Internet Sovereignty // *SAIS Review of International Affairs*. 2010. Vol. 30, no. 2. P. 71–89. <https://doi.org/10.1353/sais.2010.0006>
- Khasanova L., Tai K. An Authoritarian Approach to Digital Sovereignty? Russian and Chinese Data Localisation Models // SSRN. 2023. P. 1–21. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.4527052>
- Law J. On Sociology and STS // *The Sociological Review*. 2008. Vol. 56, iss. 4. P. 623–649. <https://doi.org/10.1111/j.1467-954X.2008.00808.x>
- Luhmann N. The Reality of the Mass Media. Stanford : Stanford University Press, 2000.
- MacKinnon R. Liberation Technology: China's "Networked Authoritarianism" // *Journal of Democracy*. 2011. Vol. 22, no. 2. P. 32–46. <https://doi.org/10.1353/jod.2011.0033>
- McLuhan M. Understanding Media : The Extensions of Man. 2nd ed. London and New York : Routledge, 2001.
- Musiani F. Infrastructuring Digital Sovereignty: A Research Agenda for an Infrastructure-Based Sociology of Digital Self-Determination Practices // *Information, Communication & Society*. 2022. Vol. 25, iss. 6. P. 785–800. <http://dx.doi.org/10.1080/1369118X.2022.2049850>; EDN: OSEVVA
- Owen T. Disruptive power : The crisis of the state in the digital age. Oxford : Oxford University Press, 2015. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199363865.001.0001>
- Pohle J., Thiel T. Digital Sovereignty // *Internet Policy Review*. 2020. Vol. 9, no. 4. P. 1–19. <https://doi.org/10.14763/2020.4.1532>; EDN: SIFCCI
- Polatin-Reuben D., Wright J. An Internet with BRICS Characteristics: Data Sovereignty and the Balkanisation of the Internet // 4th USENIX Workshop on Free and Open Communications on the Internet. 2014. P. 1–10. URL: <https://www.usenix.org/system/files/conference/foci14/foci14-polatin-reuben.pdf> (accessed: 12.10.2024).
- Price M. E. Media and Sovereignty : The Global Information Revolution and Its Challenge to State Power. Cambridge, MA : The MIT Press, 2002. <https://doi.org/10.7551/mitpress/4533.001.0001>
- Stadnik I. Internet Governance in Russia — Sovereign Basics for Independent Runet // TPRC47: The 47th Research Conference on Communication, Information and Internet Policy. 2019. P. 1–16. <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3421984>
- State Sovereignty as Social Construct / ed. by T. J. Biersteker, C. Weber. Cambridge : Cambridge University Press, 1996. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511598685>
- Strickling L. E., Hill J. F. Multi-stakeholder Internet Governance: Successes and Opportunities // *Journal of Cyber Policy*. 2017. Vol. 2, iss. 3. P. 296–317. <http://dx.doi.org/10.1080/23738871.2017.1404619>
- Ten Oever N. The Metagovernance of Internet Governance // *Power and Authority in Internet Governance : Return of the State?* / ed. by B. Haggart, N. Tusikov, J. A. Scholte. 1st ed. London and New York: Routledge, 2021. P. 56–75. <http://dx.doi.org/10.4324/9781003008309-5>
- Topal R. The Rise of Digital Repression: How Technology Is Reshaping Power, Politics, and Resistance // *The Information Society*. 2022. Vol. 38, iss. 1. P. 77–78. <http://dx.doi.org/10.1080/01972243.2022.2014222>; EDN: KQCJMY
- Ustyuzhantseva O., Popova E. Shaping Digital Sovereignty in Russia: Actors and Debates // *Problems of Post-Communism*. 2025. Vol. 72, iss. 1. P. 76–87. <https://doi.org/10.1080/10758216.2024.2346202>
- Wu T. S. Cyberspace Sovereignty? — The Internet and the International System // *Harvard Journal of Law & Technology*. 1997. Vol. 10, no. 3. P. 647–666. URL: <https://jolt.law.harvard.edu/articles/pdf/v10/10HarvJLTech647.pdf> (accessed: 10.03.2024).
- Zeng J., Stevens T., Chen Y. China's Solution to Global Cyber Governance: Unpacking the Domestic Discourse of 'Internet Sovereignty' // *Politics and Policy*. 2017. Vol. 45, iss. 3. P. 432–464. <http://dx.doi.org/10.1111/polp.12202>

Сведения об авторах:

Попова Евгения Владимировна — кандидат политических наук, доцент кафедры политологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 8827-6878; ORCID: 0000-0003-1716-8849; e-mail: iam.e.popova@yandex.ru

Устюжанцева Ольга Валерьевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 6953-6749; ORCID: 0000-0003-3023-5428; e-mail: olgavust@gmail.com

Гао Хаюэ — магистрант кафедры антропологии и этнологии, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: haoyuegao@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

REGIONAL ASPECTS OF INTERNATIONAL RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-267-283

EDN: OJFZLT

Научная статья / Research article

Ага-хан, страны Восточной Африки и образ России: некоторые аспекты деятельности АКДН

М.В. Никольская , В.В. Виноградов

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 v.vinogradov@inno.mgimo.ru

Аннотация. Исследуется роль Организации развития Ага-хана (*Aga Khan Development Network*, АКДН, АКДН) в формировании имиджа России в Восточной Африке. АКДН рассматривается как независимая неправительственная организация (НПО) в Восточной Африке, чья позиция в отношении России в настоящее время совпадает с позицией коллективного Запада. Авторы исходят из предположения о том, что с 2022 г. АКДН, в частности ее медиаподразделение *Nation Media Group*, направляет значительные усилия на формирование отрицательного имиджа России. Исследование состоит из двух частей. В первой части представлены обзор сетевой деятельности АКДН в Восточной Африке с момента появления исмаилитских общин в регионе и описаны основные направления этой деятельности с разбивкой по странам на основе официального сайта организации. Особое внимание уделено гуманитарным, образовательным и медийным проектам, которые дают организации больше рычагов влияния для формирования образов, ценностей и идей. Проанализировав деятельность АКДН, авторы приходят к выводу, что благодаря таким проектам по развитию организация сформировала солидный социальный капитал в Восточной Африке. Вторая часть призвана доказать исходную гипотезу об антироссийской направленности деятельности АКДН в регионе, для чего была создана база данных новостных изданий, аффилированных с организацией, использованы методы анализа текстов, такие как определение именованных сущностей, латентное размещение Дирихле и sentiment-анализ публикаций за 2023 г. Полученная тональность, тематики и географический охват новостей позволяют подтвердить, что исследованные СМИ формируют негативный образ России в Восточной Африке через ассоциативный ряд агрессии, конфликтов и дестабилизации в Африке и во всем мире, что может быть связано с ориентацией АКДН на страны Запада, а также несовпадением интересов АКДН и России в Центральной Азии. В связи с этим российской стороне рекомендуется учитывать то влияние и ресурсы, которые организация задействует в восточноафриканском информационном поле.

Ключевые слова: Nation Media Group, исмаилиты, Восточная Африка, Танзания, Кения, Уганда, Мозамбик, Мадагаскар, экономическое развитие, культурные проекты, определение именованных сущностей, латентная аллокация Дирихле, анализ тональности текста

Благодарности. Исследование выполнено в рамках гранта ИМИ МГИМО №2025-04-08 «Российско-африканское взаимодействие в восприятии африканских партнеров».

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Никольская М.В., Виноградов В.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Вклад авторов. Никольская М.В.: идея исследования, концептуализация, обзор литературы, освещение истории АКДН и ее современной деятельности, подготовка списка источников для моделирования. Виноградов В.В.: разработка методологии исследования, работа с программным обеспечением, моделирование, визуализация данных. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Для цитирования: Никольская М. В., Виноградов В. В. Ага-хан, страны Восточной Африки и образ России: некоторые аспекты деятельности АКДН // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 267–283. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-267-283>

The Aga Khan, East Africa and Russia's Image: Tracing the Lesser-Known Dimensions of the AKDN's Work

Mayya V. Nikolskaya , Vasilii V. Vinogradov

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 v.vinogradov@inno.mgimo.ru

Abstract. The study examines the role of the Aga Khan Development Network (AKDN) in shaping Russia's image in East Africa. The AKDN is viewed as an independent non-governmental organization (NGO) in East Africa, whose stance on Russia currently coincides with that of the collective West. The authors proceed from the assumption that since 2022, the AKDN, in particular its media branch, the *Nation Media Group*, has sought to portray Russia in a negative light. The study consists of two sections. The first section provides an overview of the AKDN's activities in East Africa since the emergence of Ismaili communities in the region and describes the key areas of its work on a country-by-country basis, as delineated on the official website of the organization. The analysis pays special attention to humanitarian, educational, and media projects, which give the organization more advantage in terms of shaping images, values, and ideas. After analyzing the activities of the AKDN, the authors conclude that the organization has built substantial social capital in East Africa through such development projects. The second section aims to verify the initial hypothesis of the AKDN's anti-Russian slant through building a corpus of news items from outlets affiliated with the AKDN, using methodology for text analysis such as named entity recognition, LDA machine learning, and sentiment analysis of publications throughout the year 2023. The resulting tonality, topics and geographical coverage of the news publications allow the authors to conclude that the media do indeed construct a negative image of Russia in East Africa by invoking connotations of aggression, conflict and destabilization in Africa and the entire world, which may be caused by the AKDN's orientation towards the West as well as differences between the AKDN and Russia's positions in Central Asia. It is recommended that Russia take into account the power and resources that the AKDN employs in the information field.

Key words: Nation Media Group, Ismailis, East Africa, Tanzania, Kenya, Uganda, Mozambique, Madagascar, economic development, cultural projects, named entity recognition, latent Dirichlet allocation, sentiment analysis

Acknowledgements. This publication is supported by IfIS MGIMO grant 2025-04-08 "Russia-Africa cooperation as viewed by African partners".

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. Nikolskaya M.V.: research idea, conceptualization, literature review, coverage of the history and modern activities of the AKDN, preparation of the source list for modeling. Vinogradov V.V.: development of the research methodology, software work, modeling, data visualization. All authors have reviewed the final version of the article and approved it.

For citation: Nikolskaya, M. V., & Vinogradov, V. V. (2025). The Aga Khan, East Africa and Russia's image: Tracing the lesser-known dimensions of the AKDN's work. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(2), 267–283. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-267-283>

Введение: Россия глазами стран Восточной Африки

В вопросе выстраивания отношений с Африканским континентом важным ресурсом для России является ее имиджевый капитал. Можно с уверенностью констатировать, что в последние годы восприятие России меняется

в позитивную сторону в первую очередь в зоне Сахеля¹. А что происходит в другой части континента?

¹ Так, в полевом исследовании 2021 г. Л.М. Исаев, А.Р. Шишкина и Я.Б. Ликумович отметили в целом положительное отношение к деятельности России в Африке в свете расширения военного присутствия

Восточной Африке² сложно приписать безоговорочные симпатии к России. Так, по украинскому конфликту в общем доступе находится лишь одно заявление Восточноафриканского сообщества (ВАС) от 2 марта 2022 г., в котором отмечается «глубокая озабоченность» членов ВАС продолжающимся конфликтом и содержится призыв к немедленному и обоюдному прекращению огня³.

Вне Сообщества у всех восьми стран разное отношение к РФ и ее деятельности на международной арене. Нынешнее руководство части этих государств, включая в первую очередь Танзанию⁴, Уганду⁵, а также Бурунди⁶, в меньшей степени Республику Южный

и положительной исторической памяти о советском содействии борьбе с колониализмом. См.: (Issaev, Shishkina & Liokumovich, 2022).

² В академической литературе существует два разных конвенциональных определения Восточной Африки. Первое определение — *страны «ядра» Восточной Африки*: Танзания, Кения, Уганда, которые традиционно составляли Британскую Восточную Африку. Второе — *«расширенная» Восточная Африка* (Eastern Africa), которая включает также страны Африканского Рога и малые островные государства (*small island states*). В этом исследовании авторы обозначили географические границы Восточной Африки рамками крупнейшей в регионе интеграционной группировки — *Восточноафриканского сообщества* (ВАС). На момент написания статьи в него входили восемь стран: Танзания, Кения, Уганда, Руанда, Бурунди, Южный Судан и Демократическая Республика Конго. В 2023 г. договор о вступлении в ВАС подписала и Сомали.

³ EAC Statement on the Conflict Between the Republic of Ukraine & Russian Federation // East African Community. March 2, 2022. URL: <https://www.eac.int/statements/2384-eac-statement-on-the-conflict-between-the-republic-of-ukraine-russian-federation> (accessed: 21.03.2024).

⁴ Russia — Africa Summit: PM: Explore Russia Markets // All Africa. July 31, 2023. URL: <https://allafrica.com/stories/202307310164.html> (accessed: 21.03.2024).

⁵ Uganda's Museveni Extols Africa-Russia Ties During Lavrov Visit // Al Jazeera. July 26, 2022. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2022/7/26/ugandan-leader-extols-africa-russia-friendship-during-visit-by-lavrov> (accessed: 21.03.2024).

⁶ The African Union and the Burundi Crisis: Ambition Versus Reality // International Crisis Group. 2016 (September 28). Briefing No. 122. URL: <https://webarchive.archive.unhcr.org/20230607214252/https://www.refworld.org/type,COUNTRYREP,ICG,,57ebb6264,0.html> (accessed: 22.03.2024). См., например: ЦНИИЭ передал Бурунди тесты для диагностики

Судан, признает важность расширения своего внешнеэкономического портфолио.

В восточноафриканских странах существуют многочисленные шаблоны восприятия: угрозы физической безопасности африканцев, ксенофобия, повсеместный бытовой расизм. Граждан предупреждают от того, чтобы «попасть в российскую орбиту [влияния]», «быть ослепленными дезинформацией со стороны России»⁷. Стране приписывают «дестабилизирующее» поведение, «политику насилия» и даже откровенное пренебрежение интересами самих африканских государств⁸. Проводниками искаженных нарративов о России становятся международные СМИ, осуществляющие вещание в этих странах. В отсутствие российских медиа в регионе⁹ информация препарируется и подается через чужую оптику. В список масс-медиа, на постоянной основе присутствующих в Восточной Африке, входят BBC, VOA, CNN, *France Presse*, *Reuters*, *Deutsche Welle*¹⁰, *Le Figaro* и т. д. Кроме того, местная пресса нередко перепечатывает контент иностранных СМИ, иногда с переводом на автохтонные языки.

Существуют и локальные медиаакторы, продвигающие антироссийскую повестку. В данном исследовании авторы ставят цель проанализировать деятельность одного из таких стейкхолдеров, влияющих на общественное мнение. Речь идет о частной транснациональной организации *Aga Khan Development*

COVID-19 // ФБУН Центральный НИИ Эпидемиологии Роспотребнадзора. 16.02.2023. URL: <https://www.crie.ru/about/news/novosti-instituta/tsnie-peredal-burundi-testy-dlya-dagnostiki-covid-19-> (дата обращения: 21.03.2024).

⁷ We Must not Be Blinded by Disinformation from Russia // Daily Nation. January 25, 2024. URL: <https://nation.africa/kenya/blogs-opinion/blogs/we-must-not-be-blinded-by-disinformation-from-russia-4503540> (accessed: 03.04.2024).

⁸ Russia in Africa: Prigozhin's Death Exposes Putin's Real Motives on the Continent // The Citizen Tanzania. September 5, 2023. URL: <https://www.thecitizen.co.tz/tanzania/news/africa/russia-in-africa-prigozhin-s-death-exposes-putin-s-real-motives-4358598> (accessed: 21.03.2024).

⁹ По состоянию на 1 апреля 2024 г. российские новостные агентства в регионе были представлены всего одним корпунктом ТАСС — в Кении.

¹⁰ *Deutsche Welle* внесен в реестр иностранных агентов Министерства юстиции Российской Федерации (распоряжение Минюста России от 28.03.2022).

Network (Организация развития Ага-хана, АКДН), широко представленной в странах Восточной Африки. Авторы намереваются подтвердить или опровергнуть тезис о том, что, имея значительный медиаресурс в изучаемом регионе, АКДН стала одним из основных проводников антироссийской повестки.

Исследование состоит из двух частей. Первая — посвящена обзору деятельности АКДН в странах Восточной Африки. Авторы используют конкретно-исторический метод, чтобы составить хронологию деятельности с самого момента появления исмаилитских общин в регионе, и сопоставляют основные направления деятельности АКДН с разбивкой по странам на основе официального сайта самой организации. Во второй части авторы исследуют публикации *Nation Media Group* (NMG) за 2023 г. и с помощью выделения именованных сущностей, тематического моделирования и анализа тональности определяют освещение политики России данной организацией. Выбор в пользу NMG продиктован ее положением одной из крупнейших негосударственных медиакомпаний в Восточной и Центральной Африке, с 1959 г. осуществляющей «деятельность в сфере печатных, вещательных и цифровых СМИ»¹¹ и обслуживающей крупную аудиторию в Восточной Африке.

Обзор литературы

Одна из главных проблем при сборе информации об АКДН — это крайняя закрытость организации. Аналитических и даже новостных работ о ней совсем немного. В России до сих пор единственный комплексный обзор истории и деятельности АКДН представлен в монографии С.Н. Плеханова, однако она датируется 2006 г. (Плеханов, 2006). О мягкой силе «через привлекательность, но не принуждение» институтов АКДН и лично самого Ага-хана пишут Б.Х. Бахриев и К.П. Боришполец. В частности, отмечая по большей степени принципиальную непубличность имама, его нежелание

быть ньюсмейкером, исследователи тем не менее указывают на умение исмаилитской организации создавать новостные поводы и работать в медиапространстве, особенно в контексте так называемых *юбилеев* — годовщин Имамата Ага-хана IV (Бахриев, Боришполец, 2022).

Из зарубежных публикаций обращает на себя внимание работа К. Карима, в которой транснациональный характер организации, ее «сверхтерриториальность» увязывается как с глобализационными тенденциями, так и с особенностями исторического развития исмаилитской общины (Karim, 2011). Подобную позицию разделяет и Д. Пур, в чьей монографии, посвященной в большей степени личности имама и исследованию феномена его авторитета, раскрывается, как исмаилитскому имаму удалось преодолеть веберовские границы определения лидерства, завоевав «власть без территории» (Poer, 2014).

Если говорить о географических рамках исследований, посвященных деятельности исмаилитских институтов, то они, как правило, замыкаются на роли АКДН в развитии Индии (Хачатурян, 2022), а также Таджикистана и других стран Центральной Азии. Африканский континент как одна из «вотчин» АКДН редко становится темой для хрестоматийных политологических изысканий, в основном, как можно предположить, по таким причинам, как сложности с доступом к информации и нежелание самой организации выходить в поле публичных исследований, политизировать так или иначе свою работу. О восстановлении культурного наследия в Африке руками АКДН пишут Х. Рютер и Р. Раджан (Rüther & Rajan, 2007). Некоторые важные конфликтные этапы исторического развития исмаилитской общины в контексте отношений между исламскими организациями и властями восточафриканских государств освещены в работе А. Чанде (Chande, 2008). Авторы, таким образом, надеются в рамках данного исследования не просто впервые в современной российской литературе систематизировать ряд областей работы АКДН в Восточной Африке, но и пролить свет на некоторые неочевидные

¹¹ Who We Are // Nation Media Group. URL: <https://www.nationmedia.com/who-we-are/> (accessed: 05.01.2025).

и совсем малоизвестные аспекты ее деятельности, которые обычно не ассоциируют с АКДН.

Исторические вехи и направления деятельности АКДН

Организация Ага-хана по развитию — одна из старейших неправительственных организаций во всем мире. Ага-хан, наследный правитель (принц) исмаилитской ветви шиитского ислама, считается прямым наследником пророка Мухаммада. Исмаилитская община признает Ага-хана в качестве духовного лидера. Сегодняшние исмаилиты проживают в Азии — Индии, Пакистане, Иране, Ираке, Сирии, Афганистане, Таджикистане (регион Памир), КНР, Мьянме, Восточной Африке и Египте.

На востоке Африканского континента ходжа¹² появились на рубеже XVIII–XIX вв., частично в результате политики Лондона по переселению индийцев в британские колонии (Karim, 2011). Во времена имамата Султана Магомеда Шаха Ага-хана III (1885–1957 гг.) в Восточной Африке начали создаваться медицинские учреждения и школы, финансовые институты, предназначенные для поддержки жилищного строительства и других местных проектов по развитию. Появление первой исмаилитской школы в регионе (на о. Занзибар) датируется 1905 г.¹³ Постепенная институционализация исмаилитской сети, включавшая, в частности, создание провинциальных советов, которые подчинялись верховному совету (*Supreme Council*) (Walji, 1974), сопровождалась изданием серии так называемых «норм и правил», регулировавших как правовые, так и социокультурные аспекты жизни диаспоры. В 1962 г. они были кодифицированы в «Конституции шиитов-исмаилитов в Африке» (*A Modern History of the Ismailis...*, 2010).

В 1930–1940-х гг. тогдашний Ага-хан стал одним из основателей восточноафрикан-

ского общества благосостояния (*East African Muslim Welfare Society*, EAMWS), заложив традицию создания и поддержания контактов с другими мусульманскими сообществами. При этом проповедовались либеральные даже по тем временам взгляды: сам Ага-хан III поддерживал эмансипацию женщин, в частности их право на образование (*Le Cour Grandmaison*, 2015).

Новая эра в развитии АКДН началась незадолго до деколонизации британских владений в Восточной Африке. Так, в Танганьике и на Занзибаре правительственный декрет 1949 г. провозгласил всех проживавших на подконтрольных Великобритании территориях лицами, находящимися под британским покровительством (*protected persons*)¹⁴, что автоматически повысило правовой статус исмаилитов. Под руководством Карима Ага-хана IV, который возглавил имамат после смерти своего отца в 1957 г., АКДН сфокусировалась на крупных проектах национального развития. Такая социально ориентированная политика способствовала интеграции исмаилитов в восточноафриканскую среду.

На ранние годы после деколонизации приходится создание учреждений по поддержке и продвижению промышленных предприятий в частном секторе (*Industrial Promotion Services*)¹⁵, а также в сфере туризма (*Tourism Promotion Services*)¹⁶, а также крупнейшей гостиничной сети *Serena Group*.

АКДН никогда не противопоставляла себя правительствам освободившихся от колониализма стран. Декларируя светские принципы в своей работе, организация провозглашает примат «мусульманского гуманизма», дополняя эту концепцию рядом нетрадиционных для исламской этики ценностей, в число которых входит личная инициатива, успешность на капиталистическом

¹² Фактически тождественно обозначению исмаилитов.

¹³ Aga Khan Development Network Tanzania Celebrates 62nd Imam Day // The Ismaili Muslim Community. July 15, 2019. URL: <https://the.ismaili/tanzania/aga-khan-development-network-tanzania-celebrates-62nd-imam-day> (accessed: 22.03.2024).

¹⁴ Nalule C., Namboze A. Report on Citizenship Law: Tanzania // Global Citizenship Observatory (GLOBALCIT). April 2020. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/66748/RSC_GLOBALCIT_2020_6.pdf?sequence=1&isAllowed=y (accessed: 25.03.2024).

¹⁵ Industrial Promotion Services (IPS) // Heritage Society. URL: <http://heritage.ismaili.net/node/10160> (accessed: 25.03.2024).

¹⁶ Ibid.

рынке и лояльное отношение к государственной власти (Алексеева, 2018).

Отношения между властями восточноафриканских государств и исмаилитскими организациями, впрочем, далеко не всегда были безоблачными. В Танзании период обострения пришелся на конец 1960-х гг., когда руководство страны находилось в поисках поддержки для проведения политики *уджамаа* — африканского социализма. Парадоксально, но правящая партия Национальный союз африканцев Танганьики (*Tanganyika African National Union*, ТАНУ) увидела в ЕАМВС одного из основных потенциальных противников. Общество позиционировало себя как силу, объединяющую мусульман самых разных конфессий, и в этом качестве представляло угрозу. Кроме того, программа национализации, объявленная первым президентом Танзании Дж. Ньерере в 1967 г. (Dias, 1970), предполагала изъятие активов, которые принадлежали в том числе и исмаилитской общине. Чтобы избежать разрастания потенциального очага оппозиции, власти создали альтернативную организацию — Совет мусульман Танзании¹⁷ и запретили ЕАМВС (Chande, 2008). Таким образом, в порядке «превентивного вмешательства» были пресечены все возможные посягательства на монополию ТАНУ на власть.

В Уганде наиболее минорный период в отношениях между властями и институтами Ага-хана пришелся на президентство Иди Амина (1971–1979 гг.). Оно ознаменовалось, помимо прочего, изгнанием из страны населения индо-пакистанского происхождения и экспроприацию его доходов. Многие из изгнанников эмигрировали в Канаду во многом благодаря дружбе Ага-хана с тогдашним премьер-министром П. Трюдо (Tejpar, 2019): значительная часть исмаилитской диаспоры в этой стране сегодня представлена выходцами из Восточной Африки.

Эволюция институтов и программ Ага-хана во многом была обусловлена общерегиональными целями развития в 1950-х и 1960-х гг., приведшими к созданию

Восточноафриканского сообщества. Например, школы в Кении, Танзании и Уганде имели в тот период общее учебно-методическое наполнение, а *Diamond Trust* (ныне *Diamond Trust Bank*) был восточноафриканским финансовым институтом. В 1970-х гг. уровень региональной синергии стал снижаться в силу разных траекторий развития восточноафриканских стран, и институциональное строительство продолжилось уже на национальной основе.

В этот же период исмаилиты занялись образовательной деятельностью с религиозным уклоном, такой как программа АКДН «Медресе для раннего детства», которая поддерживает создание соответствующих центров в Кении (Bolton, 2021). С 1986 г. центры подготовили более 500 учителей дошкольных учреждений медресе и помогли почти 7 800 детям (Ruto-Korir, Jepkemboi & Boit, 2020).

1980-е и 1990-е гг. ознаменовались периодом структурной перестройки, реформ Международного валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка для Восточной Африки, и АКДН менялась вместе с регионом. Фонд участвовал в приватизации промышленных предприятий в Танзании и Уганде, а также восстановлении культурных ценностей на Занзибаре. После окончания гражданской войны в Уганде собственность, конфискованную в начале 1970-х гг., вернули исконным владельцам. Создание благоприятной среды для развития бизнеса позволило исмаилитам открыть новые предприятия и реанимировать бездействующие¹⁸.

В ряде стран (Кения, Уганда, Мозамбик, Танзания) отношения с АКДН оформлены на официальном уровне в виде *соглашений о сотрудничестве во имя развития*. В подобных документах акцент сделан на признании вклада АКДН в национальное развитие, содержится обещание сформировать благоприятную среду для ее деятельности. Одновременно в документах зафиксированы

¹⁷ Baraza la Waislamu wa Tanzania, BAKWATA.

¹⁸ Pascal Zachary G. Do Business and Islam Mix? Ask Him // The New York Times. July 8, 2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/07/08/business/yourmoney/08khan.html> (accessed: 25.03.2024).

черты, характеризующие деятельность АКДН и по сей день.

Во-первых, активно развивается сотрудничество между государственным и частным сектором. Широкая представленность в бизнесе как на уровне владельцев компаний, так и на уровне лоббистов позволяет сводить воедино финансовый, административный и статусный ресурс. Например, Л. Кассам, управляющий глобального портфеля Фонда в области промышленности и инфраструктуры, занимает ряд важных должностей, которые позволяют ему влиять на принятие решений в регионе. В частности, он входит в правление Кенийской ассоциации промышленников, является членом Социального совета при президенте Кении и Круглого стола инвесторов при президенте Уганды, а также имеет выходы на Генерального секретаря ООН и руководство Всемирного банка через различные консультативные структуры¹⁹.

Во-вторых, институты АКДН переходят на самоокупаемость. Если раньше религиозные взносы и другие подношения, а также пожертвования, собранные на празднованиях различных юбилеев, имам использовал для пополнения своей собственной казны (Хачатурян, 2022), то сегодня они задействуются для финансирования проектов развития. Значительный вклад в бюджет вносят страховая компания *Jubilee Insurance* и *Diamond Trust Bank*, открытые на территории Восточной Африки еще в 1930–1940-х гг.

В-третьих, новый импульс получило региональное сотрудничество, в том числе благодаря восточноафриканской интеграции в рамках второй итерации ВАС (с 1999 г.). В июле 2019 г. *SN Power*, норвежская международная компания по возобновляемым источникам энергии, принадлежащая *Norfund*, и АКДН подписали соглашение о строительстве ГЭС Рузизи III с правительствами Бурунди, Демократической Республики Конго (ДРК) и Руанды²⁰.

¹⁹ Aga Khan Foundation Factsheet // Aga Khan Foundation. URL: <https://www.akfusa.org/wp-content/uploads/AKF-factsheet-2011-FINAL-Hi-Res.pdf> (accessed: 25.03.2024).

²⁰ Setting a Global Benchmark for Regional Power Generation // AKDN. July 29, 2019. URL: <https://the.akdn/>

В настоящее время деятельность АКДН также распространяется на Мозамбик и Мадагаскар. В Мозамбике группа работает в Кабу-Делгаду, самой бедной провинции, пораженной вирусом терроризма, участвует в разнообразных проектах, включая инвестиции компании *Moztex* в местную текстильную фабрику и восстановление отеля *Polana*. По состоянию на 2017 г. 96 % сотрудников АКДН имели мозамбикское гражданство (Saraiva, 2023). Организация добивается высокой степени локализации, в том числе в вопросе привлечения кадровых ресурсов, одновременно создавая положительную добавленную стоимость с точки зрения человеческого развития. С конца 2010-х гг. группа Ага-хана начала зондировать почву на предмет масштабирования своих проектов и в Бурунди.

Таблица 1. Основные восточноафриканские страны, где представлена АКДН

Направление деятельности	Танзания	Кения	Уганда	Мозамбик	Мадагаскар
Школьное и дошкольное образование	–	+	+	–	–
Здравоохранение	+	+	+	+	–
Гражданское общество	–	+	+	+	–
Экономическое развитие	+	+	+	–	+
Экология	–	+	+	–	–
Профессиональное образование	+	+	+	+	–
Сельское хозяйство	+	–	–	+	+
Культурные проекты	+	–	–	–	–
Реагирование на чрезвычайные ситуации	–	–	–	+	–

Источник: составлено М.В. Никольской на основе официального сайта АКДН: Where We Work // AKDN. URL: <https://the.akdn/en/where-we-work> (accessed: 09.04.2025).

В табл. 1 отражено, что опорные страны для проектов АКДН — это Танзания, Кения и Уганда, что объясняется историческими

[en/resources-media/whats-new/news-release/setting-global-benchmark-regional-power-generation](https://the.akdn/en/resources-media/whats-new/news-release/setting-global-benchmark-regional-power-generation) (accessed: 18.04.2024).

факторами и размерами исмаилитской общины в этих государствах. В то же время, если судить по данным сайта АКДН, организация начала действовать и в тех странах, где раньше традиционно не работала, но где есть и другие ходжа.

Проекты АКДН импонируют как населению восточноафриканских стран, так и их властям, для которых вопросы развития остаются приоритетными. В этом качестве подобные программы представляют собой инструмент наращивания социального капитала, предполагающего высокую степень доверия и общих ценностей (Свенцицкий и др., 2009), а также канал продвижения последних.

АКДН и коллективный Запад: случайные союзники?

Отношения России и АКДН не всегда были напряженными. В 2010-х гг. предпринимались попытки, хотя и не очень системные, наладить и укрепить контакт с организацией. В 2019 г. Казанское архитектурное бюро даже стало реципиентом Премии Ага-хана в области архитектуры²¹. Однако в последние годы АКДН вступила в непрямую конфронтацию с Россией в Центральной Азии по ряду вопросов региональной повестки. Так, Ага-хан поддержал памирских сепаратистов Горно-Бадахшана²². Россия, в свою очередь, выступила на стороне таджикского правительства, обвинив АКДН в сотрудничестве с иностранными державами²³.

²¹ Российский проект впервые получил международную премию Ага Хана // РБК Недвижимость. 29.08.2024. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5d67960c9a7947b55da556b6> (accessed: 25.03.2024).

²² См.: Его Высочество Ага Хан IV и его таджикские единоверцы // Фергана. Информационное агентство. 26.05.2015. URL: <https://www.fergananews.com/articles/8559> (дата обращения: 12.09.2024); Ага-Хан – возможный повод к новому конфликту Кыргызстана и Таджикистана // Asia Today. 18.03.2024. URL: <https://asia-today.news/18032024/3391/> (дата обращения: 12.09.2024); AKDN in Tajikistan // AKDN. URL: <https://the.akdn/en/where-we-work/central-asia/tajikistan> (accessed: 12.09.2024). См. также: (Алексеева, 2018);

²³ См.: Заявление МИД России о введении персональных санкций в отношении представителей британских аналитических центров, консалтинговых

Исторически АКДН связывали с Великобританией особые отношения. Ага-хан I выступал посредником в переговорах англичан и афганских правителей в начале 1920-х гг., а Ага-хан III пытался предотвратить назревавший конфликт в Европе в 1937 г. посредством переговоров с участием Н. Чемберлена и Э. Даладьё с А. Гитлером (Плеханов, 2006). Сегодня в Великобритании проживает исмаилитская община, насчитывающая 15 тыс. человек. В основном это выходцы из Восточной Африки. Значительная часть из них прибыла в Великобританию из Уганды в результате высылки Иди Амином населения индо-пакистанского происхождения²⁴.

В число основных партнеров АКДН по программам развития входят профильные ведомства Канады, Великобритании и США, а также правительства восточноафриканских государств²⁵. Значительная доля приходится и на западные неправительственные организации (НПО), такие как Фонд Форда и Фонд Рокфеллера (Филаретова, Атие, 2023).

Однако было бы заблуждением утверждать, что АКДН — всего лишь марионетка западных стран. Действительно, сам Ага-хан IV — обладатель британского, французского, швейцарского, португальского и канадского гражданства²⁶. Тем не менее он являлся крупным инвестором и бизнесменом,

агентств и иных структур аналогичного профиля, проводящих враждебную линию в отношении России // МИД России. 19.08.2024. URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/news/1965993/ (дата обращения: 12.09.2024); Россия ввела санкции против лидера исмаилитов Карима Ага-Хана // Asia-Plus. 21.08.2024. URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/tajikistan/politics/20240821/rossiya-vvela-sanktsii-protiv-lidera-ismailitov-karima-aga-hana?ysclid=ma6z9opr6g249097075> (дата обращения: 12.09.2024).

²⁴ World Directory of Minorities and Indigenous Peoples — United Kingdom : East African Asians // UNHCR. August 2018. URL: <https://www.refworld.org/reference/countryrep/mrgi/2018/en/100963> (accessed: 25.03.2024).

²⁵ Our Partners // AKDN. URL: <https://the.akdn/en/who-we-are/our-partners> (accessed: 25.03.2024).

²⁶ Our Founder and Chairman // AKDN. URL: <https://the.akdn/en/who-we-are/our-founder-and-chairman> (accessed: 25.03.2024).

его деятельность распространялась и на Африку, и на Азию²⁷. Позволим себе согласиться здесь с теми авторами, которые называют Ага-хана IV индивидуальным актором мировой политики в качестве главы транснациональной религиозной общины, чья акторность одновременно проявляется через созданные им светские институты (Бахриев, Боришполец, 2022).

Однажды созданное предыдущими имамами реноме миротворца и космополита, который предпочитает официально не занимать ничью сторону в межгосударственных противоречиях, позволяет говорить об определенной дистанцированности Ага-хана от глобальных политических сил. В пользу самостоятельности АКДН и лично имама говорит и возможность пополнения бюджета организации другими способами, помимо грантов от западных партнеров. Источники финансирования включают пожертвования и взносы в фонды, капитальные инвестиции в компании, принадлежащие Ага-хану, и совместные предприятия²⁸. Иными словами, нынешнее отношение Ага-хана к России — это принципиальная позиция самостоятельного игрока, которая в данном случае совпала с позицией коллективного Запада.

Методология исследования

Обзор источников, техническая разведка ресурсов

Для контент-анализа, который призван доказать или опровергнуть гипотезу исследования, были отобраны СМИ, аффилированные с АКДН. В портфолио корпорации входят радиостанции, телеканалы, газеты. *Nation.Africa* — новейший цифровой бренд, публикующий контент со всего континента.

²⁷ Pascal Zachary G. The Aga Khan, a Jet-Setter Who Mixes Business and Islam // *The New York Times*. July 9, 2007. URL: <https://www.nytimes.com/2007/07/09/business/worldbusiness/09iht-khan.4.6569846.html> (accessed: 25.03.2024).

²⁸ Ahmad M., Ahmad M. Aga Khan Foundation // *International Encyclopedia of Civil Society* / ed. by S. Toepler, H. Anheier. New York : Springer, 2010. P. 18–19. https://doi.org/10.1007/978-0-387-93996-4_300

В Кении это газеты *Daily Nation*, *Sunday Nation* и *Taifa*, а также *Business Daily* и региональный еженедельник *The East African*. Среди кенийцев, читающих газеты, одной только *Daily Nation* предпочтение отдают 48 %²⁹. В Уганде компания *Monitor Publications Limited* выпускает газеты *Daily Saturday* и *Sunday Monitor*. В Танзании компания *Mwananchi Communications Limited* издает три ежедневные газеты: *Mwananchi* и *Mwanaspoti* на суахили и *The Citizen* на английском языке. В настоящий момент деятельность *NMG* расширилась на Руанду за счет изданий *The East African* и *Rwanda Today*.

В сфере вещания *NMG* управляет телевизионными каналами *NTV* и *QTV* в Кении, *NTVU* — в Уганде, а также телеканалом *Spark TV*. Радиостанции *NMG* включают *Easy FM* в Кении, а также *KFM* и *Dembe FM* в Уганде³⁰.

Выбор конкретных медиа для анализа опирался на их язык: инструменты контент-анализа суахили не отличаются разработанностью, поэтому использовались исключительно англоязычные газеты. Из общего списка исключены отраслевые СМИ экономической и бизнес-направленности, так как их содержание сильно ограничено изначальной тематикой. В результате подобных ограничений база данных текстов (корпус) собрана из следующих источников:

- *The Citizen* — <https://www.thecitizen.co.tz/tanzania>;
- *Daily Monitor* — <https://www.monitor.co.ug/>;
- *Daily Nation* — <https://nation.africa/kenya>.

Дальнейший этап работы с источниками подразумевал проверку технической информации о ресурсах. У всех трех сайтов адрес обратного DNS хостинга — Торонто, Канада (табл. 2).

²⁹ State of the Media: Survey Report 2023 // Media Council of Kenya. URL: https://mediacouncil.or.ke/sites/default/files/downloads/State%20of%20the%20Media%202023_0.pdf (accessed: 05.01.2025).

³⁰ Brands // Nation Media Group. URL: <https://www.nationmedia.com/brands/> (accessed: 25.03.2024).

Таблица 2. Техническая информация о веб-ресурсах *The Citizen*, *Daily Monitor* и *Daily Nation*

Название	Ссылка	Информация о хостинге
The Citizen	https://www.thecitizen.co.tz	Организация: Cloudflare, Inc. IP-адрес: 172.67.197.81 Город: Торонто Страна: Канада
Daily Monitor	https://www.monitor.co.ug	Организация: Cloudflare, Inc. IP-адрес: 104.18.6.65 Город: Торонто Страна: Канада
Daily Nation	https://nation.africa/kenya	Организация: Cloudflare, Inc. IP-адрес: 104.18.29.152 Город: Торонто Страна: Канада

Источник: составлено В.В. Виноградовым.

Техническая разведка данных позволила установить компанию-подрядчика, отвечающую за администрирование некоторых ресурсов *Nation Media Group* — некая *RAHA-TECH*. К сожалению, не удалось найти конкретную компанию, скрывающуюся за данным названием³¹. Собранная информация не позволяет говорить о прозападной направленности *Nation Media Group*, но может служить индикатором, подкрепляющим выводы контент-анализа.

Извлечение данных

Используемая в этом исследовании база данных опирается на массив новостей 2023 г. каждого из указанных в табл. 2 медиаресурса. Однако авторы столкнулись с проблемой отсутствия архива — опубликованные ранее новости недоступны на сайтах и в поисковых системах. Без истории публикаций невозможно верифицировать информацию и провести мониторинг. Эта проблема была преодолена с помощью ресурса *Wayback Machine*, создающего архивные копии (бэкапы) сайтов³². Использование архивных

³¹ Информация о хостинге взята с информационного ресурса Who.Is. URL: <https://who.is/whois/thecitizen.co.tz> (accessed: 26.03.2024).

³² Wayback Machine. URL: <https://archive.org/web/> (accessed: 26.03.2024).

версий для парсинга³³ сопряжено с рядом ограничений: некоторые из них сохраняют только главную страницу сайта, что делает невозможным извлечение самих новостей; бэкапы могут содержать одни и те же тексты; новости могут быть представлены видео- и фотоматериалами без текста и описания.

Озвученные условия предполагают соответствующую работу с корпусом — удаление из него дубликатов и нетекстовых сообщений. Процедура извлечения новостей была осуществлена с помощью языка R и использования библиотеки *RSelenium*³⁴, позволяющей работать с динамическими страницами, которые написаны с использованием языка программирования *JavaScript*. Парсер выложен в репозиторий *GitHub*³⁵ и доступен всем желающим для использования.

Описание корпуса

Размер оригинального корпуса составляет 29 479 текстов, при этом корпус содержит дубликаты и бестекстовые новости с видео. После базовой очистки база данных насчитывает 2461 новость (табл. 3).

Для ответа на исследовательский вопрос необходимо пройти следующие этапы работы с текстами:

1) извлечение именованных сущностей (*Named Entity Recognition*, NER) позволит оставить только новости, связанные с Россией;

2) тематическое моделирование для выделения тем, освещаемых в связи с упоминанием России;

3) анализ тональности (сентимент-анализ) для оценки эмоциональной окраски текстов, в которых упоминается Россия.

Тематическое моделирование и сентимент-анализ невозможно использовать без лемматизации — приведения слов к инфинитивной (начальной) форме с помощью

³³ Парсинг — извлечение данных из источника и преобразование их в базу данных.

³⁴ RSelenium // rOpenSci. URL: <https://docs.ropensci.org/RSelenium/> (accessed: 26.03.2024).

³⁵ NMG_rselenium_parser // GitHub. URL: https://github.com/or-sirina/NMG_rselenium_parser (accessed: 26.03.2024).

библиотеки *textstem*³⁶. В противном случае разные словоформы одного и того же слова будут считаться разными леммами, что искажит результаты исследования (такие слова, как «*approach*» и «*approaches*», считаются разными словами, лемматизация приводит слово «*approaches*» к форме «*approach*»). Также были убраны стоп-слова (частицы, союзы и т. д.), дубликаты и бестекстовые новости.

Таблица 3. Дескриптивная статистика корпуса текстов *The Citizen, Daily Monitor* и *Daily Nation*

Общая характеристика корпуса	Кол-во уникальных слов	Кол-во слов	Кол-во предложений
Размер корпуса: 2461	Минимум: 49.0	Минимум: 53.0	Минимум: 2
Тип данных: текстовый	Первый квартиль: 209.0	Первый квартиль: 402.0	Первый квартиль: 15.00
Режим: текст	Медианное значение: 283.0	Медианное значение: 586.0	Медианное значение: 21.00
	Среднее: 302.5	Среднее: 665.6	Среднее: 24.99
	Третий квартиль: 373.0	Третий квартиль: 821.0	Третий квартиль: 31.00
	Максимум: 2210.0	Максимум: 11891.0	Максимум: 458.00

Источник: составлено В.В. Виноградовым.

Определение именованных сущностей

Определение именованных сущностей (NER) — задачи в области естественной обработки языка, целью которых является нахождение и классификация в корпусе географических названий, имен людей, дат и других специфических объектов (Wen et al., 2020). Существует несколько подходов к работе с именованными сущностями:

1) подход на основе правил. Создается набор правил, которые определяют, какие слова в тексте являются именованными сущностями;

³⁶ Package *textstem* // CRAN. URL: <https://cran.r-project.org/web/packages/textstem/index.html> (accessed: 26.03.2024).

2) подход на основе машинного обучения. Используются различные алгоритмы машинного обучения, благодаря которым модель учится определять именованные сущности (Shelar et al., 2020);

3) комбинированный подход, предполагающий использование и правил, и алгоритмов машинного обучения (Mikheev, Moens & Grover, 1999).

Для определения именованных сущностей корпуса новостей *Nation Media Group* использован второй подход, а именно инструментарий обработки естественного языка *Apache OpenNLP*³⁷, содержащий готовую модель (модель обучена на базе данных *CoNLL 2002*)³⁸ определения географических названий.

Тематическое моделирование и определение тональности

Тематическое моделирование — способ построения коллекции документов, определяющий отношение документов к тематике (Седова, Митрофанова, 2017). В исследовании применено латентное размещение Дирихле (LDA) — метод машинного обучения, позволяющий выявлять темы текста и характеризующие их ключевые слова (Blei, Ng & Jordan, 2003). *LDA* исходит из допущения, что каждый документ состоит из набора тем, а появление каждого слова в сообщении связано с одной из них. Таким образом, соупотребление³⁹ слов является устойчивым признаком топика и позволяет вычленить темы и долю, занимаемую ими в тексте.

Определение тональности текстов преследует цель оценить полярность текста. Чаще всего данный метод реализуется через языковые корпуса и подсчет терминов, которым предварительно была дана оценка тональности (Medhat, Hassan & Korashy, 2014).

³⁷ Tools Models // OpenNLP. URL: <https://opennlp.sourceforge.net/models-1.5/> (accessed: 26.03.2024).

³⁸ CoNLL 2002 // Papers with Code. URL: <https://paperswithcode.com/dataset/conll-2002> (accessed: 26.03.2024).

³⁹ Соупотребление — вероятность появления слов вместе в рамках одного объекта (предложения, абзаца и т. д.).

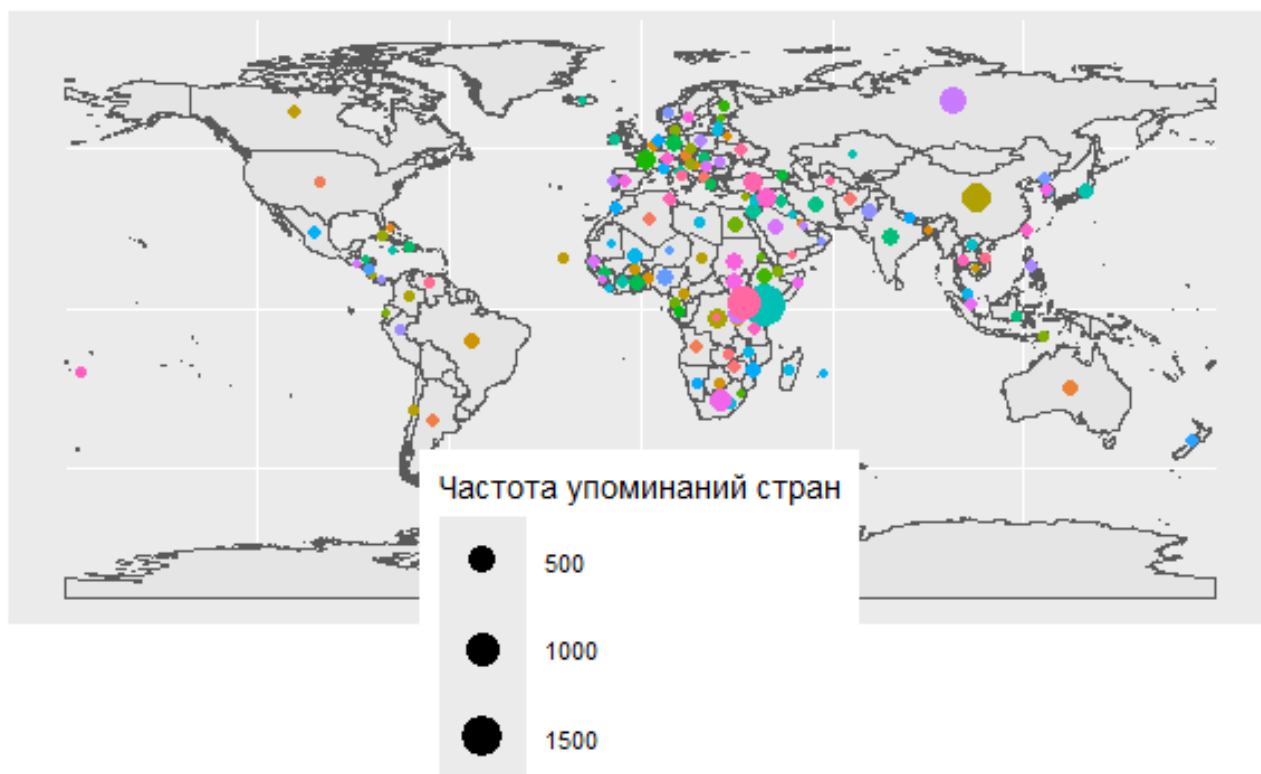

Рис. 1. Частота упоминаний стран в новостях медиахолдинга *Nation Media Group*

Источник: составлено В.В. Виноградовым.

Анализ корпуса

Первым этапом анализа корпуса является выделение именованных существностей. Всего алгоритм насчитал 2023 географических объекта, но ввиду несовершенства модели полученный результат необходимо очистить от нетопонимов. Визуализация упоминаний стран представлена на рис. 1 и была сделана с помощью инструмента *Nominatim single address geocoder*⁴⁰, использующего данные *OpenStreetMap*⁴¹ и позволяющего искать координаты по названию. Выделение именованных существностей позволяет дополнительно отфильтровать новости и оставить только тексты, в которых упоминается Россия. Итоговое количество текстов, в которых упоминается Россия, насчитывает 476 единиц.

Следующий этап — тематическое моделирование и оценка сентиментов. Для этого

⁴⁰ Open-source Geocoding with OpenStreetMap Data // Nominatim. URL: <https://nominatim.org/> (accessed: 27.03.2024).

⁴¹ OpenStreetMap. URL: <https://www.openstreetmap.org/#map=3/69.62/-74.90> (accessed: 27.03.2024).

корпус был разбит на предложения для удобства извлечения тем. Одно из ограничений латентного размещения Дирихле заключается в необходимости определения количества тем, что было реализовано с помощью метрик, предложенных в более ранних исследованиях (Griffiths & Steyvers, 2004; Cao et al., 2009; Arun et al., 2010; Deveaud, SanJuan & Bellot, 2014) и позволяющих оценить разброс топиков. Результаты тестирования представлены на рис. 2 и демонстрируют оптимальное количество тем в диапазоне от 4 до 8. Моделирование было проведено для четырех тем, полученные топики представлены в табл. 4 и на рис. 3.

Все тематики новостей так или иначе связаны с украинским конфликтом, что демонстрируют ключевые слова в начале таблицы. Фигурируют топики, связанные с частной военной компанией (ЧВК) «Вагнер» и отношениям Запада и России. Тематического разнообразия не наблюдается, но топики можно дифференцировать по менее частотным ключевым словам:

- Тема 1 — общее описание конфликта без уникальных тематик;
- Тема 2 — упоминаются партийные дебаты в США о финансировании Украины;
- Тема 3 — санкционный режим, обсуждение ядерной проблемы;
- Тема 4 — глобальная безопасность, переговорный процесс.

Анализ полярности текста был проведен с помощью словаря сентиментов, где каждое слово ранжировано в зависимости от эмоциональной окрашенности. Был выбран словарь *Open Lexicon* — один из самых полных специализированных словарей английского языка (Liu, 2020). Однако словарный метод содержит одно важное допущение — он не позволяет оценить несловарные слова (Hu & Liu, 2004).

В результате сентимент-анализа можно констатировать негативную окрашенность

новостей о России. СМИ, включенные в выборку, публикуют материалы о РФ почти исключительно в контексте украинского конфликта и присутствия группы «Вагнер» в Африке. Освещение крайне однобоко — позитивная повестка практически отсутствует. Результаты сентимент-анализа представлены на рис. 4.

СМИ играют центральную роль в информировании граждан относительно происходящих в мире событий и их восприятия, особенно в тех сферах, где аудитория не обладает априорным или эмпирическим знанием реалий (Happer & Philo, 2013). В условиях дефицита альтернативных источников информации лейтмотивы насилия, агрессии, дестабилизации, с которыми ассоциируется Россия, становятся доминирующими структурными элементами ее образа, формируемого СМИ АКДН.

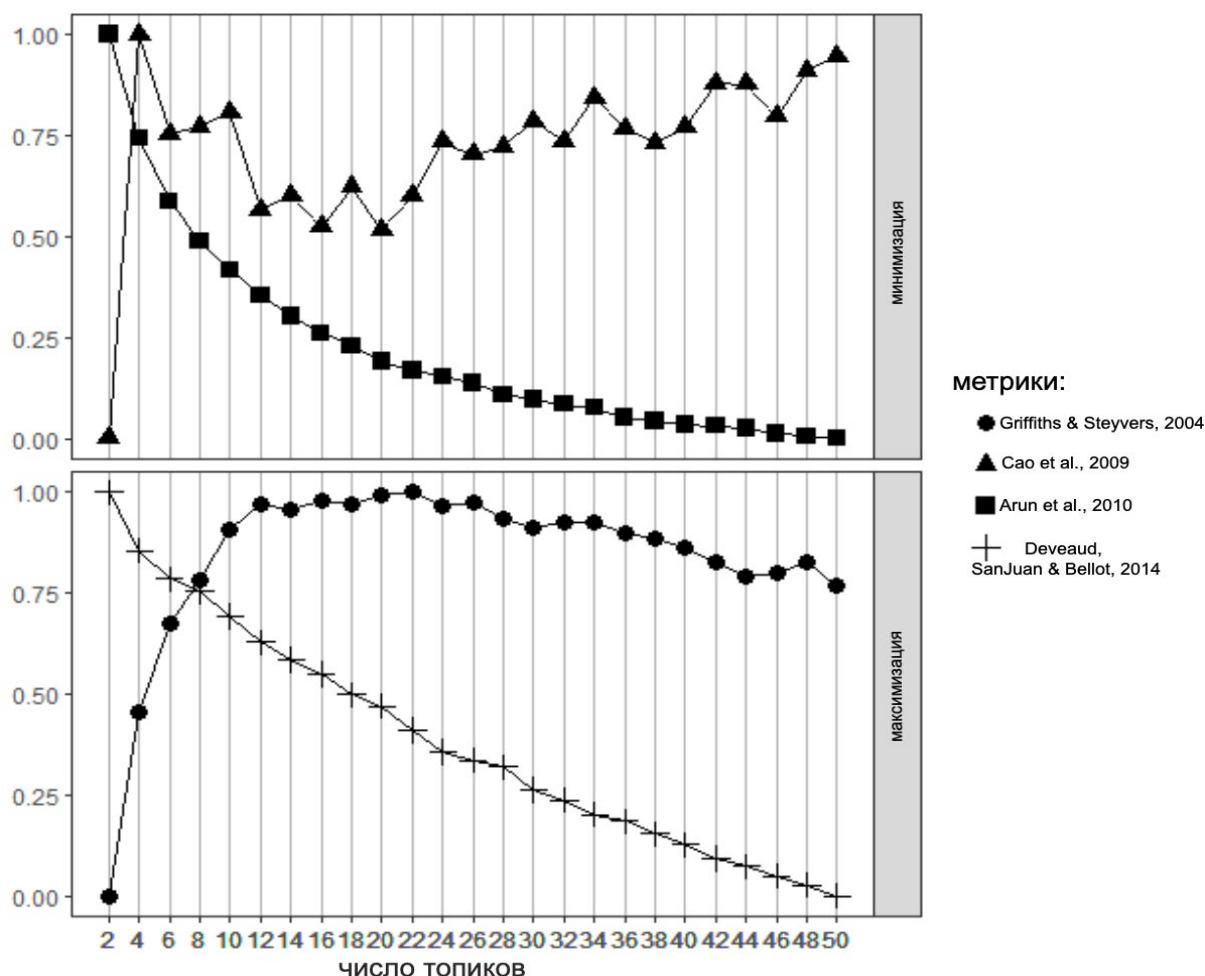

Рис. 2. График оптимального количества тем для корпуса текстов *Nation Media Group*

Источник: составлено В.В. Виноградовым.

Таблица 4. Тематики и ключевые слова корпуса текстов *Nation Media Group*

Тема 1	Тема 2	Тема 3	Тема 4
say	say	russia	say
ukraine	ukraine	year	also
russian	russia	war	moscow
russia	russian	china	ukraine
take	putin	country	country
year	much	say	africa
china	military	force	tell
military	state	russian	much
president	president	us	wagner
war	moscow	president	russia
putin	year	wagner	government
us	africa	also	people
moscow	ukrainian	good	leader
make	go	call	one
much	region	see	defence
country	kyiv	ukraine	use
conflict	force	unite	day
fight	new	state	us
can	army	military	new
add	nation	one	last
first	western	accord	attack
afp	city	arm	force
since	since	percent	international
also	african	february	meet
tank	capital	can	report

Тема 1	Тема 2	Тема 3	Тема 4
call	country	ukrainian	minister
ukrainian	kill	kyiv	late
world	one	support	can
africa	strike	power	prigozhin
come	world	leader	group
need	day	long	invasion
invasion	friday	nuclear	ukrainian
international	south	accuse	unite
african	last	last	year
ministry	security	include	export
back	people	much	include
official	use	month	plan
send	nato	national	city
continue	two	since	come
accord	party	medium	march
prigozhin	billion	two	member
territory	zelensky	group	security
time	hold	security	global
minister	international	ministry	russian
late	time	mercenary	china
around	serve	nato	troop
support	tell	even	ministry
interest	follow	first	two
visit	part	launch	support
include	european	add	kyiv

Источник: составлено В.В. Виноградовым.

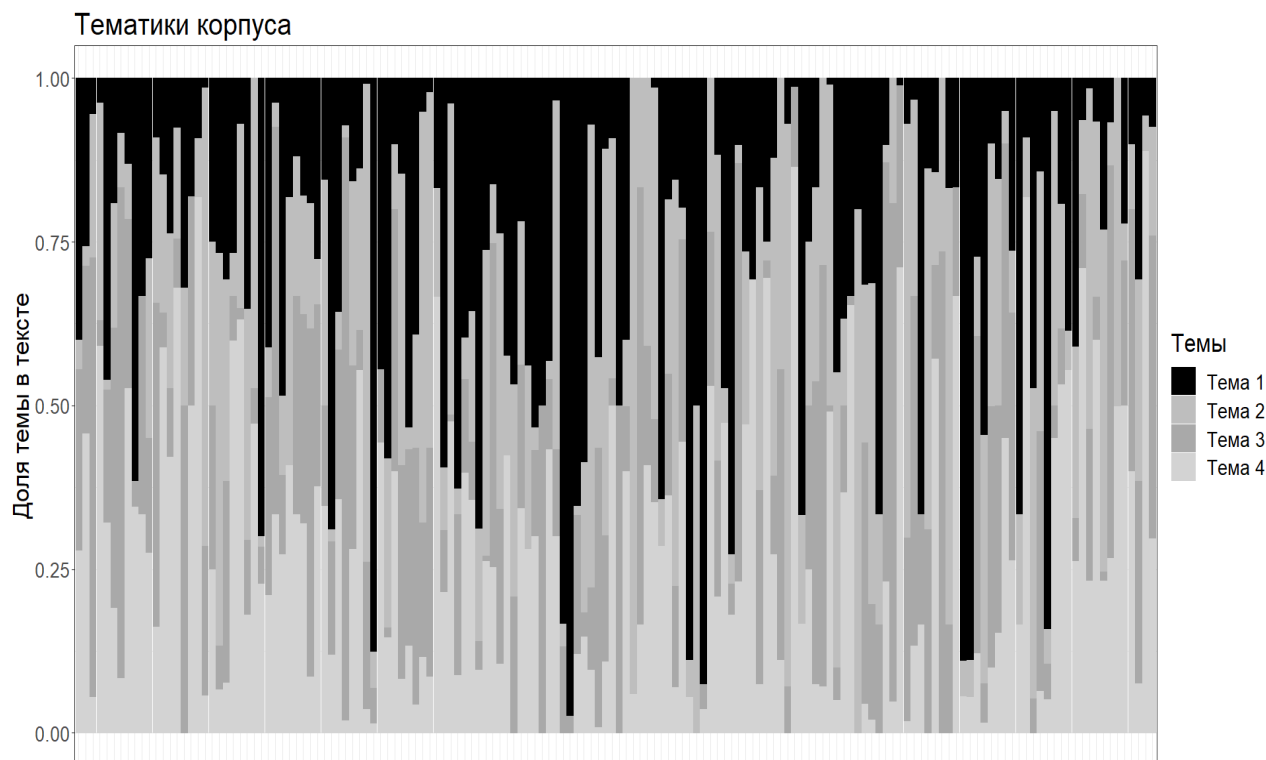

Рис. 3. Процент тематик в текстах корпуса *Nation Media Group*

Источник: составлено В.В. Виноградовым.

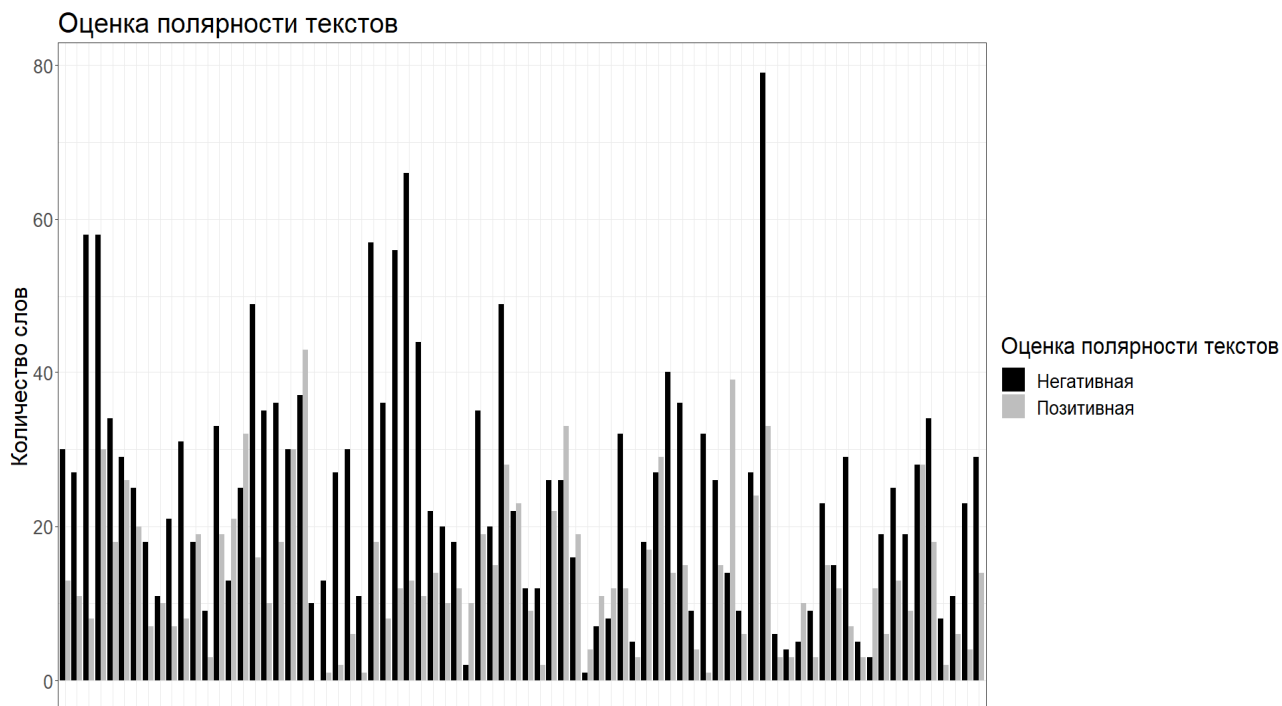

Рис. 4. Результаты sentiment-анализа новостей о России, опубликованные *Nation Media Group*
 Источник: составлено В.В. Виноградовым.

Заключение

В результате исследования изначальная гипотеза получила подтверждение. Сентимент-анализ корпуса статей *Nation Media Group*, принадлежащей АКДН, показал, что информационно-аналитическое освещение связанных с Россией материалов имеет однобокий характер и характеризуется негативной тональностью.

Позиция АКДН, таким образом, в настоящий момент во многом не совпадает с российской, организация совершает попытки противостоять расширению сферы интересов РФ в Восточной Африке, что выражается в повестке подконтрольных ей СМИ. Причины этого кроются в ориентации АКДН и лидера организации Ага-хана на страны Запада, а также в конфликте интересов России и АКДН в другом регионе мира — Центральной Азии. Мишенью становится самопозиционирование России на Африканском континенте, ее

стремление выстроить там позитивную повестку с упором на «мировое большинство». В материалах, публикуемых в изученных СМИ, Россия позиционируется как страна-агрессор, угроза сложившемуся мировому порядку и стабильности в регионе. Параллельно подчеркивается важность сплочения вокруг Украины, что демонстрирует доля контента, посвященного выявленной в рамках проведенного тематического моделирования Темы 4.

Поскольку организация является серьезным самостоятельным игроком в регионе Восточной Африки, в случае интенсификации усилий по налаживанию контактов и углубления сотрудничества с восточноафриканскими партнерами России необходимо учитывать фактор АКДН, ее социального капитала, приобретенного благодаря участию в проектах по развитию стран региона, а также ее колоссального медийного ресурса.

Поступила в редакцию / Received: 23.04.2024
 Доработана после рецензирования / Revised: 17.01.2025
 Принята к публикации / Accepted: 20.03.2025

Список литературы

- Алексеева А. В. Роль Организации развития Ага-Хана в постконфликтном восстановлении Таджикистана // Пути к миру и безопасности. 2018. № 1. С. 308–323. <https://doi.org/10.20542/2307-1494-2018-1-308-323>; EDN: XYDZDN
- Бахриев Б. Х., Боришполец К. П. «Мягкая сила» негосударственных акторов мировой политики: кейс Ага Хана IV и его институтов // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 481. С. 66–76. <https://doi.org/10.17223/15617793/481/8>; EDN: VWMKCA
- Плеханов С. Н. Раскрытая ладонь. Ага-Хан и его мюриды. Москва : Национальное обозрение, 2006. EDN: QUAPVR
- Свенцицкий А. Л., Почебут Л. Г., Килошенко М. И., Кузнецова И. В., Марарица Л. В., Казанцева Т. В. Социальный капитал и его формирование: социально-психологический подход // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2009. № 3–2. С. 140–149. EDN: MBVYZL
- Седова А. Г., Митрофанова О. А. Тематическое моделирование русскоязычных текстов с опорой на леммы и лексические конструкции // Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии. 2017. № 1. С. 132–144. <https://doi.org/10.17586/2541-9781-2017-1-132-144>; EDN: YWIOZU
- Филаретова Ю. С., Амие Б. Мягкая сила АКДН как угроза интересам России в Центральной Азии // Россия и новые государства Евразии. 2023. № 4. С. 175–184. <https://doi.org/10.20542/2073-4786-2023-4-175-184>; EDN: UBIXBL
- Хачатурян Н. Р. Ага-Хан III и независимость Индии (транснациональная община и мировая политика) // Вестник Института востоковедения РАН. 2022. № 2. С. 49–55. <https://doi.org/10.31696/2618-7302-2022-2-49-55>; EDN: NSHWT A
- A Modern History of the Ismailis: Continuity and Change in a Muslim Community / ed. by F. Daftary. London : I.B. Tauris, 2010.
- Arun R., Suresh V., Veni Madhavan C. E., Narasimha Murthy M. N. On Finding the Natural Number of Topics with Latent Dirichlet Allocation: Some Observations // Advances in Knowledge Discovery and Data Mining, Part I : 14th Pacific-Asia Conference, PAKDD 2010, Hyderabad, India, June 21–24, 2010, Proceedings / ed. by M. J. Zaki, J. X. Yu, B. Randivan, V. Pudi. Berlin, Heidelberg : Springer, 2010. P. 391–402. https://doi.org/10.1007/978-3-642-13657-3_43
- Blei D. M., Ng A. Y., Jordan M. I. Latent Dirichlet Allocation // Journal of Machine Learning Research. 2003. Vol. 3. P. 993–1022.
- Bolton C. Modernizing the Madrasa: Islamic Education, Development, and Tradition in Zanzibar // Islamic Scholarship in Africa : New Directions and Global Contexts / ed. by O. O. Kane. Rochester, NY : Boydell and Brewer, 2021. P. 239–260. <https://doi.org/10.1515/9781787446076-019>
- Cao J., Xia T., Li J., Zhang Y., Tang S. A Density-Based Method for Adaptive LDA Model Selection // Neurocomputing. 2009. Vol. 72, iss. 7–9. P. 1775–1781. <https://doi.org/10.1016/j.neucom.2008.06.011>
- Chande A. Muslim-State Relations in East Africa Under Conditions of Military and Civilian or One-party Dictatorships // Historia Actual Online. 2008. No. 17. P. 97–111.
- Deveaud R., SanJuan E., Bellot P. Accurate and Effective Latent Concept Modeling for ad hoc Information Retrieval // Document numérique. 2014. Vol. 17, no. 1. P. 61–84. URL: <https://stm.cairn.info/revue-document-numerique-2014-1-page-61?lang=en> (accessed: 12.12.2014).
- Dias C. Tanzanian Nationalizations: 1967–1970 // Cornell International Law Journal. 1970. Vol. 4, iss. 1. P. 59–79. URL: <https://scholarship.law.cornell.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=&httpsredir=1&article=1543&context=cilj> (accessed: 18.09.2024).
- Griffiths T. L., Steyvers M. Finding Scientific Topics // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2004. Vol. 101 (suppl 1). P. 5228–5235. <https://doi.org/10.1073/pnas.0307752101>
- Happer C., Philo G. The Role of the Media in the Construction of Public Belief and Social Change // Journal of Social and Political Psychology. 2013. Vol. 1, no. 1. P. 321–336. <https://doi.org/10.5964/jspp.v1i1.96>
- Hu M., Liu B. Mining Opinion Features in Customer Reviews // AAAI'04: Proceedings of the 19th National Conference on Artificial Intelligence / ed. by A. G. Cohn. San Jose, CA : AAAI Press, 2004. P. 755–760.
- Issaev L., Shishkina A., Liokumovich Y. Perceptions of Russia's 'Return' to Africa: Views from West Africa // South African Journal of International Affairs. 2022. Vol. 29, iss. 4. P. 425–444. <https://doi.org/10.1080/10220461.2022.2139289>; EDN: VGXTKC

- Karim K. H.* Muslim Migration, Institutional Development, and the Geographic Imagination: The Aga Khan Development Network's Global Transnationalism // *Transnational Europe : Promise, Paradox, Limits*. Palgrave Studies in European Union Politics / ed. by J. DeBardeleben, A. Hurrelmann. London : Palgrave Macmillan, 2011. P. 205–221. https://doi.org/10.1057/9780230306370_12
- Le Cour Grandmaison C.* Nizarite Ismailis in Kenya // *Indian Africa : Minorities of Indian-Pakistani Origin in Eastern Africa* / ed. by M. Adam. Dar es Salaam : Mkuki na Nyota Publishers, 2015. P. 207–243. <https://doi.org/10.2307/j.ctvh8r4m1.12>
- Liu B.* Sentiment Analysis : Mining Opinions, Sentiments, and Emotions. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 2020. <https://doi.org/10.1017/9781108639286>
- Medhat W., Hassan A., Korashy H.* Sentiment Analysis Algorithms and Applications: A Survey // *Ain Shams Engineering Journal*. 2014. Vol. 5, iss. 4. P. 1093–1113. <https://doi.org/10.1016/j.asej.2014.04.011>
- Mikheev A., Moens M., Grover C.* Named Entity Recognition Without Gazetteers // *Proceedings of the Ninth Conference on European Chapter of the Association for Computational Linguistics : 1999*, Bergen, Norway, June 08–12, 1999 / ed. by H. S. Thompson, A. Lascarides. New York : Association for Computing Machinery, 1999. P. 1–8. URL: <https://aclanthology.org/E99-1001.pdf> (accessed: 25.03.2024).
- Poor D. M.* Authority Without Territory : The Aga Khan Development Network and the Ismaili Imamate. New York : Palgrave Macmillan, 2014. <https://doi.org/10.1057/9781137428806>
- Rüther H., Rajan R. S.* Documenting African Sites: The Aluka Project // *Journal of the Society of Architectural Historians*. 2007. Vol. 66, no. 4. P. 437–443. <https://doi.org/10.1525/jsah.2007.66.4.437>
- Ruto-Korir R., Jepkemboi G., Boit R.* Sustainability of Early Childhood Education in Kenya: Where Are We at the Beginning of Sustainable Development Goals? // *Kenya Studies Review*. 2020. Vol. 8, no. 1. P. 42–55.
- Saraiva R.* Adaptive Peacebuilding in Mozambique: Examples of Localized International Non-Governmental Organizations (L-INGOs) in a Complex and Uncertain Environment // *Adaptive Peacebuilding : A New Approach to Sustaining Peace in the 21st Century* / ed. by C. de Coning, R. Saraiva, A. Muto. London : Palgrave Macmillan, 2023. P. 121–150. https://doi.org/10.1007/978-3-031-18219-8_5
- Shelar H., Kaur G., Heda N., Agrawal P.* Named Entity Recognition Approaches and Their Comparison for Custom NER Model // *Science & Technology Libraries*. 2020. Vol. 39, iss. 3. P. 324–337. <https://doi.org/10.1080/0194262X.2020.1759479>; EDN: ODKKXG
- Tejpar A.* The Migration of Indians to Eastern Africa: A Case Study of the Ismaili Community, 1866–1966 [MA thesis]. Orlando : University of Central Florida, 2019. URL: <https://stars.library.ucf.edu/etd/6324> (accessed: 25.03.2024).
- Walji S. R.* A History of the Ismaili Community in Tanzania [PhD thesis]. Madison : University of Wisconsin, 1974. EDN: FZWUHH
- Wen Y., Fan C., Chen G., Chen X., Chen M.* A Survey on Named Entity Recognition // *Communications, Signal Processing, and Systems*. CSPA 2019. Lecture Notes in Electrical Engineering, vol. 571 / ed. by Q. Liang, W. Wang, X. Liu, Z. Na, M. Jia, B. Zhang. Singapore : Springer, 2020. P. 1803–1810. https://doi.org/10.1007/978-981-13-9409-6_218

Сведения об авторах:

Никольская Майя Викторовна — руководитель программы Института международных исследований «Африка в фокусе российских интересов», МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 1011-2316; ORCID: 0000-0002-3160-112X; e-mail: nikolskaya.m.v@my.mgimo.ru

Виноградов Василий Валерьевич — преподаватель кафедры прикладного анализа международных проблем, МГИМО МИД России; eLibrary SPIN-код: 3506-7911; ORCID: 0000-0002-7458-1085; e-mail: v.vinogradov@inno.mgimo.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-284-295

EDN: OLCBSF

Научная статья / Research article

Украинский фактор в греко-российских отношениях: потерянные перспективы и стагнация

К.В. Власова¹ , **А.Л. Чекирда²** ¹Вятский государственный университет, Киров, Российская Федерация²Севастопольский государственный университет, Севастополь, Российская Федерация vlasovaksen@gmail.com

Аннотация. Греко-российские отношения имеют долгую историю, когда периоды тесного и плодотворного взаимодействия сменялись периодами затишья и даже противостояния. Между тем Греция имеет статус государства, зачастую играющего роль своеобразного диалогового моста между Западом и Россией. Нынешние глобальные изменения в мире, в том числе на политической арене, оказали кардинальное влияние на двусторонние греко-российские связи, поставив под вопрос их дальнейшее взаимовыгодное сотрудничество: причиной тому послужила международная дипломатическая изоляция Российской Федерации со стороны западных государств в связи с обострившимся в начале 2022 г. украинским конфликтом. Исследование направлено на решение следующих задач: проанализировать актуальные двусторонние связи Греции и России в контексте современного состояния международных отношений через призму украинского конфликта, определить роль Киева в дипломатических контактах Афин и Москвы, а также охарактеризовать позицию греческого руководства относительно специальной военной операции России на Украине. В то же время изучено общественное мнение рядовых граждан греческого государства по отношению к текущей политической деятельности Москвы с учетом дезинформационного процесса в западных и греческих СМИ. Основными методами исследования выбраны конкретно-исторический метод и кейс-стади. Авторами сделан вывод, что в условиях затяжного конфликта между евроатлантическим сообществом и Россией отношения Москвы с Афинами, которые, в свою очередь, заняли прозападную позицию, ухудшатся как на двустороннем, так и на межнациональном уровнях. Выдвинуто предположение о смене региональных приоритетов России: Грецию в качестве ключевого регионального партнера Москвы в Балканском регионе, Причерноморье и Средиземноморье вытеснил главный соперник Греции — Турция, чему в немалой степени способствовало охлаждение греко-российских отношений и занятая Афинами позиция относительно украинского конфликта. Также представлены предварительные выводы о последствиях реализации Грецией своего внешнеполитического курса в отношении России, а также о влиянии украинского конфликта на греко-российские взаимосвязи.

Ключевые слова: российско-греческие взаимоотношения, Россия, Греция, Украина, Турция, украинский конфликт

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Власова К.В.: концептуализация, разработка методологии исследования, научное руководство исследованием. Чекирда А.Л.: проведение исследования, написание и редактирование рукописи. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Для цитирования: Власова К. В., Чекирда А. Л. Украинский фактор в греко-российских отношениях: потерянные перспективы и стагнация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 284–295. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-284-295>

The Ukrainian Factor in Greek-Russian Relations: Lost Prospects and Stagnation

Ksenia V. Vlasova¹ , Anna L. Chekirda²

¹Vyatka State University, Kirov, Russian Federation

²Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation

vlasovaksen@gmail.com

Abstract. The history of Greek-Russian bilateral relations is characterized by periods of close and fruitful cooperation, interspersed with periods of calm and even confrontation. Meanwhile, Greece stands as a state, often carrying out a kind of a dialogue bridge between the West and Russia. The current global changes in the world, including in the political arena, have had a cardinal impact on Greek-Russian bilateral relations, questioning their further mutually beneficial cooperation: the reason for this was the international diplomatic isolation of the Russian Federation by Western states in the context of the Ukrainian conflict, which escalated in early 2022. The objectives of the research were to analyze the current bilateral ties between Greece and Russia in the context of the current state of international relations through the prism of the Ukrainian conflict, to determine the role of Kiev in the diplomatic relations between Athens and Moscow and to study the position of the Greek leadership towards Russia's special military operation in Ukraine. At the same time, the public opinion of ordinary citizens of the Greek state was studied in relation to the current political activities of Moscow, taking into account the disinformation process in the Western and Greek media. The main research methods chosen were the concrete historical method and the case study. The authors concluded that in the context of a protracted conflict between the Euro-Atlantic community and Russia, Moscow's relations with Athens, which, in turn, took a pro-Western position, will deteriorate both bilaterally and at the interethnic level. The authors also assumed a change in Russia's regional priorities: Greece, as Moscow's key regional partner in the Balkan region, the Black Sea region and the Mediterranean, was ousted by its main opponent, Türkiye, which was largely facilitated by the cooling of Greek-Russian relations and the position taken by Athens regarding the Ukrainian conflict. Preliminary conclusions are also presented on the consequences of the implemented Greece's current foreign policy towards Russia and the impact of the Ukrainian conflict on Greek-Russian relations.

Key words: Greek-Russian bilateral connections, Russia, Greece, Ukraine, Türkiye, the Ukrainian conflict

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Authors' contributions. K.V. Vlasova: conceptualization, development of research methodology, scientific guidance of research. A.L. Chekirda: conducting research, writing and editing the manuscript. All the authors have read the final version of the article and approved it.

For citation: Vlasova, K. V., & Chekirda, A. L. (2025). The Ukrainian factor in Greek-Russian relations: Lost prospects and stagnation. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(2), 284–295. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-284-295>

Введение

Окончание холодной войны и установившийся международный порядок определили дальнейший путь развития на мировой арене, главной характеристикой которого стала однополярность. Однако с течением времени стало ясно, что политика гегемона в лице США идет вразрез с интересами многих

суверенных государств (прежде всего Китая, России, Индии и др.). По мере укрепления международного веса России Москва осознала, что однополярный мир не может функционировать эффективно и вскоре наступит эпоха перемен, когда усилится стремление стран, несогласных с гегемонистской политикой США, установить многополярный и справедливый мир. Также шаг за шагом

приходило понимание, что полем будущего противостояния между государствами, недоброжелательными устоявшимся однополярным порядком, и государствами, которые заинтересованы в сохранении существующего статус-кво, в очередной раз станет Европа.

После начала не учитывающей российские интересы активной экспансии Североатлантического альянса (НАТО) и Европейского союза (ЕС) на постсоветском пространстве, когда региональные страны поставили себе цель войти в европейские и евроатлантические структуры, общеевропейская безопасность, по сути, была поставлена под вопрос. В итоге это вылилось в украинский конфликт, послуживший если не началом, то продолжением новой холодной войны, поскольку он связан с серьезными противоречиями не только между Киевом и Москвой, но и Россией и Западом, когда Украина стала площадкой противостояния. В то же время это оказывает существенное влияние и на отношения РФ с другими европейскими государствами: конфликт важен и для греко-российских взаимоотношений, так как нынешние события на Украине поставили если не точку, то многообразие в налаженном сотрудничестве между Афинами и Москвой.

Цель исследования — выявление влияния украинского конфликта на двусторонние греко-российские отношения с 2014 г., когда ситуация на Украине обострилась и началась фактическая эрозия украинской государственности.

Для достижения цели решались следующие задачи: рассмотрение греко-российских отношений в 2014–2023 гг., а также анализ влияния украинского фактора на двусторонние отношения между Грецией и Россией, поскольку он на текущий момент является определяющим во взаимоотношениях между коллективным Западом и Россией.

Объектом исследования выступают греко-российские отношения, предметом исследования — украинский фактор и его влияние на взаимоотношения между Афинами и Москвой.

Для рассмотрения греко-российских отношений использовался исторический анализ,

начиная с 2014 г., связанный с эскалацией украинского конфликта и растущей конфронтацией между западными государствами и Россией. Исследование опирается на конкретно-исторический метод и кейс-стади, которые позволили проследить развитие греко-российских отношений через призму украинского конфликта. Авторы основывались на внешнеполитических документах России, Греции и Украины, в частности на материалах, опубликованных Кремлем, национальными правительствами и МИД, а также публикациях греческой и русской диаспор. Использовались материалы различных СМИ, национальных статистических и социологических служб.

Проанализированная литература свидетельствует о том, что российские авторы (Kuznetsov et al., 2017; Квашнин, 2021; Россия — Турция — Греция..., 2021; Александрова, 2022; Борьба за Восточное Средиземноморье..., 2022) фактически не уделяли внимания украинскому фактору в отношениях между Грецией и Россией, делая упор на общем взаимодействии сторон. В свою очередь греческие исследователи при анализе политики Греции на российском направлении акцентировали внимание на украинском конфликте¹ и его влиянии на российско-греческие связи (Dimopoulos, 2015; Stergiou, 2018; Skarpa, Simoglou & Garoufallou, 2023; Manoli, 2024). Краткий обзор источников и литературы позволяет прийти к заключению, что выбранная тема актуальна, а без рассмотрения украинского фактора анализ актуальных греко-российских отношений будет неполным.

Взаимодействие между Грецией и Россией до эскалации украинского конфликта было весьма продуктивным. Начиная с 1990-х гг. развитие отношений между ними основывались на стремлении греков сыграть посредническую роль между Москвой и Западом в процессе мирного урегулирования

¹ Carras I. Ukraine and the Ukrainian Crisis as Viewed from Greece // *Ukraine Analytical Digest*. 2016. Vol. 7, no. 15. P. 1–10. URL: https://www.academia.edu/27899958/Ukraine_and_the_Ukrainian_Crisis_as_Viewed_from_Greece (accessed: 01.12.2023).

региональных конфликтов (включая Кипр, Балканы, Южный Кавказ) и решении вопросов общеевропейской безопасности. Свидетельством общего видения международных проблем в 2000-е гг. и желания решать возникающие сложности служит «Совместный план действий на 2005–2006 гг.», ставший основой для объединенной координации по ряду острейших проблем. Этот же период отличает достижение высоких показателей сотрудничества в области экономики, энергетики, торговли и гуманитарной сфере. По данным статистики, в 2008 г. показатели взаимного товарооборота достигли рекордных значений, составив около 5 млрд долл. США (для сравнения: в 1995 г. около 404 млн, в 2007 г. — 3,7 млрд)².

Однако вопреки немалым достижениям стала очевидной и стагнация, которая осознавалась обеими сторонами как «долгосрочная тенденция, связанная с достаточно серьезным расхождением двух стран по целому ряду принципиальных вопросов» (Квашнин, 2021, с. 101). В этом ряду первое место занимает ситуация на Украине, сложившаяся в результате Оранжевой революции 2004 г. (Работяжев, Соловьев, 2017).

Официальная реакция Москвы на события 2004 г. была достаточно сдержанной: отмечалось, что, несмотря на интерес Украины к ЕС и НАТО, следует учитывать и интересы РФ в сфере безопасности. Частичная или полная интеграция Киева в западные структуры означала постепенное продвижение НАТО к российским границам и появление угроз национальной безопасности России.

Что касается Греции, то для нее до 2014 г. Украина была, по сути, «второстепенным вопросом внешней политики»³, так как в 2004 г. главным внешнеполитическим приоритетом была реализация «мегарасширения

ЕС» и получение первых результатов интеграции. В то же время, по данным национальной переписи 2001 г., на Украине проживало около 100 тыс. этнических греков, которые в культурном контексте являются «частью воспринимаемого соседства и играют определенную роль в коллективных представлениях о прошлом Греции» (Dimopoulos, 2015, p. 2).

По сути, в первом десятилетии XXI в. украинский кейс не оказывал негативного влияния на двусторонние отношения между Россией и Грецией. Обе стороны выстраивали взаимоотношения не только на общем культурном и историческом фундаменте, но и на прагматической основе, когда проявлялся обоюдный интерес в развитии двустороннего диалога во многих областях сотрудничества.

2014 — февраль 2022 г.

Внутренняя обстановка на Украине продолжала обостряться. Когда В.Ф. Янукович объявил о приостановке подписания документов об ассоциации Украины с ЕС⁴, начались протесты, вылившиеся в Евромайдан. В результате переворота президент был отстранен от власти, Крым вошел в состав России, а также была провозглашена независимость от Киева Донецкой и Луганской народных республик (Sotiriou, 2016).

Анализируя реакцию Греции на украинские события 2013–2014 гг., следует отметить, что изначально вице-премьер и министр иностранных дел Э. Венизелос выразил обеспокоенность ситуацией, призывая воздерживаться от применения силы и вернуться за стол переговоров. Однако дальнейшие события и особенно «Крымская весна» Афинами были восприняты крайне негативно: Греция настаивала на неукоснительном соблюдении международного права и территориальной целостности Украины⁵. Для Афин данные

² Στατιστική Ελετηρίδα της Ελλάδος 2009 & 2010 // ΕΛΣΤΑΤ [Статистический ежегодник Греции 2009–2010 // ЭЛСТАТ]. 2012. (На греческом языке). URL: http://dlib.statistics.gr/Book/GRESYE_01_0002_00061.pdf (accessed: 01.12.2023).

³ Carras I. Ukraine and the Ukrainian Crisis as Viewed from Greece // *Ukraine Analytical Digest*. 2016. Vol. 7, no. 15. P. 2. URL: https://www.academia.edu/27899958/Ukraine_and_the_Ukrainian_Crisis_as_Viewed_from_Greece (accessed: 01.12.2023).

⁴ ENP Country Progress Report 2013 — Ukraine // European Commission. March 27, 2014. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/fr/memo_14_234 (accessed: 01.12.2023).

⁵ Δήλωση Αντιπρόεδρου της Κυβέρνησης και ΥΠΕΞ Ευ. Βενιζέλου μετά τη συνάντησή του με τον προσωρινό Πρόεδρο της Ουκρανίας και με τον Υπουργό Εξωτερικών (Κίεβο, 02.03.14) // Υπουργείο Εξωτερικών [Заявление

события важны в контексте до сих пор не разрешенных проблем вокруг Кипра и противостояния в Эгейском море с Турцией. Э. Венизелос также подчеркивал, что на фоне санкционной политики против Москвы и обострения кризиса Россия должна оставаться в рамках международного сообщества и правопорядка, настаивая на необходимости прекращения контактов с РФ в рамках Совета Россия — НАТО, но выражая желание сохранить политические и дипломатические каналы открытыми⁶.

С позицией МИД была согласна оппозиционная партия «Новая демократия», возглавляемая тогда А. Самарасом, который заявил о необходимости полноценного и содержательного диалога для разрешения конфликта и доказательств ЕС своей посреднической роли в процессе урегулирования⁷.

В то же время представители «Коалиции радикальных левых» (СИРИЗА) выражали прямо противоположное мнение: глава внешнеполитического ведомства партии Н. Валавани заметила, что причиной кризиса стало систематическое принижение Западом значимости интересов безопасности РФ, а политика

правительства Греции, ориентирующегося на страны ЕС, «не отвечает интересам греческого народа»⁸.

Подобная двойственная позиция свидетельствует о том, что греческие политики и экспертные круги были склонны к пониманию российской позиции. Первоначально Греция неохотно принимала сторону более крупных государств ЕС, активно лоббируя отмену санкций и возобновление прагматичного диалога с Москвой (Koval, 2017, p. 134). Это связано с тем, что Греция как крупный поставщик сельскохозяйственной продукции на российский рынок ощущала на себе негативные последствия санкционной войны. Не желая нести экономические убытки, в 2015 г. Афины напрямую обратились к Москве с просьбой сделать для страны исключение, отменив продовольственное эмбарго на ввоз некоторых сельхозпродуктов⁹. Это диктовалось здоровым прагматизмом: налаженный конструктивный диалог был крайне выгоден греческой стороне: согласно статистике, в 2014 г. Россия вышла на первое место среди стран-импортеров продукции из Греции, а суммарный оборот двух стран составил 3,5 млрд долл. США¹⁰.

Известный эксперт Ф. Докос, занимавший тогда пост генерального директора Греческого фонда европейской и внешней политики (ΕΛΙΑΜΕΠ), подчеркивал, что Россия и западные государства должны искать компромиссные решения по поводу Украины. Самый приемлемый сценарий развития событий, по его мнению, заключался в одновременном продвижении отношений Украины с ЕС и ЕАЭС. Он также отмечал, что «Украине

вице-премьера, министра иностранных дел Э. Венизелоса после встречи с ВРИО президента Украины и министром иностранных дел (Киев, 2 марта 2014 г.) // Министерство иностранных дел]. 02.03.2014. (На греческом языке). URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/proto-thema/delose-antiproedrou-tes-kuberneses-kai-upeks-eu-benizelou-meta-te-sunantese-tou-me-ton-prosorino-proedro-tes-oukranias-kai-me-ton-upourgo-exoterikon-kiebo-020314.html> (accessed: 01.12.2023).

⁶ Ομιλία Αντιπροέδρου της Κυβέρνησης και ΥΠΕΞ Ευ. Βενιζέλου σε Διακοινοβουλευτική Διάσκεψη για ΚΕΠΠΑ/ΚΠΑΑν // Υπουργείο Εξωτερικών [Выступление заместителя Председателя Правительства, министра иностранных дел Э. Венизелоса на Межпарламентской Ассамблее по ОВПБ/ОВПБв // Министерство иностранных дел]. 03.04.2014. (На греческом языке). URL: <https://www.mfa.gr/epikairota/proto-thema/omilia-antiproedrou-tes-kuberneses-kai-upeks-eu-benizelou-se-diakoinoubouleutike-diaskepse-gia-keppakpaa.html> (accessed: 01.12.2023).

⁷ Διάλογο για αποκλιμάκωση της έντασης στην Ουκρανία ζήτησε ο Σαμαράς [Самарас призывает к диалогу для деэскалации напряженности на Украине] // Voira.GR. 06.03.2014. (На греческом языке). URL: <https://www.voria.gr/article/dialogo-gia-apoklimakosi-tis-entasis-stin-oukrania-zitise-o-samaras> (accessed: 01.12.2023).

⁸ Ο ΣΥΡΙΖΑ, η ΕΕ και η Ουκρανία // Ριζοσπάστης [СИРИЗА, ЕС и Украина // Радикальный]. 30.04.2014. (На греческом языке). URL: <https://www.rizospastis.gr/story.do?id=7929587> (accessed: 01.12.2023).

⁹ Προς εξαίρεση από το ρωσικό εμπάργκο φρούτων, πορτοκάλια και ροδάκινα // Τα Νέα [Клубника, апельсины и персики будут освобождены от российского эмбарго // Новости]. 27.02.2015. (На греческом языке). URL: <https://www.tanea.gr/2015/02/27/economy/pros-eksairesi-apo-to-rwsiko-empargko-fraoules-portokalia-kai-rodakina/> (accessed: 01.12.2023).

¹⁰ UN Comtrade Database. URL: <https://comtradeplus.un.org/> (accessed: 01.12.2023).

предстоит непростой путь... Ситуация требует благоразумия от всех»¹¹.

В свою очередь координатор Центра по изучению России, Евразии и Юго-Восточной Европы (CE.RE.ES) Д. Димопулос отметил, что политика РФ и нынешние события на Украине «не должны никого удивлять... Россия действовала с единственной целью защиты своих национальных интересов и сохранения своей безопасности» (Dimopoulos, 2015).

За политическое разрешение украинского конфликта выступали и представители этнических греков, проживающих в России и заинтересованных в обоюдно выгодном взаимодействии. И.И. Саввиди, владелец холдинга «Агроком», понимая, что санкционная война бьет по экономическим интересам обычных граждан, обратился в открытом письме к президенту РФ. Предприниматель отметил, что греческий народ абсолютно убежден в недопустимости поддержки стратегии холодной войны. От имени представителей русскоязычного населения Греции и греков-репатриантов из стран бывшего СССР Саввиди просил пересмотреть санкционный список России в отношении Греции в качестве исключения¹².

Понимание греками российской позиции подтверждали и соцопросы: на фоне возрастающей волны глобальной русофобии «большинство (62 %) высказывалось против введения санкций в отношении России»¹³.

Особенно благожелательным отношение Греции к России стало в 2015 г., когда

¹¹ Αποψη: Δύσκολη η επόμενη ημέρα // Η Καθημερινή [Мнение: следующий день будет трудным // Катимерини]. 01.03.2014. (На греческом языке). URL: <https://www.kathimerini.gr/world/756294/apopsi-dyskoli-i-epomeni-imera/> (accessed: 01.12.2023).

¹² Онойко П. Д. Обращение Ивана Саввиди к Владимиру Путину с просьбой исключить Грецию из санкционного списка // Афинские новости. 18.08.2014. URL: <https://rua.gr/news/gospol/12464-obrashchenie-ivana-savvidi-k-vladimiru-putinu-s-prosboj-isklyuchit-gretyu-iz-sanktsionnogo-spiska.html> (дата обращения: 01.12.2023).

¹³ Ray J., Esipova N. Russians, EU Residents See Sanctions Hurting Their Economies // Gallup. April 28, 2016. URL: <https://news.gallup.com/poll/191141/russians-residents-sanctions-hurting-economies.aspx> (accessed: 01.12.2023).

к власти пришло коалиционное правительство СИРИЗА — «Независимые греки» (АНЭЛ). Следующие пять лет, когда во главе страны находился премьер-министр А. Ципрас, можно назвать своеобразным расцветом в двусторонних греко-российских отношениях. В течение этих лет были достигнуты важные договоренности об углублении сотрудничества и организации перекрестного года культуры в 2016 г., что свидетельствует о стремлении двух государств «налаживать конструктивный диалог и развивать в дальнейшем выгодные взаимоотношения на паритетной основе» (Kuznetsov et al., 2017, p. 24).

Заметную пророссийскую позицию занимал младший партнер по коалиции, лидер АНЭЛ П. Камменос, который рассматривал Москву как альтернативу Брюсселю в финансовом плане, призывая занять деньги у России по более выгодным процентным ставкам с целью погашения кредитных обязательств Греции (Petsinis, 2016, p. 285). Напомним, что Международный валютный фонд, Всемирный банк и Европейский центральный банк предоставили Афинам долгосрочные кредиты в сложнейшей экономической ситуации 2009–2012 гг., когда страна фактически оказалась на грани дефолта и выхода из ЕС (так называемого «грекзита») (Александрова, 2022).

В то же время премьер А. Ципрас демонстрировал понимание российской позиции относительно Украины. В частности, по результатам своего государственного визита в РФ в 2016 г. он выразил поддержку в деле сохранения мира, который достигим только в рамках Минских соглашений, и подчеркнул заинтересованность его страны в обеспечении мира, учитывая фактор украинских граждан греческого происхождения (Kalantzi & Lapshyna, 2020). Он также отметил, что Афины хотят сыграть роль посредника между Москвой и Западом¹⁴.

Следовательно, в середине 2010-х гг. взгляды России и Греции по большинству

¹⁴ Совместная пресс-конференция с Премьер-министром Греции Алексисом Ципрасом // Президент России. 27.05.2016. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52024> (дата обращения: 01.12.2023).

рассматриваемых проблем были созвучны. Однако их позиции по ряду существенных вопросов, касающихся в первую очередь сферы региональной безопасности и энергетики, стали постепенно расходиться.

Следует упомянуть дипломатический скандал 2018 г. относительно македонского вопроса, когда во время очередного раунда греко-македонских переговоров Греция обвинила Россию во вмешательстве в свои внутренние дела. Афины увидели в действиях российских дипломатов попытку сорвать заключение Преспанского соглашения, поскольку Москва якобы была заинтересована в провале переговоров: в случае срыва договоренностей очередное расширение НАТО за счет Скопье могло остаться на бумаге. Однако скандал, апогеем которого стала обоюдная высылка дипломатов, довольно быстро сошел на нет.

Не следует забывать и о накопившихся разочарованиях в энергетике. Из-за оказываемого США давления на ЕС и Болгарию такие совместные с Россией энергетические проекты, как нефтепровод «Бургас — Александруполис» и газопровод «Южный поток», провалились. Эти проекты должны были укрепить энергетическую безопасность Греции, превратить ее в крупнейший хаб Южной и Юго-Восточной Европы (Stergiou, 2018). Вместо этого «Южный поток» был переформатирован в «Турецкий», где место Греции занял ее главный региональный соперник в лице Турции. В результате Афинам пришлось сосредоточиться на альтернативных российским проектах (Трансадриатический, Трансатоллийский и Восточно-средиземноморский трубопроводы, «Интерконнектер Греция — Болгария») (Бенашвили, 2020; Власова, 2024).

В 2019 г. премьер-министром Греции стал К. Мицотакис — убежденный сторонник европейского и евроатлантического курса. В течение 2019–2022 гг. контакты между Афинами и Москвой были нерегулярными, но достаточно продуктивными. Так, в марте 2021 г. премьер-министр России М.В. Мишустин был приглашен на празднование 200-летия Греческой национально-освободительной революции, и тогда стороны подтвердили

«приверженность обоюдному взаимовыгодному сотрудничеству»¹⁵.

В декабре 2021 г. состоялся визит К. Мицотакиса в Россию. В Сочи был подписан ряд важных соглашений, а также был утвержден очередной комплексный план совместных действий до 2024 г. По итогам переговоров В.В. Путин выразил уверенность, что «Греция продолжит выступать за сбалансированную позицию по вопросам, касающимся взаимодействия России и стран ЕС»¹⁶. В то же время К. Мицотакис подтвердил, что «Россия играет важную роль в архитектуре европейской безопасности»¹⁷.

Таким образом, несмотря на накопившиеся противоречия, наблюдалось понимание российской стороны в украинском вопросе со стороны Афин. В то же время вопреки мощному давлению Брюсселя и Вашингтона Греция пыталась следовать своим национальным интересам, умело лавируя между позицией ЕС и мнением греческого народа, который от разрыва экономических и политических связей с государством, с которым имеются укоренившиеся экономические, исторические, культурные и религиозные связи, больше потеряет, чем приобретет. Однако подобная прагматичная политическая линия закончилась в феврале 2022 г., когда украинский вопрос для России стал все больше обостряться и Москва приняла непростое решение начать специальную военную операцию (СВО).

Период СВО

На фоне безуспешного диалога России с Украиной, которая неоднократно нарушала

¹⁵ Михаил Мишустин провёл переговоры с Премьер-министром Греции Кириакосом Мицотакисом // Правительство России. 24.03.2021. URL: <http://government.ru/news/41803/> (дата обращения: 01.12.2023).

¹⁶ Совместная пресс-конференция с Премьер-министром Греции Кириакосом Мицотакисом // Президент России. 08.12.2021. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67320> (дата обращения: 01.12.2023).

¹⁷ Tzogopoulos G. What Is Next for Russia and Greece? // Russian International Affairs Council. January 14, 2022. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/what-is-next-for-russia-and-greece/> (accessed: 01.12.2023).

Минские договоренности, и провальных переговоров между Москвой и Вашингтоном по поводу внеблокового статуса Украины Россия была вынуждена начать СВО 24 февраля 2022 г. Это привело к резкому изменению международной обстановки, и связи России со многими государствами Запада фактически сошли на нет. Не стала исключением и Греция.

МИД Греции подчеркнул, что Афины имеют определенные обязательства перед ЕС и НАТО и в дальнейшем относительно Украины намерены «консультироваться и координировать свои действия с европейскими союзниками»¹⁸.

Подобная позиция нашла отражение в активной поддержке Киева (Manoli, 2024). Правительство К. Мицотакиса стало энергично участвовать в поставках различных вооружений на Украину: известно, что Греция к октябрю 2023 г. потратила на эти цели 190 млн евро, войдя в топ-20 стран-доноров Украины¹⁹. В августе 2023 г. в СМИ просочилась информация, что Афины якобы отправят Киеву системы противовоздушной обороны (ПВО) российского производства, которые Греция, несмотря на членство в НАТО, закупала у России до 2014 г.²⁰ К. Мицотакис

наряду с другими западными лидерами также обязался совместно обучать украинских летчиков овладению навыками управления американскими самолетами F-16²¹.

Глава МИД Греции Н. Дендиас неоднократно заявлял в ходе визитов на Украину, что Афины помогут в восстановлении исторического центра Одессы как дань уважения важному в историческом и культурном плане городу, с которого началась национально-освободительная борьба греков за свою независимость²².

Судя по заявлениям официальных лиц и проводимой Грецией линии на безоговорочную поддержку Украины в конфликте, нынешнее греческое правительство беспрекословно придерживается политического курса, диктуемого Вашингтоном и Брюсселем и заключающегося в накачивании оружием Киева с целью общего ослабления России.

Однако среди греческого истеблишмента не все согласны с официальной позицией. Так, А. Ципрас, возглавлявший главную оппозиционную партию СИРИЗА, назвал апрельское видеовыступление в парламенте Греции украинского президента В.А. Зеленского вместе с боевиками полка «Азов»²³,

языке). URL: <https://www.pronews.gr/amyna-asfaleia/ypetha/ektakto-anakoinosan-me-diarroi-eggrafou-apo-tin-vouli-tin-aposyrsi-ton-rosikon-systimaton-shorads-tor-m1-kai-osa-akm/> (accessed: 01.12.2023).

²¹ Zelenskiy / Official // Telegram. August 21, 2023. URL: https://t.me/V_Zelenskiy_official/7478 (accessed: 01.12.2023).

²² Δήλωση Υπουργού Εξωτερικών Νίκου Δένδια κατά τη συνάντησή του με Αντιπρόεδρο της κυβέρνησης της Ουκρανίας για την Ευρωπαϊκή και την Ευρω-ατλαντική Ολοκλήρωση, Olga Stefanishyna (Οδησός, 03.04.2022) // Υπουργείο Εξωτερικών [Заявление министра иностранных дел Никоса Дендиаса во время встречи с вице-премьер-министром Украины по вопросам европейской и евроатлантической интеграции Ольгой Стефанишиной (Одесса, 03.04.2022) // Министерство иностранных дел]. 03.04.2022. (На греческом языке). URL: <https://www.mfa.gr/epikairoti/ta-thema/delose-upourgou-exoterikon-nikou-dendia-kata-te-sunantese-tou-me-antiproedro-tes-kuberneses-tes-oukranias-gia-ten-europaik-kai-ten-euro-atlantike-oloklerose-olga-stefanishyna-odessos-03042022.html> (accessed: 01.12.2023).

²³ Здесь и далее упоминается организация, включенная в Единый федеральный список организаций, в том числе иностранных и международных организа-

¹⁸ Ανακοίνωση του Υπουργείου Εξωτερικών για την αναγνώριση από τη Ρωσία της παράνομης και μονομερούς ανακήρυξης «ανεξαρτησίας» των αποσχιστικών εδαφών του Ντονέτσκ και του Λουχάνσκ της Ουκρανίας // Ελληνική Κυβέρνηση [Заявление МИД о признании Россией незаконного и одностороннего провозглашения «независимости» сепаратистских территорий Донецкой и Луганской областей Украины // Правительство Греции]. 25.12.2023. (На греческом языке). URL: <https://government.gov.gr/anakinosi-tou-ipourgiou-exoterikon-gia-tin-anagnorisi-apo-ti-rosia-tis-paranomiske-monomerous-anakirixis-anexartisi-ton-aposchistikonedafon-tou-ntonetsk-ke-tou-louchansk-tis-oukranias/> (accessed: 01.12.2023).

¹⁹ Ukraine Support Tracker Data // The Kiel Institute for the World Economy. October 2023. URL: <https://www.ifw-kiel.de/publications/ukraine-support-tracker-data-20758/> (accessed: 01.12.2023).

²⁰ «Ανακοίνωσαν» με διαρροή (;) εγγράφου από την Βουλή την απόσυρση των ρωσικών α/α συστημάτων Tor-M1 και OSA-AKM! [Они «объявили» посредством просочившегося (?) документа правительства о выводе из эксплуатации российских ЗРК TOR-M1 и OSA-AKM!] // Pronews. 24.08.2023. (На греческом

украинцами греческого происхождения, «фиаско со стороны правительства», подчеркнув, что «неонацисты не могут выступать в парламенте страны, которая в свое время отчаянно боролась с нацизмом»²⁴.

По данным соцопросов, 66 % греческих респондентов не поддерживают позицию своего государства относительно поставок вооружения на Украину²⁵. Усиливают подобные настроения резкое повышение цен на энергоносители и общее ухудшение внутренней ситуации в стране: согласно статистике, в сентябре 2022 г., в пик поддержки Киева со стороны Запада, уровень инфляции составил рекордные 12 % (в начале года — 1,12 %) ²⁶. Все это привело к массовым митингам и общенациональной забастовке (10 ноября 2022 г.), на которых протестующие потребовали улучшения экономической ситуации, выступая против дальнейшего вовлечения Греции в украинский конфликт²⁷.

Представители диаспоры также ратуют за налаживание конструктивного диалога. Так, председатель партии «Всегреческое движение греко-российской дружбы» И. Коцаилидис подчеркнул, что нынешняя

политика Греции в отношении России «не выражает мнение подавляющего большинства греческого народа, желающего продолжения хороших и конструктивных отношений между нашими странами на основе уважения принципов международного права»²⁸.

Различные эксперты также отмечают наличие среди греческого населения традиционно сильных русофильских и антиамериканских настроений: большинство респондентов считают РФ одним из своих необходимых союзников, в то время как США воспринимают как мирового гегемона, который проводил за последние десятилетия лишь провальную внешнюю политику (Власова, Отарашвили, 2021; Paschalidis & Siakas, 2022; Свистунова, Квашнин, 2024). Однако в силу мощнейшего влияния в Греции европейского и американского мейнстрима сегодня «основы публичной русофилии в греческом обществе кажутся более слабыми» (Petsinis, 2016, p. 295).

Немалую роль в этих процессах сыграли и национальные СМИ, в основе работы которых, по сути, лежит дезинформация. В русле общих западных тенденций конфликт на Украине в греческом медийном пространстве освещается в одностороннем порядке — в основном в пользу украинских властей. Наблюдается засилье недостоверной информации: преуменьшаются или не освещаются вовсе военные успехи России, а активность Украины многократно преувеличивается. Становится очевидным, что население Греции не имеет возможности адекватно оценить происходящие события, трактуящиеся только с выгодной мейнстриму стороны (Paranikos, 2022). Тем не менее большинство греков (75 %) частично или полностью согласно с тем, что полученная ими «информация об украинском конфликте является недостоверной» (Skarpa, Simoglou & Garoufallou, 2023).

В сложившейся ситуации, связанной с ухудшением внутренней ситуации, Греции,

ций, признанных в соответствии с законодательством Российской Федерации террористическими.

²⁴ Αλ. Τσίπρας: Μεγάλο απόπημα από την πλευρά Ζελένσκι και φιάσκο από την πλευρά της κυβέρνησης [Алексис Ципрас: Большая ошибка Зеленского и фиаско правительства] // The President. 08.04.2022. (На греческом языке). URL: <https://www.thepresident.gr/2022/04/08/al-tsipras-megalo-atopima-apo-tin-pleyra-zelenski-kai-fiasko-apo-tin-pleyra-tis-kyvernisis/> (accessed: 01.12.2023).

²⁵ Δημοσκόπηση: Τι πιστεύουν οι Έλληνες για τον πόλεμο και τη Ρωσία – Τι λένε για την αποστολή όπλων [Опрос: что думают греки о войне и России — Что они говорят о поставках оружия] // MEGA. 24.03.2022. (На греческом языке). URL: <https://www.megatv.com/2022/03/24/dimoskopisi-ti-pisteyoun-oi-ellines-gia-ton-polemo-kai-ti-rosia-ti-lene-gia-tin-apostoli-oplon/> (accessed: 01.12.2023).

²⁶ Inflation Greece 2022 // Inflation.EU. Worldwide Inflation Data. URL: <https://www.inflation.eu/en/inflation-rates/greece/historic-inflation/cpi-inflation-greece-2022.aspx> (accessed: 01.12.2023).

²⁷ В Афинах проходят многотысячные митинги в день всеобщей забастовки // РИА Новости. 09.11.2022. URL: <https://ria.ru/20221109/mitingi-1830207925.html?ysclid=ma14g2meze159061590> (дата обращения: 01.12.2023).

²⁸ Открытое письмо Президенту Российской Федерации // Πανελλήνιο κίνημα ελληνорωσικής φιλίας [Всегреческое движение греко-российской дружбы]. 30.07.2022. URL: <https://pakief.gr/ru/category/press-relizy/> (дата обращения: 01.12.2023).

нуждающейся в российских энергоносителях, пришлось пойти на некоторые отступления от избранного курса: Афины были вынуждены рассчитываться за газ в рублях. Вместе с тем приходится признать, что Греция не может отойти от следования в фарватере общей политики США и ЕС, поскольку это грозит в лучшем случае немедленными рестрикциями, а в худшем — исключением страны из состава ЕС и НАТО. Вследствие изначальной позиции осуждения Москвы совершенный в ноябре 2022 г. визит президента Греции К. Сакелларопулу на Украину тому подтверждение: по ее словам, Греция «никогда не признает незаконную аннексию территорий Украины, которую пытается навязать Россия»²⁹.

Однако в обстановке, когда Запад добровольно отгородился от РФ, а Восток, наоборот, стал значительно ближе, Москве представилась уникальная возможность наладить отношения с другим государством, играющим заметную роль на Балканах, в Причерноморье и Средиземноморье, — Турцией, главным соперником Греции. В качестве доказательства крепнущего российско-турецкого сотрудничества, которому невольно поспособствовала греческая сторона, рассматривающая в то же время подобное сближение как вызов собственной безопасности, упомянем лишь несколько фактов.

Сложились две региональные группы государств, реализующих различные, явно конкурирующие инициативы. С одной стороны, это Израиль, Греция и Кипр, за которыми стоят США и ЕС, с другой — Турция, Россия и Сербия, которые заинтересованы в самостоятельности (Борьба за Восточное Средиземноморье..., 2022, с. 72–85; Kontos & Georgiou, 2023). Здесь важны усилия России по формированию турецкого энергетического хаба (Аватков, Сбитнева, 2023), хотя еще в

середине 2000-х гг. Россия видела в этой роли Грецию.

Вопреки мощному давлению со стороны США продолжает развиваться российско-турецкое военное сотрудничество: важнейшим успехом стала поставка Анкаре ЗРС С-400 «Триумф»³⁰. Примечательно, что сегодня Турция — единственная страна НАТО, закупающая вооружение у России (до 2014 г. таковой была Греция).

Ощутимый удар по греко-российским отношениям оказала ситуация вокруг Собора Святой Софии в Стамбуле, символа православной веры и борьбы греков за независимость от турецкого господства, когда президент Р.Т. Эрдоган в 2020 г. решил вновь открыть в нем мечеть. Негативная реакция Греции была вполне ожидаема, и Афины стали искать поддержку единой России. Однако последняя решила занять нейтральную позицию, что было воспринято греками как молчаливое одобрение русскими действий турок (Россия — Турция — Греция..., 2021, с. 166). В свою очередь Константинопольский патриархат, относящийся к «греческому блоку» внутри мирового православия, в 2019 г. предоставил статус автокефалии православной церкви Украины, что не поддерживается Русской православной церковью (Мудров, 2022).

Не следует забывать и о добрососедской взаимовыручке: именно Россия оказала Турции решающую помощь по борьбе с мощнейшими пожарами и землетрясениями 2023 г., в то время как Греция впервые за несколько десятилетий оказалась без российской поддержки в тушении ежегодных катастрофических пожаров.

В контексте рассматриваемого украинского конфликта подчеркнем важную посредническую роль Турции (Шумилин, 2023), предоставившей в 2022 г. Стамбул в качестве

²⁹ ΠτΔ: Αμέριστη η υποστήριξη και συμπαράσταση της Ελλάδας προς τον ουκρανικό λαό [Президент: непоколебимая поддержка и солидарность Греции с украинским народом] // ΑΠΕ-ΜΠΕ. 03.11.2022. (На греческом языке). URL: <https://www.amna.gr/home/article/685758/PtD-Ameristi-i-upostirixi-kai-sumparastasi-tis-Elladas-pros-ton-oukraniko-lao-> (accessed: 01.12.2023).

³⁰ Cumhurbaşkanlığı Sözcüsü Kalın: “S-400’ler Türkiye’nin savunma ihtiyaçlarını karşılamak için alınmaktadır” // Türkiye Cumhuriyeti Cumhurbaşkanlığı. 04.07.2019. URL: <https://www.tccb.gov.tr/haberler/410/106934/cumhurbaskanligi-sozcusu-kalin-s-400-ler-turkiye-nin-savunma-htiyaclarini-karsilamak-icin-alinmaktadir-> (accessed: 01.12.2023).

площадки для сорванных Великобританией российско-украинских переговоров, а также организацию безопасных морских коридоров для украинских сельскохозяйственных грузов (Ay & Söylemez, 2023).

Заключение

Ввиду недружественных действий в отношении России, навязанных США и ЕС, и фактической утраты Грецией своего статуса посредника между странами Запада и Россией в истории греко-российского многолетнего плодотворного взаимодействия наступил беспрецедентный случай, когда налаженные за века контакты оказались замороженными, а двусторонние отношения на данный момент находятся в самой низкой своей точке.

Безусловно, украинский фактор в отношениях между Грецией и Россией на данный момент играет ключевую роль. Однако в силу сильного влияния НАТО и проведения коллективной политики в рамках ЕС, различного понимания дальнейшего развития Причерноморья, Балкан и Восточного Средиземноморья Афины, в сущности, не имеют возможности выбора внешнеполитического ориентира,

вследствие чего Греция и оказалась во враждебном по отношению к России лагере. В то же время, несмотря на диаметрально противоположные позиции по украинскому конфликту, в греко-российских отношениях точка никогда не ставилась. Подтверждением неразорванных связей служит лояльное отношение греков и русских друг к другу (так называемая «русофилия»), которое уже выдержало немало испытаний в течение тысячи лет. Этот факт, безусловно, может повлиять на восстановление отношений между обеими странами в области высокой политики. Тем не менее сегодня более вероятна ситуация, когда в русле европейской и евроатлантической политики греческий истеблишмент пойдет лишь на усиление санкционного давления на Россию. Возобновление добрососедских связей между Греческой Республикой и Российской Федерацией возможно, но это будет зависеть не только от обоюдного желания Афин и Москвы, но и от общей ситуации, которая будет складываться на международной арене в ближайшем будущем. В настоящее же время выход двусторонних греко-российских связей на новый уровень в сложившихся условиях маловероятен.

Поступила в редакцию / Received: 30.08.2022

Доработана после рецензирования / Revised: 02.08.2024

Принята к публикации / Accepted: 20.03.2024

Список литературы

- Аватков В. А., Сбитнева А. И. Турецкая Республика в преддверии столетия: эра Р.Т. Эрдогана // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2023. Т. 23, № 4. С. 595–608. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2023-23-4-595-608>; EDN: NTHNRR
- Александрова А. К. «Потуже затянуть пояса»: антикризисная политика правительства Г. Папандреу в Греции (октябрь 2009 — ноябрь 2011 г.). Москва : Институт славяноведения РАН, 2022. <https://doi.org/10.31168/4469-2079-2>; EDN: DPHWXP
- Бенашвили К. А. Роль проекта «Южный газовый коридор» в реализации энергетической стратегии Европейского союза // Креативная экономика. 2020. Т. 14, № 9. С. 2181–2193. <https://doi.org/10.18334/ce.14.9.110811>; EDN: EOJPNS
- Борьба за Восточное Средиземноморье: интересы и амбиции / под ред. И. Д. Звягельской. Москва : Аспект-Пресс, 2022. EDN: DVXFJM
- Власова К. В. Восточно-Средиземноморский трубопровод (EastMed) как элемент диверсификации региональных поставок // Современная Европа. 2024. № 1. С. 117–128. <https://doi.org/10.31857/S0201708324010091>; EDN: OMTRSS
- Власова К. В., Отарашвили Л. Н. Взаимоотношения Греции с США и Россией: социологический аспект // Общество. Наука. Инновации (НПК – 2021) : сборник статей XXI Всероссийской научно-практической конференции. Киров, 12–30 апреля 2021 года : в 2 томах. Т. 1. Киров : ВятГУ, 2021. С. 823–830. EDN: AEPPGI
- Квашин Ю. Д. Российско-греческие отношения: есть ли свет в конце тоннеля? // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 3. С. 161–175. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-3-9>; EDN: JPPBNH

- Мудров С. А. Церковь, государство и общество на Украине: три года после Томоса // Современная Европа. 2022. № 3. С. 157–170. EDN: GGUJGL
- Работяжев Н. В., Соловьев Э. Г. Украинский кризис: между политикой идентичности и геополитикой // Россия и новые государства Евразии. 2017. № 3. С. 9–28. EDN: ZMQVMD
- Россия — Турция — Греция: возможности диалога на Балканах / отв. ред. К. В. Никифоров. Москва : Институт славяноведения РАН ; Санкт-Петербург : Нестор-История, 2021. <https://doi.org/10.31168/4469-2030-3>; EDN: RIKHWH
- Свистунова И. А., Квашинин Ю. Д. Антиамериканизм в Турции и Греции: сравнительный анализ // Проблемы национальной стратегии. 2024. № 1 (82). С. 122–143. EDN: TIHJLA
- Шумилин А. И. Эрдоган остается: перспективы отношений Турции с США, ЕС и Россией. Часть 2 // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2023. № 4. С. 78–89. <https://doi.org/10.15211/vestnikieran420237889>; EDN: JZWGZF
- Ay H. M., Söylemez A. Grain Corridor Agreement and Turkey's Role in the Russia — Ukraine War // Journal of Islamic World and Politics. 2023. Vol. 7, no. 1. P. 1–10. <https://doi.org/10.18196/jiwp.v7i1.27>; EDN: NKZGHH
- Dimopoulos D. The Ukrainian Crisis and Its Impact on the Strategic Relations Between the West and the Russian Federation. Athens : Panteion University of Social and Political Sciences, 2015.
- Kalantzi F., Lapshyna I. Ukraine and Greece — Two Diasporas: Engagement and Disengagement with the Homeland at Times of Crisis // Central and Eastern European Migration Review. 2020. Vol. 9, no. 2. P. 15–33. <https://doi.org/10.17467/ceemr.2020.11>
- Kontos M., Georgiou E. US Foreign and Security Policy in Contemporary Eastern Mediterranean: The Return of Great Power Politics in a Changing Regional Environment // International Politics. 2023. Vol. 60. P. 1014–1029. <https://doi.org/10.1057/s41311-022-00427-3>; EDN: PAMJSK
- Koval N. Russia as an Alternative Security Provider: The Greek Perspective on the “Ukraine Crisis” // Ideology and Politics. 2017. Vol. 7, no. 1. P. 131–167. EDN: ICWWQA
- Kuznetsov N. G., Savvidy I. I., Rodionova N. D., Tsepilova E. S. Economic Cooperation of Russia and Greece During the Sanction Restrictions Period and the Policies to Strengthen the Integration Process // European Research Studies Journal. 2017. Vol. 20, iss. 1. P. 22–35. <https://doi.org/10.35808/ersj/592>; EDN: YVOKOL
- Manoli P. Greece's Response to Russia's War on Ukraine // Polarization, Shifting Borders and Liquid Governance : Studies on Transformation and Development in the OSCE Region / ed. by A. Mihr, Ch. Pierobon. Cham, Switzerland : Springer, 2024. P. 349–365. https://doi.org/10.1007/978-3-031-44584-2_21
- Papanikos G. T. The Greek Newspaper Coverage of the Ukrainian War: The Pre-Invasion Phase and the Day of the Invasion // Athens Journal of Mass Media and Communications. 2022. Vol. 9, iss. 4. P. 363–382. URL: <https://www.athensjournals.gr/media/2023-9-4-10-Papanikos.pdf> (accessed: 12.03.2024).
- Paschalidis P., Siakas G. Touching Distance: The Underlying Russophilia in the Skripal Case Coverage in Greek Press // Studies in Media and Communication. 2022. Vol. 10, no. 1. P. 17–29. <https://doi.org/10.11114/smc.v10i1.5426>; EDN: UAHGNO
- Petsinis V. Russophilia as a Component of National Populism in Greece // Critique & Humanism. 2016. Vol. 46, no. 2. P. 281–298. URL: https://d1wqtxts1xzle7.cloudfront.net/51061584/KX_46_17_ENGLISH_VERSION_-libre.pdf?1482765515=&response-content-disposition=inline%3B+filename%3DRUSSOPHILIA_AS_A_COMPONENT_OF_NATIONAL_P.pdf&Expires=1747139250&Signature=R50-o6~Dpp6Nb98chJCv2GHfP~Fzqt1NhL6FtcTdzCA8Ubl-bMikEEzPhVcKiL6RTowljYR2NYsfA2jcuHzkzIIURhVWvWQXjkwBspSb4S940UaZZpLbttXHJQNkQIGg3ZFw3HOKZtBU4lm5u805wgdQimyJJUNU9NXJd6yTZU4K6v3p6~IFp-dOlQ2XL0STF6XPpUrS~Ij8An8duhDBypDY2VR1wc6N2wnZFq4eC7wraif77StiLDEhW~qS2Jv7OcCdeYKPHfWfcpWXWR8m-6qN49itTgzWuHgaBflZ5IaBUWatLKHYFOfrf2bngWPnUCQMedZrl2wbzqX9UA__&Key-Pair-Id=APKAJLOHF5GGSLRBV4ZA (accessed: 03.02.2024).
- Skarpa P. El., Simoglou K. B., Garoufallou E. Russo-Ukrainian War and Trust or Mistrust in Information: A Snapshot of Perceptions in Greece // Journalism and Media. 2023. Vol. 4, no. 3. P. 835–852. <https://doi.org/10.3390/journalmedia4030052>; EDN: RUBHSN
- Sotiriou A. S. The Irreversibility of History: The Case of the Ukrainian Crisis (2013–2015) // Southeast European and Black Sea Studies. 2016. Vol. 16, iss. 1. P. 51–70. <http://dx.doi.org/10.1080/14683857.2016.1150700>; EDN: WUPUGV
- Stergiou A. EU — Russia Antagonism in South-Eastern Europe: The Energy Factor // Institutional Perspectives on Development / ed. by S. Vliamos, M.S. Zouboulakis. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2018. P. 211–233. https://doi.org/10.1007/978-3-319-98494-0_12

Сведения об авторах:

Власова Ксения Викторовна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 4856-7960; ORCID: 0000-0002-4119-4492; e-mail: vlasovaksen@gmail.com

Чекирда Анна Леонидовна — магистрант кафедры социально-философских и политических наук, Севастопольский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 4251-7360; ORCID: 0000-0002-9531-2247; e-mail: gribnits43@gmail.com

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

INTERNATIONAL ECONOMIC RELATIONS

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-296-308

EDN: OZVTNP

Научная статья / Research article

Экономические санкции 1960–2022 гг.: цели, структура, влияние

М.В. Ниязова

Владивостокский государственный университет, Владивосток, Российская Федерация

 marinav.var@yandex.ru

Аннотация. Экономическая глобализация привела не только к значительным изменениям в международной экономической системе, но и формированию института экономических санкций. Выявлены цели, структура и последствия применения экономических мер давления на суверенные государства в условиях экономической глобализации. Методологически исследование опирается на диалектический метод, предопределяющий изучение явлений в постоянном развитии и взаимосвязи, а также методы сравнительного и структурного анализа, абстрагирования, синтеза и др. Особенностью исследования является привлечение данных Глобальной базы санкций (*Global Sanctions Data Base*) вместе с данными Всемирного банка и Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) о социально-экономических показателях объектов и субъектов санкций с 1960 г. Автор приходит к выводу, что ужесточение санкций за последние три десятилетия в большей степени связано с сокращением доли основных участников международного производства и торговли, чем с обеспокоенностью, например, территориальной целостностью и правами человека. Исследование динамики санкций и их влияния на социально-экономическое развитие стран-лидеров по количеству наложенных санкций (Афганистана, Ирана, Ливии, Мьянмы и России) выявило цикличность процессов. После пика санкционного давления степень интенсивности снижается, хотя односторонние экономические меры, особенно финансовые, отменяются гораздо медленнее и их значение постепенно возрастает. Чаще отменяются торговые санкции, реже — визовые ограничения. Это свидетельствует о том, что влияние экономических санкций на страну, против которой введены санкции, в целом преувеличено или носит краткосрочный характер, а размер экономики страны, попавшей под санкции, остается значимым препятствием для дестабилизации ее развития. Однако для (экономически активного) населения эффекты санкционного давления более ощутимы, могут вести к возрастанию разрыва в доходах и благосостоянии населения объекта санкций относительно среднемирового значения. Санкции влияют на структуру экономической глобализации, предпринимаются для сохранения устоявшегося порядка распределения богатства и силового потенциала в пользу увядающих экономик США и Великобритании, но усиливают экономики, прежде всего, Китая, Индии и других возвышающихся держав. Авторские выводы и рекомендации направлены на совершенствование политики адаптации страны — объекта санкций.

Ключевые слова: глобальный экономический рост, институт экономических санкций, субъект и объект санкций, торговые санкции, финансовые санкции, визовые ограничения, эффекты санкционного давления, адаптационная политика

Заявление о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования Ниязова М. В. Экономические санкции 1960–2022 гг.: цели, структура, влияние // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 296–308. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-296-308>

Economic Sanctions, 1960–2022: Targets, Structure, Impact

Marina V. Niyazova

Vladivostok State University, Vladivostok, Russian Federation

 marinav.var@yandex.ru

Abstract. Economic globalization not only leads to significant changes in the international economic system, but also to the formation of the institution of economic sanctions. It identifies the targets, structure and consequences of economic pressure on sovereign states in the context of economic globalization. Methodologically, the study is based on the dialectical method, which implies the study of phenomena in constant development and interrelation, in addition to methods of comparative and structural analysis, abstraction, synthesis and others. A special feature of the study is the inclusion of data from the Global Sanctions Data Base together with the World Bank and the United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD) on the socio-economic indicators of the objects and subjects of sanctions since 1960. The author concludes that the intensification of sanctions over the past three decades has more to do with the declining share of major actors in international production and trade than with concerns about, for example, territorial integrity and human rights. A study of the sanctions' dynamics and their impact on the socio-economic development of the most popular objects (Afghanistan, Iran, Libya, Myanmar and Russia) reveals a cyclical nature of the processes. After the peak of sanctions pressure, the intensity of sanctions pressure diminishes, although unilateral economic measures are lifted more slowly, especially financial ones, the value of which gradually increases. It is evident that trade sanctions are more frequently lifted, while visa restrictions are less frequently imposed. This reveals the impact of economic sanctions on the sanctioned country in general is often overstated or considered to be short-term. The size of the sanctioned country's economy remains a significant barrier to negative effects. However, the effects of economic sanctions on the (economically active) population are more noticeable and may lead to an increase in the gap of their national income and well-being with the global level. The impact of sanctions on the global economic landscape is evident, with their intention being to preserve the prevailing distribution of wealth and power, favoring the declining economies of the United States and the United Kingdom while concurrently fortifying those of China, India, and other emerging economic powers. The following conclusions and recommendations are posited for the purpose of enhancing the adjustment policy of the sanctioned country.

Key words: global economic growth, institution of economic sanctions, subject and object of sanctions, trade sanctions, financial sanctions, visa restrictions, impact of sanctions, adjustment policy

Conflicts of interest. The author declares no conflicts of interest.

For citation: Niyazova, M. V. (2025). Economic sanctions, 1960–2022: Targets, structure, impact. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(2), 296–308. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-296-308>

Введение

Экономическая глобализация привела к значительным изменениям в международной экономической системе, с одной стороны, выступая «мощным фактором роста эффективности экономики, расширения экспорта, создания высокооплачиваемых рабочих мест, уменьшения издержек производства, повышения качества и доступности товаров для

потребителей» (Griswold, 2009), а с другой — способствуя достижению небывалых масштабов международной экономической взаимозависимости (Загашвили, 2022) и постановке вопроса о соотношении сил между странами (Бхагвати, 2005, с. 64–65). Глобализация также спровоцировала возникновение института экономических санкций и активное использование его инструментов современными

государствами в рамках глобального политико-экономического регулирования (Кашин, Пятачкова, Крашенинникова, 2020, с. 123; Минакир, 2022, с. 11; Тимофеев, 2022, с. 23; Hufbauer & Jung, 2020).

Научное сообщество в России и за рубежом проявляет все возрастающий интерес к изучению экономических санкций, систематизируя их и анализируя посредством юридических, экономических, политических и других методов (см.: (Ушкалова, 2022; Szasz, 1998)). Следует выделить исследования ретроспективных процессов применения санкций в качестве мер принуждения и последствия санкций. Отраслевые и региональные особенности, цели, последствия и стратегии противодействия санкциям рассмотрены в коллективной работе под редакцией И.С. Иванова, А.В. Картунова и И.Н. Тимофеева (Политика санкций..., 2020) и монографии Е.Н. Смирнова (Смирнов, 2022). Профессор Н.В. Зубаревич (2022) предполагает, что санкции приведут к сокращению экономического неравенства регионов (но не доходов населения) страны-объекта и их выравниванию на более низком уровне. Академик В.М. Полтерович акцентирует внимание на необходимости «увеличения объема собственных инновационных разработок», «согласованности мегапроектов, программ и бюджета», а также консолидации «усилий государства, бизнеса и общества» (Полтерович, 2022). Академик П.А. Минакир (2022) исследует возможности России по реинтеграции в глобальную финансово-экономическую систему. Член-корреспондент РАН С.А. Афонцев рассматривает экономические санкции как инструмент торговых войн и фактор, способствующий росту протекционистских тенденций в мировой экономике (Афонцев, 2020), предлагая использование политико-экономического подхода при урегулировании конфликтов.

В рамках анализа правового поля экономических санкций (Петухова, 2017; Крицкий, 2021; Покровская, 2021; Карцхия, 2022) последние рассматриваются как нетарифные меры регулирования. Ученые также предлагают правовые средства защиты национальных

интересов и совершенствования международных институтов и международного права в условиях применения санкций. Существует также ряд работ, посвященных инструментарию государств, выступающих в качестве субъектов¹ и объектов санкций (Кашин, Пятачкова, Крашенинникова, 2020; Рипинская, 2022; *Economic Sanctions in International Law and Practice*, 2020), а также эффективности противостояния им².

Таким образом, с момента появления первых исследований об экономических санкциях на сегодняшний день накоплен значимый объем теоретических и эмпирических сведений по этой теме.

Вместе с тем работы, позволяющие выявить тенденции противостояния субъектов и объектов санкций, рассмотреть их направления и влияние на экономики последних практически отсутствуют. Более того, подавляющее большинство российских исследований санкций опирается на один источник — Базу данных санкционных событий Российского совета по международным делам³. Такая асимметрия может искажать реальность. Данное исследование направлено на то, чтобы заполнить имеющуюся лакуну в анализе последствий применения санкций.

¹ Early B., Preble K. Enforcing Economic Sanctions: Analyzing How OFAC Punishes Violators of U.S. Sanctions // SSRN. 2018. URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3306653 (accessed: 16.05.2023). См. также: (Alexander, 2009; Cooper Drury, 2005; Zarate, 2013; Тимофеев, 2022).

² См.: Felbermayr G., Syropoulos C., Yalcin E., Yotov Y. V. On the Heterogeneous Effects of Sanctions on Trade and Welfare: Evidence from the Sanctions on Iran and a New Database // School of Economics Working Paper Series. 2020. No. 4. URL: https://ideas.repec.org/p/ris/drxlwp/2020_004.html (accessed: 12.12.2022); Kirilakha A., Felbermayr G., Syropoulos C., Yalcin E., Yotov Y. V. The Global Sanctions Data Base: An Update that Includes the Years of the Trump Presidency // School of Economics Working Paper Series. 2021. No. 10. URL: https://ideas.repec.org/p/ris/drxlwp/2021_010.html (accessed: 12.12.2022). См. также: (Bapat et al., 2013; Nephew, 2017; Timofeev, 2019; Jones & Portela, 2020; Bělin & Hanousek, 2021).

³ Санкции ведущих стран мира // Российский совет по международным делам. 23.01.2017. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/infographics/sanktsii/> (дата обращения: 16.05.2023).

Достижение поставленной цели требует решения ряда задач и использования диалектического метода, предопределяющего изучение явлений в постоянном развитии и взаимосвязи. В первом разделе представлен сравнительный анализ динамики санкций и отдельных показателей стран-лидеров по числу введенных против них санкций, и эти показатели определяют вклад данных стран в глобальную экономику (в сферы производства, торговли и инвестиций). Второй раздел посвящен более глубокому структурному анализу, направленному на выявление особенностей механизма экономических санкций⁴ по годам введения/отмены, объекту и субъекту санкций, видам мер давления, а также продолжительности их действия. В заключительном разделе охарактеризовано влияние санкционного давления на страны, в отношении которых продолжает действовать наибольшее число мер экономического давления.

Гипотеза исследования заключается в том, что, во-первых, активизация в последние десятилетия субъектов санкций связана, как представляется, скорее с сокращением их доли в международном производстве и торговле, чем, например, с заботой о территориальной целостности и правах человека, а во-вторых, последствия экономического давления на объекты санкций преувеличены.

Основным источником данных при изучении экономических санкций для нас стала Глобальная база санкций (*The Global*

Sanctions Data Base, GSDB)⁵. Проект реализует международная группа ученых из Австрии, США и Германии. GSDB обладает рядом преимуществ. Она включает данные о санкциях с 1949 г., что намного превышает временной горизонт других аналогичных баз. Аккумулируемый в GSDB массив информации значительно превосходит альтернативные источники по широте и детализации сведений, что позволяет группировать данные о количестве санкционных пакетов в разных срезах, в том числе по субъектам и объектам санкций, видам мер давления (торговые, финансовые, визовые ограничения и т. д.) и др. Выборка включает более 170 стран. GSDB находится в публичном доступе, предоставляется по запросу и пополняется по мере введения новых санкций.

Как и любая база данных, GSDB имеет ряд особенностей. Так, информация в ней может быть сгруппирована по односторонним и многосторонним субъектам (*sender state/country*) и объектам (*target state/country*) санкций, но не позволяет ранжировать многостороннюю группу субъектов / объектов по видам мер давления. Хотя финансовые и визовые ограничения отнесены к «умным» (*smart*) санкциям⁶, их объекты определены в базе по национальному признаку, то есть по стране гражданства или государственной регистрации подсанкционного физического или юридического лица. Поэтому использование GSDB ограничено данными по отдельным странам без учета количества вовлеченных сторон и качественных характеристик санкций.

Для анализа социально-экономических эффектов применены данные Всемирного банка по странам об объеме валового внутреннего продукта (ВВП) и прямых иностранных инвестициях (ПИИ), численности

⁴ Для целей исследования под институтом экономических санкций (в широком смысле) будет пониматься устойчивая совокупность норм и принципов, регулирующих глобальные политико-экономические отношения с участием государств и международных организаций по применению принудительных мер в торговой, финансовой, визовой и иных сферах, не связанных с использованием вооруженных сил; включает международные экономические санкции, принимаемые международными организациями в отношении своих членов на основе устава (например, 41 Устава ООН), и односторонние экономические меры давления отдельных государств (и их объединений), применяемые на основе национального законодательства в отношении третьих стран (их граждан и юридических лиц).

⁵ The Global Sanctions Data Base // GSDB. 2023. URL: <https://globalsanctionsdatabase.com> (accessed: 12.12.2022).

⁶ Kirilakha A., Felbermayr G., Syropoulos C., Yalcin E., Yotov Y. V. The Global Sanctions Data Base: An Update that Includes the Years of the Trump Presidency // School of Economics Working Paper Series. 2021. No. 10. URL: https://ideas.repec.org/p/ris/drxlwp/2021_010.html (accessed: 12.12.2022).

населения, ожидаемой продолжительности жизни и душевого ВВП, что позволило проанализировать динамику уровня жизни в странах — объектах санкций. Также в исследовании использованы данные Конференции ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) о динамике экономического роста стран, сгруппированных по уровню экономического развития.

Глубина исследования ограничена интервалом 1960–2022 гг. из-за более короткого периода наблюдений по ряду показателей экономического развития. Отдельные данные (например, по ПИИ и группам стран (развитым и развивающимся)) доступны с 1970 г. или до 2022 г. (из-за двух-трехлетнего лага сведений, аккумулируемых международными организациями).

Экономический рост и санкции

По данным GSDB, в 1960–2022 гг. было введено более 2 300 пакетов международных экономических санкций и односторонних экономических мер давления, из которых к экономическим ограничениям относятся 78 %. 134 страны и международные организации (субъекты) применяли санкции в отношении 167 стран и международных организаций (объектов). Остановимся подробнее на анализе структуры этих мер давления и экономических показателях стран — лидеров по количеству введенных ими санкций.

В топ-5 субъектов, наиболее часто применяющих санкции, входят США, Европейский союз (ЕС), Великобритания, ООН и Норвегия. Целями международных экономических санкций, как правило, объявляются «поддержание или восстановление международного мира и безопасности (обеспечение мирных переходных процессов, предупреждение антиконституционных преобразований, сдерживание терроризма, защита прав человека и поощрение режима нераспространения)»⁷. Для остальных мер экономического

давления целью провозглашается предотвращение угроз национальной безопасности, внешней политики или экономики объекта санкций, противодействие терроризму и распространению оружия массового уничтожения (в первую очередь — ядерного оружия), борьба с нарушениями прав человека и т. д.

Динамика применения санкций сопоставима с изменением соотношения сил развитых и развивающихся стран. Как известно, последние десятилетия развитые страны «ускоренными темпами сокращали свою долю в мировом производстве и торговле в пользу развивающихся стран» (Загашвили, 2022, с. 6). По данным ЮНКТАД, доля развитых государств снизилась с 83 до 60 % в мировом ВВП, с 82 до 57 % — в мировом товарообороте и с 71 до 44 % — в мировых ПИИ⁸. Нагляднее зависимость между экономическими показателями и санкциями можно представить на примере ключевых субъектов — США (рис. 1) и Великобритании (рис. 2).

На рис. 1–2 отражена интересная тенденция в соотношении показателей экономического роста и числа вводимых санкций. Анализ индикаторов США и Великобритании выявил х-образную динамику, при которой вклад этих государств-субъектов в мировую экономику последовательно сокращается, в то время как количество их санкций — увеличивается. Так, в 1960–2022 гг. доля США снизилась с 47 до 26 % в мировом ВВП и с 15 до 11 % — в товарообороте, а Великобритании — с 7 до 3 % и с 10 до 3 % соответственно; динамика объема ПИИ также свидетельствует об отрицательном тренде. Вместе с тем число мер давления стран возросло с 5 до 1 253, при этом доля Соединенных Штатов в общемировой совокупности санкций составила 21 %, а Великобритании — 12 %. Таким образом, можно говорить о подтверждении первой части гипотезы.

⁷ Санкции Совета Безопасности // Организация Объединенных Наций. URL: <https://main.un.org/securitycouncil/ru/sanctions/information> (дата обращения: 22.04.2024).

⁸ Data Insights: What Do UNCTAD's Data Reveal? // UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/insights> (accessed: 22.09.2023).

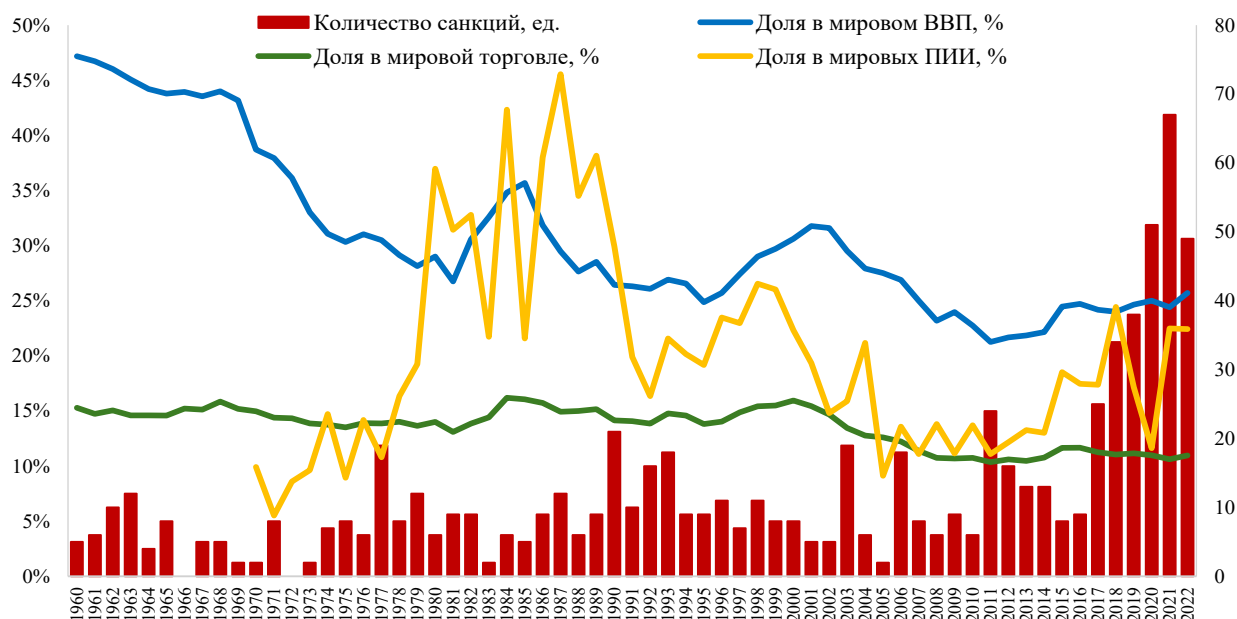

Рис. 1. Динамика санкций и вклада США в развитие мировой экономики по отдельным показателям в 1960–2022 гг.

Источник: составлено М.В. Ниязовой по материалам: The Global Sanctions Data Base // GSDB. 2023.
URL: <https://globalsanctionsdatabase.com> (accessed: 22.09.2023); DataBank // The World Bank Group.
URL: <https://databank.worldbank.org> (accessed: 22.09.2023).

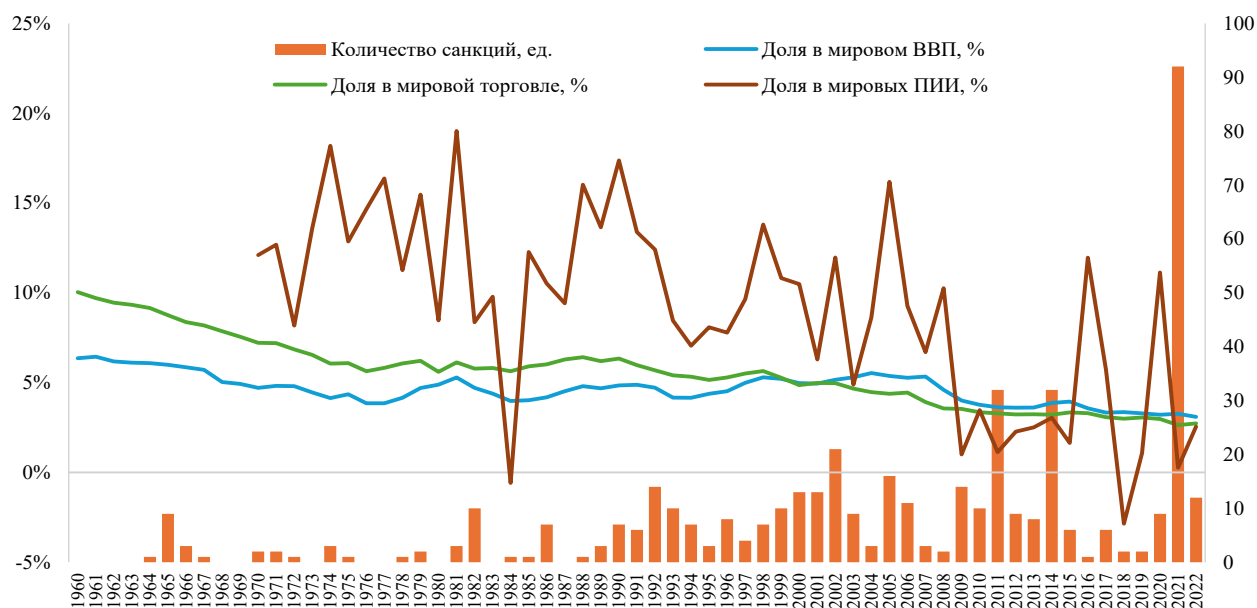

Рис. 2. Динамика санкций и вклада Великобритании в развитие мировой экономики по отдельным показателям в 1960–2022 гг.:

санкции Великобритании увеличены на количество санкций Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и ЕС, введенных в 1972–2019 гг., когда страна была членом этих организаций и, соответственно, голосовала за применение односторонних мер давления.

Общий объем введенных Великобританией односторонних мер давления — 454.

Источник: составлено М.В. Ниязовой по материалам: The Global Sanctions Data Base // GSDB. 2023.
URL: <https://globalsanctionsdatabase.com> (accessed: 22.09.2023); DataBank // The World Bank Group.
URL: <https://databank.worldbank.org> (accessed: 22.09.2023).

Тем не менее внешнеторговая стратегия, основанная на активизации односторонних мер экономического давления, слабо помогает восстановлению богатства и власти США и Великобритании, хотя эти страны пока еще входят в число десяти сильнейших экономик мира. В этих условиях выгоду получают, скорее, такие развивающиеся страны, как, например, Китай и Индия, значимость которых в глобальной экономике стабильно увеличивается. Так, по данным ЮНКТАД, в 1970–2022 гг. только доля Китая в мировом ВВП возросла с 2,7 до 18,0 %, в товарообороте — с 0,7 до 12,5 %, что позволило Китайской Народной Республике прочно занять вторую позицию в производстве (после США) и первую — в торговле⁹.

Структурный анализ санкций

Итак, как убедительно продемонстрировано М.А. Шалимовой, «интенсивность применения санкций со стороны как ООН, так и отдельных государств, в частности США и Великобритании, значительно возросла» и продолжает возрастать¹⁰. Санкции стали новым «источником богатства» наряду с традиционными источниками, которыми выступали «глобальные экономические открытия и колониализм» и «появление машин, способствующих промышленным революциям» в XV–XVII вв. (Далио, 2022, с. 94). По данным GSDB, если в 1960–1980-е гг. было введено 14 % санкций, то в 1990-е гг. — 15 %, в 2000-е гг. — 28 %, в 2010-е гг. — 31 %, а за первые два года 2020-х гг. уже действует 11 % от всех наблюдаемых санкций, из которых на ООН приходится только 5 %¹¹.

В отличие от односторонних мер пиковое значение международных экономических

санкций ООН пришлось на 2000-е гг. (36 %). В этот период на основании резолюций Совета Безопасности ООН были введены ограничения в отношении 15 стран.

Помимо ООН санкционную активность проявляют и другие международные организации — Экономическое сообщество стран Западной Африки (ЭКОВАС) (10 стран), Лига арабских государств (ЛАГ) (15 стран) и Африканский союз (АС) (10 стран).

Увеличение доли односторонних мер давления свидетельствует о попытках развитых стран продлить и укрепить свое доминирование. Так, из 32 объектов санкций ЕС и 26 объектов санкций Великобритании только к половине применены международные экономические санкции Совета Безопасности ООН, в случае США эта доля составляет 58 % из 26 стран, Канады — 69 % из 29 объектов, а наибольшая доля наблюдается для санкций Австралии — 75 % из 20 стран.

В ряду субъектов санкций присутствует группа активных борцов с разного рода угрозами, всякий раз присоединяющихся к санкциям ЕС, в том числе из-за стремления стать полноправными членами этого международного объединения.

Также существует группа стран, которые редко присоединяются к международным экономическим санкциям, имеют ограниченный список объектов санкций и применяют меры давления в качестве контрсанкций (Индия, Индонезия, Китай, Республика Корея, Турция, Россия/СССР и др.).

При этом большая часть введенных санкций уже снята. Так, отменена каждая вторая экономическая мера давления, введенная странами из числа топ-5 наиболее активных субъектов. Быстрее это происходит с санкциями ООН (69 %), а медленнее — с санкциями Великобритании (32 %). В случае ЕС и Норвегии доля отмен составила 57 %, в случае США — 50 %. Следовательно, международные экономические санкции ООН имеют более короткий срок применения, чем односторонние меры давления отдельных стран.

Определенная закономерность выявлена и в структуре экономических санкций. Так,

⁹ Data Insights: What Do UNCTAD's Data Reveal? // UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/insights> (accessed: 22.09.2023).

¹⁰ Шалимова М. А. Комплаенс: глобальные экономические санкции // Финансовая сфера. Банковское обозрение. 2010. URL: <https://bosfera.ru/bo/komplaens-globalnye-ekonomicheskie-sankcii> (дата обращения: 22.04.2024).

¹¹ The Global Sanctions Data Base // GSDB. 2023. URL: <https://globalsanctionsdatabase.com> (accessed: 22.09.2023).

возросла доля финансовых мер, которая составила уже 29 % (торговые — 20 %, визовые — 18 %). Это может быть обусловлено лидирующей ролью развитых стран в мировом объеме ПИИ. Интересно, что чаще отменяются торговые санкции (62 %), реже — визовые ограничения (48 %). Среди финансовых санкций отменена только каждая шестая.

Эффективность применения международных экономических санкций и односторонних мер давления, о которой может свидетельствовать степень достижения целей, продекларированных при их введении, остается дискуссионным вопросом и отдельной темой, требующей специального рассмотрения. Далее остановимся на примерах объектов санкций, испытывающих всеобъемлющее санкционное давление в течение длительного времени.

Эффекты санкционного давления

Если группа лидеров среди субъектов санкций не вызывает сомнений, то лидеры среди объектов — вопрос дискуссионный, ответ на который зависит от критериев сравнения. Как следует из GSDB, по числу введенных санкционных пакетов к таковым можно отнести (в порядке убывания) Россию/СССР, Мьянму, Иран, Беларусь и Ливию. При сравнении по общему числу экономических санкций в число лидеров входят Афганистан, Мьянма, Россия/СССР, Беларусь и Гвинея. Однако по числу действующих в настоящее время мер экономического давления на первое место снова выходит Россия/СССР, далее располагаются Афганистан, Ливия, Словения и Зимбабве. В силу ограниченного объема статьи остановимся на России/СССР, Мьянме, Иране, Афганистане и Ливии.

По данным ЮНКТАД, эти страны имеют разный уровень экономического развития: Россия отнесена к развитым странам, Иран и Ливия — к развивающимся с высоким доходом, а Афганистан и Мьянма — к наименее развитым странам с низким доходом¹².

¹² Classifications // UNCTAD. URL: <https://unctadstat.unctad.org/EN/Classifications.html> (accessed: 22.09.2023).

Анализ динамики санкций *Афганистана* показал, что впервые они были применены к стране Соединенными Штатами в 1979 г. Затем их вводили ООН и группа стран (1996–2002 гг.), Новая Зеландия (с 2007 г.), США и коалиция (в 2011 г.), снова ООН (2015–2017 гг.), Великобритания (с 2020 г.) и вновь США (с 2022 г.). Преобладающий вид санкций относится к военно-промышленным ограничениям, но среди экономических на первом месте — финансовые (21 %), далее — визовые (16 %) и торговые (6 %) ограничения. Более половины санкций отменены (больше всего — торговые, затем финансовые и визовые).

Иран, так же как и Афганистан, испытывает меры экономического давления с 1979 г. преимущественно со стороны США и ООН. США применяют к Ирану санкции с небольшими перерывами на постоянной основе (1979–1981, 1984–2016, 1987–1995, 1995–2016 гг. и с 2017 г. по настоящее время). Совет Безопасности ООН принимал несколько резолюций по Ирану (2006–2016, 2007–2016, 2008–2016, 2010–2016 гг.). Односторонние меры давления в отношении этой страны использовали следующие государства: Япония (2006–2016 гг.), ЕС (2007–2016 гг.), Австралия (2008–2016 гг.), Республика Корея и Канада (2010–2016 гг.), ЕС и коалиция (2011–2016 гг.), Канада (с 2013 г.), Швейцария (2016 г.), вновь Республика Корея (с 2018 г.). Чаще всего к Ирану применяют финансовые (37 %) и торговые санкции (36 %), доля визовых ограничений не превышает 18 %. Снятие санкций происходит в обратной последовательности: больше всего отменено визовых ограничений (82 %), далее следуют торговые (79 %) и финансовые (77 %). Международные санкции Совета Безопасности ООН сняты с Ирана полностью.

В отношении *Ливии* санкции вводятся с разной интенсивностью, но регулярно. Впервые они были применены в 1978 г., затем в 1981–1986, 1992–1996, 2011, 2016–2017 и 2020–2021 гг. При этом за 2011 гг. было введено 69 % санкций. Основные субъекты односторонних мер давления — США, ЕС и коалиция государств. Также к стране

неоднократно применяли международные экономические санкции (1992, 1993 и 2011 гг.). Преобладают экономические меры давления: финансовые (28 %), торговые (26 %) и визовые (17 %). Сегодня отменена только пятая часть из них, продолжает действовать большая часть односторонних мер и ряд санкций Совета Безопасности ООН. 73 % санкций снято в начале 2000-х гг. (торговые составили 25 %, финансовые и визовые — по 16 %).

Мьянма — объект активного внимания преимущественно со стороны европейских стран. Первые санкции были введены Китаем (1967 г.) на пять лет. Следующий этап начался в 1989 г. с участием США, Германии и Австралии. С 1996 г. Мьянма находится под постоянным экономическим давлением со стороны ЕС, Македонии, Черногории, Албании и т. д., а также США с несколькими периодами обострений (в 1996, 2000, 2003, 2010 и 2013 гг.) в финансовой (22 %), торговой (19 %) и визовой (18 %) сферах. Тем не менее 8 из 10 санкций было отменено в 2000–2010-е гг. Чаше снимают ограничения в финансовой сфере (25 %) и сфере туризма (21 %), доля отмененных торговых мер составляет 18 %.

В отношении *России/СССР* в настоящее время наблюдается пятый период ограничений. В послевоенное время страна впервые попала под санкции в 1962–1966 г. (санкции были введены Организацией Североатлантического договора (НАТО)). В числе субъектов выделим США (1979–1987 гг.), ЕС/Европейское экономическое сообщество (ЕЭС) (1981–1983 гг.), США совместно с Великобританией, Японией и ЕС (1991 г.), Украину (1993–1996 гг.), Грузию (2008–2011 гг.), США и коалицию (с 2014 г.), а также Великобританию (с 2021 г.). К России преимущественно применяют экономические меры давления: финансовые (33 %), торговые (28 %) и визовые (19 %). В связи с тем, что основной объем санкций введен в 2022 г., доля отмененных ограничений незначительна (10 %).

Далее, используя данные Всемирного банка, выявим тенденции в динамике

отдельных социально-экономических показателей этих стран в период действия санкций. В целом, согласно расчетам автора, можно заметить краткосрочные всплески санкционного вмешательства (за исключением Мьянмы, которая находится под масштабными односторонними экономическими мерами давления более 20 лет) и отсутствие заметного влияния санкций на социальные показатели страны-объекта, такие как численность населения и продолжительность жизни.

Результаты анализа показателей *Афганистана* свидетельствуют о замедлении развития страны относительно мирового уровня. Вклад Афганистана в мировой ВВП и товарооборот составлял менее 0,05 % и сократился, к 2022 г. позиции страны в производстве и торговле ухудшились вдвое, что обусловило перемещение Афганистана в топ-200 стран по этому показателю. Всплески ПИИ происходили в 2002–2018 гг. с пиковым значением в 2005 г. (14 %), но в целом их объемы балансируют в пределах 1 %. Тем не менее с 1979 г. ВВП и товарооборот страны в абсолютных величинах выросли в 4 и 7 раз соответственно, что стало результатом стабильного роста этих показателей, наметившегося с середины 1990-х гг. Выделим также положительную динамику показателей численности населения и ожидаемой продолжительности жизни: значение первого увеличилось в три раза, а второго — на 59 % (с 39 до 62 лет). Подушевой ВВП вырос на 28 %, но разрыв со среднемировым значением возрос с 8 до 34 раз.

Развитие *Ирана* в 1979–2022 гг. также свидетельствует о снижении роли страны в глобальной экономике по отдельным показателям. С 1988 г. ВВП страны относительно стабильно растет в абсолютных величинах (в 4 раза), однако этого недостаточно для увеличения ее значения в мировом производстве: если в 1979 г. доля Ирана составляла 0,97 %, то в 2022 г. — 0,39 %. В товарообороте замечен более уверенный рост (в 7 раз), но также недостаточный для изменения позиции в мире, которая снизилась до 0,25 % (в 1979 г. — 0,56 %). Если до санкционных потрясений

страна входила в топ-20 лидеров в производственной и торговой сферах, то в 2022 г. — переместилась на 35-е место по ВВП, а по товарообороту — уже на 134-е место. Доля Ирана в мировых ПИИ незначительна и сокращается (с 0,4 до 0,09 %). Так же как и в Афганистане, видна положительная динамика показателей численности населения и ожидаемой продолжительности жизни. Население страны увеличилось относительно 1979 г. в два раза, а продолжительность жизни — до 74 лет (+15 лет). Подушевой ВВП возрос на 81 % (в 1979 г. — 106 %), но это соответствует 1/3 среднемировой величины. Периодические исследования Всемирного банка о расслоении доходов иранцев показывают сокращение концентрации благосостояния у наиболее обеспеченных 10 % населения — с 36,9 % в 1986 г. до 26,8 % в 2022 г.¹³

Ливия находится в активной фазе санкционного давления, ее вклад в мировое благосостояние — менее 0,1 %. До введения санкций доля страны в мировом ВВП составляла 0,33 % (1977 г.), а после сократилась в 6 раз, хотя в абсолютных величинах значение выросло в 2,5 раза. Во внешнеторговом товарообороте можно наблюдать схожую тенденцию: восьмикратное сокращение доли страны (до 0,12 %), но при трехкратном увеличении объема. В результате Ливия ухудшила позиции в глобальной экономике в производстве (с 31-го до 88-го места) и торговле (с 22-го до 118-го места). Динамика ПИИ — зеркальное отражение применяемых мер давления, поскольку пиковый рост ПИИ произошел в период значительного послабления санкционного режима (2004–2010 гг.), когда в страну было направлено 80 % всех инвестиций. Однако их доля остается незначительной в мировом масштабе. При росте численности населения в 2,6 раза и продолжительности жизни — на 28 % (до 72 лет) подушевой ВВП сократился на 7 %: если в досанкционный

период он превышал среднемировое значение в 4,2 раза, то сейчас — менее чем в 2,3 раза.

Социально-экономическое положение *Мьянмы* как объекта длительного и интенсивного давления выглядит оптимистично. Двойной рост ВВП не только сохранил, но и улучшил положение страны в мировой экономике (+4 п., 85-е место), увеличившись с 0,01 % (1966 г.) до 0,06 % (2022 г.). С 2006 г., еще до относительного послабления санкционного режима, страна стала привлекательнее для ПИИ (с пиковыми значениями в 2015 и 2017 гг. — 11 и 13 % объема инвестиций соответственно) и поднялась с 96-й на 84-ю позицию. Однако положение страны в мировой торговле ухудшилось (162-е место)¹⁴, несмотря на существенный рост объема (в 60 раз) и доли внешнеторгового товарооборота (с 0,03 до 0,07 %). О положительной тенденции развития свидетельствует и подушевой ВВП: разрыв со среднемировым уровнем сократился в 2 раза на фоне двукратного роста численности и увеличения до 67 лет продолжительности жизни населения (+39 %).

Сравнительный анализ развития *России* в 2022 г. относительно 1992 г. выявил следующее. Абсолютная величина ВВП имеет нелинейную динамику, но рост в 5 раз позволяет стране периодически входить в топ-10 сильнейших экономик мира (в 2008, 2011–2014, 2021–2022 гг., наивысшее достижение — 3 % в 2013 г.). Объем товарооборота сохраняется на относительно высоком уровне и соответствует топ-20 ведущих экономик: после пиков в 2008 г. (2,37 %) и 2012 г. (2,36 %) с 2014 г. значение балансирует между 1,6–1,8 %. Средняя доля России в ПИИ составляет 1,2 % (максимальное значение — 3,18 % в 2013 г., сократилось до 2,3 % в 2022 г.). Незначительно изменились численность населения (–0,03 %) и ожидаемая продолжительность жизни (+4,0 %). Подушевой ВВП увеличился в 5 раз и относительно среднемировой величины возрос с 67 до 120 %. При этом сократилось неравенство среди

¹³ Iran Poverty Diagnostics: Poverty and Shared Prosperity // The World Bank. November 2023. Report No. 185679. URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099110623175541902/pdf/P1777150fa1dcd02108b55086af5f3268f5.pdf> (accessed: 12.12.2023).

¹⁴ Данные Всемирного банка по внешнеторговому обороту Мьянмы доступны с 1976 по 2019 г.

россиян¹⁵: концентрация благосостояния наиболее обеспеченного населения уменьшилась с 27,5 % (2014 г.) до 26,6 % (2021 г.).

Что общего между рассмотренными объектами санкций? Каждая из этих стран испытала на себе несколько циклов санкций, пиковое значение которых для Афганистана и Мьянмы пришлось на начало 2000-х гг., для Ирана и Ливии — 2010-х гг., для России — 2020-х гг. Следует также отметить, что финансовые санкции — основной инструмент экономического давления США и коалиции — реже отменяются субъектом.

Считается, что «санкции в отношении друзей и союзников субъекта санкций... обычно оказываются более эффективными, чем санкции в отношении врагов» (Политика санкций..., 2020, с. 91). Пролонгированное действие таких ограничений создает эффект постоянного давления на государство. Однако последствия зависят от размера экономики объектов и интенсивности санкций субъектов. Так, анализ показал, что наиболее чувствительным из объектов оказался Афганистан, а из показателей — товарооборот и ПИИ. Сопоставление прироста социально-экономических индикаторов анализируемых объектов подтвердило, что в первые 2–3 года после введения масштабных санкций абсолютные и относительные величины, отражающие экономический рост, снижаются, однако далее стремятся к восстановлению, демонстрируя положительную динамику. В большинстве стран сравнение величин подушевого ВВП свидетельствует о возрастании разрыва в доходах и благосостояния населения объекта относительно среднемирового значения. При этом снижается концентрация благосостояния у наиболее богатых граждан. Численность населения и ожидаемая

продолжительность жизни наименее подвержены воздействию санкционного давления в краткосрочной перспективе.

Следовательно, можно предположить, что представляемые общественности негативные последствия экономического давления на объекты санкций действительно преувеличены для страны в целом или носят краткосрочный характер. Особенно это справедливо для слабо интегрированных в глобальную экономику стран-объектов (имеющих в ней незначительную долю). Однако для (экономически активного) населения эффекты санкционного давления более ощутимы.

Заключение

Исследование целей, структуры и эффектов экономических санкций показало цикличность процессов. После пика санкционного давления степень его интенсивности снижается, хотя односторонние экономические меры отменяются значительно медленнее (особенно финансовые). Чтобы адаптироваться к санкциям с наименьшими потерями, важно понимать, что население страны больше и быстрее подвержено риску снижения покупательной способности и соответственно ухудшению качества жизни, а это в свою очередь может оказать отложенное негативное влияние на социально-экономическое развитие страны. При выборе подходов к адаптации следует исходить, скорее, из того, что основная цель санкций — это передел глобального «пирога».

В качестве нового источника богатства санкции влияют на международный товарооборот и ПИИ, обмен технологиями и перемещение населения (в том числе трудовых ресурсов). Тем самым санкции меняют не только характер экономической глобализации, но и способствуют поддержанию устойчивого порядка распределения богатства и силы в пользу увядающих экономик США, Великобритании и т. д. Однако если говорить о России, то попытки стран Запада ослабить российскую экономику подспудно вызывают эффект усиления экономик таких стран, как Китай и Индия, куда в условиях

¹⁵ Богатейшие беднеют быстрее всех // РБК. 13.10.2022. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/10/13/63453c3d9a79470c2cdf05ca?ysclid=m9pylrtdwp604480834> (дата обращения: 22.09.2023). По данным Росстата, в 2014–2022 гг. в России отмечено снижение неравенства в благосостоянии населения в результате сокращения доходов самых обеспеченных граждан (–1,6 %) в пользу увеличения остальных, в том числе беднейшей группы населения (+0,5 %).

санкционного давления перенаправляются торговые, финансовые и инвестиционные потоки из России.

Размер экономики страны, в отношении которой вводятся санкции, остается значимым барьером для дестабилизации ее развития. Интенсивность антироссийских санкций вызвала замедление темпов производства и сокращение объемов торговли страны, что также обусловило снижение вклада России в глобальную экономику в краткосрочной перспективе. Однако благодаря адаптации к новым условиям Россия остается в числе ведущих экономик мира. Благополучие россиян превышает среднемировое значение, уровень

неравенства в доходах находится между показателями США и Великобритании.

Таким образом, результаты проведенного анализа позволяют расширить значимые при формировании адаптационной политики представления о механизме санкционного давления и его последствиях. Дальнейшие исследования в этой области следует ориентировать на изучение конкретных правовых режимов и инструментов субъектов и объектов санкций, а также взаимозависимости социально-экономических показателей развития и динамики мер экономического давления (в том числе методами корреляционно-регрессионного анализа).

Поступила в редакцию / Received: 19.06.2023

Доработана после рецензирования / Revised: 01.10.2024

Принята к публикации / Accepted: 20.03.2025

Список литературы

- Афонцев С. А. Политика и экономика торговых войн // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 1. С. 193–198. <http://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-45-1-9>; EDN: TTTIWW
- Бхагвати Дж. В защиту глобализации. Москва : Ладомир, 2005. EDN: QQPAWF
- Далио Р. Принципы изменения мирового порядка : почему одни нации побеждают, а другие терпят поражение. Москва : Манн, Иванов и Фербер, 2022.
- Загашвили В. С. Экономическая глобализация и региональная интеграция в постковидную эпоху // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 4. С. 5–13. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-4-5-13>; EDN: UTPUBF
- Зубаревич Н. В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3. С. 226–234. <http://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15>; EDN: EVVYVQ
- Карцхия А. А. Режим санкций: правовой аспект публичного и частноправового регулирования // Мониторинг правоприменения. 2022. № 2. С. 2–10. <http://doi.org/10.21681/2226-0692-2022-2-2-10>; EDN: YFBFWT
- Кашин В. С., Пятчкова А. С., Крашенинникова Л. С. Китайская политика в сфере применения экономических санкций: теория и практика // Сравнительная политика. 2020. Т. 11, № 2. С. 123–138. EDN: DXBKYE
- Крицкий К. В. Санкции и односторонние ограничительные меры в современном международном праве: дис. ... канд. юрид. наук. Казань : Казанский федеральный университет, 2021. EDN: JMXGVU
- Минакир П. А. Мировая экономика: идеальный шторм // Пространственная экономика. 2022. Т. 18, № 2. С. 7–37. <http://doi.org/10.14530/se.2022.2.007-037>; EDN: IVXNYC
- Петухова Т. Н. Правовые основы экономических санкций // Право и государство: теория и практика. 2017. № 2. С. 158–160. EDN: YSUAVV
- Покровская Н. В. Обязательства России по Протоколу о присоединении России к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации: дис. ... канд. юрид. наук. Казань : Казанский федеральный университет, 2021. EDN: CKKPSL
- Полтерович В. М. Еще раз о том, куда идти: к стратегии развития в условиях изоляции от Запада // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3. С. 238–244. <http://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-17>; EDN: TUHDKX
- Рипинская П. Иран. Экономика под санкциями. Москва : АСТ, 2022.
- Смирнов Е. Н. Экономические санкции: теория и международная практика. Москва : Русайнс, 2022. EDN: NASTGA
- Тимофеев И. Н. Политика санкций США на уровне исполнительной власти // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66, № 3. С. 23–32. <http://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-3-23-32>; EDN: ISPDTG

- Ушкалова Д. И. Внешняя торговля России в условиях санкционного давления // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3. С. 218–226. <http://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-14>; EDN: OGZSKI
- Alexander K. *Economic Sanctions : Law and Public Policy*. London : Palgrave Macmillan, 2009. <https://doi.org/10.1057/9780230227286>
- Bapat N. A., Heinrich T., Kobayashi Y., Morgan T. C. Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data // *International Interactions*. 2013. Vol. 39, iss. 1. P. 79–98. <https://doi.org/10.1080/03050629.2013.751298>
- Bělin M., Hanousek J. Which Sanctions Matter? Analysis of the EU/Russian Sanctions of 2014 // *Journal of Comparative Economics*. 2021. Vol. 49, iss. 1. P. 244–257. <http://doi.org/10.1016/j.jce.2020.07.001>; EDN: EVRHMX
- Cooper Drury A. *Economic Sanctions and Presidential Decisions : Models of Political Rationality*. New York : Palgrave Macmillan, 2005. <https://doi.org/10.1057/9781403976956>
- Economic Sanctions in International Law and Practice* / ed. by M. Asada. London : Routledge, 2020. <https://doi.org/10.4324/9780429052989>
- Griswold D. *Mad About Trade: Why Main Street America Should Embrace Globalization*. Washington, D.C. : Cato Institute, 2009.
- Hufbauer G. C., Jung E. What's New in Economic Sanctions? // *European Economic Review*. 2020. Vol. 130. Art. 103572. <https://doi.org/10.1016/j.eurocorev.2020.103572>; EDN: FSLNGO
- Jones L., Portela C. Evaluating the Success of International Sanctions: A New Research Agenda // *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*. 2020. No. 125. P. 39–60. <https://doi.org/10.24241/rcai.2020.125.2.39/en>; EDN: IOLKON
- Nephew R. *The Art of Sanctions. A View from the Field*. New York; Chichester; West Sussex : Columbia University Press, 2017. <https://doi.org/10.7312/neph18026>
- Szasz P. The Law of Economic Sanctions // *International Law Studies*. 1998. Vol. 71, iss. 1. P. 455–481.
- Timofeev I. N. Rethinking Sanctions Efficiency // *Russia in Global Affairs*. 2019. Vol. 17, no. 3. P. 86–108. <http://doi.org/10.31278/1810-6374-2019-17-3-86-108>; EDN: OTBAIS
- Zarate J. C. *Treasury's War : The Unleashing of a New Era of Financial Warfare*. New York : PublicAffairs, 2013.

Сведения об авторе:

Ниязова Марина Валентиновна — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин, Владивостокский государственный университет; eLibrary SPIN-код: 2707-2048; ORCID: 0000-0001-5638-6959; e-mail: marinav.var@yandex.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-309-321

EDN: PKVQNA

Научная статья / Research article

Китай и страны Глобального Юга: экономическое сотрудничество Уругвая и Китая в начале XXI в.

О.В. Волосюк , К. Кирога Кремеля

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Российская Федерация
 ovolosiuk@hse.ru

Аннотация. Рассмотрено развитие взаимодействия между Китаем и Латинской Америкой с фокусом на экономическое сотрудничество с Уругваем. Проведен анализ нового экономического и политического ландшафта на Глобальном Юге, подчеркнуты конкретные аспекты политики Китая в этом регионе. Авторы выделяют два ключевых этапа в двусторонних отношениях между Китаем и Уругваем, охватывающих почти 25 лет, причем Соглашение 2016 г. ознаменовало собой важную веху в установлении стратегического партнерства между двумя странами. Использование Глобального Юга в качестве теоретического и методологического маркера для научного исследования требует четкой методологической структуры, построенной вокруг концептуальных параметров самого Глобального Юга. Подход Уругвая к концепции Глобального Юга имеет методологическое значение, учитывая его сбалансированную и умеренную позицию во внешней политике. Показано, как Китай, стремясь укрепить свои позиции в Латинской Америке, разрабатывает комплексную политику по увеличению товарооборота и инвестиций в регионе. В частности, рассматривается динамика экспорта и импорта между Китаем и Уругваем, а также роль Уругвая как стратегического партнера для Китая. Изучена правовая и институциональная среда Уругвая, благоприятствующая иностранным инвестициям, и отмечено, что, несмотря на значительные успехи в торговле, уровень китайских инвестиций в Уругвай остается относительно низким. Выявлены возможные причины этого явления и перспективы дальнейшего развития инвестиционного сотрудничества. Особое внимание уделено роли инициативы «Один пояс, один путь», к которой Уругвай присоединился в 2018 г., став первым членом Общего рынка стран Южного конуса (МЕРКОСУР), поддержавшим данную китайскую инициативу. Подчеркивается важность дальнейшего углубления стратегического партнерства между Китаем и Уругваем, которое может служить успешным примером взаимодействия в рамках Глобального Юга и способствовать укреплению позиций стран Глобального Юга на международной арене.

Ключевые слова: Латинская Америка, торговые отношения, инвестиции, МЕРКОСУР, всеобъемлющее стратегическое партнерство

Заявление о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов. Волосюк О.В.: концептуализация, разработка методологии исследования, научное руководство исследованием, написание разделов рукописи, редактирование рукописи. Кирога Кремеля К.: сбор и оценивание данных, проведение исследования, написание разделов рукописи. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Благодарности. Исследование подготовлено при грантовой поддержке факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ в 2025 году.

Для цитирования: Волосяк О. В., Кирога Кремелля К. Китай и страны Глобального Юга: экономическое сотрудничество Уругвая и Китая в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 309–321. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-309-321>

China and the Countries of the Global South: Uruguay and China Economic Cooperation at the Beginning of the 21st Century

Olga V. Volosyuk , Carlos Quiroga Cremella

National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

ovolosiuk@hse.ru

Abstract. The article examines the development of relations between China and Latin America, focusing on economic cooperation with Uruguay. The study analyzes the formation of a new economic and political landscape in the Global South, highlighting the specific aspects of China's policy in this region. The authors identify two key phases in the bilateral relationship between China and Uruguay, spanning nearly twenty-five years, with the 2016 agreement marking a significant milestone in establishing a strategic partnership between the two countries. Using the Global South as a theoretical and methodological marker for scientific inquiry requires a clear methodological framework built around the conceptual parameters of the Global South itself. Uruguay's approach to the Global South concept is methodologically crucial, given its balanced and moderate foreign policy stance. The article demonstrates how China, seeking to strengthen its position in Latin America, is developing a comprehensive policy to increase trade turnover and investments in the region. Specifically, the dynamics of export and import between China and Uruguay are examined, as well as Uruguay's role as a strategic partner for China. The authors analyze Uruguay's legal and institutional environment that facilitates foreign investment and note that despite significant successes in trade, the level of Chinese investments in Uruguay remains relatively low. The article goes on to explore potential reasons for this phenomenon and the prospects for further development of investment cooperation. Special attention is given to the role of the Belt and Road Initiative (BRI), which Uruguay joined in 2018, thus becoming the first Southern Common Market (MERCOSUR) member to support this Chinese initiative. The article underscores the importance of further deepening the strategic partnership between China and Uruguay, which can serve as a successful example of interaction within the Global South and contribute to the strengthening of the positions of Global South countries on the international stage.

Key words: Latin America, economic relations, investments, MERCOSUR, comprehensive strategic partnership

Conflicts of interest. The authors declared no conflicts of interest.

Authors' contributions. O.V. Volosyuk: conceptualization, elaboration of research methodology, scientific supervision of the research, writing parts of the manuscript, editing the manuscript. C. Quiroga Cremella: data collection and validation, conducting the study, writing parts of the manuscript. Both authors have read and approved the final version of the article.

Acknowledgements. Support from the Individual Research Program of the HSE Faculty of World Economy and International Affairs is gratefully acknowledged.

For citation: Volosyuk, O. V., & Quiroga Cremella, C. (2025). China and the countries of the Global South: Uruguay and China economic cooperation at the beginning of the 21st century. *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(2), 309–321. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-309-321>

Введение: присутствие Китая в Латинской Америке

В конце 2023 г. ведущий испанский аналитический центр *Real Instituto Elcano* опубликовал развернутый доклад под названием «Почему Латинская Америка имеет

значение?». Авторы утверждали, что западные страны теряют все больше влияния в Латинской Америке из-за «экономической несостоятельности и политической нестабильности» региона. В результате и Европа, и США в значительной степени оставили Латинскую

Америку, «открыв путь для Китая, который уже стал или близок к тому, чтобы стать гегемоном в этом регионе»¹. Хотя первые два утверждения могут быть восприняты как политически ангажированные преувеличения, укрепление позиций Китая в Латинской Америке в течение первой четверти XXI в. и его превращение в ключевого стратегического партнера для многих стран региона не вызывает сомнений.

С момента начала стратегических реформ после 1979 г. Китай превратился в крупную политическую и экономическую державу глобального масштаба. Быстрый экономический рост, продолжавшийся более четырех десятилетий, сделал его процветающим и технологически продвинутым государством, заинтересованным в расширении внешнеэкономических связей и инициировании новых инвестиционных проектов. Помимо естественного увеличения торгово-инвестиционного обмена в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а также с развитыми странами Западной Европы и Северной Америки Китай начал активно укреплять свое присутствие в Африке, Латинской Америке и Карибском бассейне (ЛАКБ). Еще в 1988 г. китайский лидер Дэн Сяопин заявлял: «Говорят, XXI век будет веком Тихоокеанского региона... Я твердо верю, что он станет также и веком Латинской Америки. И я надеюсь, что эпоха Тихоокеанского региона, эпоха Атлантики и эпоха Латинской Америки будут сосуществовать одновременно» (Jiang, 2006, pp. 77–78).

До начала XXI в. Китай оставался второстепенным торговым партнером для ЛАКБ — региона, традиционно ориентированного на США и Европу. Однако после вступления Китая во Всемирную торговую организацию (ВТО) в 2001 г. его экономические связи со странами ЛАКБ начали стремительно развиваться. В апреле 2001 г. председатель КНР Цзянь Цзэминь заявил: «XXI век станет веком, когда Китай и Латинская Америка будут рука

об руку сотрудничать во всех сферах, и это будет век, в котором народы Китая и Латинской Америки построят лучшее будущее» (Jiang, 2006, p. 78).

В это время были заложены прочные политические, экономические и культурные связи. В настоящее время Китай является вторым по значимости торговым партнером стран ЛАКБ. Экономическая интеграция между Китаем и странами ЛАКБ базируется на трех составляющих: торговле, инвестициях и кредитовании. С 2000 по 2020 г. объем торговли между Китаем и государствами региона увеличился с 12 млрд до 310 млрд долл. США². Эти цифры особенно впечатляют, если учесть, что в начале 2000-х гг. доля Китая в торговле с ЛАКБ составляла менее 1 %, тогда как в настоящее время она достигла примерно 18 %, уступая лишь США с их долей в 38 %, что во многом объясняется крепкими торговыми отношениями между Китайской Народной Республикой (КНР) и Мексикой. На современном этапе для ЛАКБ Китай является крупнейшим торговым партнером, на которого приходится 25 % всего объема торговли, а если рассматривать только пространство Общего рынка стран Южного конуса (МЕРКОСУР), то доля Китая составит 24 %³. Для Бразилии, Чили, Перу, Эквадора и Уругвая Китай занимает первое место среди внешнеторговых партнеров, для Аргентины, Мексики, Колумбии и Коста-Рики — второе и для Парагвая — третье. В 2021 г. общий товарооборот между Китаем и странами ЛАКБ достиг 421,591 млрд долл. США, что на 41 % превышает показатель предыдущего года⁴.

Эти данные — не просто свидетельство успешных двусторонних отношений. Позиционируя себя как «крупная развивающаяся

¹ Malamud C., Ruiz J. J., Talv E. Why Does Latin America Matter? // Informe Eclano. 2023. No. 32. P. 17. URL: <https://media.realinstitutoelcano.org/wp-content/uploads/2023/12/elcano-report-32-why-does-latin-america-matter.pdf> (accessed: 01.03.2024).

² Raza W., Grohs H. Trade Aspects of China's Presence in Latin America and the Caribbean // Directorate General for External Policies of the European Parliament. November 2022. URL: [https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/702572/EXPO_BRI\(2022\)702572_EN.pdf](https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/702572/EXPO_BRI(2022)702572_EN.pdf) (accessed: 06.04.2024).

³ Ibid.

⁴ Comercio entre China y Latinoamérica registra nuevo máximo en 2021, pese a pandemia // SELA. 27.01.2021. URL: <https://www.sela.org/comerciochinalc/> (accessed: 23.03.2024).

страна»⁵, Китай выстраивает международные связи таким образом, чтобы они соответствовали его геополитическим и геоэкономическим интересам в качестве лидера Глобального Юга. Использование концепта Глобального Юга в качестве теоретического и методологического ориентира требует освоения методологического аппарата, основанного на концептуальных параметрах самого Глобального Юга. Данный термин традиционно охватывает развивающиеся страны, ориентированные на взаимную солидарность, экономическое сотрудничество и общие цели развития, отличающиеся от отношений, в которых доминирует Север. Лидерство Китая на пространстве Глобального Юга выразилось в масштабных торгово-инвестиционных проектах с партнерами в Азии, Африке и ЛАКБ. В этом контексте сформировался обновленный алгоритм сотрудничества Юг — Юг, при котором наиболее влиятельные государства Глобального Юга (во главе с Китаем) начали отвоевывать все более значительные сегменты развивающихся рынков у западных держав и транснациональных корпораций (Яковлев, 2021). Сюэ Гун также указывает на сложности в торгово-инвестиционной политике Китая как основу его взаимодействия со странами Глобального Юга⁶.

Подход Уругвая к концепции Глобального Юга, учитывая взвешенную и умеренную внешнеполитическую стратегию Монтевидео, представляется методологически значимым. Он контрастирует с более идеологизированными моделями, характерными для других латиноамериканских государств, и позволяет глубже проанализировать разнообразие

интерпретаций и практик сотрудничества внутри Глобального Юга. Такой подход признает наличие множества контекстуально обусловленных стратегий в отличие от единой универсальной модели. Сквозь эту призму, через конкретные двусторонние инициативы: потоки инвестиций, торговые паттерны и технологический обмен — авторы подходят к анализу практического измерения сотрудничества между Китаем и Уругваем.

Активизация внешнеторговой и инвестиционной деятельности Китая в странах Глобального Юга привела к росту академического интереса к данной теме. С конца 2000-х гг. наблюдается экспоненциальный рост числа исследований как западных (Gallagher & Porzecanski, 2010; Cypher & Wilson, 2015), так и незападных ученых (León-Manríquez, 2006), посвященных политике Китая в отношении ЛАКБ. В российской академической среде китайско-латиноамериканские отношения также получили всестороннее освещение как с позиции Китая (Лексютина, 2012; Сафронова, 2023), так и с точки зрения стран Латинской Америки (Борзова, 2009; Сударев, 2015). Современные исследования, как правило, сосредоточены на общем векторе политики КНР в регионе ЛАКБ (China — Latin America Relations in the 21st Century..., 2021; Берналь-Меца, 2022; Jenkins, 2022; Cardozo de Barrios, Luna & Moreno Treviño, 2023). Китайские исследователи в свою очередь акцентируют внимание на более широких темах социально-экономического, политического и инвестиционного сотрудничества, а также выявляют стратегические цели Китая в регионе (He, 2019; Jiang, 2024). К числу критически важных тем относятся и аспекты противостояния с США (He & Sitegeqi, 2023; Serrano-Moreno, 2024).

Несмотря на значительный массив литературы, затрагивающей политику Китая в отношении стран ЛАКБ, исследований, посвященных отдельным государствам, все еще немного, за исключением Бразилии, Аргентины и Мексики. Комплексный анализ китайско-уругвайских отношений до сих пор не проведен, хотя отдельные публикации касаются внешней политики Уругвая и его

⁵ China Is a Developing Country in Rapid Transition // Global Times. August 21, 2023. URL: <https://www.globaltimes.cn/page/202308/1296688.shtml> (accessed: 10.03.2025).

⁶ Gong X. The Challenges Behind China's Global South Policies // Carnegie Endowment for International Peace. December 11, 2024. URL: <https://carnegieendowment.org/posts/2024/12/the-challenges-behind-chinas-global-south-policies?lang=en> (accessed: 10.03.2025). (Деятельность международной неправительственной организации *Carnegie Endowment for International Peace* признана нежелательной на территории Российской Федерации. — Прим. ред.).

участия в сотрудничестве Юг — Юг (Андреев, 2015; Киреева, 2016; López Burian et al., 2023), а также дипломатических и экономических контактов двух стран⁷.

Цель исследования — продемонстрировать, как стратегические инициативы Китая повлияли на экономический ландшафт Глобального Юга на примере отношений между Китаем и Уругваем. На основе многоаспектного анализа экономических взаимодействий между двумя странами, включая торговую динамику, инвестиционные паттерны и двусторонние соглашения, авторы показывают стремление Китая усилить свое присутствие в регионе ЛАКБ посредством наращивания торговли и инвестиций, при этом Уругвай выступает в качестве ключевого партнера.

Исследование опирается на анализ уругвайских источников, документов международных организаций, а также двусторонних соглашений и меморандумов о взаимопонимании, подписанных с целью укрепления экономических связей и развития новых направлений сотрудничества. Особое внимание уделено позиции Уругвая в контексте двусторонних отношений, включая торговый баланс, структуру экспорта и импорта, а также правовые и институциональные механизмы, способствующие привлечению в страну иностранных инвестиций.

Установление двусторонних отношений

В 1988 г. китайский лидер Дэн Сяопин заявил: «Политика Китая заключается в развитии и поддержании хороших отношений с Латинской Америкой и в том, чтобы сделать китайско-латиноамериканские отношения образцом сотрудничества Юг — Юг» (Jiang, 2006, pp. 77–78). Еще в начале 1970-х гг. Китай начал выходить из международной изоляции, провозгласив курс на «реформу и открытость», что позволило ему интегрироваться в мировое политическое и экономическое сообщество и наладить дипломатические от-

ношения с государствами ЛАКБ. Этот процесс начался с «периода дипломатического признания» (1970–1977 гг.) и продолжился в «период активизации двусторонних отношений» (1980–1989 гг.) (Malena, 1997, p. 167).

В 1988 г. Уругвай восстановил демократию после периода военной диктатуры (1973–1984 гг.), и уже 3 февраля 1988 г., после секретных переговоров между двумя правительствами⁸, Уругвай и Китай официально установили дипломатические отношения, заключив три основополагающих соглашения (Raggio Souto, 2019, pp. 180–190; Romero Wimer & Senra Torviso, 2019, pp. 57–59).

Важной вехой в развитии двусторонних отношений стало подписание 18 октября 2016 г. во время государственного визита президента Уругвая Табаре Васкеса в Китай *Совместной декларации между Восточной Республикой Уругвай и Китайской Народной Республикой о создании стратегического партнерства*⁹ и *Соглашения о свободной торговле* (Romero Wimer & Senra Torviso, 2019, p. 75). Министр иностранных дел Уругвая Родольфо Нин Новоа тогда заявил, что, несмотря на неопределенность перспектив соглашения о свободной торговле, Уругвай и Китай могут вывести свои отношения на уровень «всеобъемлющего стратегического партнерства», подчеркнув при этом, что Уругвай является «наиболее стабильной страной Южной Америки как в институциональном, политическом и социальном, так и в экономическом плане»¹⁰.

⁸ Nataleovich M. Negociaciones secretas con China: la ruptura con Taiwán y la primera visita de Sanguinetti // El Observador. 17.02.2023. URL: <https://www.elobservador.com.uy/nota/negociaciones-secretas-con-china-la-ruptura-con-taiwan-y-la-primera-visita-de-sanguinetti-202321517400> (accessed: 20.03.2025).

⁹ Declaración Conjunta entre la República Oriental del Uruguay y la República Popular China sobre el establecimiento de una Asociación Estratégica (Versión integral) // Ministry of Foreign Affairs of the People's Republic of China. October 18, 2016. URL: https://www.fmprc.gov.cn/esp/wjdt/gongbao/201610/t20161021_910957.html (accessed: 18.03.2024).

¹⁰ Con el posible TLC en un limbo, Uruguay y China trabajan para elevar su relación bilateral a nivel de “asociación estratégica integral” // Búsqueda. 18.01.2018. URL: <https://www.busqueda.com.uy/Secciones/Con-el-posible-TLC-en-un-limbo-Uruguay-y-China-trabajan-para-elevar>

⁷ Bartesaghi I., Melgar N. Towards a Trade Agreement Between Uruguay and China. Montevideo: Universidad Católica del Uruguay, 2023. URL: <https://carreras.ucu.edu.uy/auccdocumento.aspx?1715,2648> (accessed: 12.04.2024). См. также: (Bartesaghi & Mangana, 2012).

В 2018 г., в честь 30-летия установления дипломатических отношений, Китай и Уругвай подписали меморандум о взаимопонимании по вопросам сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс, один путь»¹¹. Таким образом Уругвай стал первой страной — членом МЕРКОСУР, присоединившейся к этому китайскому проекту¹².

Торговые отношения между Китаем и Уругваем

С 2013 г. Китай является основным торговым партнером Уругвая. В 2022 г. на долю Китая пришлось 28 % всего уругвайского экспорта, что составило 3,675 млрд долл. США. За ним следовали Европейский союз (ЕС) (15 %), Бразилия (14 %), Аргентина (9 %) и США (6 %)¹³. Что касается импорта, то Китай в 2022 г. занял второе место после Бразилии, обеспечив 21 % общего объема ввоза в страну на сумму 2,352 млрд долл. США. Импорт из Китая вырос на 18 % по сравнению с 2021 г. и почти сравнялся с 23 % импорта из Бразилии. Другими важными поставщиками для Уругвая в этот период были Аргентина (13 %) и США (6 %)¹⁴.

Структура двусторонней торговли отражает типичную модель отношений «Север — Юг», аналогичную структуре торговли Уругвая с США, ЕС или Японией. Китай

закупает 40 % всего уругвайского экспорта говядины — основного экспортного продукта страны¹⁵. Кроме того, на долю Китая приходится 30 % поставок сои из Уругвая, что делает ее вторым по значимости экспортным товаром, объем поставок которого составил 1,174 млрд долл. США¹⁶. Китай также традиционно занимает первое или второе место по закупке других уругвайских товаров: целлюлозы, риса и молочной продукции. В то же время импорт из Китая в Уругвай представлен в основном технологической продукцией (на сумму 325 млн долл. США), агрохимикатами (242 млн долл. США) и обувью (243 млн долл. США). Таким образом, китайский экспорт в Уругвай преимущественно состоит из высокотехнологичной продукции, химикатов и текстиля. Несмотря на торговый дисбаланс, в 2022 г. Уругвай имел положительное сальдо в торговле с Китаем в размере 1,143 млрд долл. США: экспорт в Китай составил 3,675 млрд, импорт — 2,352 млрд долл. США¹⁷. Значение Китая как рынка сбыта для уругвайского экспорта продолжает расти не только количественно, но и с точки зрения повышения цен, хотя они все еще уступают ценам, которые предлагают Япония или ЕС.

Как и другие страны МЕРКОСУР, Уругвай сталкивается с конкуренцией на китайском рынке и несет издержки в виде экспортных пошлин, которые не действуют в отношении его конкурентов, таких как Австралия и Новая Зеландия. За исключением целлюлозы большинство уругвайских товаров, экспортируемых в Китай (включая говядину, сою, рис и молочную продукцию), облагаются высокими таможенными пошлинами. В 2021 г. Уругвай заплатил Китаю 254 млн долл. США в виде экспортных пошлин, что составило 52 % всех пошлин, уплаченных уругвайскими экспортерами в мире¹⁸. В це-

su-relacion-bilateral-a-nivel-de-asociacion-estrategica-integral--uc34521 (accessed: 18.03.2024).

¹¹ Memorandum of Understanding Between the Government of the Oriental Republic of Uruguay and the Government of the People's Republic of China for Cooperation on the Belt and Road Initiative // *Acuerdos de Cooperación entre China y América Latina*. URL: <https://www.chinaenamericalatina.info/wp-content/uploads/2019/07/Mou-Uruguay.pdf> (accessed: 08.03.2024).

¹² Uruguay acuerda con organizaciones chinas la promoción de los atractivos turísticos nacionales // *Presidencia Uruguay*. 24.08.2018. URL: <https://www.gub.uy/presidencia/comunicacion/noticias/uruguay-acuerda-organizaciones-chinas-promocion-atractivos-turisticos> (accessed: 18.03.2024).

¹³ Informe Anual. Comercio Exterior. 2022: Para las exportaciones uruguayas // *Uruguay XXI*. URL: <https://www.uruguayxxi.gub.uy/uploads/informacion/60c2bf22c0742f8f2913b4f1c068b01c9fafa046.pdf> (accessed: 10.04.2024).

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid.

¹⁷ Informe mensual. Comercio exterior. Enero 2023 // *Uruguay XXI*. URL: <https://www.uruguayxxi.gub.uy/uploads/informacion/40c235b02b8edff6a4cebd254dafb67891c24ebd.pdf> (accessed: 20.03.2024).

¹⁸ Informe mensual. Comercio exterior. Enero 2023 // *Uruguay XXI*. URL: <https://www.uruguayxxi.gub.uy/>

лом 80 % уругвайского экспорта в Китай подпадало под пошлины, причем основная их часть (97 %) приходилась всего на пять товарных категорий. В частности, доля говядины составила 70 % всех пошлин, уплаченных Китаю¹⁹. По имеющимся оценкам, только за говядину в 2021 г. Уругвай уплатил 91 млн долл. США в виде 12-процентного налога. В том же году Китай закупил 61 % уругвайского экспорта говядины, что составило 37 % всех уругвайских пошлин в мире²⁰.

В этом контексте правительство Уругвая под руководством президента Луиса Лакалье Поу инициировало переговоры о заключении соглашения о свободной торговле с Китаем, несмотря на возражения других членов МЕРКОСУР, утверждавших, что подобные договоренности о либерализации тарифов должны быть согласованы на уровне всего объединения. Такая позиция основана на Решении № 32/2000 Совета МЕРКОСУР, которое обязывает страны-члены вести коллективные переговоры с третьими странами или международными организациями по вопросам, связанным с налоговыми преференциями²¹. Уругвай, в свою очередь, настаивает на том, что это решение не имеет юридической силы, поскольку, несмотря на его политическую значимость, не было ратифицировано на национальном уровне всеми странами-участницами. Кроме того, соблюдение норм таможенного союза вызывает сомнения из-за многочисленных исключений и нарушений, прежде всего со стороны Аргентины и Бразилии²².

Несмотря на сопротивление со стороны других стран МЕРКОСУР, правительство

Уругвая в 2022 г. объявило о завершении технико-экономического анализа и начале официальных переговоров с Китаем²³. Однако эти переговоры были приостановлены из-за политических трудностей и предполагаемого давления на Китай со стороны Бразилии²⁴. С учетом ограниченных перспектив подписания соглашения о свободной торговле в ближайшем будущем двусторонняя торговля между странами по-прежнему будет облагаться пошлинами и сталкиваться с высокой конкуренцией. Тем не менее Уругвай все еще может улучшить доступ к китайскому рынку путем переговоров о более эффективных условиях в отношении санитарного и фитосанитарного контроля, а также инспекций производств.

В условиях отсутствия соглашения о свободной торговле, особенно для страны с аграрно-экспортной ориентацией, такой как Уругвай, становится крайне важным улучшение условий доступа к китайскому рынку. С 1988 г. между странами был подписан ряд протоколов и меморандумов о взаимопонимании, касающихся допуска уругвайской говядины, молочной продукции, шерсти, риса, сои и других товаров на китайский рынок. В настоящее время продолжаются переговоры по обновлению действующих протоколов и заключению новых, направленных на расширение перечня экспортируемых товаров. Так, в 2019 г. около 60 % говядины и 50 % сои, экспортируемых Уругваем, направлялись в Китай (Fiore Viani, 2023, p. 112). В 2023 г. уругвайские власти продолжили переговоры о поставках в Китай конины и сорго²⁵. Кроме

uploads/informacion/40c235b02b8edff6a4cebd254dafb67891c24ebd.pdf (accessed: 20.03.2024).

¹⁹ Ibid.

²⁰ Informe Anual. Comercio Exterior. 2022: Para las exportaciones uruguayas // Uruguay XXI. URL: <https://www.uruguayxxi.gub.uy/uploads/informacion/60c2bf22c0742f8f2913b4f1c068b01c9fafa046.pdf> (accessed: 10.04.2024).

²¹ Decision 32/2000 // Normativas de los órganos decisivos del MERCOSUR. URL: <https://normas.mercosur.int/public/normativas/1248> (accessed: 10.05.2024).

²² Folonier Muxí M. I. Uruguay's Stubborn Dissidence in Mercosur // Universidad de Navarra. June 23, 2023. URL: <https://en.unav.edu/web/global-affairs/la-tozuda-disidencia-de-uruguay-en-mercosur> (accessed: 10.03.2025).

²³ Lacalle Pou anunció inicio de negociaciones con China por tratado de libre comercio // Presidencia Uruguay. 13.07.2022. URL: <https://www.gub.uy/presidencia/comunicacion/noticias/lacalle-pou-anuncio-inicio-negociaciones-china-tratado-libre-comercio> (accessed: 10.04.2024).

²⁴ Uruguay Accuses Argentina and Brazil of Hindering Free Trade Agreement with China // Fundación Andrés Bello. March 7, 2024. URL: <https://fundacionandresbello.org/en/news/uruguay-uy-news/uruguay-accuses-argentina-and-brazil-of-hindering-free-trade-agreement-with-china/> (accessed: 10.05.2024).

²⁵ 35 años de Relaciones diplomáticas Uruguay — China // Embassy of China in Uruguay. URL:

того, постоянно действующие двусторонние комитеты, такие как Консультативный комитет по санитарным, фитосанитарным, качественным и продовольственным вопросам, являются основными площадками для обсуждения условий допуска сельскохозяйственной, животноводческой и рыбной продукции на китайский рынок²⁶.

Китай, в свою очередь, заинтересован в расширении доступа к рынку Уругвая, особенно в области поставок агропродукции, что позволяет ему диверсифицировать источники продовольствия. Анализ экономических взаимодействий между странами показывает, что в их отношениях преобладают прагматичные интересы, что делает эти связи примером реалистичного сотрудничества Юг — Юг, лишенного идеологизированной риторики или публичных заявлений о принадлежности к каким-либо общим проектам стран Глобального Юга.

Китайские инвестиции в Уругвае

За последние три десятилетия Уругвай сформировал комплексную правовую базу для привлечения прямых иностранных инвестиций (ПИИ). В стране существует широкий политический консенсус относительно того, что иностранные инвестиции способствуют развитию национальной экономики и общества. Основой для данной системы стал принятый в 1996 г. Закон № 16906, направленный на защиту и поощрение инвестиций. Этот закон неоднократно обновлялся и дополнялся указами в 1998, 2007, 2012, 2018 и 2020 гг., что свидетельствует о стремлении различных правительств, представлявших три крупнейшие политические партии страны, не только сохранить, но и усовершенствовать существовавшую систему²⁷.

<http://uy.china-embassy.gov.cn/gdxw/202302/P020230306831558374415.pdf> (accessed: 04.06.2024).

²⁶ Ibid.

²⁷ Investment Policy Reviews: Uruguay // OECD. 2021. P. 109–144. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2021/07/oecd-investment-policy-reviews-uruguay_d0eea6ac/1135f88e-en.pdf (accessed: 10.03.2025).

Указанная система предусматривает существенные налоговые льготы и освобождения, охватывающие от 20 до 100 % объема первоначальных инвестиций. Кроме того, предоставляются освобождения от уплаты налога на добавленную стоимость при закупке и ввозе товаров, необходимых для основной производственной деятельности. Уровень освобождения от налога на прибыль зависит от критериев, таких как увеличение объемов экспорта, создание новых рабочих мест, внедрение новых технологий, размещение инвестиций в малых населенных пунктах и сельских районах. Комиссия по применению инвестиционного законодательства оценивает новые проекты в соответствии с этими критериями и определяет, полагаются ли для них какие-либо преференции²⁸.

С учетом целей по обеспечению стабильности и получения правовых преимуществ Уругвай стабильно увеличивал объемы накопленных ПИИ с 2002 г., достигнув пика в 2013 г., после чего началось незначительное снижение²⁹. Отрицательные значения наблюдались в 2016–2018 гг. в связи с межфирменными займами иностранных головных офисов, однако в целом за этот период наблюдался рост новых инвестиций.

По состоянию на 2020 г. основными инвесторами в экономику Уругвая являлись Испания (18 %), Аргентина (15 %), Финляндия (10 %, в основном за счет целлюлозного завода), Бразилия (9 %), Швейцария (7 %), США (7 %), Чили (6 %) и Нидерланды (4 %). Согласно данным агентства *Uruguay XXI*, доля Китая в объеме прямых иностранных инвестиций составляла менее 1 %³⁰. Таким образом, структура инвестиций по-прежнему формируется традиционными западными

²⁸ Anexo — Normativa para promover la inversión en Uruguay // Uruguay XXI. URL: <https://www.uruguayxxi.gub.uy/uploads/informacion/c941009071fd06fd709cc3515658fa887c61d027.pdf> (accessed: 04.06.2024).

²⁹ Informe: Inversión Extranjera Directa // Uruguay XXI. Noviembre 2024. P. 14. URL: <https://www.uruguayxxi.gub.uy/uploads/informacion/92e8b10ff2b8d5d4a88d7d32940396f359007a2e.pdf> (accessed: 04.12.2024).

³⁰ Ibid. P. 15.

партнерами, а также региональными соседями, такими как Аргентина, Бразилия и Чили. Нетрадиционные источники, особенно страны Азии, и Китай в частности, пока занимают в этом списке незначительное место; из азиатских стран только Сингапур входит в ТОП-15 ведущих инвесторов.

В 2020 г. доля Китая среди всех проектов, одобренных Комиссией по применению инвестиционного законодательства, составила лишь 0,1 %, а в 2021 г. — 3 %³¹. Это существенно ниже аналогичных показателей для США (48 %) или Норвегии (20 %) в том же году. Такое соотношение диссонирует с фактом активной внешней торговли между Уругваем и Китаем. Несмотря на то, что Китай в течение последнего десятилетия является основным торговым партнером Уругвая и активно участвует в двустороннем политическом диалоге и кооперации, объем китайских инвестиций по-прежнему остается незначительным по сравнению с вкладами традиционных инвесторов.

Ограниченное участие Китая в качестве инвестора в Уругвае резко контрастирует с его активностью в других странах ЛАКБ. Так, в 2018 г. Китай занимал девятое место среди инвесторов в Бразилию и на протяжении 2010–2017 гг. чередовался с США на первом или втором местах по показателю объема инвестиций (De Barros Torres, 2020). В Уругвае же доля китайских инвестиций в общем объеме ПИИ с 2012 по 2020 г. ни разу не превышала 0,3 %, уступая традиционным инвесторам, таким как Испания, Нидерланды, США, Аргентина, Бразилия и др. Основными секторами вложений Китая в Уругвай были сельское хозяйство и автомобильная промышленность, при этом незначительные инвестиции были зафиксированы в сферах транспорта, логистики, телекоммуникационной инфраструктуры, торговли, финансов и технологий. С 2010 по 2020 г. 67 % китайских инвестиций были направлены в аграрный сектор, причем

почти половина всех вложений пришлась на одну компанию, которая приобрела два крупных мясоперерабатывающих предприятия в Уругвае³².

С 2010 по 2020 г. китайские компании осуществили лишь семь инвестиционных проектов в Уругвае на общую сумму 247 млн долл. США. Среди них можно выделить такие компании, как *Chery Automobile* (которая впоследствии прекратила деятельность в стране), *Lifan Industry Group*, *Zhejiang Geely Holding Group*, *Sundiro Holding*, *Hesheng Group* и *He Zhong Xian Group*. Особенно выделяется компания *Sundiro Holding*, вложившая 823 млн долл. США в покупку двух крупных мясокомбинатов — *Lirtix* и *Rondatel*, а также 36 млн долл. США — в приобретение 50 % акций третьего предприятия — *Lorsinal*. Эти три сделки в совокупности составили 48 % всех китайских инвестиций в Уругвае за указанный период³³.

Существует несколько причин, объясняющих относительно низкий уровень китайских инвестиций в Уругвае.

Во-первых, в отличие от многих других стран ЛАКБ, Уругвай не обладает значительными природными ресурсами, такими как нефть, газ или редкоземельные металлы. Основные активы страны — плодородные сельскохозяйственные земли и развитое животноводство — не соответствуют традиционному профилю китайских зарубежных инвестиций, которые ориентированы преимущественно на добывающие отрасли, особенно в сфере невозобновляемых источников энергии. В результате большинство китайских инвестиций направляется в страны ЛАКБ, обладающие богатыми природными ресурсами, такие как Бразилия, Перу, Чили, Венесуэла или Эквадор.

Во-вторых, политико-экономическая среда Уругвая отличается стабильностью и высоким уровнем институционального

³¹ Informe: Inversión Extranjera Directa // Uruguay XXI. Noviembre 2024. P. 15. URL: <https://www.uruguayxxi.gub.uy/uploads/informacion/92e8b10ff2b8d5d4a88d7d32940396f359007a2e.pdf> (accessed: 04.12.2024).

³² Gálvez R., Rosselot S., Sáez B. Inversiones de China en el Cono Sur de América Latina. Fundación Sol. Enero de 2022. URL: https://www.fundacionsol.cl/cl_luzit_herramientas/static/adjuntos/6828/ChinaConoSur2021.pdf (accessed: 12.04.2024).

³³ Ibid.

развития, что требует от инвесторов строгого соблюдения всех процедур, предусмотренных законодательством. В стране практически отсутствует пространство для прямых межгосударственных соглашений об инвестициях или для предоставления займов государственными банками. Как правило, инвестиции осуществляются через медленные и конкурентные тендерные процедуры, в которых участвуют несколько заинтересованных компаний. Такое положение дел ограничивает возможности государства по прямому заключению долгосрочных контрактов с зарубежными инвесторами.

В-третьих, большинство китайских инвестиций в Уругвае поступает от частных компаний, тогда как в ЛАКБ в целом примерно 75 % китайских вложений приходятся на государственные предприятия и лишь 13 % — на частные или частично государственные структуры³⁴. Такая ориентация на государственные вложения вступает в противоречие с уругвайским конкурентным и строго регулируемым инвестиционным режимом.

В условиях подобной институциональной среды традиционные инвесторы Уругвая, такие как Испания, США, Бразилия и Аргентина, продолжают играть доминирующую роль. В случае с соседними странами немаловажную роль играют географическая близость и культурная общность, а в случае Испании и США — наличие устоявшихся деловых связей и хорошее знание правовой базы.

Несмотря на подобные тенденции, характер китайских инвестиций в Уругвае может измениться в ближайшие годы. По мере развития китайской экономики инвестиционная стратегия КНР может сместиться от традиционного сырьевого сектора в сторону возобновляемых источников энергии и технологических инноваций, что будет лучше соответствовать предложениям уругвайской стороны. Уругвай, в свою очередь, заинтересован в привлечении китайского капитала в такие отрасли, как сельское хозяйство, инфраструк-

тура, логистика и технологии. Это снова подчеркивает прагматичный подход страны к участию в китайских инициативах Юг — Юг, а также умеренное и взвешенное отношение Монтевидео к самой концепции Глобального Юга.

Всеобъемлющее стратегическое партнерство: визит Луиса Лакалье Поу в Китай

Во время государственного визита президента Уругвая Луиса Лакалье Поу в Китай, состоявшегося 22 ноября 2023 г., главы двух государств объявили о намерении заключить двустороннее соглашение о свободной торговле, а также договор аналогичного характера между Китаем и объединением МЕРКОСУР. В рамках визита было провозглашено повышение уровня китайско-уругвайских отношений до статуса всеобъемлющего стратегического партнерства, тем самым отношения между Монтевидео и Пекином были формально выведены на тот же уровень, что и отношения Китая с Аргентиной и Бразилией³⁵.

Совместная декларация об установлении всеобъемлющего стратегического партнерства, опубликованная Министерством иностранных дел Уругвая, включала 24 соглашения в таких областях, как развитие торговли и инвестиций, а также документы о сотрудничестве в сфере сельского хозяйства и рыболовства, здравоохранения, культуры, права и юстиции, научных и технологических инноваций, таможенного контроля, качества и карантинных мероприятий³⁶.

Одним из ключевых документов стал Двусторонний план сотрудничества по

³⁴ Foreign Direct Investment in Latin America and the Caribbean 2021 // ECLAC. URL: https://repositorio.cepal.org/bitstream/handle/11362/47148/S2100318_en.pdf?sequence=4&isAllowed=y (accessed: 22.04.2024).

³⁵ Declaración Conjunta entre la República Oriental del Uruguay y la República Popular China // Ministerio de Relaciones Exteriores. 23.11.2023. URL: https://medios.presidencia.gub.uy/tav_portal/2023/noticias/AL_682/declaracion.pdf (accessed: 22.08.2024).

³⁶ Lista de acuerdos a firmarse en presencia de los jefes de estados en la reunión bilateral // Ministerio de Relaciones Exteriores. URL: <https://www.gub.uy/ministerio-relaciones-exteriores/sites/ministerio-relaciones-exteriores/files/documentos/noticias/Lista%20Definitiva%20de%20Acuerdos%20China-Uruguay%20-%20Resumen%20de%20contenidos%20%281%29.pdf> (accessed: 22.08.2024).

совместному строительству «Экономического пояса Шелкового пути» и «Морского Шелкового пути XXI века». Согласно заявлению председателя КНР Си Цзиньпина, реализация этого плана может превратить Уругвай в своеобразный мост между Китаем и Латинской Америкой³⁷. Среди различных инициатив в сфере экономического сотрудничества особое внимание было уделено положению о возможности использования национальных валют в двусторонней торговле и инвестициях — процессу, в котором такие страны, как Аргентина и Бразилия, уже продвинулись гораздо дальше, чем Уругвай³⁸.

Уругвайская пресса обратила особое внимание на повышение уровня двусторонних отношений до статуса всеобъемлющего стратегического партнерства, расценив это как значительный шаг к укреплению экономических и политических связей с основным торговым партнером страны. В центре внимания СМИ также оказались перспективы заключения соглашения о свободной торговле, которое является приоритетом для правительства Уругвая. Обе стороны подтвердили свою приверженность идее «создания зоны свободной торговли»³⁹. Одной из новых инициатив стал проект по созданию совместной лаборатории нанофармацевтики — одной из первых потенциальных технологических инвестиций Китая в Уругвае⁴⁰.

³⁷ Uruguay, el puente para China en Latinoamérica // Revista.puerto.com.ar. 24.11.2023. URL: <https://revistapuerto.com.ar/2023/11/uruguay-el-puente-para-china-en-latinoamerica/> (accessed: 22.08.2024).

³⁸ Draper G. Uruguay y China buscarán la expansión del uso de su moneda local en sus negocios bilaterales // Busqueda. 03.01.2024. URL: <https://www.busqueda.com.uy/Secciones/Uruguay-y-China-buscaran-la-expansion-del-uso-de-su-moneda-local-en-sus-negocios-bilaterales-uc59605> (accessed: 20.03.2025).

³⁹ Declaración Conjunta entre la República Oriental del Uruguay y la República Popular China // Ministerio de Relaciones Exteriores. 23.11.2023. URL: https://medios.presidencia.gub.uy/tav_portal/2023/noticias/AL_682/declaracion.pdf (accessed: 22.08.2024).

⁴⁰ TLC, asociación integral, deporte: ¿qué dice la declaración conjunta entre Uruguay y China? // El Observador. 23.11.2023. URL: <https://www.elobservador.com.uy/nota/tlc-asociacion-integral-deporte-que-dice-la-declaracion-conjunta-entre-uruguay-y-china--2023112384652> (accessed: 18.05.2024).

Значение укрепления стратегического партнерства с Уругваем в контексте продвижения китайского проекта «Один пояс, один путь» заключается в диверсификации китайской торговли за пределами крупнейших держав континента. Учитывая, что во второй половине 2024 г. Уругвай председательствовал в МЕРКОСУР, позиция И. Бартесаги, согласно которой «Уругвай способен придать импульс отношениям Южной Америки с Китаем», выглядит вполне обоснованной⁴¹.

Заключение

Уругвай играет важную роль в стратегии Китая по интеграции в Латинскую Америку. С момента установления стратегического партнерства в 2016 г. двусторонняя торговля демонстрирует устойчивый рост. В августе 2018 г. Уругвай стал первой страной МЕРКОСУР, присоединившейся к китайской инициативе «Один пояс, один путь», в 2020 г. — стал членом Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, а в 2021 г. — получил статус потенциального члена Нового банка развития (ранее — Новый банк развития БРИКС).

Уругвай от большинства соседних стран отличается относительно низкий уровень китайских инвестиций, несмотря на многочисленные публичные заявления о намерениях. В то время как другие страны ЛАКБ получали значительные объемы китайских вложений и государственных кредитов, Уругвай остался в стороне: китайские инвестиции в страну были скромными по объему и концентрировались преимущественно в аграрной сфере, а энергетика и сырьевой сектор вовсе остались без внимания. Это объясняется как отсутствием в Уругвае масштабных природных ресурсов, так и наличием в стране эффективных правовых и институциональных механизмов регулирования иностранных инвестиций.

Вместе с тем после подписания Совместной декларации и более двадцати соглашений

⁴¹ Bartesaghi I. Opinion: Uruguay Can Propel South America's Relations with China // Dialogue Earth. June 20, 2024. URL: <https://dialogue.earth/en/justice/opinion-uruguay-can-propel-south-americas-relations-with-china/> (accessed: 26.06.2024).

рамки взаимных обязательств между двумя странами стали более четкими. Оба государства стремятся взаимодействовать в духе устойчивого развития и прозрачности, реализуя проекты, способствующие достижению Целей устойчивого развития (ЦУР).

Отношения между Уругваем и Китаем наглядно демонстрируют как потенциал, так и ограничения экономического сотрудничества в рамках ЛАКБ. По мере эволюции китайской инвестиционной стратегии стабильная и регулируемая инвестиционная среда Уругвая может оказаться все более привлекательной для более диверсифицированных

и технологичных китайских вложений в будущем. Эти отношения не только взаимовыгодны для обеих стран, но и служат примером успешного экономического сотрудничества на пространстве Глобального Юга, усиливая позиции развивающихся государств на международной арене. Развитие указанных процессов в течение первой четверти XXI в. приведет к формированию принципиально новой геоэкономической и геополитической ситуации, в рамках которой взаимодействие стран Глобального Юга будет претерпевать существенные изменения.

Поступила в редакцию / Received: 15.04.2024

Доработана после рецензирования / Revised: 21.01.2025

Принята к публикации / Accepted: 20.03.2025

Список литературы

- Андреев А. С. Уругвай в современных международных отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15, № 4. С. 85–91. EDN: VMBCQH
- Берналь-Меца Р. Динамика и перспективы отношений Китая и Латинской Америки в работах латиноамериканских исследователей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2022. Т. 22, № 3. С. 464–477. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2022-22-3-464-477>; EDN: EPOOYP
- Борзова А. Ю. Особенности отношений КНР и стран Латинской Америки на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2009. № 4. С. 27–40. EDN: KYZXDJ
- Киреева И. Г. Внерегиональные направления внешней политики Уругвая (2010–2015 гг.) // Ибероамериканские тетради. 2016. № 4. С. 94–106. <https://doi.org/10.46272/2409-3416-2016-4-94-106>; EDN: YMНOMZ
- Лексютин Я. В. Китай — активный игрок на просторах Латинской Америки // Латинская Америка. 2012. № 8. С. 22–36. EDN: PBOALN
- Сафронова Е. И. Китайско-латиноамериканская «дуга» в условиях сдвига мирового порядка // Латинская Америка. 2023. № 12. С. 18–33. <https://doi.org/10.31857/S0044748X0028573-9>; EDN: SIKFZS
- Сударев В. П. Китай — Латинская Америка: конец «золотого века»? // Латинская Америка. 2015. № 11. С. 12–19. EDN: UYMMVZ
- Яковлев П. П. Глобальный Юг: концептуальные подходы и социально-экономические процессы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14, № 2. С. 6–27. <https://doi.org/10.23932/2542-0240-2021-14-2-1>; EDN: XGXCVD
- Bartasaghi I., Mangana S. China y Uruguay: oportunidades y retos para vencer asimetrías // América Latina y el Caribe — China, Relaciones Políticas e Internacionales / ed. by J. I. Martínez Cortés. Mexico: UDUAL, UNAM/Cechimex, 2012. P. 1–37.
- Cardozo de Barrios M. L., Luna E., Moreno Treviño J. O. Latin America and China: International Trade and Economic Growth // Análisis Económico. 2023. Vol. 38, no. 99. P. 23–52. URL: https://www.scielo.org.mx/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S2448-66552023000300023 (accessed: 10.11.2024).
- China — Latin America Relations in the 21st Century: The Dual Complexities of Opportunities and Challenges / ed. by R. Bernal-Meza, Li Xing. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2021. <https://doi.org/10.1007/978-3-030-35614-9>
- Cypher J. M., Wilson T. D. China and Latin America: Processes and Paradoxes // Latin American Perspectives. 2015. Vol. 42, iss. 6. P. 5–26. <https://doi.org/10.1177/0094582X15599958>
- De Barros Torres G. Chinese Foreign Direct Investment in Brazil: Evolution, Trends and Concerns Over Critical Infrastructure // Colección. 2020. Vol. 31, no. 1. P. 17–36. <https://doi.org/10.46553/colec.31.1.2020.p17-36>; EDN: PCKQKW
- Fiore Viani J. G. Análisis comparativo de la diplomacia económica China hacia Uruguay y Chile y sus implicaciones para Argentina // Revista Pares — Ciencias Sociales. 2023. Vol. 3, no. 1. P. 105–119. URL:

- <https://revistapares.com.ar/wp-content/uploads/2023/06/6.-Analisis-comparativo-de-la-diplomacia-economica-china-hacia-Uruguay-y-Chile.pdf> (accessed: 01.10.2024).
- Gallagher K., Porzecanski P. *The Dragon in the Room: China and the Future of Latin American Industrialization*. Redwood City : Stanford University Press, 2010. <https://doi.org/10.1515/9780804775984>
- He Sh. Xin shidai Zhongguo dui Lamei de zhanlue ji qi yingxiang yinsu [Стратегия Китая в отношении Латинской Америки в новую эпоху и факторы, влияющие на нее] // *Lading Meizhou Yanjiu* [Журнал латиноамериканских исследований]. 2019. Vol. 41, no. 6. P. 1–21. (На китайском языке). URL: <https://www.ncpssd.cn/Literature/articleinfo?id=7100862002&type=journalArticle&datatype=journalArticle&typename> (accessed: 10.10.2024).
- He Sh., Sitegeqi. “Menluo zhuyi” de yanjin yu Meiguo dui Lamei zhanlue [Эволюция «доктрины Монро» и стратегия США в отношении Латинской Америки] // *Lading Meizhou Yanjiu* [Журнал латиноамериканских исследований]. 2023. Vol. 45, no. 1. P. 50–73. (На китайском языке). URL: <https://www.ncpssd.cn/Literature/articleinfo?id=LDMZYJ2023001004&synUpdateType=&type=journalArticle&typename=%E4%B8%AD%E6%96%87%E6%9C%9F%E5%88%8A%E6%96%87%E7%AB%A0&nav=1&langType=1&pageUrl=https%253A%252F%252Fwww.ncpssd.cn%252Fjournal%252Fdetails%253Fgch%253D92497X%2526years%253D2023%2526num%253D1%2526nav%253D1%2526langType%253D1> (accessed: 10.10.2024).
- Jenkins R. China’s Belt and Road Initiative in Latin America: What Has Changed? // *Journal of Current Chinese Affairs*. 2022. Vol. 51, iss. 1. P. 13–39. <https://doi.org/10.1177/18681026211047871>
- Jiang Sh. Nannan hezuo de Zhongguo shijian yu gongxian — Jiyu “Quanqiu Nanfang” de shijiao [Вклад Китая в сотрудничество Юг — Юг — в перспективе «Глобального Юга»] // *Renmin Luntan Xueshu Qianyan* [Границы]. 2024. No. 7. P. 82–94. (На китайском языке). <https://doi.org/10.16619/j.cnki.rmltxsqy.2024.07.009>
- Jiang Sh. Una mirada china a las relaciones con América Latina // *Nueva Sociedad*. 2006. No. 203. P. 62–78. URL: https://static.nuso.org/media/articles/downloads/3351_1.pdf (accessed: 12.10.2024).
- León-Manríquez J. L. China — América Latina: una relación económica diferenciada // *Nueva Sociedad*. 2006. No. 203. P. 28–47. URL: https://static.nuso.org/media/articles/downloads/3349_1.pdf (accessed: 21.10.2024).
- López Burian C., Luján C., Cajarville D., Casanova M. E., Coca G. et al. Los partidos políticos uruguayos frente a los TLC // *La opción de los TLC en el Uruguay contemporáneo* / coord. por G. Caetano. Montevideo : Universidad de la República, 2023. P. 49–94.
- Malena J. Las relaciones entre América Latina y China // *Colección*. 1997. Vol. III, no. 6. P. 165–199.
- Raggio Souto A. Uruguay y China en 1988: proceso de cambio en las relaciones diplomáticas // *América Latina y el Caribe — China, Relaciones Políticas e Internacionales 2019* / ed. by J. I. Martínez Cortés. Mexico : UDUAL, UNAM/Cechimex, 2019. P. 171–190.
- Romero Wimer F. G., Senra Torviso P. Relaciones diplomáticas entre la República Popular China y la República Oriental del Uruguay (1988–2020) // *Revista Interdisciplinaria de Estudios Sociales*. 2019. No. 20. P. 53–87. URL: <https://ceiso.com.ar/ries/index.php/ojs/article/view/39/13> (accessed: 01.10.2024).
- Serrano-Moreno J. E. Latin America and the Caribbean: How the Belt and Road Initiative Diminished the USA Influence // *The USA and China in the Era of Global Transformations : Geographies of Rivalry* / ed. by S. S. F. Regilme. Bristol : Bristol University Press, 2024. P. 138–159. <https://doi.org/10.56687/9781529228472-009>

Сведения об авторах:

Волосюк Ольга Виленовна — доктор исторических наук, профессор, руководитель департамента зарубежного регионоведения, факультет мировой экономики и мировой политики, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; eLibrary SPIN-код: 1076-5507; ORCID: 0000-0002-3115-6978; e-mail: ovolosiuk@hse.ru

Кирога Кремелья Карлос — магистр востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; e-mail: kfkiroga@edu.hse.ru

РЕЦЕНЗИИ BOOK REVIEWS

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-322-325

EDN: PMFOSI

Рецензия на книгу:
Цыганков А. П., Цыганков П. А. Глобальность и самобытность.
Русская идея и международная теория в XXI веке.
Москва : Проспект, 2024. 280 с.

А.Д. Богатуров

МГИМО МИД России, Москва, Российская Федерация

 info@obraforum.ru

Для цитирования: *Богатуров А. Д.* Рецензия на книгу: Цыганков А. П., Цыганков П. А. Глобальность и самобытность. Русская идея и международная теория в XXI веке. Москва : Проспект, 2024. 280 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 322–325. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-322-325>

Book review:
Tsygankov, A. P., & Tsygankov, P. A. (2024). Globality and Originality.
Russian Idea and World Theory of the 21st Century.
Moscow: Prospekt publ., 280 p. (In Russian)

Alexei D. Bogaturov

MGIMO University, Moscow, Russian Federation

 info@obraforum.ru

For citation: Bogaturov, A. D. (2025). Book review: Tsygankov, A. P., & Tsygankov, P. A. (2024). Globality and originality. Russian idea and world theory of the 21st century. Moscow: Prospekt publ., 280 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(2), 322–325. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-322-325>

Одной из ключевых тем науки о международных отношениях в России после 1991 г. стало создание отдельной национальной исследовательской школы. Если часть ученых-

международников считает, что в этом нет никакой необходимости, так как наука единая, то другая, напротив, рассматривает современную международно-политическую

© Богатуров А.Д., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

науку как синоним науки американской. К этой группе можно и отнести авторов рецензируемой книги, которые много лет посвятили разработке российской теории международных отношений (РТМО)¹.

Структурно работа состоит из пяти больших разделов. В первом разделе авторы излагают свой взгляд на проходящие в мире процессы, акцентируя внимание на борьбе великих держав за мировой порядок. Затем, опираясь на социологический подход, рассматривается необходимость создания РТМО. В третьем разделе авторы выявляют ценностные, онтологические и морально-этические основания РТМО, а затем на их основе анализируют происходящие мировые процессы. В последнем разделе работы РТМО рассматривается в сравнительной перспективе.

В основе рассуждения П.А. и А.П. Цыганковых лежит желание раскрыть авторскую позицию каждого из ученых по главным, на их взгляд, проблемам «национальной идеи» и, соответственно, национальной российской «теории международных отношений» третьего десятилетия XXI в. (Цыганков, Цыганков, 2024, с. 5). При этом авторы рецензируемой работы не отрицают западные подходы к исследованию международных отношений, выделяя важность понимания местного и универсального в науке. Свою позицию они раскрывают через упоминание слов британского реалиста Э. Карра о том, что западная наука о международных отношениях является лучшим способом управления миром с позиции силы, а изучение международных отношений в университетах стран Африки и Азии будет «изучением эксплуатации слабых сильными» (Haslam, 1999, pp. 252–253).

По мнению авторов, РТМО должна отражать национальную самобытность, то есть историко-культурные ценности и политические интересы России (Цыганков, Цыганков, 2024, с. 58). РТМО должна включать в себя синтез основных традиций русского мышления — западничества, державничества и «третьеримства». Авторы также выделяют,

что в ней должны быть отражены такие интересы и ценности, как справедливость, ответственность и диалог, исторически присущие России.

Значительное внимание авторы уделяют выделению оппонентов РТМО, разделяя их на «прозападных» и «антизападных» (Цыганков, Цыганков, 2024, с. 13, 15). Первые считают, что российским международникам важнее активно интегрироваться в западную науку, а не заниматься разработкой РТМО, а вторые, напротив, придерживаются позиции культурного изоляционизма, не видя смысла в каком-либо научном диалоге с западными коллегами. Кроме того, авторы рецензируемой монографии отмечают, что в российском сообществе международников в целом нет ни единой точки зрения на место России в мире, ни единого подхода к осмыслению глобальных процессов. Они последовательно анализируют тезисы таких исследователей, как А.В. Картунов, В.А. Никонов, Б.В. Межуев, А.И. Миллер, Ф.А. Лукьянов, Д.В. Тренин (Цыганков, Цыганков, 2024, с. 65). Однако анализу подвергаются лишь взгляды западных теоретиков. Вне поля зрения авторов оказались труды Д.А. Дегтерева, А.Д. Воскресенского, В.В. Наумкина, А.Н. Карнеева, И.О. Абрамовой, А.В. Лукина, А.Д. Богатурова, С.Г. Лузянина и целого ряда других маститых ученых.

Один из ключевых элементов рассуждений авторов — национализм. Они критикуют постмодерность, называя современный мир миром позднего модерна (Цыганков, Цыганков, 2024, с. 27), в котором национализм продолжает свое существование, но уже в ином виде. Теперь он связан как с политикой символов и дискурсами памяти, возвращением к самобытности своих корней и интеллектуальных традиций, так и с американизмом (Цыганков, Цыганков, 2024, с. 29). В этом ключе можно рассматривать и создание РТМО.

Авторы раскрывают интереснейшую тему взаимодействия «глобального» и «международного» в системе межгосударственных отношений в планетарном масштабе

¹ Подробнее см.: (Барнашов, 2015).

(Цыганков, Цыганков, 2024, с. 160), разбирая ее в трех форматах: военно-политическом, политико-экономическом и культурно-цивилизационном. На уровне классических работ по Западу они обсуждают вопрос о происхождении понятий и терминов, которые стали использовать российские исследователи. Например, американский термин «глобальный». «Глобальная система» (а не просто «общемировая») — система, в которой все располагается в соответствии с *американским* видением перспективы. Этот термин, как объясняют авторы, остается чисто *западным*, американским. Неслучайно Латвия объявляет свои интересы частью «глобальных интересов» стран Запада. Для нее остается «*неприятным*» характер ее внешней политики как политики *пограничной* страны.

Интересно и то, как авторы описывают «ценностные системы» и «акторов» современных международных отношений (Цыганков, Цыганков, 2024, с. 189). К давно сформировавшимся цивилизационным системам они относят Запад или Евро-Атлантику, Россию-Евразию («русская Евразия»), Индию и Китай. За рамками своей классификации авторы оставляют арабский (арабомусульманский) мир, аргументируя свой подход тезисом о том, что он не является подобной системой и будет только буферной, периферийной зоной современного мира (Цыганков, Цыганков, 2024, с. 191).

Важной темой изложения является конфликт. Можно ли его избежать, и если нет, то что делать, чтобы его прекратить? Многосоставность цивилизаций, размытость границ между ними дают разные ответы на эти трудные вопросы (Цыганков, Цыганков, 2024, с. 193). Сюда же можно отнести и глубину различий в идейно-ценностных основаниях различных цивилизаций, а также их эксплуатацию в своих интересах со стороны политиков. В этой связи можно выделить конфликт между Украиной и Россией, который при давлении Запада трансформировался в открытое военное противостояние. Персональные, банковские, секторальные санкции, политическая и экономическая изоляция на Западе — это средства давления США

и Европейского союза (ЕС) на Россию, конечная цель которых — «победить Россию» в ее противостоянии с Украиной.

Любопытна и затрагиваемая тема изменяющегося восприятия Западом российского потенциала за последние пять лет. По мнению авторов, с 2019 г. происходил постепенный процесс отмирания образа «слабой, стратегически проигрывающей Западу России» (Цыганков, Цыганков, 2024, с. 215). Особенно это характерно для либерального американского истеблишмента. В качестве примера авторы приводят работу заместителя директора Института международных отношений Стэнфордского университета Кэтрин Стоунер. Она отказывается признавать тезис о «слабой России», и, наоборот, предлагает рассматривать ее как *достаточно великую державу (good enough power)* и *выстраивать диалог с Россией, учитывая ее силовые возможности на современном этапе* (Stoner, 2021).

Внимание уделено авторами и Китаю как одной из незападных стран, активно разрабатывающих свои национальные теории международных отношений, например систему Тянься, с опорой на *образ «Срединного царства»* (Цыганков, Цыганков, 2024, с. 244–245). Использование данного образа определяет, по мнению авторов, и используемую китайскими исследователями методологию — исторический анализ, что сильно контрастирует с позитивистским подходом западных ученых. Также отмечается, что и в китайских теориях, и в РТМО стабильный миропорядок связан с развитием диалога глобальных и региональных держав на основе взаимных интересов (Цыганков, Цыганков, 2024, с. 248).

Помимо китайских подходов авторы рассматривают и постколониальные теории, которым присуще отрицание западного (нео)империализма. Причем авторы отмечают, что постколониальные исследователи, используя метод деконструкции, пытаются как раскритиковать западные институты, так и объяснить, зачем их нужно демонтировать. Сравнивая их подходы с основами РТМО, они отмечают, что в рамках РТМО упор дела-

ется не на критику структур западного Модерна, а на их преобразование путем цивилизационного диалога (Цыганков, Цыганков, 2024, с. 260).

В заключении авторы подчеркивают, что сегодня необходимо преодолеть дихотомию «России-крепости», защищающейся от внешней экспансии и стремящейся

к самоизоляции, и «России-моста», связывающей различные культуры и народы (Цыганков, Цыганков, 2024, с. 263).

Таким образом, можно констатировать, что авторам монографии удалось подготовить интересную работу, которая дополнит продолжающуюся дискуссию о целесообразности создания РТМО.

Поступила в редакцию / Received: 12.01.2025

Принята к публикации / Accepted: 20.03.2025

Список литературы

- Барнашов О. В. Международно-политическая наука в РФ (интервью с П.А. Цыганковым, МГУ им. Ломоносова) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15, № 3. С. 185–197. EDN: VIOIJT
- Цыганков А. П., Цыганков П. А. Глобальность и самобытность. Русская идея и международная теория в XXI веке. Москва : Проспект, 2024. EDN: KXGORU
- Haslam J. *The Vices of Integrity: E.H. Carr 1892–1982*. London : Verso, 1999.
- Stoner K. E. *Russia Resurrected: Its Power and Purpose in a New Global Order*. New York : Oxford University Press, 2021. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190860714.001.0001>; EDN: CVDZAK

References

- Barnashov, O.V. (2015). International relations in Russia. Interview with Pavel A. Tsygankov, Moscow State University. *Vestnik RUDN. International Relations*, 15(3), 185–197. EDN: VIOIJT
- Haslam, J. (1999). *The vices of integrity: E.H. Carr 1892–1982*. London: Verso.
- Stoner, K. E. (2021). *Russia resurrected: Its power and purpose in a new global order*. New York: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/oso/9780190860714.001.0001>; EDN: CVDZAK
- Tsygankov, A. P., & Tsygankov, P. A. (2024). *Globality and originality. Russian idea and world theory of the 21st century*. Moscow: Prospekt publ. (In Russian). EDN: KXGORU

Сведения об авторе:

Богатуров Алексей Демосфенович — доктор политических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации; председатель редакционной коллегии журнала «Международные процессы», МГИМО МИД России; e-Library SPIN-код: 3487-9598; ORCID: 0000-0002-8796-582X; e-mail: info@obraforum.ru

About the author:

Bogaturov Alexei Demosfenovich — Dr. of Sc. (Politics), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of the Editorial Board, International Trends Journal, MGIMO University; e-Library SPIN-code: 3487-9598; ORCID: 0000-0002-8796-582X; e-mail: info@obraforum.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-326-329

EDN: PNUAYZ

Рецензия на книгу:

Евразийская экономическая интеграция : теория и практика : учебное пособие / ред. колл.: С. Ю. Глазьев, И. В. Андропова, А. К. Камалян и др. Москва : Проспект, 2023. 648 с.

И.А. Филькевич^{1,2} , Ц. Чжан³

¹Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

²Азербайджанский государственный экономический университет, Баку, Азербайджан

³Московский педагогический государственный университет, Москва, Российская Федерация

filk66@mail.ru

Для цитирования: Филькевич И. А., Чжан Ц. Рецензия на книгу: Евразийская экономическая интеграция : теория и практика : учебное пособие / ред. колл.: С. Ю. Глазьев, И. В. Андропова, А. К. Камалян и др. Москва : Проспект, 2023. 648 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 326–329. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-326-329>

Book review:

Glazyev, S. Yu., Andronova, I. V., Kamalyan, A. K., & et al. (Eds.). (2023). Eurasian Economic Integration: Theory and Practice: Textbook. Moscow: Prospekt publ., 648 p. (In Russian)

Igor A. Filkevich^{1,2} , Jianwei Zhang³

¹RUDN University, Moscow, Russian Federation

²Azerbaijan State University of Economics, Baku, Azerbaijan

³Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russian Federation

filk66@mail.ru

For citation: Filkevich, I. A., & Zhang, J. (2025). Glazyev, S. Yu., Andronova, I. V., Kamalyan, A. K., & et al. (Eds.). (2023). Eurasian economic integration: Theory and practice: Textbook. Moscow: Prospekt publ., 648 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(2), 326–329. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-326-329>

Учебное пособие посвящено детальному изучению интеграционных процессов в Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС). Современная нестабильная геэкономическая и геополитическая ситуация, применяемые санкции против России и Беларуси

заставляют государства — члены ЕАЭС выстраивать более тесное интеграционное взаимодействие для преодоления глобальных вызовов и проблем современной мировой экономики (Чжан, 2024).

© Филькевич И.А., Чжан Ц., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Уникальность данного учебного пособия состоит в том, что в работе над ним наряду с учеными вузов — участниками Евразийского сетевого университета активное участие принимали работники Евразийской экономической комиссии, которые непосредственно вовлечены в решение конкретных задач, способствующих достижению целей евразийской экономической интеграции.

Книга включает 25 тематических глав, объединенных в пять разделов. В каждой главе исследуется отдельный аспект развития интеграционного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза с учетом осуществления поэтапной интеграции, направленной на модернизацию национальной экономики государств-членов в рамках развития международной кооперации (Евразийская экономическая интеграция..., 2023).

Евразийский экономический союз представляет собой международную организацию региональной экономической интеграции, целью которой выступает «достижение синергетического эффекта, выравнивание разнотемпных траекторий развития, содействие суверенному экономическому росту государств-членов и повышение конкурентоспособности их экономик» (Мясникович, Ковалев, 2021, с. 4).

В первом разделе («Становление Евразийского экономического союза») рассматриваются исторические предпосылки создания ЕАЭС, определяется международная правосубъектность, компетенции органов ЕАЭС и суда ЕАЭС. Обоснованно делается вывод, что после распада Советского Союза новые государства оказались заинтересованы в более тесной экономической интеграции. При этом для эффективного функционирования интеграционного объединения в ЕАЭС сформирована система органов: Высший Евразийский экономический совет, объединяющий глав государств, Евразийский межправительственный совет, в состав которого входят главы правительств, Евразийская экономическая комиссия и Суд Евразийского экономического союза.

Во втором разделе («Наднациональное регулирование евразийской экономической интеграции») отмечается, что наднациональная система управления призвана обеспечить достижение интеграционных преимуществ от совместного регулирования внешнеэкономической деятельности Союза. Основные моменты надгосударственного регулирования в данном разделе охватывают вопросы создания единой системы таможенного регулирования, реализацию единой системы технического регулирования, проведение единой внешнеторговой политики ЕАЭС, а также реализацию согласованной политики в сфере интеллектуальной собственности.

В третьем разделе («Функционирование общего рынка ЕАЭС») анализируются механизмы обеспечения свободы движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы на территории Евразийского экономического союза. Большое внимание уделяется проблеме интеграции финансовых рынков и созданию общего финансового рынка как составной части единого экономического пространства государств — членов ЕАЭС. Кроме того, изучаются проблема антимонопольного регулирования на трансграничных рынках ЕАЭС и гармонизация законодательства в сфере защиты прав потребителей.

В рамках общего рынка для Евразийского экономического союза важным становится проведение согласованной политики в сфере регулирования трудовой миграции и содействия в трудоустройстве граждан государств — членов ЕАЭС. В настоящее время уже создана Унифицированная система поиска «Работа без границ», в рамках которой граждане государств — членов ЕАЭС могут осуществлять поиск вакансий на всем пространстве Евразийского экономического союза. В дальнейшем запланировано создание целой экосистемы цифровых сервисов в сфере трудоустройства и занятости граждан — «Евразийской электронной биржи труда».

В четвертом разделе («Развитие и особенности регулирования отраслей экономики ЕАЭС») отмечается, что в рамках промышленного сотрудничества в настоящее время

осуществляется модернизация национальных экономик государств, входящих в ЕАЭС. При этом происходит формирование евразийских центров компетенций по актуальным направлениям технологического развития. Большое внимание уделяется цифровизации промышленного сотрудничества на основе создания Интегрированной информационной системы ЕАЭС.

Для формирования единого экономического пространства в рамках ЕАЭС серьезное значение имеет проведение согласованной агропромышленной политики, направленной на обеспечение продовольственной безопасности интеграционного объединения. Кроме того, планируется реализация скоординированной энергетической политики, предполагающей создание в краткосрочной перспективе общих рынков газа, нефти и нефтепродуктов, а также общего электроэнергетического рынка. Рассматриваются вопросы проведения согласованной политики по формированию и развитию транспортных коридоров Евразийского экономического союза. В области евразийской медицины важным моментом выступает создание общих рынков лекарственных средств и медицинских изделий.

В пятом разделе («Стимулирование развития ЕАЭС») основное внимание сосредоточено на перспективах развития интеграционного объединения. При этом предлагается кардинальное изменение экономической политики государств-членов на основе нового технологического уклада. В свою очередь, проведение согласованной макроэкономической

политики Евразийского экономического союза призвано создать условия для достижения основной цели интеграционного объединения — создания условий для стабильного развития экономик государств-членов в интересах повышения жизненного уровня их населения.

За прошедшие годы Евразийский экономический союз стал органичным элементом мировой экономической архитектуры, который активно участвует в международной деятельности. При этом ЕАЭС на международной арене взаимодействует как с ключевыми организациями системы Организации Объединенных Наций, так и с региональными интеграционными объединениями и отдельными странами.

Особое место в учебном пособии отводится рассмотрению международного научно-технического сотрудничества в рамках ЕАЭС. Подробно анализируется научно-технический потенциал евразийской интеграции с учетом реализации совместных инновационных проектов и программ научно-технического и экономического развития ЕАЭС.

В целом представленная работа подготовлена на высоком научно-практическом уровне, обобщает имеющийся материал в области создания и перспектив развития этого евразийского интеграционного объединения. Учебное пособие представляет ценность для исследователей и студентов социогуманитарных профилей, а также читателей, желающих расширить понимание процессов, происходящих в Евразийском экономическом союзе.

Поступила в редакцию / Received: 27.01.2025

Принята к публикации / Accepted: 20.03.2025

Список литературы

- Евразийская экономическая интеграция : теория и практика : учебное пособие / ред. колл.: Глазьев С. Ю., Андропова И. В., Камалян А. К. и др. Москва : Проспект, 2023.
- Мясникович М. В., Ковалев В. С. Миссия ЕАЭС — 2025: региональный центр экономического развития и опора Большой Евразии // Наука и инновации. 2021. № 1 (215). С. 4–11.
- Чжан Ц. Развитие экономической интеграции в Евразийском экономическом союзе // Горизонты экономики. 2024. № 1 (81). С. 159–162. EDN: HICDVZ

References

- Glazyev, S. Yu., Andonova, I. V., Kamalyan, A. K., et al. (Eds.). (2023). *Eurasian economic integration: Theory and practice: Textbook*. Moscow: Prospekt publ. (In Russian).

- Myasnikovich, M. V., & Kovalev, V. S. (2021). The EAEU — 2025 mission: A regional center for economic development and a pillar of Greater Eurasia. *Science and Innovation*, (1), 4–11. (In Russian).
- Zhang, J. (2024). Development of economic integration in the Eurasian Economic Union. *Horizons of Economics*, (1), 159–162. (In Russian). EDN: HICDVZ

Сведения об авторах:

Филькевич Игорь Александрович — доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; исследователь Международного научно-исследовательского центра Евразийской экономики UNEC, Азербайджанский государственный экономический университет; eLibrary SPIN-код: 2620-4037; ORCID: 0000-0003-0398-2575; e-mail: filk66@mail.ru

Чжан Цзяньвэй — аспирант Института социально-гуманитарного образования, Московский педагогический государственный университет; ORCID: 0009-0009-7284-0424; e-mail: timofei@mail.ru

About the authors:

Filkevich Igor Aleksandrovich — PhD, Dr. of Sc. (Economics), Professor, Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; Researcher, International Research Center for Eurasian Economics (UNEC), Azerbaijan State University of Economics; eLibrary SPIN-code: 2620-4037; ORCID: 0000-0003-0398-2575; e-mail: filk66@mail.ru

Zhang Jianwei — PhD Student, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow Pedagogical State University; ORCID: 0009-0009-7284-0424; e-mail: timofei@mail.ru

DOI: 10.22363/2313-0660-2025-25-2-330-332

EDN: PQAPQP

Рецензия на книгу:

Корнилов А. А. Стратегическая азбука Израиля. Концепции, институты и эксперты в процессе формирования политики национальной безопасности. Н. Новгород : ИП Якушов Ю. И., 2024. 366 с.

М.М. Агазаде

Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

 agazade-mm@rudn.ru

Для цитирования: Агазаде М. М. Рецензия на книгу: Корнилов А. А. Стратегическая азбука Израиля. Концепции, институты и эксперты в процессе формирования политики национальной безопасности. Н. Новгород : ИП Якушов Ю. И., 2024. 366 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2025. Т. 25, № 2. С. 330–332. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-330-332>

Book review:

Kornilov, A. A. (2024). Strategic Alphabet of Israel. Concepts, Institutions, and Experts in the Formation of National Security Policy-Making Process. Nizhny Novgorod: IP Yakushov Yu. I. publ., 366 p. (In Russian).

Mirmehdi M. Aghazada

RUDN University, Moscow, Russian Federation

 agazade-mm@rudn.ru

For citation: Aghazada, M. M. (2025). Book review: Kornilov, A. A. (2024). Strategic alphabet of Israel. Concepts, institutions, and experts in the formation of national security policy-making process. Nizhny Novgorod: IP Yakushov Yu. I., 366 p. (In Russian). *Vestnik RUDN. International Relations*, 25(2), 330–332. (In Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2025-25-2-330-332>

Рецензируемая монография состоит из введения, трех глав, специальной вводной части, заключения, избранной библиографии и шести приложений.

Во введении (Корнилов, 2024, с. 8–22) отмечается, что основные положения стратегии национальной безопасности Израиля были

заложены и развивались экспертами, политиками, принимающими решения, дипломатами, офицерами Армии обороны Израиля и специальных служб. Автор уделил особое внимание двум векторам политики Израиля: первый — связан с выработкой стратегии, формулированием основ стратегии,

© Агазаде М.М., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

концептуального документа или системы идей, которые лица, принимающие решения, берут на вооружение. Иными словами, первый вектор отражает концептуальное измерение процесса формирования внешней политики (ПФВП) и политики национальной безопасности. Второй вектор демонстрирует институциональное измерение процесса формирования внешней политики. Деятельность институтов и конкретных лиц, принимающих решения в сфере национальной безопасности, здесь оказывает влияние на реализацию стратегий и указывает на возможности оптимизации будущих стратегий и методов политики.

В первой главе (Корнилов, 2024, с. 23–152) рассматриваются концепция многосферной безопасности Израиля в трудах первого премьер-министра страны Давида Бен-Гуриона, внешнеполитические приоритеты Израиля в период премьерства Ариэля Шарона (2001–2006 гг.), концептуальные дискуссии политиков и экспертов по вопросам национальной безопасности Израиля в 2013–2014 гг., а также основные направления ближневосточной стратегии правительства Б. Нетаньяху в 2009–2013 гг. Автор акцентирует внимание на выступлении Б. Нетаньяху в Бар-Иланском университете в 2009 г., которое по своему содержанию стало официальной позицией правительства Б. Нетаньяху по вопросам урегулирования арабо-израильского конфликта, однако по своему замыслу стояло выше традиционного плана урегулирования и виделось неким вариантом развития стратегической мысли Государства Израиль. В конце главы сделан вывод о том, что неизменным приоритетом выступает поддержание военнотехнического превосходства Израиля над вероятным и реальным противником — регулярными армиями и негосударственными акторами. Обладание стратегически важными, удобными для обороны и нападения территориями (высоты, долины, речные преграды и проч.) до сих пор выступает значимым элементом политики национальной безопасности.

Во второй главе (Корнилов, 2024, с. 153–229) исследуются структурно-функциональные аспекты формирования политики национальной безопасности Израиля, а именно

роль влиятельных министров и руководителей специальных служб в формировании внешней политики премьер-министра Ариэля Шарона, в том числе проблемы функционального самоутверждения Совета национальной безопасности, а также проблемы эффективности кадровых решений премьер-министра Б. Нетаньяху в области национальной безопасности. Подчеркнуты значимость «промежуточного доклада» Комиссии Винограда 2006 г. для процесса формирования политики безопасности и политическое значение назначения министра стратегического планирования Израиля в 2006 г., а также влияние отставки руководителя Совета национальной безопасности Израиля Узи Арада в 2011 г. на процесс формирования внешней политики. Автор приходит к выводу, что должности министра по стратегическим вопросам, по вопросам разведки, по делам общественной безопасности существуют наряду с министром обороны и специальными службами. Эти должности раздаются представителям партий, защищающих правящую коалицию от вотума недоверия в парламенте. Фрагментация министерской сферы усиливается такими явлениями, как непрофессионализм министров или самого премьер-министра. Наиболее уязвимой оказалась политика безопасности, когда пост главы правительства занимал Эхуд Ольмерт (2006–2009 гг.), не имевший прежде какого-либо опыта в этой области.

Третья глава (Корнилов, 2024, с. 230–315) посвящена рассмотрению участия отдельных экспертов в процессе выработки политики национальной безопасности, а именно усилению роли Совета национальной безопасности, когда его возглавлял Узи Арад (2009–2011 гг.), влиянию профессора Йехезкеля Дрора на процесс стратегического планирования, роли Дана Меридора и его «кабинета» в выработке стратегии дипломатии и национальной обороны страны, проектам по урегулированию арабо-израильского конфликта, выдвигаемым генерал-майором Авраамом («Абрашей») Тамиром, который известен как разработчик стратегии и организатор

подразделений, отделов и управлений по вопросам стратегии национальной безопасности и внешней политики в государственных учреждениях Израиля. Автор также обращается к стратегическим идеям Йехошафата Харкаби по обеспечению безопасности Израиля и урегулированию конфликта с палестинцами. Отмечается, что такие параметры деятельности, как системность, участие в формировании политики, преподавание, реализация научных исследований в экспертно-аналитических учреждениях, объединяют стратегов, аналитиков, плановиков, экспертов, консультантов, помощников, советников по разным аспектам политики национальной безопасности.

В заключении (Корнилов, 2024, с. 316–319) резюмируются авторские выводы. Государство Израиль, пережившее несколько арабо-израильских войн, одерживая военные победы и терпя неудачи, в течение нескольких десятилетий проводит политику безопасности и внешнюю политику без официально принятой стратегии. Эксперты из государственных

и частных институтов, центров, фондов Израиля предлагали разным правительствам свои варианты стратегии национальной безопасности. В период от премьер-министра Давида Бен-Гуриона до Биньямина Нетаньяху предпринимались многочисленные попытки подойти к оформлению некой доктрины, однако до сих пор не существует утвержденного Кнессетом или кабинетом министров концептуального документа.

Таким образом, подчеркивая практическую и прикладную составляющие рецензируемой книги, следует отметить, что данный труд вносит весомый вклад в понимание эволюции стратегических концепций и доктринальных идей, а также роли израильских премьер-министров и экспертов прошлого и настоящего в процессе формирования политики страны. Монография представляет значительный интерес не только для ученых, занимающихся исследованием внутренней и внешней политикой Израиля, но и для студентов, аспирантов и всех интересующихся этой страной.

Поступила в редакцию / Received: 17.03.2025

Принята к публикации / Accepted: 20.03.2025

Список литературы

Корнилов А. А. Стратегическая азбука Израиля. Концепции, институты и эксперты в процессе формирования политики национальной безопасности. Н. Новгород : ИП Якушов Ю. И., 2024.

References

Kornilov, A. A. (2024). *Strategic alphabet of Israel. Concepts, institutions, and experts in the formation of national security policy-making process*. Nizhny Novgorod: IP Yakushov Yu. I. publ. (In Russian).

Сведения об авторе:

Агазаде Мирмехти Миркамил оглы — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Российский университет дружбы народов; eLibrary SPIN-код: 5198-7708; ORCID: 0000-0002-5129-5553; e-mail: agazade-mm@rudn.ru

About the author:

Aghazada Mirmehdi Mirkamil ogly — PhD (History), Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, RUDN University; eLibrary SPIN-code: 5198-7708; ORCID: 0000-0002-5129-5553; e-mail: agazade-mm@rudn.ru